TPI
PRLc-

Acta Historica

REVUE DE L'ACADÉMIE DES SCIENCES DE HONGRIE
ЖУРНАЛ ВЕНГЕРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
JOURNAL OF THE HUNGARIAN ACADEMY OF SCIENCES
ZEITSCHRIFT DER UNGARISCHEN AKADEMIE DER WISSENSCHAFTEN

Index

ÉTUDES

К. Бенда: История венгерского якобинского движения I.

I. Berend und Gy. Ránki: Die deutsche wirtschaftliche Expansion und das ungarische Wirtschaftsleben zur Zeit des zweiten Weltkrieges

Б. Балаж: Роль национальных комитетов в создании Венгерской народной демократии II.

Les historiens hongrois commémorent le quarantième anniversaire de la Grande Révolution Socialiste d'Octobre

RAPPORT SUR LES RECHERCHES

COMPTE RENDU DE LIVRES

NOTES BIBLIOGRAPHIQUES

CHRONIQUE

BIBLIOGRAPHIE

AKADÉMIAI KIADÓ BUDAPEST
1958

TOMUS V Nr. 3—4

ACTA HISTORICA

JOURNAL DE L'ACADÉMIE DES SCIENCES DE HONGRIE
ЖУРНАЛ ВЕНГЕРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
JOURNAL OF THE HUNGARIAN ACADEMY OF SCIENCES
ZEITSCHRIFT DER UNGARISCHEN AKADEMIE DER WISSENSCHAFTEN

ADRESSE DE LA RÉDACTION: BUDAPEST V, BELGRÁD RKP. 5.

Membres du Comité de la rédaction: K. BENDA, L. ELEKES, GY. EMBER, E. MOLNÁR (rédacteur en chef), P. ZS. PACH, E. PAMLÉNYI (rédacteur), J. PERÉNYI, L. ZSIGMOND

Az *Acta Historica*, az MTA történettudományi folyóirata francia, orosz, angol és német nyelven közöl értekezéseket a történettudomány köréből.

Az *Acta Historica* változó terjedelmű füzetekben jelenik meg: négy füzet alkot egy kb. 25—30 íves, évente megjelenő kötetet.

Az *Acta Historica* előfizetési ára kötetenként belföldre 80 Ft, külföldre 110 Ft. Megrendelhető a belföld számára az »Akadémiai Kiadó«-nál (Budapest V. Alkotmány utca 21, bankszámla 04-878-111-46), a külföld számára pedig a »Kultura« Könyv és Hírlap Külkereskedelmi Vállalatnál (Budapest VI. Népköztársaság útja 21, bankszámla: 43-790-057-181), vagy külföldi képviseleteinél és bizományosainál.

Les *Acta Historica* paraissent en français, russe, anglais et allemand et publient des travaux du domaine des sciences historiques.

Les *Acta Historica* sont publiés sous forme de fascicules qui forment un volume à 400—500 pages par an.

Le prix de l'abonnement est de 110 forints par volume.

On peut s'abonner à l'Entreprise du commerce extérieur de livres et journaux «Kultura» (Budapest 62, POB. 149) ou à l'étranger chez tous les représentants ou dépositaires.

История венгерского якобинского движения

К. БЕНДА

Часть I.

I. Демократическая интеллигенция в 1790 году

Венгерский якобинский заговор органически относится к тем общественным боям, которые начались с 1790 года среднедворянским движением и которые один за другим, наподобие едва отделимых друг от друга землетрясений, встряхнули фундамент здания феодального венгерского государства.

Венгерский феодализм, нераздельно переплетающийся с чужеземным, строившийся чуть ли не на протяжении столетий на системе габсбургского гнёта и домашней сословности, уже в конце XVIII века обнаружил признаки кризиса. Иосиф II решительным экспериментом пытался сверху модернизировать отживший свой век порядок, однако, его попытка после десятилетних усилий провалилась, и это еще больше обострило внутренние противоречия общества. В то время как здесь, у нас на родине, отдельные личности и целые классы, идя ощупью, ищут путь, ведущий к свободе, вовне вспыхнул огонь: факел Французской революции указал путь развития в сторону буржуазного национального государства.

В конце XVIII в. в Венгрии начался переход от феодализма к капитализму. Наряду с общими закономерностями всеобщего исторического развития с особенной силой наложили на этот процесс отпечаток характерные для восточно-европейских стран своеобразные условия и полуколониальное положение страны, жившей под господством Габсбургов. В этом последнем моменте заключается причина того, что начиная с XVI в. развитие городов и их буржуазии совсем ослабевало. Зачатки капиталистических отношений развертывались в Венгрии в деревне, а именно впервые в крупных феодальных поместьях при помощи товарного производства и т. наз. первоначального накопления. Денежное имущество накоплялось, однако, только в малой мере, и таким образом не имелась возможность, чтобы феодальные крупные хозяйства переходили непосредственно, путем системы капиталистической аренды и массового занятия наемных рабочих от барщинного хозяйства к капиталистическому способу производства.

Крупные сельскохозяйственные заводы чрезвычайно нуждались в рабочей силе крепостных масс, предлагавшихся в качестве наемных рабочих, но их занятию и требующему крупных вложений современному хозяйству

препятствовало безденежье. Таким образом, техника сельскохозяйственного производства осталась и в барских хозяйствах рутинной техникой крепостных крестьян. Вследствие этого, для увеличения доходов помещики лишали земли все возрастающее число крепостных крестьян, чтобы вести на этой земле собственное хозяйство, а это привело к росту в больших масштабах числа батраков.

Противоречие между производительными силами нового типа и старыми производственными отношениями таким образом стало все более острым. А это проявлялось не только в товарном производстве феодального поместья, но и в товарном производстве крестьян. Крестьянское товарное производство затруднялось феодальными повинностями, личной зависимостью крепостного крестьянина от помещика и связанной с этим неуверенностью. Таким образом феодализм во всех областях сельского хозяйства препятствовал развитию и закрыл путь прогресса.

Однако в кризисе оказался феодальный строй и в области промышленности. Приемы цехового ремесла все меньше могли удовлетворять возрастающим требованиям товарооборота. В то же время, в интересах австрийской промышленности, экономическая политика Габсбургов всячески препятствовала развертыванию капиталистических предприятий.

Феодальное производство находилось таким образом как в сельском хозяйстве, так и в промышленности во все более нарастающем кризисе, что вызвало все более тяжелые противоречия в распределении произведенных товаров. Внутренний рынок не сумел принять накопленные в крупных сельскохозяйственных заводах запасы, (потребление обедневших крестьянских масс не было значительным), и австрийский рынок мог претендовать тоже только на одну их часть. Пока что, таким образом, на одной стороне накоплялись непродающиеся запасы продуктов, на другой массы крестьянства голодали и оказались беззащитными против опустошений, причиненных голодом и эпидемиями.

В Венгрии однако в это время еще не сложились те общественные силы, которые смогли бы предпринять разрушение старого и построение нового строя. В сравнении с западом и к без того отсталым среднеевропейским хозяйственным и общественным отношениям в Венгрии прибавлялся многовековой внешний, иностранный гнёт ; это препятствовало развертыванию промышленности и торговли, развитию буржуазии, пробуждению, укреплению самосознания, которое во Франции в исполинской борьбе разрушило феодальный строй и открыло путь к буржуазным преобразованиям. Поскольку не было авторитетной буржуазии, то начало осуществления реформ буржуазного направления легло на дворянство, — а это естественно должно было бы привести к половинчатым результатам.

Ко всему этому прибавилось то, что задачи были относительно еще более сложными, чем на западе. Разрешения ожидали две проблемы вместо

одной, и обе были фундаментально важными : одна — национальная независимость, другая — буржуазное преобразование. И хотя был незначительный слой интеллигенции, который видел взаимосвязь этих двух проблем и ставил вопрос о их совместном осуществлении, однако, отсутствовал тот класс, который стал бы во главе и национальных и буржуазных стремлений, и вытянул бы повозку Венгрии из ухабы.

Трудно разобрать сложные общественные стремления переходной эпохи. Старые и новые, прогрессивные и отсталые черты сливаются, иногда проявляются вместе, и их носители нередко бывают одними и теми же людьми. Но если мы хотим понять более поздние события, то мы должны взять на себя эти трудности. Таким образом, прежде чем познакомиться с якобинской организацией, мы бросим беглый взгляд на венгерское общество в период краха системы Иосифа II весной 1790 года и попробуем последовательно проследить путь развития главным образом среднего дворянства и интеллигенции.

Между режимом Иосифа II и сословной концепцией с самого начала были принципиальные идеологические разногласия, и дворянство, главным образом, комитатское среднее дворянство заранее недоверчиво смотрело на реформы Иосифа II. Император объявил войну сословной конституции : не созывая государственного собрания, не допуская вмешательства в государственные дела, с неограниченной властью распоряжался всем. Дворянство со всё более негодующим бессилием смотрело на распоряжения о барщине, на таможенные пошлины, затрагивающие всех, на допуск в государственные учреждения людей не дворянского звания и, главным образом, на размежевание земель, которое набрасывало ужасающую тень всеобщего налогообложения. Ко всему этому прибавилось то, что Иосиф II не считался с различными традициями, интересами и национальными различиями своих подчиненных государств, — более того, с беспощадной целеустремленностью хотел сковать из них единую державу. Уничтожение венгерской конституции и сословного управления, введение немецкого языка в качестве официального было началом открытой германизации и полного подчинения страны. Значит, дворянское сопротивление реформам Иосифа II с самого начала выступления вышло из рамок самосохранения реакции и стало справедливой национальной самозащитой, потому что, когда оно защищало сословность, то охраняло и нацию. Силы дворянского движения увеличивало то, что оно нашло прекрасное идейное оружие в произведениях философов французского просвещения. Дворянство черпает свои доводы из Монтескье и Руссо, идею «Общественного Договора» оно противопоставляет монарху отождествляя «populus Werbőczianus» с народом. Наряду с историческими обоснованиями впервые в венгерской политической борьбе появились аргументы естественного права и рационалистической теории государства ; и так идеология французской революции стала в Венгрии под-

креплением дворянского сопротивления, с одной стороны против монарха, а с другой — против буржуазных стремлений.

Единичное сопротивление, начавшееся около 1785 года, под воздействием внутренних факторов и внешних стимулов вырастает в организованное сопротивление конца восьмидесятых годов. Турецкая война была только хорошим поводом для того, чтобы комитаты один за другим отказали в рекрутах и в выплате налогов. В качестве противодействия германизирующим распоряжениям они возродили национальную одежду, венгерский язык, а в качестве протеста слишком разросшейся государственной власти вдруг оживились ранее только формально существовавшие комитатские собрания. Дворяне хотели восстановления конституции, более того, одна часть дворянства шла дальше и вскоре становится сторонницей полной национальной независимости. Радикальное крыло движения вступает в контакт с прусским королем и серьезно ведет переговоры о том, чтобы он пригласил на венгерский трон короля извне за исключением Габсбургов.[1]

Движение дворянства за независимость могло рассчитывать на поддержку всей нации.

Вследствие целого ряда плохих урожаев, против предполагаемого, и наступившего вследствие этого голода, а также усиливающихся военных тягот крестьянство в нескольких местах начало открыто бунтовать. Дворянство умело использовало это недовольство, более того даже подстрекало крестьян. В то же время, если оно и не имело ввиду судьбу бесправного народа, то некоторым крестьянским требованиям само дало ход, направляя их против монарха, так, например, опротестовало незаконный набор новобранцев. Дворянство в широких кругах пробуждало надежды, и этим усиливало свое движение. Уже в 1789 году императорский тайный агент доносил в Вену : «Нужно быть готовым к тому, что в Венгрии вспыхнет такая же революция, как во Франции».[2]

Иосиф II попал в тяжелое положение. Не только в Венгрии, но и в Бельгии и Тироле возродилось национальное сопротивление против его строя, и это в то время, когда его войска воевали с турками на Балканском полуострове, когда Пруссия грозила войной и втайне поддерживала недо-

[1] Все это схематическое обобщение тому, что наша историография уже разбирала в деталях. Для ориентации все-таки привожу самую важную литературу : Генрих Марцали, История Венгрии в период Иосифа II. I—III Бп. 1884—1888 ; его же, Государственное собрание 1790—91-го годов. I—II Бп. 1907 ; документы наместника Александра—Леопольда. 1790—1795. Издал Элемер Маюс, Бп. 1926. (Fontes Historiae Hungaricae). Предисловие ; Шандор Экхардт, Идеи французской революции в Венгрии. Бп. без даты. (1924) ; Роберт Граггер, Пруссия—Ваймар и венгерское Королевство. Берлин, Лейпциг 1923 г. См. еще Историю Венгрии, Бп. 1955. Размноженный конспект университетских лекций ; историю упомянутого периода написали Эва Балаж (до 1790 года) и Золтан Варга (после 1790) ; дальше Иштван Като, О некоторых вопросах венгерского якобинского движения, **Századok** 1951. стр. 201 и след.

[2] Марцали, Иосиф II, ук. соч., том. III. стр. 542.

вольных внутри монархии. Габсбургской монархии грозила опасность полного развала, Иосифу волей-неволей пришлось порвать с прежней политикой. Успокаивая внутреннее движение и привлекая на свою сторону дворянство, он в сущности отказался от всех своих прежних распоряжений.

Но этим однако Иосиф уже не мог задержать дворянское движение. Начальный успех — отступление императора, выразителя государственной власти, — только усилил подъем движения. Комитаты — в первую очередь восточной части страны — соревнуясь друг с другом, уничтожали остатки иосифских мероприятий, самочинно восстанавливая положение времен Марии Терезии.

Смерть Иосифа II означала снова укрепление движения. Аристократия правда вообщем отстраняется, но средние дворяне продолжают борьбу, и их твердые намерения заключались в том, чтобы преемника Иосифа поставить перед готовыми условиями.[3] В комитатах власть была уже полностью в руках среднего дворянства, которое уже повсеместно организовалось. Они провозгласили, что противозаконное правление Иосифа изменило традициям правления, установленным в **pragmatica sanctio**, и что нации нужно вновь договориться с новым королем об обеспечении её конституционных прав. Дворянские требования приближались к провозглашению полной независимости.

Программу движения средних дворян сформировал Петер Очаи Балог, судья суда семи. Он приготовил комитатам листовку, которая через масонские ложи распространилась во всем государстве, и которая заверяла, что депутаты, прибывающие из комитатов в государственное собрание, приезжая с одинаковым наказом, представляют единую точку зрения. На основе программы Балога государственное собрание после этого приготовило предъявляемый королю проект новой конституции. В ней лучше всего отразились дворянские стремления; если бы эта конституция осуществилась, то она преобразовала бы до сих пор наследственное королевство в избирательное, и вся власть попала бы в руки среднего дворянства.

При помощи государственного собрания и сената среднее дворянство держало бы в своих руках в одинаковой мере и законодательную и исполнительную власть, ни с кем не разделяя её. Оно лишило бы высшее дворянство его прежних преимуществ, а буржуазия и крепостное крестьянство остались бы в своем бесправном положении, по отношению последних в проекте почти не говорилось ни слова. Дворянские требования только в одном-двух пунктах согласовались с интересами буржуазии, так как желания обуржуазившегося среднего дворянства заключались в том, чтобы устранить таможенные преграды, дать свободу экспортирования. Односторонние

[3] См. относительно этого донесения якобинского прусского посла в Вене: Граггер, ук. соч., стр. 115 примечание 35, стр. 117 примечание 141, стр. 116 примечание 139, 140.

дворянские расчеты отразились в этом проекте конституции, они отклоняли также и скромные реформы, направленные в сторону буржуазного преобразования режима Иосифа. В нем национальные требования смешались с требованием обеспечения феодальных привилегий.

Всё это сделало возможным то, что движение привлекало все более широкие массы мелкого дворянства, которое увидело проблеск наступления новой золотой поры. Под тем предлогом, что организовали охрану короны, начали вооружаться: переписывают и приводят к присяге дворянство, создают отряды дворянского ополчения и организуют военное обучение. Это уже таило в себе семена национальной армии. Тогда же восточные комитаты обратились с воззванием к венгерским полкам, размещенным заграницей, а также обратились с призывом к офицерам постоять за национальное дело. Призыв встретил живой отклик, так как большая часть офицерства состояла из сыновей среднего дворянства. Отдельные офицеры, даже целые полки обратились к государственному собранию, требуя, чтобы языком командования стал венгерский и чтобы венгерские офицеры служили в венгерских полках.

По мере того как росло движение, вместе с ним росло и самосознание среднего дворянства, и все больше выступал феодальный характер их целей. Хотя пока еще раздавалось несколько обнадеживающих обещаний крепостным, которые если и не касались правовых отношений между помещиками и крепостными, то по крайней мере обещали более гуманное обращение с крестьянами, а позднее дворяне и в этом уже не видели необходимости. Большая часть комитатов считала совершенно естественным то, что недворяне снова теряют право занимать должности.

Естественным следствием всему этому было то, что крестьянство выступило против дворянского движения. В нескольких провинциях оно отказалось от барщины, в другом месте решительным тоном в листовках призывало комитаты не забыть в государственном собрании и о его интересах, а особенно же крепостное крестьянство начало организовываться в северо-восточной части государства. В деревнях комитата Сабольч-Бихар распространился «крестьянский декрет», и эта листовка, которая вызвала такой большой переполох в дворянских поместьях, уже звала к оружию тружеников земли: «господа хотят нас сделать рабочим скотом... Давайте же, все крестьянство, поднимем свои дубинки, железные вилы и топоры против жестоких бездельников господ, опустошающих государство, обворовывающих короля».[4] Многие комитаты в страхе просили солдат, в то время как новый монарх Леопольд II тайно подстрекал крестьян, чтобы этим поставить дворянство на колени. Его агенты ходили по деревням, распространяя

[4] Прокламация публик. Марцали 1790/91, ук. соч., стр. 230—234.

легенду о «хорошем короле», покровительствующем крепостным.[5] Леопольд побоялся прибегнуть к последнему средству — «спустить цепную собаку», — так как крестьянина легко поднять и не так легко успокоить.[6] А к тому же в это время ему удалось прийти к соглашению с дворянством и он уже не нуждался больше в крестьянстве. А крестьянство было отсталым и неорганизованным, и после соглашения между монархом и дворянством, после укрепления феодальной системы оно не могло начать самостоятельные действия.

Против дворянских стремлений должна была бы выступить буржуазия, чтобы защитить из реформ Иосифа II то, что было прогрессивным, и более того, не останавливаясь на этом, заложить основы буржуазных преобразований. Хотя на призыв французской революции городская буржуазия и зашевелилась, но её слабого голоса даже не было слышно в урагане дворянских голосов.

Буржуазная Венгрия в конце XVIII столетия была еще очень слабой. Ни по численности, ни по образованию, ни по богатству её нельзя сравнить с буржуазией западных стран. Буржуазией в это время мы можем считать только население свободных королевских и рудниковых городов. Перепись населения 1787 года на территории Венгрии (без Трансильвании и Хорватии) насчитывает 44 таких города, их население в округленных цифрах — 392 тыс. душ. Это только 6,4% всего населения,[7] в то время как в Англии около 25%, а во Франции 20% населения были городскими жителями. Более 20 тыс. населения имели только шесть городов (во главе с Дебреценом, имеющим 29 778 душ), в основном численность населения в городах была от 5 до 10 тыс. Население одного лишь Парижа было больше на сто тысяч всей буржуазии Венгрии.

А городские жители далеко не все были ремесленниками, торговцами или буржуазной интеллигенцией. По записям современника Мартина Шварт-нера «В Венгрии трудно провести границу, отделяющую город от села. Все города страны помимо городских ремесел в большей или меньшей мере живут сельским хозяйством и скотоводством и поэтому в какой-то мере похожи на село».[8] Большая часть городских жителей, не имеющая гражданских прав — слуги, батраки, поденщики, которые находятся еще далеко от буржуазного сознания, и над головами которых события французской революции пронеслись так, что не возбудили их интереса. Число мастеров, подмастерьев и учеников вместе взятых в 1782 году было 40 409, и в то же самое время число городских торговцев было всего лишь 4025 человек.[9] Поли-

[5] См. Элемер Маюс, Венгерская буржуазия в период французской революции. Ежегодник Венгерского Института Истории в Вене, том I 1931 стр. 255—259.

[6] См. Воспоминания государственного советника Изденци: Ференц Экхарт, Крепостная политика венского двора 1761—1790 гг. Századok, 1956 г. стр. 123—124.

[7] См. Густав Тирринг, Население Венгрии во время Иосифа II. Бп. 1938. стр. 86—87.

[8] Schwartner Martin, Statistik des Königreichs Ungarn. Pest 1798. стр. 112—113.

[9] Густав Тирринг, Условия заработков населения наших городов во второй половине XVIII столетия. Magyar Gazdaságtörténelmi Szemle. VIII. 1901. стр. 135.

тика Вены не давала простора ни промышленности, ни торговле, так что и ремесленники и торговцы были вообще бедными.

Следовательно, буржуазия была незначительной и не имела веса. К этому добавлялось еще то, что и в политических вопросах она не была единой. Протестанты и католики, венгры и немцы неоднократно стояли друг против друга, разобщенность увеличивало еще то, что дворяне, поселившиеся среди них все больше задавали тон. Управление городов находилось в руках узкого совета, ограничивающегося несколькими семьями патрициев, а эти, чтобы сохранить свое привилегированное положение, последовательно не обращали внимание на нужды плебейских масс. Среди членов совета все чаще встречаемся с дворянами, и в это время ведущие буржуазные семьи уже охотно подражают дворянскому образу жизни, их самой главной целью было получить дворянское звание. Дворяне представляли большинство наших городов и в государственном собрании 1790 года. И поэтому понятно, что в прениях даже не выдвигались требования буржуазии, и депутаты даже тогда не протестовали, когда представители сословий хотели внести в проект конституции изменения о том, что недворянин не может занимать должностных мест.

Эта буржуазия, которая в большей своей части даже не венгерская, в вопросах национальной независимости была совершенно безразлична, и пока её руководители в государственном собрании молчаливо поддерживают дворянскую политику, она ищет поддержки против сословий у монарха. Покровительство стремлениям буржуазии, даже раздувание их, весьма хорошо совпадало с планами Леопольда, но и как в случае с крестьянством, не в интересах буржуазии, а для притеснения сословий. Буржуазия подписывает заявления, заранее подготовленные тайными агентами короля, в которых она просит допустить в государственное собрание своих представителей и дать им равное с дворянами право голоса. Алайош Хоффманн по поручению монарха для воодушевления буржуазии написал свои прокламации, Вавилон и Ненивия. В них острыми словами Хоффманн указывает на вавилонское столпотворение дворянского движения, на проявляющиеся в нем феодальные черты и на то, что применение прогрессивных лозунгов является только очковтирательством, и они относятся не к народу, а к привилегированным классам, Хоффманн дает искаженное изображение дворянства с грубыми антивенгерскими выпадами. В это же время с тайного согласия монарха некоторые города начинают вооружаться при помощи стрелковых обществ и отрядов гражданской охраны.

Эти буржуазные стремления, переплетающиеся с тайной императорской полицией, живут однако только до тех пор, пока их вдохновитель считает нужным. А когда Леопольд добился своей цели, помирился с напуганным дворянством, то оставил и буржуазию. В конце 1790 года Леопольд дает полный ход репрессиям, проводимым городскими советами, дворян-

скими по духу, и даже сам выступает против буржуазии. Он возможно боялся того, что от яркого пламени французской революции она тоже может воспламениться. Голоса буржуазии после этого в течение нескольких десятилетий вообще не было слышно.

Но буржуазные требования все же появлялись в большой прокламационной литературе, предшествующей государственному собранию, задавала им тон интеллигенция.

К концу XVIII столетия в Венгрии выросло также и значение интеллигенции. Государство все больше принимало на себя такую функцию, которая требовала образованной интеллигенции, инженеров, агрономов, преподавателей, административных и юридических специалистов. Их число все возрастало, и в 1790-ых годах интеллигенция является уже таким фактором венгерского общества, что без её мнения уже нельзя было обходиться, и она стала обладать весом, далеко превышающим её численность.

Но эта венгерская интеллигенция стояла далеко от того, чтобы можно было с любой точки зрения назвать её единой прослойкой. В неё входили писатели, адвокаты, врачи, преподаватели, учителя, государственные, комитатские или аристократические служащие, инженеры, агрономы, частично священники и монахи.[10] С точки зрения происхождения эта интеллигенция была смешанной, дворянской, плебейской, буржуазной и совсем в незначительном числе крестьянской. Границы её стирались как в сторону буржуазии, так и в сторону дворянства. Их можно было насчитать всего-навсего около 15 000, что составляло не полные 0,3% всего населения.[11]

Эта интеллигенция, самая образованная часть страны, — а в своих взглядах, в политическом и философском мировоззрении в соответствии с её общественным составом и характером переходного времени была отнюдь не единодушной, в её рядах мы встречаемся с людьми склонными к самым крайним точкам зрения. Среди них имеются сторонники всех направлений от ортодоксального католицизма, ориентированного духовенством, до деизма и атеизма, от сторонников просвещенного абсолютизма до проповедников независимого венгерского государства, от защитников феодального строя до борцов за буржуазное преобразование, и политические, прогрессивные и реакционные черты общественных и философских идей не один раз нераздельно перемешиваются в них. Однако, в конце 1780 годов из их рядов выделилась одна не такая уж маленькая группа, которая в своих взглядах,

[10] Римское католическое низшее духовенство и монахи вообще не были заинтересованы в сохранении феодального церковного порядка, образованные и культурные его представители, однако, неоднократно враждебно противопоставляли себя этому порядку, потому что внутри церковных рамок все меньше имели возможность для проявления своих способностей. Затем, когда Иосиф II распустил одну часть монашеских орденов, то их культурные и квалифицированные члены устроились на службу, по профессии умственного труда.

[11] См. Швартнер, ук. соч., стр. 138—140; Тирринг, ук. соч., стр. 32 и след.

в политических расчетах была более менее единой. Эта группа состояла из интеллигентов — сторонников политики Иосифа II.

Рассматривая их социальное, материальное положение, мы видим, что эта группа тоже не была единой: аристократа можно было встретить среди них только изредка, состоятельных средних дворян было уже больше, но большую часть составляли неимущие мелкие дворяне или буржуа, изредка, встречался крестьянский сын. Среди них мы находим протестантов в большем числе, которые благодаря религиозным взглядам и воспитанию стояли ближе к идеям просвещения. Число плебейской интеллигенции между 1780 и 1790 годами скачкообразно возрастает именно в результате мероприятий Иосифа II. Государственному аппарату Иосифа II были нужны квалифицированные, надежные чиновники, поэтому император открыл дорогу протестантам и недворянам. Тогда же он допустил большое число людей плебейского происхождения и в высшую школу. Мы можем говорить о плебейской интеллигенции в Венгрии, носящей светский характер, только со времени указа Иосифа II, начиная с 1785 года.[12]

Бытовые условия мелкодворянской и плебейской интеллигенции были в большинстве своем одинаковыми. Все они до одного вышли из феодального общества, рамки которого были для них уже узкими, и в большинстве случаев вместо того, чтобы помочь развертыванию их способностей, это общество не обеспечивало им даже средств к существованию. Их возможность работать в государственных учреждениях была ограничена, более высокие должности занимали исключительно владетельное дворянство и аристократия. Протестанты, между прочим, только в крайних случаях получали назначение на должность, — комитатские места все-таки скорее могли получить действительные дворяне с маленькой оплатой. Поприще преподавателя, врача, адвоката или священника были единственными, которые были доступны для всех.

Значительная часть этой проиосифской интеллигенции училась заграницей, многие, главным образом из протестантов, учились в немецких, швейцарских и французских университетах. Там они видели более развитые, чем в Венгрии, общественные и политические отношения, возвращались домой с идеями просвещения и рационализма. Особенно значительная их группа училась в Гёттинге у Шлёцера, там они усвоили политические и экономические идеи английского и французского просвещения и стали их распространителями на венгерской земле. А те, которые не учились в заграничных учебных заведениях, благодаря своим преподавателям и книгам воспитывались в таком же духе. Произведения Монтескье, Вольтера и Руссо ходили по стране из рук в руки, так же как и большая французская

[12] Сравни: Gusztáv Heckenast, Les roturiers intellectuels en Hongrie. 1780—1848. Revue d'Histoire Comparée. VII. 1948. стр. 53 и следующие.

энциклопедия, известная книга Пьена о человеческих правах, или работа занимающего выдающееся место в популяризации французского просвещения, Райналя, под названием «**Histoire philosophique et politique des établissements et du commerce des Européens dans les deux Indes**», была не безызвестна в их кругах. Известно также, что работа Гольбаха «**Système de la Nature**»», библия материалистической философии того времени, и работа Мабли, провозглашающая коммунистическую доктрину были любимыми книгами.[13]

В распространении новых идей играли большую роль масонские ложи. Эти общественные организации, имеющие самое большое влияние в Венгрии в XVIII столетии, процветали в 1770—80 годах: мы находили их во всех культурных центрах. Их члены вышли большей частью из дворянства, но в масонских ложах была и буржуазная интеллигенция, представленная также в большом числе. Целью масонского движения было «распространение просвещения», т. е. оттеснение церковной власти на задний план по всем линиям. Масонское движение боролось против схоластики за свободное научное исследование. Оно отвергало расовую, религиозную дискриминацию и в принципе проповедовало равенство. Хотя масоны никогда не добивались успеха с полной последовательностью, но сначала дворянская и недворянская интеллигенция была равноправными членами масонских лож, и это способствовало их развитию в одном и том же направлении. Работа, проводимая в масонских ложах, расчищала путь по направлению буржуазного равенства, хотя эта работа была не в практической жизни государства, а в головах людей, но потом должна была бы появиться и в политике. Члены масонских лож с лихорадочным волнением искали и дискуссировали на своих собраниях, в своей переписке о новом пути развития и с непобедимым оптимизмом верили в триумф разума, побеждающего с помощью просвещения.

Следовательно, деятельность масонства мы можем видеть в первую очередь в том, что оно давало возможность для того, чтобы интеллигенция регулярно встречалась, обменивалась своими взглядами о самых важных вопросах мировоззрения и чтобы обсуждала все проблемы. Этим масонство распространяло между членами лож рационалистическое учение просвещения, знакомило их с идеями брожения на западе и так формировало единогласную в некоторых основных вопросах тонкую прослойку. Эта масонская интеллигенция почти без исключения стояла на почве рационализма. Она открыто критикует и выступает против доктрин церкви, покоющихся «на фанатизме и на суевериях», и с бурной радостью приветствует разрыв облаков и прояснение неба «после тысячелетней темноты», призывает свет,

[13] Относительно этого много данных приводит Шандор Экхарт, ук. соч., стр. 110—122; см. еще перечень книг Йожефа Хайноци и Пала Ёза, Документы венгерских якобинцев, книги I, II. стр. 796—797 и 806.

но только путем реформ, а не революции. С религиозной точки зрения большая часть масонской интеллигенции была безразличной и была сторонницей терпимости церквей еще перед выпуском Декрета Терпимости. Чаще всего они были деистами и ожесточенно нападали на католический клир. Однако, они считали религию необходимой, атеистов среди них было немного, и это было только индивидуальной высшей точкой развития.

Их политические расчеты, тесно прилегая к их философскому мировоззрению, также коренились в доктринах просвещения. Революционные идеи французской теории государства пришли в Венгрию при немецком посредничестве приглушено и профильтровано.[14] Согласно этим идеям, люди общественным договором передали все свои права монарху, который поэтому неограниченно царствует и отвечает только перед богом. Однако он обязан заботиться о благополучии граждан государства и в интересах этого он имеет право, применяя даже силу, поставить на правильный путь своих подданных. — Это так называемый «просвещенный абсолютизм». Эту теорию затем развивали дальше Зонненфельс и Мартини — теоретики габсбургской монархии. Поскольку, по их мнению, человечество еще несовершеннолетнее, то даже силой ему надо навязать доброе. Поэтому жизнь индивидуума от колыбели до гроба подчиняется мелочным правилам, за сохранением которых наблюдает широко развернутый государственный аппарат, полиция.

Следовательно, просвещенный абсолютизм опирается на привилегированные классы и сохраняет феодальные рамки управления, но высоко поднимает государство над церковью, не дает ей вмешиваться в свои дела и отбирает из её рук дело воспитания. Согласно своей абсолютистской сущности делает себя более или менее независимым от сословных институций, в интересах этого помогает развитию промышленности и торговли, и хотя по своим взглядам — против коренных изменений, но все-таки своими мероприятиями способствует созреванию условий буржуазной революции.

Все это безусловно было прогрессивным, и в особенности в начале развития, когда поднимающаяся буржуазия не была в состоянии выступить самостоятельно и радушно приняла абсолютную власть просвещенного монарха. Эта буржуазная или обуржуазившаяся интеллигенция до девяностых годов XVIII столетия по всей Европе стояла вдали от мысли коренного изменения, она стремилась только к реформам, и свято верила в то, что с приходом к власти «здравого разума» буржуазное преобразование может быть осуществимо реформами, проведенными сверху. Так энциклопедисты Дидро и д'Аламбер ждали от распространения просвещения успеха в буржуазных реформах, Гельвеций также представлял, что «свет и знание» принесут «падение суеверий» и с этим «торжествует правда», осуществятся буржуазные

[14] Относительно этого см.: Имре Сабо, Буржуазная философия государства и права в Венгрии Бп. 1955, главным образом 27 и следующие страницы и Фриц Гартунг, Der aufgeklärte Absolutismus. Historische Zeitschrift. No. 180. (1955) стр. 15—42.

преобразования, без того, чтобы очередь дошла бы до радикальных общественных перемен или до революции.[15] Вольтер идеалист еще и в следующем: по следам работ писателей и философов, — писал он — смелые и мудрые министры, просвещенные монархи осуществят желанную революцию во всем мире.[16] Эта буржуазия считала своим союзником, более того опорой — монарха не только против дворянства, но и против духовенства и из-за его просвещенной власти соглашалась даже на его самодержавное правление. Рейналь, имеющий большие заслуги в популяризации французского просвещения, это ясно выразил: «самое счастливое правление справедливого и просвещенного Тирана».[17]

После этого мы признаем естественным то, что на начальной ступени развития венгерские представители просвещения были также союзниками монарха и сторонниками просвещенного абсолютизма. Порядок Иосифа II принес много таких перемен, которые, если не коснулись феодальных основ государственного строя и общественной структуры, то указывали в сторону буржуазных реформ, и эти реформы в общественных условиях Венгрии, более отсталых по сравнению с западными провинциями империи, произвели более сильный эффект. Мы имеем ввиду административные и судебные реформы; имеем ввиду церковную политику Иосифу II, которая имела особенно большой резонанс. Обеспечение господства государства над римской церковью, последовательность, с которой оно вытесняло церковников из управления светскими делами, и с которой оно пыталось провести границы между государством и церковью, расформирование монашеских орденов и, может быть, прежде всего в пользу протестантов отданный приказ о веротерпимости, не могли остаться без отклика в кругах венгерской интеллигенции. Мы знаем, что распоряжения, ликвидирующие личную зависимость крестьянства, урегулирование барщины отнюдь не затрагивали сущности феодальных отношений между дворянами и крепостными, но все же были поощрительной приметой для ожидающих полного раскрепощения. А межевание земель, которое дворянство приняло с первого же момента с таким бурным сопротивлением, разве не подавало надежду на уничтожение самых основных дворянских привилегий? Само по себе то, что политика Иосифа II отрицала божественное происхождение государства и видела в нем человеческое создание, открывало путь к более свободному высказыванию мнения, и это получило выражение в относительно умеренных цензурных распоряжениях. Действительный приём на службу в государственные учреждения недворян поколебал гибнущую веру в вечность феодальной

[15] Обоих цитирует Карл Гриванк, Der neuzeitliche Revolutionsbegriff. Entstehung und Entwicklung Weimar, 1955, стр. 208 и следующие.

[16] Там же, стр. 193 и следующие.

[17] «Le gouvernement le plus heureux serait celui d'un despote juste et éclairé.» Raynal, Histoire philosophique et politique des établissements et du commerce des Européens dans les deux Indes. VII. 1770, стр. 202.

структуры, даже не говоря о том, что это значительно способствовало также увеличению числа и авторитета плебейской интеллигенции.

Мы, конечно, знаем, что стремления Иосифа не исчерпывались этим, и если его вышеизложенные реформы оцениваем положительно, то чаша весов перетянет то, что эти реформы в основе сделали невозможным любое развитие в Венгрии, потому что с одной стороны — сохранялся, даже усиливался колониальный порядок, с другой стороны — однако старались осуществить полную оккупацию страны. Неужели проиосифская интеллигенция не видела того и жила в иллюзии относительно замыслов Иосифа II?

На этот вопрос нам очень трудно ответить, ведь вскрытие источников именно периода Иосифа II, собственно говоря, еще не началось. Но кажется невероятным, чтобы эта интеллигенция не видела то, о чем дворянство того времени уже громогласно говорило. Она должна была видеть все это и видела. Но она не видела в нем неотвратимую опасность, её глаза были устремлены на общественные реформы, и все другое казалось ей второстепенным. В одном своем письме Йожеф Хайноци, ставший впоследствии главой якобинского движения, писал : — Я чувствую своей обязанностью делать все для того, «чтобы помочь всем моим собратьям добиться своих естественных прав, которые не могут быть аннулированы ни давностью, ни гражданским договором». Он был хорошим филантропом и хорошим патриотом, но если их противопоставляют, — пишет он, —«то я больше хотел бы, чтобы меня называли филантропом, чем патриотом».[18]

Но альтернатива — патриотизм или филантропия — разве означала, что кто является сторонником политики Иосифа II, тот не может быть патриотом? Разве вся интеллигенция — сторонница политики Иосифа II — является непатриотичной? Именно, что нет. Большинство её является горячими патриотами. Самое сокровенное их желание — служить прогрессу родины, именно поэтому они проповедуют и распространяют идеи просвещения, чтобы поднять народ из тьмы невежества. Можем ли мы называть непатриотичным Гергея Берзевици, известного экономиста, который весной 1790 года агитировал за полный отрыв от Габсбургов и за создание национального королевства?[19] Или можем ли мы считать непатриотичным Хайноци, у которого «болела душа», если он думал о падении венгерского государства столь могущественного еще в XV столетии, который в своей работе порицал венгерских сановников семнадцатого века за то, что они юлили перед Габсбургами и не представляли интересов нации, и даже своего друга, известного писателя Казинци предупреждал о том, чтобы он хранил в Вене добрую славу венгров.[20] Последним словом перед смертью писателя Пецели,

[18] Документы венгерских якобинцев, Том I стр. 47.
[19] Там же. Том I документ № 6.
[20] Там же.Том I стр. 86 и 374., а также Мемуары Ференца Казинци, Будапешт, без года, стр. 176.

поддерживавшего идеи Иосифа II, было «родина»,[21] о Казинци, Бачани и Вершеги, о крупных писателях эпохи было общеизвестно, что самое главное их стремление заключалось в развитии национальной литературы и образования. Можем ли мы называть непатриотичными Шандора Сачваи, основоположника национальной журналистики, сторонника политики Иосифа II, или Андраша Часара, который написал книгу о необходимости измерения земель и налогового обложения дворянства, и который, после издания императором указа о том, что прошения, подаваемые в суды, надо писать по немецки, отказался от адвокатской деятельности, хотя он был бедным человеком.[22] Мы могли бы привести еще ряд примеров, но и этих достаточно для доказательства того, что венгерские сторонники политики Иосифа II были и патриотами.

Если это так, то спрашивается, почему они заключили союз с Иосифом II? Это было по двум причинам. Одна причина заключается в том, что в это время представления о реформах у этой интеллигенции вообще не особенно выходили за рамки фактических мероприятий Иосифа II, поэтому в Иосифе II они могли видеть осуществителя своих надежд. Вторая причина заключается в том, что ни на кого другого они не могли бы опереться. Дворянство боялось даже подумать о реформе, если бы они встали на его сторону, то они поддерживали бы реакцию; буржуазия же была слабой и отсталой, крестьянство же было неспособно на политические выступления, а поскольку они и сами были слабыми, очень слабыми, у них остался один союзник — просвещенный монарх.

Правда, среди интеллигенции были и такие, в которых не было никакого венгерского патриотизма и которые были верны только монарху. Эти, однако, в своем большинстве попали в Венгрию по распоряжению императора с чужих, австрийских, немецких или других территорий, или происходили из рядов национальных меньшинств на территории Венгрии, в которых позднее национальный подъем венгров вызывает возражения на основе пробуждающихся национальных чувств. Между ними и венгерскими сторонниками политики Иосифа II во время правления Иосифа II не возникли и не могли возникнуть разногласия. Однако, когда в связи с развитием венгерского дворянского движения всплывает на поверхность возможность национального преобразования, то ряды интеллигенции — сторонницы политики Иосифа II нарушились, и из них выделилась часть, чужая венгерским традициям.

Может быть, будет не лишним рассмотреть несколько таких случаев.

К кругу друзей Хайноци принадлежал Шамуэль Колмайер, происходящий из пештской немецкой буржуазной семьи. Он являлся начинающим

[21] Там же стр. 128.
[22] Документы венгерских якобинцев, том I стр. 939, примечание № 2.

адвокатом, борющимся с материальными трудностями, когда он появляется перед нами в конце 1760 годов. Колмайер был тогда трудолюбивым образованным человеком, полным планов и надежд. Он читает произведения французских просветителей и уже в 1785 году считает себя атеистом. Колмайер ненавидит аристократию и духовенство, размышляет над возможностью оттеснения дворянства, так же как и Хайноци добивается буржуазных преобразований, равенства и человеческой жизни для крепостных. И Хайноци и Колмайер являются сторонниками политики Иосифа II, от него ждут инициативу, и кажется, что между ними нет разногласия ни относительно цели, ни относительно пути к цели. Однако, с 1789 года Колмайер все более отчужденно смотрит на развертывание национального движения. По мнению Колмайера объявить венгерский язык официальным было бы катастрофой, («На нем можно только ругаться»), что на два столетия отбросило бы культурное развитие. «Немецкий язык передает более развитую немецкую мораль и знание», — пишет он. А как он негодует еще на стремления к независимости! Эти стремления, по его мнению, необоснованы, **regnum independens** для него является «пустым словом без мысли». Значит Колмайер повернулся против национального движения, повернулся против своих друзей, сторонников политики Иосифа II ; их пути расходятся. Колмайер действительно был «монархистским демократом», и после смерти Иосифа II для него осталась только одна дорога — он становится одним из сыщиков Леопольда II.[23]

Подобную же карьеру сделал Янош Мольнар, священник пештской лютеранской церкви, также масон и большой сторонник политики Иосифа II, который первым выступил против национального движения. В своей прокламации «**Politisch-Kirchliches Manch Hermaeon**» он пишет с ненавистью и сатирой о целях дворянского движения. Против этого движения Мольнар ищет поддержку у двора, и охотнее принимает немецкий язык, лишь бы не пришел венгерский. При императоре Франце он уже числится среди сыщиков двора. Хайноци настолько презирал Мольнара, что перед своей казнью не хотел принять последнее утешение из его рук.[24] Мне хочется упомянуть о Матиаше Протулепеце, о вараждинском адвокате, образованном, увлекающемся буржуазными стремлениями сыщике Леопольда II, который может быть, только подавления венгерских национальных стремлений желал больше, чем освобождения крестьянства. Его национализм хорватского патриота, протестующий против венгерских национальных требований увел его из общего лагеря сторонников политики Иосифа II в придворны

[23] Его письма к Хайноци : St. A. Vertr. A. fasc. 71. лист 10. Его тайная служба O. L. Privatobl. fasc. 14 донесение №№ 579 и 582.

[24] Относительно его масонской деятельности см. Документы Леопольда-Александра, Документы венгерских якобинцев. стр. 131. — Относительно его деятельности сыщика и случая с Хайноци см. том. III стр. 314—315 и 412.

круги.[25] Я упоминаю императорского фаворита Дьюла Габельхофера, переведенного в Венгрию из-за границы, австрийца, директора Пештской университетской библиотеки, Леопольда Хоффманна — профессора немецкого языка и литературы университета, сбежавшего в 1790 году от венгров Вену и там по поручению короля Леопольда писавшего свои пресловутые прокламации против дворянского движения, — все они были сторонниками политики Иосифа II, сторонниками буржуазных реформ, но все это они хотели осуществить, вопреки венгерским национальным стремлениям в рамках империи Иосифа II. Но численность этой группы ничтожна по сравнению с патриотически настроенными сторонниками политики Иосифа II, и пусть не ведет нас в заблуждение то, что эта маленькая кучка, имея в карманах деньги от двора могла поднять такой большой шум.

Какими другими были чувства и выступления патриотической интеллигенции — сторонников политики Иосифа II! Они тоже боялись дворянской реакции, боялись за судьбу едва начавшихся реформ, — но в то же самое время с нескрываемой радостью смотрят на развертывание национального движения. Пал Ёз, этот подающий большие надежды представитель молодой плебейской интеллигенции, который, по его же словам, «с особой и искренней любовью обращался всегда к народу, платящему налог», и улучшению его судьбы посвятил свою жизнь, «с настоящим космополитическим патриотизмом» написал письмо своему другу после падения системы Иосифа II. Пал Ёз боится того, чтобы чисто дворянское движение не принесло новый феодализм, «ужасный варваризм древности». Друг Пала Ёза Иштван Цадраи идет еще дальше. Он тоже страдает, думая о будущем родины : в самом деле среднее дворянство хочет уничтожить без разбора все мероприятия Иосифа II. Дворяне отождествляют ошибки с просвещением, и в этом их поддерживает духовенство. «Они так боятся любого новшества, как чумы, боятся всего, что чужое, что немецкое. Венгерец пусть остается самим собой». К чему ведет изоляция, мы уже видели. «Если мы бросим на одну чашу весов всё угнетение, которое добрый монарх не хотел допустить, но которое, поскольку монарх плохо приступил к делу, все же было допущено и за которое ответственность возлагается на него как на инициатора, то все же куда перетянут весы? Наверняка сюда. Кто не был бы счастлив, что дожил до нынешних изменений, и кто не сказал бы вместе с Цицероном : «Больше желаю шумной свободы, чем тихого подчинения».[26]

Однако национальное движение захватывает не только молодых, только что вышедших из университета, но и лучшую часть писателей, поэтов, ученых, интеллигенции — сторонников политики Иосифа II. Вершеги, который впоследствии перед судом не постеснялся признать, что всегда

[25] Его донесения : O. L. Privatbibl. fasc. 15 и 26.
[26] Документы венгерских якобинцев, том I, документ № 9.

был преданным сторонником Иосифа II, стихотворением приветствовал дворянское движение. Бачани в своем стихотворении с увлечением приветствовал изменения, хотя он тоже был искренне воодушевлен реформами Иосифа II и позже тоже с большой признательностью отзывался о них. Казинци был даже членом комитатской дворянской гвардии, охраняющей корону ; Берзевици написал прокламацию, в которой он выражает мысль, что основной вывод последних трехсот лет нашей истории заключается в том, что только без Габсбургов мы можем приобрести нашу национальную независимость. Профессор Карой Коппи полагал, что никогда не было еще такого благоприятного случая для настоящего налаживания дел страны, а Хайноци подготовил свой большой план совместного проведения буржуазных и национальных мероприятий.

Преобладающее большинство интеллигенции-сторонников политики Иосифа II, то, которое выросло на венгерских традициях, если и тревожилось за будущее демократического развития, но все же с радостью смотрело на дворянское движение, развернувшее знамя независимости. В связи с тем, что среднее дворянство вырвалось вперед, сразу же изменилось политическое положение, произошла новая перегруппировка сил ; патриотические чувства и инстинктивную политическую прозорливость сторонников политики Иосифа II доказывает то, что они сразу поняли, что их место не на стороне монарха, а на стороне дворянства. Известную часть интеллигенции пленяли и в определенной мере ввели в заблуждение оптимистическая самоуверенность и первоначальный большой подъем дворянского движения. Эта интеллигенция считала, что начинается заря нового золотого века, в котором дворянство добровольно откажется от своих привилегий, крепостных сочтет своими братьями, и в ходе медленного развития создастся новый порядок в обществе. Ее взгляды строились на иллюзиях, согласно которым дворянство согласится на отказ от своих привилегий и на проведение некоторых умеренных реформ.

Иллюзии интеллигенции питались тем, что в двух областях, по крайней мере на вид, совпадали цели дворянского и буржуазного движений, и между ними не было противоречия. Эти две области были — борьба против духовенства и борьба за господство венгерского языка.

Оттеснение от власти духовенства было в интересах среднего дворянства, стремящегося к власти, что в то же самое время совпадало с буржуазными стремлениями. Антиклерикализм создал широкое объединение представителей самых различных классов и политических представлений, от аристократии до среднего дворянства, от городского буржуа до интеллигента. Однако их концепции не одинаковы. Среднее дворянство в первую очередь интересуется вопросами власти, а за равноправие вероисповеданий в первую очередь выступает потому, что не хочет оттолкнуть протестантов и этим ослабить силу дворянского фронта.

Точка зрения интеллигенции другая: она оберегает просвещение и общественное развитие от духовенства. Вершеги не хочет возвращения «суеверий, бесчестного ума и сурового насилия», когда он хочет исключить «священное сословие духовенства» из светских дел,[27] Бачани тоже приветствует борьбу против духовенства потому, что «рухнут отвратительные алтари суеверий».[28] Бачани в своем анонимном стихотворении «На французский бунт» уже недвусмысленно изображает «трех зубоскалящих чертей», врагов «святости Свободы и Справедливости» — короля, духовенство и аристократию.[29]

За мнимым совпадением интересов в борьбе за венгерский язык еще больше бросается в глаза расхождение во мнениях. Дворянство рассматривает борьбу за язык в чисто политическо-правовой плоскости, поэтому преобладающая часть губерний удовлетворяется восстановлением официального латинского языка, если венгерский язык будет жить на низших ступенях государственного аппарата. Интеллигенция идет гораздо дальше этого, она борется не против немецкого языка, а за венгерский язык, за его развитие, ведь это первое условие буржуазного национального единства и основа расцвета национальной науки. Дело венгерского языка, таким образом, стало органической частью борьбы за ликвидацию феодальной отсталости и национального единства и неотрывно связывается с экономической и политической борьбой за развитие сельского хозяйства, торговли и промышленности.

Интеллигенция главным образом в этих двух областях, по линии языковой и антиклерикальной борьбы, присоединяется к дворянскому движению и старается — мы опять должны подчеркнуть — внести туда свои скромные реформистские стремления.

В уже упомянутой прокламации Ференца Вершеги олицетворенная венгерская родина говорит не только о церковных спорах, но и вообще призывает сословия уничтожить все, что является врагом прогресса. Олицетворенная венгерская родина вменяет им в обязанность покровительствовать наукам, «умственной свободе», которая необходима для развития наук и призывает, чтобы дворяне «не возлагали воспитание на плечи только одного сословия». Вероятно, она подразумевает французские революционные идеи, хотя об этом не осмеливается говорить, когда призывает государственное собрание открыть настежь двери перед молодежью для широких познаний. И вероятно, она подразумевает английское дворянство, вступившее на капиталистический путь, когда призывает дворян не пренебрегать торговлей, мануфактурами и ремёслами.[30] Из стихотворения видно, что Вершеги верил в то, что дворянство не остановится на обеспечении независимости

[27] Документы венгерских якобинцев, том I, документ № 8.
[28] Стихотворение «Зрячий».
[29] Документы венгерских якобинцев, том I, документ № 10.
[30] Документы венгерских якобинцев, том I, документ № 8.

страны. В этом своем мнении Вершеги не был одинок. Гергей Берзевици верил даже в то, что с помощью дворянства можно добиться освобождения крепостных.[31]

Из этих чаще всего боязливых программ, которые едва выходят за пределы дворянского реформизма и перечисление которых мы могли бы продолжать еще, резко выделяются два плана, один из них принадлежит Карою Коппи, другой — Йожефу Хайноци.

Карой Коппи, монах ордена пиаристов, с 1784 года является профессором всеобщей истории в Пештском университете. Карой Коппи является буржуазным реформистом, боится революции и с самого начала является убежденным сторонником церковной и общественной политики Иосифа II и полной неограниченности абсолютной королевской власти. В 1790 году Коппи, однако, одним из первых присоединился к национальному движению. В своей работе под названием «**Ius electionis quondam ab Hungaris exercitum**» (1790) Коппи уже выступает против монаршего самодержавия и занимает позицию народовластия Руссо и на исторических примерах показывает, что нация всегда свободно избирала своих монархов. В этот период Коппи уже является сторонником национальной монархии. Но он не останавливается на этом. Я считаю — говорит он — что «как никогда теперь есть превосходный случай для реформации нашего королевства, но отрицаю, что настоящим преобразованием было бы восстановление предшествующего положения». Коппи излагает свою мысль о том, что «необходимо изменить основные законы и указы», верховную власть надо приобрести для нации, а королю надо передать только одну ее часть. Казначейство должно находиться в распоряжении нации, войска должны присягнуть на верность нации. Все это до сих пор звучит так, будто мы слушали одного крайне радикального дворянского депутата, но Коппи не останавливался на этом: «Безопасность и плоды свободы надо донести до последнего крестьянина, чтобы он почувствовал, что нация, составной частью которой он является, приняла его. Под полезными законами пусть чувствуют все свободу и безопасность». Поэтому вместо религиозной нетерпимости нужно дать полную свободу всем вероисповеданиям. И все это надо делать срочно.[32]

Вот перед нами переплетение национальных и буржуазных идей, ясное осознание неотделимости национальной независимости от буржуазных преобразований. Коппи свои мысли излагал и в прокламации в форме воззвания, обращенного к сословиям.[33] В этой прокламации мысли Коппи проявляются уже в законченном виде. С первого взгляда уже видно, что они

[31] Марцали, 1790—91; Документы венгерских якобинцев, том. I, стр. 310.
[32] Письма Коппи к канопику Йожефу Майо: Документы венгерских якобинцев, том. I, стр. 89.
[33] Документы венгерских якобинцев, том. I документ № 5.

носят на себе следы французской декларации от 4 августа 1789 года. В воззвании говорится : из прав человека и гражданина следует, что нация свободна. Из этого вытекает, что надо ликвидировать привилегии, так как фундаментальные законы не имеют силы, если они сталкиваются с естественным правом нации. Свободу надо предоставить всем гражданам нации. Гражданами считаются все те, которые своим трудом полезны для государства. Далее с позиции народовластия Руссо (согласно целям венгерского национального движения) право решения во всех существенных вопросах предоставляется нации, объявляется, что армия должна стать инструментом нации, и финансами тоже должна заниматься нация. Коппи предлагает мероприятия для развития торговли и промышленности, наконец, конкретизирует способ обеспечения национального восстания.

Прокламация Коппи является самым радикальным выступлением патриотической интеллигенции, сторонницы политики Иосифа II. Мы знаем, что Коппи был овязан узами тесной дружбы с Хайноци и его друзьями, с Казинци, Бачани, но прежде всего с Вершеги. Таким образом, мы можем быть уверены, что он в своих мыслях был не одинок, его прокламация выражала мысли радикальных представителей плебейской интеллигенции. Вопрос заключался только в том, что согласится ли дворянство все это осуществить, не желает ли Коппи слишком многого от него? Коппи и, может быть, другие думали, что нет. Однако один человек видел, что от дворянства напрасно они ждут таких далеко идущих изменений. Следовательно, согласно политической мудрости перед ними так нужно поставить цели, чтобы они были для них приемлемыми : надо желать не того, что необходимо, а то, что можно сделать. Этот человек был Йожеф Хайноци, вместе с тем единственный представитель интеллигенции, который свои мысли, связанные с новой конституцией мог систематизированно излагать в силу глубоких знаний венгерских законов и основательной юридической образованности. Хайноци происходит из плебейской интеллигентской семьи, и в своей личной жизни ему пришлось испытать все те мытарства, которые выпали на долю протестантских юношей недворянского происхождения в Венгрии разлагающегося феодализма. Хайноци изучал право и, получив диплом адвоката, не мог добиться назначения на должность в течение долгих лет несмотря на все старания у свободных королевских городов и правительственных органов. Хайноци стал частным служащим аристократов, вначале он был секретарем при графе Миклоше Форгаче, потом при графе Ференце Сечени : Сам Сечени тоже принадлежал к числу просвещенных реформистов. И когда монарх в 1785 г. назначил Сечени эмиссаром печского района, он берет с собой Хайноци и поручает ему должность районного секретаря. Вскоре после этого в начале 1786 года Иосиф II назначил Хайноци выцегубернатором комитата Серем, в этой должности он оставался до 1790 года, когда был уволен с нее как недворянин.

Хайноци с большим интересом обращается к венгерскому публичному праву и к национальному прошлому ; он изучает целые архивы, копирует старые документы, в то же самое время он активно занимается политическими, идейными течениями своего времени. Хайноци участвует в деятельности масонских лож и становится деистом. Он в подлиннике читает французских и английских философов, политические произведения и произведения публичного права, он усваивает западные теории государства периода просвещения. Хайноци в то же самое время еще не революционер, а только реформист, и мирные преобразования он хочет провести под покровительством монарха. Он с самого начала был настроен против феодальной системы, которая не могла ему обеспечить даже скромное существование, поэтому его поведение уже очень рано является сознательным. Со всей симпатией он в первую очередь обращается к угнетенному крестьянству, и улучшение его судьбы является до конца центральной мыслью Хайноци. В 1778 году еще как неизвестный секретарь Миклоша Форгача он подает ходатайство монарху и предлагает освобождение крепостных, а до тех пор, пока это не может осуществиться по всей стране, он предлагает уничтожить барьщину и другие повинности в государственных имениях. Хайноци как вицегубернатор в первую очередь работает также над улучшением жизни этого эксплуатируемого и бесправного класса. Обычно сухой стиль его произведений по публичному праву становится страстным, когда он начинает перечислять все время увеличивающееся бремя крестьянина и рисует его горькую жизнь. В 1790 годах Хайноци приступает к описанию истории венгерского крестьянства.

Глубокий патриотизм Хайноци, корни которого уходят в семейную среду родного дома протестантского проповедника, ставит его в оппозицию колонизаторской политике венского двора. Однако Хайноци присоединяется ко все более растущему дворянскому движению только после смерти Иосифа II. Мы не должны были бы удивляться тому, если бы единственный в Венгрии вицегубернатор недворянского происхождения боялся продвижения дворянства, уничтожения реформ Иосифа II, восстановления старого порядка. Помимо его принципиальных убеждений речь идет о его существовании: отступление к старой конституции означало бы перелом в его восходящей карьере. Тем более мы должны уважать и удивляться его возвышенной, бескорыстной убежденности, потому что, поднимаясь над своей личной трагедией, он сумел присоединиться к дворянству, чтобы все то, за что он до сих пор боролся на стороне императора попытаться осуществить уже на национальной основе с помощью дворянства.

Ранней весной 1790 года он уже считает, что наступила пора великой возможности для создания фундамента национального государства. Он становится на сторону дворянства с одной стороны — потому, что доверяет ему и считает, что оно согласится на некоторые реформы, уступки, — ведь

это и в интересах дворянства, так как только таким путем оно может многое сохранить из своего привилегированного положения, и с другой стороны — потому, что покровительство делу национальной независимости он не ждет уже от чужого монарха. Тактический замысел Хайноци заключается в следующем : дворянству надо объяснять, что и его интересы не трєбуют неизменного восстановления конституции, и если не сразу, внезапно, но все же нужны постепенно осуществимые реформы. Значит добрым словом, уговорами, ведь другого оружия у Хайноци не было, надо было вывести дворянское движение за его сословные рамки. Поэтому его предложения являются умеренными, приспособленными к мышлению дворян, и Хайноци, который уже в 1778 году стоял на позиции полного освобождения крепостных, теперь же, по тактическим соображениям довольствовался бы и тем, если бы комитаты дали наказ своим депутатам вынести закон о выкупе и о праве крепостных покупать землю. Поэтому Хайноци предлагает, чтобы государственное собрание 1790 года занималось только проблемами публичного права, закреплением прав монарха и нации, а потом отдельные комиссии государственного собрания разработали бы гражданское право, принимая во внимание предложения органов власти. Государственное собрание 1793 года или государственное собрание 1794 года могло бы обеспечить благополучие, безопасность и собственность отдельных личностей целого поколения нации.

Первое свое предложение Хайноци написал сразу же после указа Иосифа II, восстанавливающего конституцию, еще тогда, когда инмператор был жив, поэтому в первую очередь он стремился восстановить согласие между королем и сословиями, для чего старается точно сформулировать компетенцию и короля и сословий. Хайноци предполагал, что на государственном собрании будет иметь решающее слово аристократия, сгруппировавшаяся вокруг Иосифа II, и создается впечатление, что в своем предложении в первую очередь он обращается к этой аристократии, поэтому он пишет на немецком языке.[34] Хайноци в этих «своих патриотических мечтаниях» принимает к сведению то, что сословия во всех отраслях законодательства хотят решать только самостоятельно, и по отношению к австрийским землям признают только общность личности монарха ; но в этой области Хайноци не имеєт уже своих предложений. Он имеєт только одно предложение, правда это существєнное предложєние : войска должны присягнуть на верность не только королю, но и сословиям, и они должны находиться под венгерским командованием. Хайноци сохраняет внєшние признаки сослоєного государства, но под этим прикрытием делает предложєния, носящие в себе ростки буржуазного государства, и это являєтся сущностью его предло-

[34] **Gedanken eines ungarischen Patrioten ...** Документы венгерских якобинцев том. I, документ № 4/а.

жений. Власть законодательного органа — государственного собрания — только тогда будет прочная, — говорит он, — если благами законов будут пользоваться и недворяне, буржуа, крестьяне, солдаты и низшее духовенство христианских церквей. Поэтому должны объявить, что на занимание должности дает право землевладение, не находящееся под дворянской властью и что такую землю могут приобрести все. Следует также объявить запрет ареста без ордера. Это основное право дворянства следует распространить на всех владельцев. Для крепостных необходимо разрешить выкуп, или же помещики должны заключить с ними соглашение, в силу которого они становятся свободными владельцами. Аристократия должна отказаться от наследственного права на губернаторство, от наследственного права участия в государственном собрании и подобно дворянам должны избираться как депутаты. Дворянство в свою очередь должно добровольно принять на себя определенные повинности. Если это осуществится, тогда можно будет широко обеспечить конституцию, заниматься реформой управления и правосудия.

В этих предложениях нетрудно распознать первые достижения французской революции ; — сословия во Франции проделали первый шаг, правда, под давлением буржуазии, может быть, у нас дворянство тоже не будет замыкаться. В интересах этого Хайноци написал свою вторую прокламацию, но уже открыто комитатам, вернее комиссиям, составляющим наказ для депутатов государственного собрания.[35] Тактическая цель привлечения комитатов к буржуазным реформам здесь проявляется уже открыто; Хайноци осторожно излагает свои мысли, он не утверждает, а только спрашивает. Его проект охватывает все венгерское публичное право, под видом вопросов и коротких объяснений он показывает соответствующие законы и указывает их недостатки. Хайноци не раскрывает свое мнение, но группирование фактов направляет читающего к правильному ответу. Хайноци сознательно говорит на языке дворян. Он тоже стоит на принципиальной основе естественного права и общественного договора, но не в таком понимании, как дворянство. Хайноци скрыто выступает против теории Мартини и отрицает естественно-правовое происхождение королевской власти. Хайноци не признает права личности выступать против ущемления права, потому что это «противоречит гражданскому договору», но выступает за право сопротивления всего общества, всей нации.

Нам ничего не известно о том, воспользовались ли комитаты предложениями Хайноци при подготовке своих наказов. Сословное движение все больше замыкалось в рамках своих классовых интересов. И все же Хайноци вновь обращается, но уже к государственному собранию, со своей новой

[35] **Propositiones deputationi fine elaborandis ablegatis . . . instructionis exhibendae** Документы венгерских якобинцев, том. I, документ № 4/b.

прокламацией, которая называется «Смысл законов, предлагаемых на венгерском государственном собрании».[36]

В этой своей прокламации Хайноци равняется на концепции комитатов, но во всех пунктах старается вывести их за рамки сословных ограничений. Хайноци не хочет погнаться за двумя зайцами, чтобы ни одного не поймать. Его предложения умерены, но и в таком виде мы находим в них самые существенные элементы буржуазного национального государства.

Государственное собрание создает новую конституцию, — говорит Хайноци, — вследствие чего венгерское уложение законов впредь будет служить только историческим материалом. Но эта новая конституция только в том случае будет прочной, если все «и имеющие наследство, достояние, достоинство, а также и нерасполагающие этим» найдут в ней защиту. Это требует жертв и от монарха и от сословий. Монарх должен уступить нации (внимание ! — не сословиям) все королевские права и доходы, — привилегированные сословия в свою очередь должны сложить все свои права и привилегии в пользу государственного собрания. После этого может наступить очередь разработки новой конституции. Но существенно, однако, чтобы посредством конституции все население стало членами нации. Поэтому надо обеспечить свободу выбора родины, полную свободу совести, слова и печати, и чтобы все честным путем смогли улучшить свою судьбу. «Кто эти права может считать своими, тот, действительно, является членом нации». Но участие в законодательстве Хайноци связывает с землевладением, в свою очередь он предлагает уничтожение преград, мешающих приобретению владений и хочет ввести всеобщее налогообложение.

Все вышеизложенное является только общими рамками, внутри которых излагаются детали основательно объяснимые и перечисляемые : атрибуты национального суверенитета (среди них национализация армии, введение венгерского языка в официальную жизнь и в образование), точное определение компетенции короля (в значительно более широких рамках, чем это указывали комитатские наказы). Если все это осуществится, — пишет Хайноци, — то исполнительная власть должна согласиться со справедливыми ограничениями ее, и физические и моральные силы, необходимые для осуществления законов, становятся непобедимыми. Наша свобода будет основываться на силе нашей собственной нации.

Аналогии отдельных пунктов Ratio мы находим в среднедворянской программе, составленной Петером Балогом. Хайноци сознательно старался приспособиться к этой программе и взять оттуда все, что совместимо с концепцией буржуазного национального государства. Ведь из каждой строки чувствуется, что Ratio предназначена для дворянства, именно ему объя-

[36] **Ratio proponendarum in comitiis Hungariae legum.** Документы венгерских якобинцев, том I, документ № 4/b.

сняются преимущества изменений. Но мы замечаем и другие совпадения: то, что сказано о воспитании, по сути дела совпадение с тем, что мы находим у Вершеги, а сущность концепции публичного права совпадает с воззванием Коппи, составленным в совершенно другом тоне и поэтому более искренним и радикальным. Из всего этого мы смело можем сделать вывод, что Ratio отражает не только личные представления Хайноци, но и передает мысли той интеллигенции, которая могла соединить идеи общественного прогресса с идеей национальной независимости, которая на французском примере все яснее видела, что имеется только один выход — буржуазное национальное государство.

Хайноци впервые в венгерской истории дал полный обзор публичного права большой перспективы, достойного государственного деятеля и мыслителя, который по нашему теперешнему мнению пригодился бы для того, чтобы направить страну от феодализма к буржуазно-национальному развитию. Осуществление этого, однако, основывалось Хайноци на предположении, что сословия и монарх будут находиться в согласии. На государственном собрании 1790 года решился вопрос о том, были ли реальными надежды Хайноци и вообще демократической интеллигенции.

II. Патриоты и демократы

Государственное собрание 1790 года не оправдало связанные с ним надежды. Оно не обеспечило независимости страны и не принесло реформ, направленных на буржуазное преобразование.

Леопольд II с самого начала стремился к изоляции среднедворянского движения, и он в результате очень ловкой тактики вскоре добился этого. Леопольд II прежде всего использовал классовые противоречия, мы уже видели, что посредством своих агентов он будоражил крестьян и буржуазию для того, чтобы угрозой восстания недворян заставить отступить привилегированных. Но Леопольд II пошел и дальше. Он демонстративно стал покровительствовать сербам, создал особую иллирскую канцелярию, подогревал их стремлениям к автономии и таким путем, оружием сербских воинственных пограничников пугал венгерское дворянство. В июле 1790 года он пришел к соглашению и с внешним врагом, в рейхенбахском договоре Леопольд принял тяжелые условия Пруссии и этим уничтожил главную опору среднедворянского движения — иностранную помощь. Весть о мире и движении императорских войск в Венгрию, сосредоточенных на прусской границе, были тяжелыми ударами по государственному собранию. Мечтания о независимости сразу рассеялись.[37]

[37] Документы венгерских якобинцев, том II стр. 183 и следующие, Марцали 1790—91. Документы Леопольда Александра, ук. соч., стр. 25 и следующие.

Оппозиционные сословия, которые несколько недель тому назад еще клялись в том, что без согласия государственного собрания не будут принимать от монарха ни назначение, ни подарки, начинают жалеть, что в своих требованиях зашли так далеко и сразу становятся уступчивыми. О независимости говорят все меньше и уже имеют только одну цель — как можно выгоднее договориться с монархом. Вместо радикалов на передний план выступают умеренные и соглашатели. Вожди оппозиции один за другим отказываются от своих принципов и обращаются к Вене и в изменившихся условиях новым поведением стараются доказать «свою благонадежность», чтобы заслужить милость монарха. Из большого движения, начавшегося лозунгами о независимости, национальные требования выпадают один за другим, чтобы в нем все виднее стало то, что является феодальным.

Конституционную самостоятельность страны удалось обеспечить в одном законе, но остальная часть национальной программы почти полностью выхолащивается, и уже ничего не говорится больше о сенате, который должен был бы держать в своих руках исполнительную власть, и о самостоятельной венгерской армии. Восстанавливаются сословные саны, в ноябре месяце наместником Венгрии единогласно избирают сына монарха эрцгерцога Леопольда-Александра и в обстановке больших празднеств Леопольд II был коронован. По сравнению с положением при Марии Терезии только в одной области делается существенный шаг вперед : декларируют в законе свободу вероисповедания протестантов и православных. В остальном для разработки некогда намеченных реформ создаются комиссии из членов государственного собрания с тем, чтобы они представили свои предложения государственному собранию 1792 года.

Большинство дворян успокоило то, что восстановилось действие сословий конституции, что дворянство может обеспечить свое привилегированное положение. Если дворянство за счет монарха не могло приобрести себе новые права, то зато смогло обеспечить себе власть над своими крепостными. Одним из первых последствий соглашения было ухудшение положения крепостных по всей стране.[38] Результаты реформ Иосифа II, молчаливо сохранившие свою силу, начинают урезаться. Отмена права торговли вином в июле 1791 года уже приводит к серьезным движениям, и два комитата просят солдат против крестьян.[39] Страх перед крестьянскими движениями еще больше укрепляет новый союз двора и дворянства. Один анонимный меморандум, но вероятно написанный дворянским автором, в июле 1791 года уже предупреждает двор, чтобы он и не думал о продолжении турецкой вой-

[38] Донесение Готтхарди от 13 июня 1791 года: O. L. Privatbibl. fasc. 14, донесение № 634.

[39] Интересные донесения Л. Колмайера там же, fasc. № 11 лист № 15.

ны, потому что если войска уведут и в результате ополчения уйдет и дворянство, то крестьянство непременно поднимет восстание. Поэтому, — говорит непрошенный советник, — часть армии должна остаться на родине, а другая часть должна итти против «вероломных и бунтарских французов». Поскольку согласно священному писанию нет власти, кроме как от бога, то «дело короля Людовика является и нашим делом» и защита дела бога требует борьбы против французов, «чтобы камня на камне не осталось и французов вычеркнули бы из списка живых».[40] Внешняя и внутренняя опасность все более связывает значительную часть дворянства с монархом. Позднее комитат Сабольч это определил следующим образом: «известное дело, ни дворянство без короля, ни монарх без дворянства не могут существовать».[41]

Все более тесный союз дворянства и аристократии возбуждал, конечно, в демократической интеллигенции разочарование и уныние. Более проницательные глаза уже заметили в начале сессии государственного собрания, что за громогласным объявлением сословий нет еще надлежащей решительности, однако большая часть этой интеллигенции в середине лета заметила только, что подъем национального движения внезапно остановился. «Что самое ужасное, — пишет 16 июля 1790 года католический депутат комитата Земплен Меньхерт Суйовский Лайошу Редеи, — так это то, что священники привлекли на свою сторону большую часть дворян католиков... Они говорят то, что мы не вправе начинать реформы, мы должны остаться со старой конституцией, следуя примеру наших отцов».[42] «Поверь мне, мой друг, — пишет он дальше, — я никогда не был другом никаких священников, а теперь, когда вижу их злобность и в каждом случае еще больше убеждаюсь в том, что эти бесполезные создания бога стараются не для пользы родины, а только для сохранения своей власти так, что они скорее готовы подкапываться под свободу и благо родины, чем отступить хоть на иоту от своих хитростью выторгованных привилегий — теперь я так возненавидел этот безбожный род, что я готов своими руками подвесить всех их подряд на виселицу». Через полгода, когда Суйовский подводил итоги государственному собранию, он уже видел и то, что не только духовенство, но и дворянство руководствовалось только своими интересами, «приватизмом». Он считает, что свободу страны положил в могилу не Иосиф II, а венгерские сословия. С этим дворянством ничего не поделаешь, может быть, когда-нибудь в результате длительного воспитания может создаться одно новое единое поколение, — но будет ли еще раз такой благоприятный случай, какой теперь пред-

[40] Меморандум не адресован, но можно определить, что был написан в июле 1791 года: O. L. Privatbibl. fasc. № 6.

[41] Докладная записка комитата Сабольч Наместничеству от 19 декабря 1793 года: St. A. Informationsbüro Polizeiberichte, fasc. № 1.

[42] Документы венгерских якобинцев, том. I, документ 16/b.

ставился?[43] Шандор Пастори, канцелярский советник тоже считал, что «мы бедные венгры уже проиграли свою свободу.»[44]

Разве можно чего-нибудь ждать от сословий, — пишет капитан Янош Бохуш после сессии государственного собрания, — «на государственном собрании все кричали за право и за свободу, но не за права всего человечества, а за права отдельных людей. И эти же отдельные люди хотят и работают над тем, чтобы их считали нацией».[45]

Отчаяние и разочарование страстнее всего выражали те, которые своими выступлениями в 1790 году отрезали путь к отступлению. Среди них находится Янош Лацкович, капитан Гревенского гусарского полка, один из самых характерных представителей патриотов, карьеру которого надломил оппортунизм дворянства. Лацкович был один из инициаторов того прошения, с которым офицеры Гревенского полка обратились к государственному собранию, в котором они просили, чтобы язык военных команд был венгерским, и чтобы в венгерских частях были бы венгерские офицеры. Государственное собрание с большим одобрением поддерживало это прошение. Однако, когда после Рейхенбаха монарх почувствовал себя прочнее, он предал военному суду офицеров, подписавших прошение, а государственное собрание вопреки начальным обещаниям бросило их на произвол судьбы.[46] Лацкович был осужден на перевод в немецкий полк. Однако он отказался от своего чина, — между прочим, потому, что он надеялся при посредничестве сословий получить реабилитацию. Лацкович попытался сделать все, но тщетно. Когда Лацкович увидел, что его дело приставлено, потому что даже упоминание о нем помешало бы готовящемуся соглашению с королем, то он со всей силой своего страстного и необузданного характера повернулся против сословий. Все смотрят только на свое собственное благополучие, — пишет Лацкович Адаму Сили, своему бывшему сослуживцу, — если это дворянство считает себя обеспеченным, то тогда ничего другого его не интересует.[47] Лацкович тоже считает, что венгерское дворянство не имеет цельного характера, оно как ребенок или как престарелый человек. Оно преклоняется перед аристократией и перед высшим духовенством, своего короля оно считает богом и ради чина, награды готово продать своего друга, семью и даже страну ; в крестьянине оно видит только работающего животного. Лацкович в едкой сатире нарисовал тип необразованного венгерского дворянина, судорожно цепляющегося за свои привилегии. На это дворянство ни в чем нельзя расчитывать, — подводит итог своему мнению Лацко-

[43] Письмо Суйовски к Яношу Шпишшиху от 16 февраля 1791 года. Документы венгерских якобинцев, том. I, документ 16/f.

[44] Документы венгерских якобинцев, том. I, стр. 457. Примечание № 8.

[45] 30 марта 1791 года : O. L. Privatbibl. fasc. № 11 лист 18.

[46] Относительно этого см. Документы венгерских якобинцев, том. I, документ № 15.

[47] Письма Лацковича. Документы венгерских якобинцев, том. I, документ № 15/d-h и документ № 75.

вич, — его «можно сравнить с таким плодом, который еще до того, как созреть, начинает гнить и падает на землю, чтобы уступить свое место другому, более молодому плоду».[48].

Страстная точка зрения Лацковича выражает крайности, но все же типична в том отношении, что выражает разочарование всех тех, которые ждали от государственного собрания и вообще от среднего дворянства победу дела национальных и буржуазных или обеих вместе реформ.

Дворянское движение не оправдало ожидание демократической интеллигенции и это обстоятельство опять поворачивает ее в сторону монарха. Вообще поведение короля Леопольда пробуждает в демократической интеллигенции доверие. Демонстративное покровительство делу крепостных и буржуазии — настоящие причины которого интеллигенция не знает — и то, что в обсуждении вопросов вероисповеданий на государственном собрании король решает в пользу равноправия протестантов и православных вопреки возражениям высшего духовенства, все это создает в этой интеллигенции ложную иллюзию того, что монарх является сторонником реформ. Ко всему этому еще добавляется умелая пропаганда двора, создающая настоящую легенду вокруг личности Леопольда, его просвещенной политики, проводимой им в Тосканском великом герцогстве. Все это увеличивается тем, что государственное собрание создает впечатление, будто бы Леопольд хочет управлять с соблюдением конституционных форм и не следует абсолютистским методам Иосифа II. В Леопольде II приветствуют восстановителя национальной свободы. Вершеги перед судом в 1794 г. сказал, что среди сторонников политики Иосифа II было распространено мнение, согласно которому двор не хочет изменить реформам Иосифа II и только из-за внешнеполитических событий отложил их претворение в жизнь.[49] Реформистские намерения, приписываемые монарху, вселяют в интеллигенцию доверие и по отношению к деятельности комиссии государственного собрания. Она полагает, что сословия, зная о желании короля, именно в только что рожденной общности интересов короля и сословий не могут обойти самые существенные буржуазные реформы.

Хайноци тоже верит монарху и работе комиссий. Хайноци еще во время государственного собрания старался своими работами по публичному праву направить переговоры в буржуазное русло. Эти свои работы публичного права, вышедшие в течение 1791—92 годов, Хайноци пишет для комисси, чтобы показать минимальные реформистские требования, необходимые с точки зрения демократических преобразований.[50]. В этих своих работах

[48] Письмо Лацковича Адаму Сили от 11 декабря 1793: O. L. M. Kanc. eln. № 8 9/1795.

[49] Документы венгерских якобинцев, том. II стр. 315—316.

[50] Dissertatio politico-publica de regiae potestatis in Hungaria limitibus, начало 1791 г De comitiis regni Hungariae . . ., весна 1791 года. De diversis subsidiis publicis dissertatio весна 1792 года и Extractus legum de statu ecclesiastico catholico . . . начало 1792 г.

Хайноци стоит на тех же идейных и тактических основах, как и в своих проектах конституции. Хайноци снова обращается к дворянству, он объясняет ему, что проведение буржуазных реформ является их общим интересом. Хайноци пишет, что только тогда может создаться прочная основа для стремлений к венгерской национальной независимости, когда дворянские привилегии распространятся и на широкие народные массы, «потому что чем более различающимися друг от друга правами располагают отдельные классы буржуазного общества, тем труднее добиться общего блага, тем легче они сталкиваются друг с другом, и, таким образом стоит меньше препятствий на пути исполнительной власти, стремящейся к беззаконным действиям.»[51] Поэтому Хайноци считает необходимым представительство крепостных на государственном собрании, распространение на всех той привилегии дворянства, согласно которой без законного основания никого нельзя арестовать, считает необходимым общее налогообложение и занимание должностей всеми имущими, но вместе с этим считает необходимым дать всем право приобретения имущества. По церковной линии Хайноци торопит постепенную секуляризацию церковных имуществ, снятие со светских должностей священников, отмену десятины и назначение государственной оплаты священников. Хайноци всем этим хочет облегчить судьбу народа, платящего налоги, и верит в то, что дворянство добровольно примет общее налогообложение соразмерно своим владениям.

Хайноци и вместе с ним многие представители демократической интеллигенции с надеждой смотрят на монарха и на деятельность сословных комиссий, верят в то, что на государственном собрании в 1792 году удастся восполнить все то, что было упущено в 1790 году.

Эту иллюзию со всеми ее надеждами разбило государственное собрание 1792 года. Король Леопольд II первого марта 1792 года внезапно умер, и на июнь месяц было созвано государственное собрание для коронации. Но атмосфера была совершенно иная,чем в 1790 году! Оппозиционного голоса не было слышно, в поведении сословий и двора было полное единогласие. По предложению наместника вельможи согласились, что торжественному акту коронации не следует мешать обсуждением еще не готовых предложений постоянных комиссий. В июне 1792 года государственное собрание «без всякого инцидента, в наилучшем настроении» короновало Франца, а для войны против Франции дало пять тысяч новобранцев, тысячу коней и четыре миллиона форинтов. И после того, как монарх пообещал роспуск иллирской канцелярии, созданной его отцом для устрашения венгерского дворянства, и которая оказалась уже ненужной, после того, как сделал маленькие уступки в области преподавания венгерского языка и правосудия, чтобы угодить

[51] De comitiis. Цит. Документы венгерских якобинцев, том. I, стр. 376.

сословиям, сословия через несколько недель удовлетворенно и успокоившись вернулись домой.

Но иначе чувствовала себя интеллигенция, ожидавшая демократических реформ, которая опять окончательно потеряла все надежды. Едва Франц вступил на престол, но еще не короновался, как уже издал целый ряд указов, об усилении цензуры, о конфискации уже появившихся произведений, и уже начал расследования о их авторах. Поведение Франца не вызвало недоумений, и Хайноци выразил общее мнение, когда еще во время государственного собрания заявил, что «в клятву короля и в данное им слово нельзя верить».[52] После этого стало ясным, что нечего надеяться на деятельность постоянных комиссий, правда, комиссии продолжают свою работу еще в течение одного года — совещаются, создают обширные проекты, но ни в национальном, ни в буржуазном направлении не думают о коренных изменениях. Предложения комиссий вообще имели консервативный характер, в них даже проявлялись ретроградные черты. Все это было естественным последствием того, что двор под влиянием французских событий все меньше и меньше симпатизирует реформистским стремлениям, и что в комиссиях преобладали придворные. Когда были готовы систематизированные предложения, составляющие громадные тома, их запросто положили в архив. О их проведении в жизнь не шло даже и речи.

Крушение деятельности комиссий современники, конечно, не могли ясно видеть, но голос разочарования стал все чаще и чаще раздаваться. Хайноци уже заметил, что депутаты не особенно обращали внимание на интересы недворян. Он считает, что дворяне скорее готовы приклонить головы перед неограниченной монархией, чем приблизить к себе недворян.[53]

И все же против все более неприкрытого абсолютизма впервые начинают поднимать головы комитатские дворяне-патриоты, создав этим в известной мере возможность и для выступлений интеллигенции.

Сопротивление комитатов после кульминационной точки большого подъема 1790 года спало, но не прекратилось. Ореол Леопольда «восстановителя конституции» постепенно подрывался в глазах комитатских средних дворян. В течение 1791 года выяснилось,что Леопольд только мнимо порвал с абсолютистскими методами Иосифа II, и как только во внешней политике упрочилось его положение, он постепенно старается ликвидировать свои уступки. После своей коронации Леопольд сразу же распускает государственное собрание и Зичи, Юрмени и наместник с большим трудом убедили его взять обратно постановление, потому что оно привело бы к оживлению движений 1790 года. Монарх не желает сотрудничать с сословными учрежде-

[52] Донесение Штромайера от 19 июня 1792 г. O. L. Vertr. A fasc. № 57.
[53] Его признание перед венской комиссией расследования во время судебного процесса 1794—95 годов : Документы венгерских якобинцев, том. II стр. 100—101.

ниями и не спрашивает их мнения. В венгерских делах Леопольд слушается, собственно говоря, только государственного советника Изденци и Ференца Балашша, назначенного иллирским канцлером, они оба являются олицетворением крайней монархической, ярко выраженной антивенгерской точки зрения. Участники движения 1790 года получают всеобщую амнистию, но не могут остаться в руководящих должностях. В канцелярию и в наместничество были возвращены церковники, вытесненные оттуда при Иосифе II. А по их следам туда проникли бывшие иезуиты, — к середине 1791 года руководство культурой, политикой и образованием уже полностью находилось в их руках не только у нас, но и в Австрии. Ван Свиетен, сторонник политики Иосифа II, уходит, и руководителем цензорского бюро назначается Мартини, ставленник иезуитов. Цензура становится все строже, иностранные прокламации едва пропускаются, и начинаются преследования сторонников демократических реформ. И все это только подготовка к всеобщим изменениям, в ходе которых всюду, даже на места укрощенных среднедворянских реформистов вступают монархисты.[54] Леопольд под влиянием французской революции, которая в это время уже все более открыто выступает против монарха, оставляет всякую мысль о реформах, и самая главная его забота — преградить путь прогрессивным движениям, симпатизирующим революции. Поэтому Леопольд отвернулся от крестьянства и буржуазии и считает необходимым уничтожить ростки патриотического дворянского движения. Требования Леопольда II по отношению к своим подданным можно сформулировать следующим образом: рабская преданность по отношению к династии и решительный отказ от революционных идей.

Средние дворяне уже летом 1791 года жалуются, что из решений государственного собрания ничего не осуществляется, и руководство страной все больше переходит в руки аристократии и высшего духовенства.[55] Комитаты недовольны и между ними начинается переписка, которую Леопольд II тщательно пытается остановить своими указами.[56] Недовольство разделяют и бывшие чиновники дворяне, сторонники политики Иосифа II. Все это уже представляет ядро нового движения. Французские события не пугают их и даже увеличивают их антиаристократические, антиклерикальные и антимонархические настроения. Борьба французского национального собрания, сентябрьская конституция 1791 года, сделавшая институт королевства безвластным, и о которой отечественные газеты подробно рассказывали, только питают недовольство комитатов, которые видели в этих событиях олицетво-

[54] Документы венгерских якобинцев, том. I, стр. 78. Документы Александра Леопольда.

[55] Донесение Протулепеца от 27 июля 1791 года: **O. L. Privatbibl. fasc. № 14**, приложение к донесению Готтхарди № 657, сравни с письмом Яноша Лацковича от 10 ноября 1791 года. Документы венгерских якобинцев, том I, документ № 32/с.

[56] Документы венгерских якобинцев, том I, документ № 22.

рение своих стремлений. В северо-восточных комитатах с большим энтузиазмом наблюдают за польскими событиями: король Станислав Август II присоединился к среднедворянской национальной партии, и сейм в новой конституции, принятой 3 мая 1791 года, сломил власть аристократии. Законодательство было возложено на отчасти дворянский, отчасти буржуазный парламент, которое несколькими законами в пользу буржуазии и крестьянства пробило стену феодальной системы. И когда польские патриоты развернули знамя освободительной войны против предателей, просящих помощь у царицы Екатерины II и против русских войск, патриотическое венгерское дворянство с безраздельным энтузиазмом встало на сторону польской национальной партии. Бачани в стихотворении приветствует короля Станислава,[57] граф Лайош Тёрёк, генеральный директор в г. Кашша (Кошице), при одобрении земпленских дворян пьёт за здоровье Костюшко.[58]

Глашатаи этой патриотической оппозиции, которая, следовательно, в первую очередь выступила против самодержавия иностранного монарха, а не против феодального порядка, группируются вокруг Ласло Орци, заместителя председателя Венгерской Палаты. Орци в 1790 году был среди тех, которые вступили в связь с прусским королем; после смерти Иосифа II сословия поручили ему командование дворянскими ополчениями. Придворный доносчик уже тогда называл Орци «вождем аристократов — бунтарей».[59] Орци не отказывался от умеренных реформ и считал нужным делать некоторые уступки крепостным, но все же в первую очередь его сокровенной мечтой было завоевание национальной независимости. Орци с большим благоговением смотрел на французов, осмелившихся выступить против своего монарха, и стены его комнаты украшал портрет орлеанского герцога Филиппа Эгалите.[60] Пештский дом Орци еще во время государственного собрания был местом встречи радикальных оппозиционеров и теперь продолжал оставаться местом встреч. Начиная с осени 1791 года, тайные агенты все чаще доносили в Вену, что во дворце Орци часто бывают известные патриоты и продолжительно совещаются. Конкретно о предмете совещаний они ничего не знали, но предполагали, что там говорят об организации недовольных.[61] Аббат Габельхофер осенью 1791 года уже докладывал: они хотят привлечь на свою сторону крестьян.[62] «Из господ заговорщиков»[63] по фамилии мы знаем немногих. Донесения упоминают известных патриотических и реформист-

[57] Собрание сочинений Бачани. стр. 351. Первый вариант стихотворения «На европейские войны».

[58] Документы наместника Иосифа, Том. I стр. 157.

[59] Относительно этого см. Документы венгерских якобинцев, том. I, документ № 40 стр. 677.

[60] Документы венгерских якобинцев, том. II, стр. 206.

[61] Документы венгерских якобинцев, донесение Йожефа Гроссинга, (цитирует Граггер), стр. 83, см. еще донесение Мартиновича ук. соч., том. I, документ № 83/f.

[62] Без датировки **O. L. Privatbibl. fasc. № 11.**

[63] В донесении Габельхофера от 14 марта 1791 года ук. соч.

ских вельмож — барона Йожефа Подманицкий — советника наместничества, графа Яноша Сапари — серемского губернатора, графа Михая Стараи, затем Йожефа Фодора и Шамуэля Лани, этих двух представителей образованных и просвещенных средних дворян, молодого Ференца Сентмарьяи, секретаря Орци, который согласно мнению одного писаря являлся душой общества.[64] Другие источники отмечают среди них Пастори, вицегубернаторов Марьяши из комитата Хонт и Шпишшиха, вицегубернатора из комитата Зала, отмечают и Яноша Надьвати.[65]

Из комитатов подряд поступают вести об увеличении лагеря недовольных. В комитатах Ваш и Зала генерал граф Янош Фекете и граф Дьёрдь Фештетич организуют «заговор против монарха»[66]. В комитате Земплен задают тон Казинци, Сирмаи и Бернати, в комитате Сабольч—Ваи, в комитате Бихар — Бёти.[67] Осенью 1791 вице-губернатор Шпишших своему масонскому брату Штромайеру, о котором он даже не подозревает, что тот является доносчиком двора, объясняет, — что комитаты уже ясно видят, что только революционным выступлением могут преградить путь самодержавию монарха. Поэтому вицегубернаторы находятся в постоянных сношениях друг с другом и по более важным делам выступают согласованно. Они уже разработали свои планы и порешили, что не дадут двору обмануть себя еще раз.[68] «Друг мой, — говорил один из недовольных полицейскому доносчику, — сейчас уже несущественно, что русская или прусская или какая-нибудь другая династия господствует над Венгрией, сейчас существенно только одно, чтобы австрийская династия больше не господствовала над нами».[69] Стало известно, что хотят созвать государственное собрание в Пеште для того, чтобы «из города сделать второй Париж».[70]

Все это, конечно, преувеличенные вести, но настолько точно, что дворянская оппозиция еще при жизни Леопольда находилась в сильном брожении. Например, осенью 1791 года, когда наместника назначили губернатором комитата Пешта, оппозиционеры уже громкими возгласами мешали торжеству, и немного позже начали организованную деятельность, попытались взять в свои руки руководство деятельностью комиссий государственного собрания. Поскольку они боялись того, что король Леопольд может подкупить часть членов комиссии, и эти последние смогут стать рупором двора, они требовали отпечатать работы и предложения комиссий для того,

[64] Документы венгерских якобинцев, том. I, документ № 40.
[65] См. уже цитированное донесение Мартиновича у Граггера, ук. соч. стр. 84.
[66] Донесение Протулепеца от 23 июля 1791 года. O. L. Privatbibl. fasc. № 14.
[67] Относительно этого см. документы наместника Иосифа, ук. соч., том. I, документ № 46.
[68] Донесение Штромайера от 11 августа 1791 года, ук. соч., том. I документ № 30.
[69] Донесение Гроссинга от 31 июля 1791 года, цитирует Граггер, ук. соч. стр. 84.
[70] Донесение Колмайера от 28 мая 1791 года, O. L. Privatbibl. fasc. № 11.

чтобы комитаты смогли бы высказать свое мнение.[71] Их требования не осуществились, но это все страшно беспокоило двор. В самом начале 1792 года Леопольд уже считает настолько опасным движение дворянской опозиции, что он опять прибегает к тактике 1790 года: его агенты опять начинают поднимать недовольное крестьянство и буржуазию, чтобы они требовали для себя представительства в государственном собрании.[72]

Внезапная смерть Леопольда II прервала эти попытки, но остановила и патриотическое движение. Ряды оппозиции, которые уже начали организовываться, вдруг расстроились, так как не знали, чего можно ждать от нового молодого монарха. Первое впечатление было благоприятно для них.[73] Они только после государственного собрания поняли, что все остается по-прежнему, и что король Франц даже еще более беспощадно идет дальше в абсолютистском и реакционном направлении, начатом его отцом. Едва закрылось государственное собрание, тайные донесения один за другим извещают об увеличивающемся недовольстве среднего дворянства, буржуазии, крестьянства и о непопулярности короля. В июле одно неизвестное лицо уже отчитывается в том, что если не будут осторожными, может разразиться революция, настолько плохое настроение во всей стране. Это лицо объехало северные венгерские города, — читаем в донесении, — и увидело поразительные вещи. Деспотизм городских советов буржуазия уже не хочет терпеть, и она не скрывает свое недовольство. Всеобщим явлением в кругах буржуазии является разочарование и отчаяние, потому, что государственное собрание ничего не сделало, только расширило и укрепило дворянские привилегии, а на буржуазию не обратило даже внимания. От работы депутатов буржуазия не ожидает ничего хорошего. Военным налогом все возмущены, дворянин — потому, что ему платить надо, буржуа — потому, что предвидит, что из-за нехватки денег и без того слабая торговля еще больше ослабнет, и еще потому, что государственное собрание и на них распространило действие венских вексельных законов. Сербы возмущаются отменой иллирской канцелярии, средние дворяне точат ножи для аристократии и ругают духовных лиц. Наконец я всюду видел, — говорится в донесении, — что люди испытывают большую симпатию к французской конституции. Все, что происходит во Франции, интересует их, с жадностью читают известие о французских событиях. Правда, не одобряют мероприятия, проведенные против королевской семьи, но вполне согласны с отстранением аристократии и часто поговаривают: «В Венгрии будет такой же конец всем делам». Положение гораздо тревожнее, чем многие предполагают это. «Я не хочу заниматься

[71] Относительно этого см.: донесение Штромайера, ук. соч., том I, документ № 30.
[72] См. меморандумы Мартиновича королю Францу, ук. соч., том. I, документ № 3.
[73] Например, созыв государственного собрания в Буде, — королевские предложения, которые прячут в признательных словах требование новобранцев для продолжения войны и т. д. и т. п. См. документы Александра Леопольда, ук. соч., стр. 515—528.

вопросами, через сколько времени может вспыхнуть революция в Венгрии, но мне кажется, что министерство сильно ошибается, если думает, что из-за разногласий вообще не может вспыхнуть революция в стране. Я согласен, что не может возникнуть прочное единство (среди классов), но на основе моего опыта считаю возможным, что под влиянием всеобщего угнетения и деспотизма все разделенные силы могут объединиться, на короткое время, для разрешения центрального вопроса, находящегося в центре событий, а это одним ударом могло бы уничтожить власть».[74] На несколько дней позже об этом же докладывает Готтхарди : «чувства буржуазии и крестьянства в Венгрии уже сошлись против аристократии и высшего духовенства. Сторонники политики Иосифа II создают планы, согласно которым нужно объединить среднее дворянство с недворянами и создать двухпалатное государственное собрание.»[75]

Слияние «проиосифской» интеллигенции и дворянской оппозиции не является плодом фантазии авторов тайных донесений. Но эта интеллигенция уже не является проиосифской, за истекший период эта интеллигенция под давлением внешних и внутренних событий семимильными шагами продвигалась по пути радикализма.

Первые неуверенные донесения говорят только об увеличивающемся недовольстве интеллигенции, о «революционных» высказываниях университетских профессоров, о беспокойных движениях радикального левого крыла масонов. Запутанные противоречивые донесения постепенно становятся более конкретными, и к 1793 году перед нами развертывается картина радикальной интеллигенции, идущей к революции.

Первым характерным этапом развития этой интеллигенции является объединение одинаково мыслящих, которые, перерастая реформизм масонских программ, выделяются из масонских лож и создают отдельную группу. В Пеште и Буде они организуют читательские кружки, общества по самообразованию, которые полицейские донесения с самого начала называют клубами. Институт «Lese kabinet» они переняли из Германии, которые там тоже были тайными организациями радикальной интеллигенции. В Буде был создан читательский кружок, который назывался и кружком образованных — Societas Eruditorum —, среди его основателей мы встречаемся с именами Хайноци, Сентмарьяи, Берзевици, Вершеги, а среди их членов мы находили весь круг их друзей : Габора Ратони, директора королевской фискалии, коллекционера памятников венгерских государственных собраний ; чиновника камеры Мартона Дьёрдья Ковачича, поэта, живущего у Ковачича, Ласло Сабо Сентйоби, а также чиновников камеры Якоба Сечанаца и Йожефа

[74] Донесение от июля 1792 г., Документы венгерских якобинцев, том. II, стр. 770 и следующие.

[75] Донесение Готтхарди от 30 июля 1792 года, ук, соч., том. II, стр. 771.

Штаттнера, которые вместе с Хайноци выписывали газету «Moniteur», затем служащих наместничества Шамуеля Лани и Ференца Фодора, адвокатов, друзей Сентмарьяи, Шандора Соларчика, Игнаца Тантишша и Пала Ёза, далее из круга Хайноци мы находим Коппи, Абаффи, Верховски и других.[76]

С этими же лицами мы встречаемся в доме Ференца Абаффи, где время от времени они собираются для дружеских разговоров. Сам хозяин выходец из комитатских владетельных дворян, является одним из самых смелых приверженцев прогрессивного реформизма на государственном собрании 1790 года. В этом обществе мы всегда находим Хайноци, Сентмарьяи и Коппи, а кроме них еще профессоров университета: Ференца Дьюрковича, левого масона Антала Крейла, Андраша Халицки, Адальберта Барича, молодого адвоката Верховски, студента юриста Шандора Соларчика и других.[77] Вокруг них группируются симпатизирующие, чиновники государственных учреждений, студенты университета, последние собираются и отдельно для обсуждения своих проблем.[78]

Не только в Пеште, но и в других больших культурных центрах мы встречаем подобные общества. В Кашше в масонских ложах действуют вместе профессора высшей школы, врачи, адвокаты, даже торговцы, но среди них встречаются и отдельные представители комитатского дворянства.[79] В Надьвараде (Орадья Маре) преподаватели юридической академии, главный окружной судья, главный нотариус составляют одно небольшое общество.[80] На западной окраине страны в Кёсеге регулярно собираются несколько судей окружного суда, директор пиаристской гимназии, один адвокат и аптекарь,[81] но о тайных клубах, «распространяющих» французский яд, мы слышим и в Кежмарке (Кежмарок) и Лёче (Левоча).[82]

Как эти разрозненные факты показывают, члены обществ далеко не представляли одно монолитное целое. В них мы находим крупнопоместного дворянина, даже аристократа, иностранного профессора и венгерского патриота, потомка старинной исторической семьи и плебея. Их объединяет оппозиция по отношению к венгерским условиям и убеждение, что необходимо изменить существующую систему. Относительно радикализма осуществляемых изменений должна была существовать между ними разница, и, наверняка была такая разница, хотя вначале она не проявлялась остро. Кроме всего этого, их объединял исключительный интерес, проявляемый к французской революции, и возможность того, чтобы с помощью друг друга получать

[76] Относительно этого см. ук. соч., том I, стр. 45, 746, 815; том II, стр. 116, 166 и примечание № 1; Документы Александра Леопольда ук. соч., стр. 122, примечание № 3.
[77] Ук. соч., том II, стр. 166, 170 и след.
[78] Ук. соч., том II, стр. 63 и след., стр. 166.
[79] Ук. соч., том III, стр. 29 и 54—55.
[80] Ук. соч., том III, стр. 122, 129, 190 и 205.
[81] Ук. соч., том III, стр. 58.
[82] Документы Александра Леопольда, ук. соч., стр. 612.

известия о событиях, волнующих всю Европу, объединяла и возможность обмена мнениями.

Главная программа этих «клубов» заключалась именно в том, чтобы способствовать политической ориентации. Вицегубернатор доносил о кёсегском обществе следующее: «Они читают вольнодумные статьи, критикуют церковь и церковные догмы», разговаривают о французской революции.[83] Они совместно выписывают «Moniteur», и кто знает по-французски, тот переводит её для других. Они с такой жадностью набрасываются на французские известия, что Сентмарьяи со своими друзьями ежедневно собирается для чтения газет.[84] Когда одному из них — Якабу Сечанацу надо было уехать в провинцию, Хайноци в письмах извещал его о французских событиях и посылал ему подробные выписки из речей ораторов французского национального собрания.[85] С таким же вниманием следят и обсуждают прокламации о французской революции, а также знаменитую книгу Пьена о правах человека,[86] и «Общественный договор» Руссо, который Сентмарьяи перевел на венгерский язык.[87] Кто не знает по-французски, старается быстро овладеть этим языком. Молодые жадно читают литературу по материалистической философии и не один из них, преодолев деизм, считает себя атеистом.

«Все взоры интеллигенции устремлены на Париж, где после казни короля вся власть перешла в руки якобинцев, и рождаются одна за другой радикальные реформы. И пока революционные войска «республики-убийцы короля» наносят один удар за другим коалиционным войскам на Рейне, следовательно, и войскам императора Франца, внутри страны демократическая интеллигенция празднует победу после вести о каждом поражении коалиционных войск. В таких случаях они собираются в доме Абаффи. Они празднуют французские успехи и отпраздновали день рождения французской республики, 10 августа. Они провозглашают здравицу в честь французов, поднимают тост за здоровье Робеспьера, и в это время они исполняют революционные песни Карманьоль и Са ира».[88] Они называют друг друга «гражданином» и пьют за смерть «самодержцев и деспотов», провозглашают здравицу в честь свободы и равенства, что представляют они по-разному, но идеал которых они видят у французов. Неописуемая радость охватывает Сентмарьяи и вместе со своими друзьями он поет Марсельезу. При каждом удобном случае они демонстрируют против непопулярной коалиционной войны. И тогда, когда двор организует благодарственные молебны в честь каждой «победы», они в широких кругах распространяют псевдонимную листовку Мартиновича, его открытое письмо к императору Францу, которое с едким

[83] Ук. соч., том. III, стр. 58 и 63.
[84] Ук. соч., том. II, стр. 63.
[85] Ук. соч. том. I, документ № 77.
[86] **The rights of Man (1791)** там же (Письмо без даты № 51 — лист № 17).
[87] Ук. соч., том. I, документ № 93.
[88] Относительно этого см. ук. соч., том. II, стр. 170 и следующие.

сарказмом высмеивает потуги монарха, мечтающего об уничтожении французской революции. Чтобы доказать свои братские чувства, Сентмарьяи вместе с Лайошом Редеи в городе Ваце встречают эшелон французских военнопленных, прибывших в Венгрию, приветствуют их поцелуями и кокарду, полученную от них, хранят как реликвию и показывают только тому, кто встав на колени, целует её.[89] Янош Слави в своей прокламации вкладывает в уста одного венгерского солдата, попавшего во французский плен, слова защищающие республику от клеветы реакции,[90] один неизвестный поэт в лице французов приветствует «распространителей света».[91]

Эти штрихи освещают развитие венгерских демократов. Тот же самый Хайноци, который в своих работах, вышедших в свет в начале 1792 года, еще искренне верил в то, что умеренными реформами, совместной доброжелательностью сословий и монарха можно заложить фундамент преобразования, а в 1793 году он уже переводит якобинскую конституцию на латинский язык и распространяет ее в кругу своих друзей.[92] Хайноци в конце 1792 года пишет о неудержимом самоуправстве магнатов и епископов и в противовес этому в законных рамках старается укреплять власть монарха,[93] а 10 августа 1793 года вместе со своими друзьями уже празднует годовщину провозглашения французской республики.[94] Путь усиления его радикализма показывает, что в своем письме от конца июня 1793 года он еще стоит на стороне жирондистов, и хвалит мужество и храбрость Вернио,[95] а спустя несколько месяцев он уже поднимает тост за здоровье Робеспьера.[96] Хайноци знает все подробности революции так, как будто он жил в Париже, и вместе с этими событиями формируется его мышление. «Его душа была пламенной, он телом и душой жил с французской революцией», — писал о Хайноци Казинци.[97] Парижские события являются школой венгерской интеллигенции, и когда статьи «Moniteur» разоблачают двурушническое поведение Людовика XVI, венгерские демократы это относят и к королю Францу.

Разумеется, не все могут идти в ногу с французскими событиями, и только немногие смогли дойти до якобинства.[98] Хайноци, как мы видели,

[89] Ук. соч., том. II, стр. 118, 171—172.
[90] Ук. соч., том. I, документ № 89.
[91] Ук. соч., том I, документ № 73.
[92] Ук. соч., том II, стр. 64, 117 и 512.
[93] Ук. соч., том. I, стр. 840—841.
[94] Ук. соч., том II, стр. 171.
[95] Его письма от 22 июня 1793 года к Якову Сечанацу, O. L. Vertr. A. fasc. № 53 ad A лист № 51 ; сравни ук. соч., том. I, документ № 77.
[96] Ук. соч., том. II, стр. 171.
[97] Ук. соч., том. III, стр. 367.
[98] Нас не должно ввести в заблуждение то, что современные донесения не только демократов, но даже среднедворянских патриотов называли большей частью якобинцами. Общую позицию хорошо выразила жена Ласло Спрмаи в одном из своих писем к губернатору барону Йожефу Орци : «Я считаю якобинцами всех тех, — пишет она, — которым нравится французская конституция, и которые радуются успехам французев в войне, и которые всячески мешают успехам нашего двора». Ук. соч., том III, стр. 179, примечание № 2.

к осени 1793 года уже является сторонником буржуазной республики, в сущности он согласен с якобинскими идеями, но осуждает массовые казни революционного трибунала и все еще верит в том, что в Венгрии перемены могут произойти без кровопролития.[99] Сентмарьяи является самым радикальным. Он со всем энтузиазмом молодости бросается в водоворот французских событий ; он переводит отчет Давида перед конвентом и обвинительную речь Сен Жюста жирондистов ; открыто поносит монархов и всех их сторонников.[100]

Но большинство не заходит так далеко. Пал Ёз, молодой адвокат, сторонник республики, даже перед судом излагает, почему республика самая совершенная государственная форма, но возражает против всякого революционного насилия.[101] Абаффи хотя и был заклятым врагом самодержавия, аристократии и высшего духовенства, но все же до конца остался сторонником конституционной национальной монархии. Абаффи добивался буржуазных реформ, но свободу печати не распространял на атеистическую литературу.[102] Адальберт Барич, которого Габельхофер причислял к «особенно опасным людям», тоже выступил против республиканского строя, но выступал и против самодержавия и дворянского господства, и считал, что принципы свободы и равенства совместимы с конституционной монархией.[103]

Молодежь является уже революционно радикальным республиканцем и демократом.

Студенты пештского университета из-за симпатии к французам коротко постригли свои волосы «по-якобински», и начали носить французскую «якобинскую» шапку, пока наместничество не запретило это.[104] Студенческая молодежь сажает деревья свободы и на балах на масленицу пугает гильотиной роялистов и реакционеров.[105] Она действительно желает, «чтобы не только дворянин был гражданином страны, но и недворянин», она против «заносчивого аристократизма», хочет стать защитницей неотчуждаемых прав человечества.[106] Центральной мыслью молодежи является уже не модификация конституции, а полное наделение правами буржуазии и в первую очередь полное освобождение крепостных крестьян. Их идеи и цели еще далеко не были оформленными, но их энтузиазм явился серьезным фактором движения интеллигенции. Из переписок и прочих записок эпохи перед нами вырисовывается молодое поколение, воодушевленное событиями французской ре-

[99] Показания Хайноци перед судом, ук. соч., том II стр. 102.
[100] Ук. соч., том II, стр. 64, том. I, документ № 40.
[101] Ук. соч., том II, стр. 730 и след.
[102] Ук. соч., том I, документ № 88.
[103] Ференц Экхарт, История венгерского королевского университета имени Петера Пазманя, История факультета права и теории государства, Будапешт, 1936, том. II, стр. 208.
[104] Документы венгерских якобинцев, том. II, стр. 72.
[105] Ук. соч., том. I, стр. 998.
[106] Письмо Ёза к Казинци, ук. соч., том. I, документ № 82.

волюции, убежденное в необходимости буржуазного преобразования, которое вместе с некоторыми глубокообразованными старшими представителями ищет пути развития. Их взоры устремлены на Париж, но корни их находятся в венгерской действительности, и их самосознание и призванность умножает знание того, что во Франции интеллигенция шла во главе революционного движения, следовательно, в Венгрии тоже им нужно завоевать свободу и равенство.[107].

Между демократической интеллигенцией и оппозиционным средним дворянством с самого начала существовали отношения, но эти тонкие нити начинают укрепляться только с 1793 года. Это объясняется общим политическим положением. Коалиционная война против французов ставит имперское правительство перед все более и более трудными задачами : требуются деньги и войска, а война повсюду является непопулярной. Наместник уже в конце 1792 года жалуется, что очень многие «злые» люди взбудораживают граждан.[108] Набор новобранцев губернаторы могут осуществить только в результате быстрых и энергичных мероприятий. В начале 1793 года уже ведутся переговоры о прекращении деятельности комиссий государственного собрания, и из-за общего настроения наместник рекомендует, чтобы газеты печатали только внутренние политические новости. Донесения, поступающие из комитатов, говорят о распространении «французского яда», даже о том, что главным образом «в комитатах по реке Тиссе, всегда склонных к беспокойству» этот яд уже распространился. Двор быстрыми мероприятиями хочет опередить события, его распоряжения затрагивают в равной мере и дворян и интеллигенцию. Начинается серия расследований, демократ и оппозиционный дворянин в равной мере являются подозрительными в глазах правительства. Бачани 10 февраля 1793 года уже жалуется Дьёрдью Аранка о том, что «очень стерегут людей, мыслящих по-французски, а трезвомыслящих и говорящих людей быстро причисляют к якобинцам». «Наше положение здесь очень опасное, — пишет Бачани 10 марта, — всегдашние враги здравого смысла получили новую силу. Они хотят ввести настоящую испанскую инквизицию.»[109] Бачани за два своих стихотворения, вышедших в свет в 1790 году отдается под суд, и после продолжительной волокиты он теряет свою должность.[110] Вершеги за перевод всемирной истории аббата Милло был заточён в монастырь,[111] комитаты получают указ, что без королевского разрешения нельзя иметь типографию и без цензуры ничего нельзя издавать.[112] Реакционный абсолютистский режим одинаково

[107] Заявление Андраша Шемшеи, ук. соч., том. I, стр. 502, примечание № 4.
[108] См. документы Александра Леопольда, ук. соч., стр. 583, 589, 594, 595, 612—614 и 633.
[109] Документы венгерских якобинцев, том. I, документ № 72.
[110] Относительно подробностей см. ук. соч., том I, документ № 86.
[111] Ук. соч., том I, документ № 78.
[112] Ук. соч., том I, документ № 84.

давит на буржуазных демократов и на оппозиционных дворян, но тогда, когда первые не имеют никакого оружия, дворяне в комитатах могут сопротивляться. Это комитатское сопротивление с весны 1793 года все больше усиливается.

Но уже только кажется, что комитатским сопротивлением руководят феодальные дворяне патриотической оппозиции. На переднем плане эти дворяне, на комитатских собраниях выступают они, они подписывают докладные записки, но если посмотрим за кулисы, то находим там демократическую интеллигенцию, которая направляет комитатское движение из-за кулис.

Общую позицию, последовательный ряд мероприятий, методы борьбы определяют тайные общества интеллигенции, читательские кружки — «клубы». Здесь ставятся на обсуждение различные вопросы, а потом в духе здесь оформленных позиций выносят решения. Мы знаем, что уже упомянутую комитатскую кампанию, направленную на проверку деятельности комиссий государственного собрания, требующую публикации работ комиссии, организовали в клубе Пешт-Буда. В вопросе барщины тоже вначале в клубе выяснили общую позицию и вынесли решение о том, что надо стремиться к тому, чтобы каждый дворянин заключил договор со своим крепостным, а уже затем это требование появилось в кругах комитатского дворянства.[113] Полицейские донесения наполнены отчетами о «решениях» клубов, и если сами решения мы не можем восстановить на основе этих донесений, то они ясно доказывают то, что требования оппозиции формулировались в клубах, а не на комитатских собраниях.[114]

Интеллигенция видела, что своими силами она не может добиться никаких изменений. В борьбе против двора, аристократии и высшего духовенства она может опираться только на союз с патриотическим средним дворянством, и этот союз большинству интеллигенции был симпатичен не только по тактическим причинам, но и вообще. Интеллигенция придает большое значение комитатскому сопротивлению, она видит единственную возможность борьбы против правительственной системы чужой династии в организации комитатского дворянства, этого единственного защитника национальной независимости.

Убеждение и направление отдельных комитатов возлагается на отдельных представителей демократической интеллигенции. Полицейские агенты постоянно жалуются на них: они агитируют, дают советы, убеждают сомневающихся, поощряют на борьбу нерешительных. Профессора университета в Пешт-Буде Коппи, Шрауд, Крайль и другие на лекциях, в обществе и вообще всюду хвалят «французскую систему», — «они гораздо вреднее са-

[113] См. донесение Колмайера, ук. соч., том I, документ № 30.
[114] Ук. соч., том I, документ № 31., 45, 57 и 63.

мого дикого французского эмиссара».[115] Часто можно их видеть, особенно Крайля в обществе Ласло Орци, Йожефа Подманицки, графа Яноша Фекете и других «политических борцов за свободу».[116] Вообще очень много хлопот с преподавателями и студентами и в других местах. Адам Подконицки, преподаватель кежмаркской лютеранской гимназии объяснял своим ученикам, что война французов правая, справедливая, а война короля Франца наоборот.[117] В Надькёрёше преподаватели и учащиеся гимназии приветствуют французов,[118] студенты коллегии в Шарошпатаке организовали общество для распространения революционных идей.[119]

О Сентмарьяи доносят уже в 1792 году, что он является руководителем недовольных, группирующихся вокруг Ласло Орци. Мартинович перед судом сказал, что Сентмарьяи является «можно сказать одним лицом» со своим начальником.[120] Янош Шпишших, вицегубернатор передового оппозиционного комитата Зала является самым хорошим другом Хайноци. Шпишших из-за деятельности комиссий государственного собрания в течение нескольких месяцев живет в Пеште, он часто бывает вместе с Хайноци. Политический агент отмечает: «они находятся в весьма дружеских отношениях».[121] В восточных комитатах действует Казинци. Писатель Ференц Казинци, который в 1800 годах, боясь тюрьмы, отстранился от политической жизни, в это время еще со всеми своими молодыми силами ушел в комитатскую жизнь, он вел публичные дискуссии с представителями высшего духовенства и двора, и когда болезнь приковывает его к постели, то он сожалеет о том, что не может идти на комитатское собрание, «хотя, — пишет он Хайноци, — я очень полезно мог бы там действовать».[122] Деятельность Казинци значительно содействовала тому, что восточные комитаты единогласно сопротивлялись указам о цензуре и о печати, и посылали монарху докладные записки настолько нахального тона, по выражению Канцелярии, что монарх выступил против них с репрессиями. Подобно Казинци Дьёрдь Слави агитирует в Бихаре, а Янош Бачани в комитате Абауй. Хотя Бачани и недворянин и на комитатских собраниях он не мог присутствовать, но через своих друзей его мнение выражается там, более того, он участвовал в составлении докладной записки комитата.[123]

[115] Относительно Коппи и Шрауда см. ук. соч., том. I, документ № 52 и донесение Штромайера от 29 декабря 1792 года : O. L. Privatbibl. A. fasc. № 15, лист № 1.

[116] Цитированное донесение Хоффмана от конца 1792 года.

[117] Донесение кежмаркского полицейского префекта от 2 февраля 1793 г. O. L. Vertr. A. fasc. № 40.

[118] Ук. соч., том. III, стр. 139 и 276.

[119] O. L. Наместничество ad polit, 1798, № 73, IV—V № 24.

[120] Ук. соч., том. I, стр. 625 и том II, стр. 57.

[121] Донесение Штромайера от 1791 и 1792 годов, O. L. Privatbibl. fasc. № 11, лист № 3.

[122] Ук. соч., том I, документ № 92.

[123] Ук. соч., том I, стр. 932.

Ко всему этому надо добавить еще то, что члены «клубов» сидят в Наместничестве, в Камере, предложения которых Канцелярия постоянно порицает за то, что они «мягкотелые» и «уступчивые» по отношению к комитатам. Эти «якобинцы» «ставят свечку дьяволу», как говорит о них Меднянски, советник наместничества, и где только возможно защищают и поддерживают движение оппозиционеров.

А движение все больше и больше оформляется и распространяется на все более широкие круги. Граф Перген, министр полиции, уже в конце 1792 года испуганно доносит, что в Венгрии бурно растет число тех, кто симпатизирует французским порядкам. Весной 1793 года Мартинович, — который получает свои сведения от Яноша Лацковича, имеющего непосредственные связи с интеллигенцией, — уже докладывает, что восемь комитатов (среди них Зала является самым радикальным) пришли к соглашению в следующем: 1. Землевладения высшего духовенства надо конфисковать, 2. аристократию надо уничтожить, 3. низшую палату двухпалатного государственого собрания должны составлять недворяне, 4. необходимо создать новую конституцию, соответствующую условиям страны, 5. Венгрия должна стать республикой, т. е. она должна оторваться от Габсбургской монархии, 6. секретарь Юрмени должен стремиться к тому, чтобы для выполнения этого заручиться поддержкой венгерских полков.[124] Сведения относительно Юрмени мы принимаем с большим сомнением, но всё остальное ни что иное, как конкретное оформление мыслей, выраженных в работах и в выступлениях Хайноци.[125]

В сентябре 1793 года Мартинович отчитывается о большом развитии движения. «Секта якобинцев» в Венгрии пустила глубокие корни, — пишет он, — хотя демократической революции рано еще бояться. Якобинцы имеют своих сторонников в городах и даже селах, и якобинские идеи особенно «сильно заразили» университетскую молодёжь. Студенты еще не имеют оформленной организации, они на неорганизованных сходках знакомят друг друга с принципами свободы и равенства, и слышанное каждый передает еще двум другим лицам. Дворянство против французской войны, симпатия к французам и к народному управлению растет изо дня в день. Комитаты ждут только подходящего случая, чтобы восстать против двора.[126]

Местные, до сих пор изолированные, сопротивления начинают приобретать всеобщий характер. Ответ на указы о цензуре и печати уже является протестом в государственном масштабе, тон, стиль и «французские аргументы» протестов доказывают, что их составляли «клубисты».[127] В конце

[124] Ук. соч., том. I, документ № 74/a.
[125] В этом проявилось стремление Лацковича или Мартиновича отомстить Юрмени. К этой части донесения не относились серьезно.
[126] Ук. соч., том I, документ № 83/b.
[127] Ук. соч., том I, документ № 84.

1793 года набор новобранцев прекращается, один комитат за другим отказываются давать солдат, чтобы король «не лишил страну народа и военной силой не выступил для подавления свободы».[128] В начале января 1794 года из Пожонья (Братиславы), из Пешта и Заграба (Загреб) сразу докладывают, что недовольство распространилось на все классы населения: комитаты возмущаются, не хотят давать ни денег, ни солдат для войны против французов, крестьяне хотят представительства в государственном собрании, всюду ходят по рукам «бунтарские» прокламации, «якобинцы» ждут только подходящего момента для начала революции.[129] Комитат Сабольч обратился в Наместничество и просил ходатайствовать у монарха, чтобы он прекратил войну против Франции, потому что все деньги кончились, торговля полностью приостановилась, и, в связи с уходом новобранцев, страна почти обезлюдела.[130] Для настроения характерно, что, например комитат Земплен фискальной акцией угрожает семейству Алмаши, потому что они на свои деньги вербовали солдат для войны против французов.[131]

Военная комендатура в Буде постоянно жалуется на демонстративную симпатию, проявляемую комитатским дворянством и буржуазией по отношению к французским военнопленным.[132] Адам Сирмаи, земпленский дворянин, объясняет причину этой симпатии: «Дай бог, — сказал он, — чтобы французам и полякам посчастливилось, потому что тогда мы тоже смогли бы сбросить иго немцев и стали бы свободными как французы».[133] Янош Женьеи, земпленский дворянин объясняет это же самое лелесскому конвентскому адвокатскому чиновнику в конце 1793 года, что было бы гораздо лучше, если бы страна сама управлялась, чем «одному человеку господствовать над миллионами». Шандор Розгони говорит: «Было бы хорошо, если бы страна покончила с австрийским домом, мы и действуем в этом направлении». Отец Имре Сентмарьяи, неоднократно упомянутого секретаря Ласло Орци в начале 1794 года наставляет осторожных дворян на комитатском собрании следующим образом: «Разве вы не знали, в какое время мы живем? Если сейчас не решимся что-нибудь предпринять, то уступим самое подходящее время». Граф Михай Стараи говорит о предстоящей революции и добавляет, что он сам работает над тем, чтобы она осуществилась. В мае 1794 года одна прокламация, составленная в Пшкольте комитата Бихар, обращается к комитатам, чтобы они по примеру поляков объединились

[128] Письмо Лацковича, ук. соч., том I, документ № 85.
[129] Ук. соч., том I, документ № 90.
[130] 19 декабря 1793 года, St. A. Informationsbüro. Polizeiberichte, fasc. No. 1.
[131] Документы Александра Леопольда, ук. соч., стр. 644 и следующие.
[132] См. Золтан Барчаи Аманд, Военнопленные французских революционных войн в Венгрии. 1793 г. Будапешт, 1934, — см. еще донесения Тобиаша Айгнера, O. L. Privatbibl. fasc. No. 14.
[133] Относительно этого см. документы наместника Иосифа, ук. соч., том I, стр. 156—157, 140 и 160.

против господства австрийского дома. «Если в нас, в венгерцах,не застыла кровь наших знаменитых предков, — говорится в прокламации — если еще дышит в нас храбрость, привитая нам богиней Беллоной, то мы должны восстать, потому что сейчас лучи нашего восходящего солнца несут с собой возможность того, чтобы мы сбросили со своей шеи тяжелое иго австрийского деспотического дома». Листовка подчеркивает сословные обиды 1790 г. — в армии притесняют венгров, в стране командуют чужие, венгерский дворянин должен молчать, но выводы этой прокламации совершенно иные, чем в 1790 году. В 1790 году даже Берзевици, относящийся к самым радикальным, и не думал об уничтожении Монархии, а сейчас самым естественным образом говорит, что «наша страна могла бы обойтись без короля ; если бы каждый комитат управлялся бы сам, и каждый комитат знал бы одного губернатора, то доходы принадлежали бы стране, а не разросшейся королевской семье».[134] Вот стремления французской революции в сословном изложении —идея дворянской республики. После этого мы не должны удивляться тому, что министр полиции Перген уже в конце 1793 года доклавывал следующее : недовольные через цюрихское французское консульство ищут связи с парижским конвентом.[135]

В начале 1794 года большинство комитатов находится в брожении, и глашатаи среднего дворянства все более решительно выступают в Венгрии, Хорватии и в Трансильвании.[136] Общее настроение и организованность губерний являются настолько страшными, что монарх боится созвать государственное собрание. Наместник советует королю Францу, чтобы тот не отвечал на комитатские докладные записки, напоминающие о нарушениях законов, потому что «в настоящее время человек не может сделать многого, поэтому надо молчать, чего не делал бы при более благоприятных условиях».[137]

Патриотическое движение, направляемое демократами, весной 1794 года уже приобрело общегосударственный масштаб. Двор решил не отступать, террор и насилия становятся все более невыносимыми. В дальнейшем все зависит от того, удастся ли объединить в одну прочную организацию демократов и средних дворян, удастся ли силами губерний мобилизовать всю страну в интересах национальной независимости, а затем в интересах буржуазных преобразований. В одном современном письме, написанном в Пеште мы читаем : «Всюду уже много дышащих якобинским духом, только силы нет. Но дай им в руки факел, видно будет, смогут ли они нести его».[138]*

[134] Ук. соч., том I, документ № 100.
[135] Ук. соч., том I, документ № 87.
[136] Ук. соч., том I, документы №№ 87, 90 и 91.
[137] Документы Александра Леопольда, стр. 655.
[138] Шандор Марки, Письма Ференца Креснерич. Бп. 1914, стр. 16.
* Продолжение в следующем номере.

Histoire du mouvement des jacobins hongrois, I.

K. Benda

Résumé

Deux grands problèmes attendent d'être résolus dans la Hongrie de la fin du XVIIIe siècle : celui de l'indépendance nationale et celui de la transformation bourgeoise. La résistance nobiliaire qui s'était déployée vers la fin des années 80 défendait les privilèges féodaux contre le système de Joseph II, mais du même coup elle protégeait l'indépendance nationale. La noblesse voulait réaliser la monarchie nobiliaire en reléguant le pouvoir royal à l'arrière-plan. Elle ne sympathisait guère avec les aspirations josephinistes et ne voulait rien entendre des réformes de caractère bourgeois. Le mouvement qui au début avait été national, laissa de plus en plus transparaitre son caractère de classe, ce qui en détourna d'abord la paysannerie, plus tard aussi la bourgeoisie. Cependant aucune des classes roturières ne possédait ni la conscience, ni la force politique nécessaires pour conquérir la transformation bourgeoise.

Les revendications bourgeoises réussirent néanmoins à se faire valoir en 1790, notamment par l'intermédiaire des intellectuels. En ce qui concerne sa composition et ses conceptions politiques, le petit nombre des intellectuels n'était guère uni. Vers la fin des années 80 il s'en détacha pourtant un petit groupe, dont les idées politiques étaient à peu près homogènes ; les josephinistes. En majeure partie d'origine nobiliaire, ils comptent cependant bon nombre de roturiers. La plupart en possède une vaste culture, ce sont des hommes qui ont voyagé, se sont nourris des idées de l'Époque des Lumières françaises et ne trouvent plus leur place dans les cadres de la société féodale. Ce ne sont pas des révolutionnaires, mais des réformateurs, partisans de l'absolutisme éclairé qui considèrent les décrets de Joseph II comme le début prometteur des réformes bourgeoises.

Lorsqu'à la mort de Joseph II le mouvement de la noblesse gagne du terrain, ses mots d'ordre nationaux conquièrent la majorité des intellectuels josephinistes. Ils se rangent du côté de la noblesse, en s'efforçant de remplir les revendications de celle-ci par le plus possible de contenu bourgeois. Ils espèrent que les états réunis à la diète comprendront que la protection des lois doit être étendue sur la nation entière, et que l'intérêt général demande que par certaines concessions les classes jusqu'alors opprimées viennent se ranger près de la noblesse. Ils proposent la déclaration du principe de l'égalité devant la loi et de la participation égale aux charges publiques. Le chef de ce groupe est Joseph Hajnóczy, le sous-préfet d'origine roturière, excellent connaisseur des lois hongroises. Hajnóczy qui auparavant avait déja plaidé pour la libération des serfs, élabore le projet de la nouvelle constitution, dans lequel il fait valoir les revendications nationales relatives à l'indépendance de l'État hongrois, mais où, partant de considérations d'ordre tactique, il ne traite que très peu de réformes sociales, autant que selon son opinion la noblesse pourra accepter en tant que premier pas. C'est ainsi qu'il propose d'insérer dans la loi le droit du serf au rachat des biens féodaux, l'extension du droit d'achat de terres sur tous les citoyens hongrois et l'énoncement de ce que des propriétaires terriens d'origine roturière peuvent également être investis dans les fonctions publiques.

La diète de 1790 ne réalisa pas les espoirs des intellectuels. La noblesse se contenta de s'assurer une fois de plus ses privilèges, et en opposition à la bourgeoisie et à la paysannerie, elle raffermit son alliance avec le souverain. Les intellectuels espéraient quelque temps que le roi Léopold II, puis après la mort inattendue de celui-ci, son fils François I embrasserait la cause des réformes. Cependant François ne tarda pas a démontrer qu'en face de la révolution française se déployant victorieusement, il tenait à maintenir intact l'ordre féodal, à consolider les aspirations réactionnaires, et n'était même pas enclin à accorder des semblants de réformes. Tout ceci ne manqua pas à mettre les intellectuels démocratiques en opposition avec le souverain et de déplacer leurs vues politiques vers le côté radical. En même temps la partie patriote de la noblesse fut obligée de reconnaître que les lois de 1790 n'étaient que des concessions apparentes, et que le roi François régnait de façon absolutistique, sans l'associer aux affaires du pays. Cette noblesse patriote fait face à l'aristocratie et au haut-clergé, et en même temps estime qu'il est nécessaire de faire certaines concessions aux serfs.

Sous l'influence de la Révolution Française les idées des intellectuels démocratiques revètent des formes de plus en plus radicales. Les intellectuels se groupent en cercles de lecture, sociétés culturelles et clubs, où ils discutent régulièrement les évènements politiques, se font lecture des pamphlets révolutionnaires français et du Moniteur, et une partie des réformateurs josephinistes, se mettant au pas avec la Révolution parvient jusqu'au jacobinisme. Ils sont républicains, partisans conséquents des idées de la liberté, et de l'égalité, et plus d'un parmi eux, surtout des jeunes, professent le matérialisme et l'athéisme. Quoique le radicalisme

de leurs vues politiques n'atteigne pas celui des Jacobins français, les rapports policiers les nomment déjà à cette époque-là des «Jacobins» hongrois. Leur chef est toujours Hajnóczy, qui analyse dans une série de travaux la constitution de la Hongrie féodale, et en continuant de proclamer la nécessité d'une collaboration avec la noblesse, élabore également le programme de base des réformes générales.

A partir de 1793 le contact entre les intellectuels démocratiques et la noblesse de l'opposition devient de plus en plus intense. La politique d'oppression d'un gouvernement sans cesse plus réactionnaire rassemble les démocrates et la noblesse patriote dans un camp commun. Les dirigeants de la collaboration sont cependant les intellectuels. Ce sont les démocrates radicaux qui élaborent les principes, les directives de leur maintien politique dans les clubs, par contre, sur le plan politique, c'est la noblesse qui se fait porte-parole de leurs aspirations aux réunions de comitat. Selon les rapports secrets de la police, au début de 1794, l'atmosphère du pays est sur le point de se décharger, de façon que le souverain n'ose pas convoquer la diète.

Die deutsche wirtschaftliche Expansion und das ungarische Wirtschaftsleben zur Zeit des zweiten Weltkrieges

I. Berend und Gy. Ránki

Nach der Machtergreifung durch den Faschismus (nach dem nationalsozialistischen Umsturz) wurde die deutsche Wirtschaftspolitik in den Dienst der Vorbereitung eines neuen imperialistischen Krieges gestellt. Diese brachte einen bedeutenden Anstieg der Industriekapazität, in erster Reihe natürlich den der Kriegsproduktion, sowie die Einführung einer Wirtschaftsautarkie mit sich. Ein wichtiges Moment der letzteren bestand in der schnellen Entwicklung der deutschen landwirtschaftlichen Produktion und in der Aufspeicherung bedeutsamer Vorräte an landwirtschaftlichen und industriellen Rohstoffen. Die Verwirklichung dieser Maßnahmen stand aber im engsten Zusammenhang mit der Modifizierung der deutschen Außenhandelspolitik zu Beginn der dreißiger Jahre. Ein wichtiger Faktor der deutschen Kriegsvorbereitung bestand nämlich in der Schaffung eines entsprechenden Hinterlandes für die deutsche Kriegswirtschaft in den südosteuropäischen Ländern, die für diese Rolle aus mehrfachen Gründen als geeignet befunden wurden. Diese Gebiete bildeten eine alte Interessensphäre des deutschen Imperialismus, und die Deutschen verfügten hier — trotz der starken Zurückdrängung seit den zwanziger Jahren — noch immer über zahlreiche wirtschaftliche Positionen. Die südosteuropäischen Kleinstaaten erschienen für Deutschland schon wegen ihrer geographischen Lage günstig, da die Benützung der wirtschaftlichen Quellen dieser Länder im Laufe eines geplanten Krieges selbst im Falle einer vermeintlichen Seeblokade als gesichert schien, und dies um so mehr, als auf diese Länder verhältnismäßig leicht ein politischer, militärischer, sowie wirtschaftlicher Druck ausgeübt werden konnte. Die südosteuropäischen Staaten waren größtenteils Agrarländer, verfügten aber auch über außerordentlich wichtige strategische Rohstoffe: in Ungarn Bauxit, in Rumänien Öl, in Jugoslawien verschiedene Buntmetalle, Holz usw. Gleichzeitig waren sie aber infolge ihrer verhältnismäßigen industriellen Rückständigkeit auf einen bedeutenden Import von zahlreichen Industrieartikeln angewiesen und kamen daher — nach den Vorstellungen des deutschen Finanzkapitals — als organische Ergänzung der deutschen faschistischen Kriegswirtschaft in Betracht. Bekräftigt wurde die Aussicht auch dadurch, daß Deutschland,

über eine ungünstige Zahlungsbilanz und nur geringfügige Gold- und Valutenvorräte verfügend, das Prinzip des multilateralen Handelsverträge aufgab und den Abschluß von bilateralen Handelsabkommen erstrebte. Da die erwähnten Länder ähnliche Valutenschwierigkeiten hatten, waren sie ebenfalls geneigt, Clearingabkommen abzuschließen.

Deutschland gab seine, in den zwanziger Jahren verwirklichte protektionistische Zollpolitik gegenüber dem Agrarexport der südosteuropäischen Länder auf und sicherte den Ausfuhrländern auf diesem Gebiet Begünstigungen. Für die mit schwerer Agrarkrise und Verwertungsschwierigkeiten ringenden südosteuropäischen Länder war das sehr wichtig, selbst wenn sie als Gegenleistung große Importbegünstigungen beim Industrieimport gewähren mußten. Infolgedessen nahmen die Handelsbeziehungen Deutschlands mit Südosteuropa und dadurch auch der deutsche Einfluß in diesen Ländern in den dreißiger Jahren in hohem Maße zu. Ohne uns im Rahmen dieses Artikels auf eine ausführliche Untersuchung des Problems einzulassen, möchten wir kurz darauf hinweisen, daß während der deutsche Außenhandel im Jahre 1937 im ganzen erst 40% seines Standes von 1929 betrug, er in den südosteuropäischen Ländern bereits das Niveau des Jahres 1929 erreichte. Die Beteiligung dieser Länder an der deutschen Ausfuhr stieg von 4,3% des Jahres 1929 auf 9,4% im Jahre 1937, an der Einfuhr hingegen von 3,8% auf 10,5%.[1]

Die schon anfangs der dreißiger Jahre beginnende Expansion des »deutschen Lebensraumes« erfuhr nach dem Abschluß des Münchener Abkommens und später nach der Entfesselung des zweiten Weltkrieges zweifelsohne einen größeren Auftrieb. Die politische Bedeutung Münchens bestand darin, daß das faschistische Deutschland nach Osten hin freie Hand erhielt, und das bedeutete unter anderem auch die stillschweigende Preisgabe Osteuropas. Für den deutschen Vorstoß war selbstverständlich ausschlaggebend, daß Deutschland durch die Einverleibung Österreichs und der Tschechoslowakei seine Positionen den südosteuropäischen Ländern gegenüber sowohl wirtschaftlich als auch politisch weiter hin bedeutend verstärkte. Der veränderten Lage entschprechend begann Deutschland 1939 eine umfangreiche Wirtschaftsoffensive gegen die südosteuropäischen Länder. Deutschen Plänen gemäß sollte Südosteuropa im Rahmen der »Großwirtschaftsraum-Theorie« offen in eine deutsche Lebensmittel- und Rohstoffbasis verwandelt werden und den ganzen diesbezüglichen Bedarf decken. Die Frage stand nunmehr nicht so, welche Mengen Deutschland von den landwirtschaftlichen Überschüssen dieser Länder übernimmt, sondern wieweit die betreffenden Länder den deutschen Bedarf befriedigen können. Die Deutschen ertstrebten mit allen

[1] Antonin Basch: The Danube Basin and the German Economic Sphere. London. S. 180—181. Die Angaben beziehen sich auf Ungarn, Jugoslawien, Bulgarien, Rumänien und Griechenland.

Mitteln eine erhöhte Einfuhr von landwirtschaftlichen Erzeugnissen, bei unveränderten Preisen. Diese Offensive war Rumänien und Jugoslawien gegenüber besonders stark, weil sich diese Länder damals politisch noch nicht unter dem unmittelbaren deutschen Einfluß befanden. In Ungarn hatten sie leichteres Spiel, stand doch Ungarn von allen südosteuropäischen Staaten schon seit Jahren in den engsten wirtschaftlichen und noch mehr politischen Beziehungen zu Deutschland.

*

Anfang 1939 machte Ungarn dem nazionalsozialistischen Deutschland auch politisch neue Zugeständnisse. Horthy-Ungarn, das sich als erstes auf die Seite des faschistischen Deutschlands gestellt hatte, unterstützte Hitler in seiner agressiven Politik. Ungeachtet dessen, daß Ungarn durch den Römischen Dreierpakt eng mit Österreich verbunden war, versicherte man Hitler bereits im Herbst 1937, daß Ungarn keine Einwände gegen eine Einverleibung Österreichs habe.[2] Im Herbst 1937 bzw. im Frühjahr 1938 schlossen sich die Regierungskreise den gegen die Tschechoslowakei geschmiedeten deutschen Pläne an. Dem Rate Hitlers folgend richteten sie ihre Revisionsforderungen in erster Reihe gegen die Tschechoslowakei. Im Sommer 1938 — eine westliche Einmischung befürchtend — waren sie zwar noch nicht bereit, sich uneingeschränkt zur Teilnahme an einem bewaffneten Angriff gegen die Tschechoslowakei zu verpflichten.[3] Als jedoch die Richtlinien der westlichen Politik bereits offenbar wurden, flogen Ministerpresident Imrédy und Außenminister Kánya in der Hoffnung auf Beute am 20. September zu Hitler. Ungarn enger an das deutschen Bündnis fesselnd, kündigten sie ihre Ansprüche auf tschechoslowakisches Gebiet noch während der Verhandlungen zwischen Hitler und Chamberlain an. Im Laufe der Beschprechungen äußerte Hitler seine Unzufriedenheit mit der ungarischen Außenpolitik, worauf die Vertreter der ungarischen Regierung eine aktivere Außenpolitik und militärische Vorbereitungen in Aussicht stellten.[4] Als Ergebnis der engeren deutsch—ungarischen Beziehungen wurde im November 1938 auf Grund eines Schiedsspruches (»Erster Wiener Schiedsspruch«) der an Ungarn grenzende Landstreifen der Slowakei an Ungarn zurückgegliedert.

Der mit deutscher Hilfe erfolgte Gebietszuwachs festigte den bedingungslos deutschfreundlichen Flügel der ungarischen herrschenden Klasse, die der bedingungslosen deutschen wirtschaftlichen und politischen Unterwerfung bereitwillig zustimmte. Die Positionsstärkung der absoluten Anhänger der Nazipolitik und das zunehmende Hervortreten der deutschen Bestre-

[2] Documents of German Foreign Policy. Series D Volume V. S. 203 und 242.
[3] Ebendort S. 301.
[4] Ebendort.

bungen innerhalb des Landes ging mit einer Neubelebung des deutschen Kapitals in Ungarn einher. Der ungarische Außenhandel mit Österreich und der Tschechoslowakei wurde nunmehr als ungarisch-deutscher Außenhandel weiter geführt, wodurch Deutschland sozusagen eine *Monopolstellung* erlangte. Sándor Knob, einer der Leiter des Landesverbandes der Ungarländischen Fabrikindustriellen (GYOSZ) bezeichnete die ungarisch-deutschen Außenhandelsbeziehungen folgendermaßen : »Fast 50% der ungarischen Ausfuhr kommt gegenwärtig auf den deutschen Markt. Ein 48%iges Verhältnis steht also einem dreiprozentigen gegenüber . . .« (Das war nämlich die Verhältniszahl der ungarischen Ausfuhr innerhalb der deutschen Einfuhr.) »Dieses Verhältnis bzw. Mißverhältnis, bedeutet meiner Überzeugung nach ein solches Maß der wirtschaftlichen Ausgeliefertheit und Abhängigkeit, das schon an diejenigen Gefahren grenzt, die nicht ganz unbegründet erwähnt werden, wenn wir über die wirtschaftliche und politische Unabhängigkeit des Landes sprechen.«[5]

Diese Monopolstellung im Außenhandel wurde überdies durch einen sich auf dem Gebiet der Kapitalinteressen geltend machenden deutschen Einfluß ergänzt. Die deutschen Kapitalbeteiligungen betrugen nach der Besitzergreifung der österreichischen und tschechischen Kapitalanlagen 12% des ungarischen industriellen Aktienkapitals. Selbstverständlich wäre dieses Verhältnis an und für sich noch nicht sehr bedeutend gewesen, obwohl die deutschen Kapitalanlagen die entscheidenden industriellen Schlüsselstellungen an sich gebracht haben. Wenn wir aber in Betracht ziehen, daß diese verhältnismäßig kleine Kapitalbeteiligungen von einem wirtschaftlichen Druck im Außenhandel und, was noch entscheidender ist, von einem immer stärker werdenden politischen Druck begleitet waren, so wird uns klar, daß der deutsche wirtschaftliche Einfluß in Ungarn große Ausmaße annahm. Pál Teleki, Imrédys Nachfolger, hat im Jahre 1939 im Zusammenhang mit dem deutschen wirtschaftlichen Einfluß in einem Brief folgende Feststellungen gemacht : »Das deutsche Reich verfügt in unserem Vaterland über so großangelegte und weitverzweigte wirtschaftliche Interessen, daß durch diese das ganze ungarische Wirtschaftsleben kontrolliert, bis zu einem gewissen Maße sogar beeinflußt werden kann.« Teleki wies darauf hin, daß diese Interessen nicht neueren Ursprungs sind, doch »seit dem Machtantritt der nationalsozialistischen deutschen Regierung, insbesondere seit der Entfaltung der nach dem Südostraum gerichteten Lebensraumpolitik einerseits neue Interessen entstanden, andererseits sich die alten Beziehungen erweiterten und eine *politische Bedeutung* erhielten«.[6]

Das faschistische Deutschland wollte seinen in jeder Beziehung erhöhten Einfluß durch die Verwirklichung seiner immer mehr wachsenden politi-

[5] Landesarchiv. Parlamentsausschuß. VII. 170—171.

[6] L. A. Außenministerium. Wirtschaftspolitische Sektion (= Wp S.) 1939. Deutsches Dossier. 358. Res.

schen und wirtschaftlichen Ansprüche realisieren und noch mehr steigern. Sie erzielten auch immer neue und neue Erfolge. So war z. B. der Anschluß Ungarns an den Antikominternpakt ein bedeutsamer Schritt auf politischem Gebiet. Auf wirtschaftlichem Gebiet aber schnitten die deutschen Expansionsbestrebungen direkt ins lebendige Fleisch der wichtigen, die Wirtschaftsmacht des Landes in ihren Händen haltenden Gruppen der ungarischen herrschenden Klassen. Dennoch brachten die deutschen Monopolisten — mit voller Unterstützung ihrer ungarischen Vasallen — zu jener Zeit ihre diesbezüglichen Forderungen unmißverständlich zum Ausdruck.

Der laut des Handelsabkommens vom Jahre 1931 alljährlich tagende Deutsch-Ungarische Gemischte Ausschuß hielt seine Jahreskonferenz im Frühjahr 1939 in München ab, zwecks Beschprechung der mit dem Warenverkehr des Jahres 1939 zusammenhängenden Fragen. Auf dieser Konferenz forderte die deutsche Regierung größere Lieferungen von landwirtschaftlichen Produkten, was ihnen seitens der ungarischen Delegation auch zugesagt wurde. So wurden 50% des Weizenexportüberschusses (höchstens 2,5 Millionen Doppelzentner), 35% des Roggenexportüberschusses und 60% des Maisexportüberschusses den Deutschen angeboten. Die Deutschen erklärten, sie wären geneigt jede Menge Gerste, Hafer und Mais zu übernehmen. Außerdem verpflichtete sich Ungarn selbstverständlich, die Tier- und Tierprodukten-, Obst-, Gemüseausfuhr usw. zu intensivieren.

Gleichzeitig mit der Forderung nach einer Steigerung der Ausfuhr von landwirtschaftlichen Erzeugnissen erklärte Deutschland, daß es im weiteren nicht geneigt sei, die hohen ungarischen Weizenpreise zu bezahlen[7] und daß der neue Preis aus einer Kombination der ungarischen und der Weltmarktpreise festgelegt werden müsse. Das war der erste Schritt zur späteren ungünstigen Entwicklung der Ausfuhr-Einfuhrpreise während des Krieges.

Noch nachteiliger als die Frage des Preisniveaus war aber die Ankündigung über die Steigerung des deutschen Exports von Industriewaren. Und dies um so mehr, als die deutschen Monopolisten hauptsächlich Kraftwagen, Kunstdünger, Glas- und Porzellanwaren zu exportieren wünschten, hingegen die Ausfuhr von Werkzeugmaschinen und Roheisen, was die ungarischen Kapitalisten dringend benötigten, ganz oder teilweise verweigerten. Da aber die wachsende Ausfuhr von landwirtschaftlichen Erzeugnissen den Außenhandelssaldo notwendigerweise zugunsten Ungarns vergrößerte, war die ungarische Delegation gezwungen, einer Erhöhung des industriellen Einfuhrkontingents zuzustimmen.[7a] Es ist nur zu natürlich, daß nach alldem die Dele-

[7] Zu Beginn der dreißiger Jahre hat Deutschland — um für die politischen und späteren wirtschaftlichen Vorteile seines Handelsverkehrs mit Ungarn eine Grundlage zu schaffen — von Ungarn das Getreide zu höheren Preisen als der damalige Weltmarktpreis übernommen.

[7a] L. A. A. M. Wp. S. Res. 30—1939.

gation ihren Bericht über die Verhandlungen in einem erbitterten Ton erstattete, wonach »die Tendenz zu beobachten gewesen sei, Ungarn auf das Niveau eines Rohproduzentenlandes herabzudrücken«.[8]

Kurz danach überreichte die deutsche Regierung den ungarischen Behörden ein Memorandum, in dem im wesentlichen Ungarns Platz und Rolle in den deutschen Plänen festgelegt wurde. Der erste Teil des Memorandums behandelte Fragen der ungarischen Landwirtschaft. Die wichtigsten deutschen Forderungen wurden folgendermaßen zusammengefaßt: »Die ungarische Landwirtschaft muß sich stärker als bisher den Bedürfnissen des deutschen Marktes anpassen.« Unter einer stärkeren Anpassung an die Bedürfnisse des deutschen Marktes verstand man, daß die ungarische Landwirtschaft ihre Produktion besonders von solchen Waren heben müsse, die die deutsche Kriegswirtschaft brauchte, vorwiegend Ölsamen, Weizen, Fettstoffen und Futterpflanzen. Die Deutschen waren geneigt die ganze ungarische Ausfuhr dieser Waren zu übernehmen. Gleichzeitig wurde auch darauf hingewiesen, daß eine Hebung des ungarischen Exports von landwirtschaftlichen Erzeugnissen — der ein erstrangiges Interesse der ungarischen Groß- und Mittelgrundbesitzer bildete — nur dann möglich sei, wenn als Gegenleistung Ungarn von Deutschland mehr Industrieprodukte übernimmt. Es wurde klipp und klar erklärt, daß parallel mit der zunehmenden Agrarausfuhr ». . . bei jeder Verhandlung die Notwendigkeit einer Steigerung der deutschen Einfuhr nach Ungarn in den Vordergrund zu stellen ist«. Im Interesse einer erhöhten Einfuhr von Industriewaren wurde sogar »eine Revidierung der ganzen ungarischen Einfuhrpolitik« gefordert, was die Aufhebung des Systems von Schutzzöllen und Einfuhrbeschränkungen nach sich gezogen hätte. Das wäre einer Auslieferung der ungarischen Industrie an die Interessen des deutschen Finanzkapitals gleichbedeutend gewesen. Bezüglich der ungarischen Industrie erhielt der zweite Teil des Memorandums völlig extreme »Vorschläge«. Vielsagend ist schon der Titel dieses Kapitels im Memorandum: »Anpassung der ungarischen industriellen Produktion an die deutschen Ausfuhrbedürfnisse«. Unter »Anpassung an die deutschen Ausfuhrbedürfnisse« verstand man folgendes: Da die Einfuhr der deutschen Industrieartikel sehr wichtig sei, ist für Ungarn die Entwicklung der landwirtschaftlichen Industrie am zweckmäßigsten, und das stünde auch in keinem Gegensatz zu den deutschen Einfuhrinteressen! Außer den Zoll- und anderen Forderungen gingen sie in der Einmischung in die inneren ungarischen Angelegenheiten so weit, daß sie die Abschaffung der Steuer- und Kreditbegünstigungen für ungarische Fabriken verlangten, da diese — wie offen erklärt wurde — der deutschen Konkurrenz auf dem ungarischen Markt Schwierigkeiten bereiten.[9]

[8] L. A. A. M. Wp. S. Res. 30. — 1939.
[9] Zentralwirtschaftsarchiv. Ungarische Nationalbank 7/1940.

Die deutschen Ansprüche waren darum so gefährlich, weil sie — selbst in ihren extremsten Formen — auch ungarische Fürsprecher fanden, und zwar gerade in den Regierungskreisen unter den Leitern der zuständigen Ministerien. Industrieminister Antal Kunder schlug z. B. in seiner Eigenschaft als Sprachrohr des deutschen Finanzkapitals den ungarischen Fabriksbesitzern vor, sie sollen mit den Vertretern der entsprechenden deutschen Industriezweige ein Abkommen abschließen, und feststellen, für welche Artikel »die Produktionsbedingungen in Ungarn am günstigsten seien und bei welchen eine Einfuhr aus Deutschland zweckmäßiger wäre«. Kunder verkündete auch die deutsche Forderung, wonach »der deutsche Import von den bisherigen Beschränkungen zu befreien sei«.

Der Landesverband der Ungarländischen Fabrikindustriellen verwahrte sich aufs schärfste dagegen. Unter anderem wurde darauf hingewiesen, es hänge davon ab, ob deutsche oder ungarische Industrievertreter feststellen, was für die ungarische Industrieproduktion als rentabel zu betrachten sei. Das deutsche Finanzkapital wendet nämlich Ungarn gegenüber oft besondere Exportpreise an, um auf die Weise die ungarische Industrie bewußt zu untergraben. Diese Preise sind aber nicht rentabel und im Falle der Stillegung der ungarischen Fabriken würden sie zweifelsohne sofort erhöht werden. Gleichzeitig sehen sie aber klar — und das war meistens bestimmend für die Stellungnahme der deutschfeindlichen Gruppen in den ungarischen herrschenden Klassen —, daß »die Zeit der prinzipiellen Ablehnung vorbei ist . . . und . . . wir die bestehende Lage in Betracht ziehen müssen«. Ebendeshalb traten sie mit Überbrückungsvorschlägen auf: sie schlugen Marktsicherungsabkommen vor, bezogen den Standpunkt, daß »die zukünftigen Industrieentwicklungsmöglichkeiten nicht geopfert werden dürfen . . . Es kann nur von einer Aufschiebung der Industrieentwicklung die Rede sein, und gerade auf diesem Gebiet könnten wir den Deutschen wesentliche Zugeständnisse machen«.[10] Diese Konzeption — Positionssicherung durch Zugeständnisse — war ebenfalls für die Stellungnahme derjenigen Vertreter der herrschenden Klassen bestimmend, die sich um den Landesverband der Ungarländischen Fabrikindustriellen gruppiert hatten.

Das Finanzkapital erkannte in dem gegen die Industrie gerichteten Angriff auch die politischen Bestrebungen, István Bethlen hat in diesem Zusammenhang erklärt: ». . . Bei den unlängst stattgefundenen Verhandlungen zog sich wie ein roter Faden die seitens unserer Verhandlungspartner an uns gerichtete Warnung: Forcieren Sie die ungarische Industrie nicht . . . Sie sind doch ein Agrarland, bleiben Sie auch weiterhin ein Bauernland und verkaufen Sie uns ihre landwirtschaftlichen Produkte . . . Wir werden Sie schon mit Industrieartikeln versehen . . . Das bedeutet eine völlige wirtschaftliche

[10] Honi Ipar (Heimische Industrie) in den Nummern vom 15. März. 1., April und 1. Mai 1939.

Abhängigkeit, eine völlige wirtschaftliche Penetration seitens Deutschlands, der nur eine politische Abhängigkeit folgen kann.«[11]

Über die drohende Gefahr der deutschen wirtschaftlichen Expansion hinaus erkannten das Finanzkapital und die Großgrundbesitzerkreise in den deutschen Großmachtbestrebungen die Schranken ihrer eigenen politischen Bestrebungen.

Am 1. September 1939 entfesselte Hitler-Deutschland durch den Angriff auf Polen den zweiten Weltkrieg. Die deutschen militärischen Anfangserfolge in Polen und später in Westeuropa gingen mit einer Steigerung der Ansprüche und des Druckes einher. Nach Kriegsbeginn forderten die nazistischen Führerkreise — gestützt auf ihre treuen Vasallen — immer dringlicher die Verwirklichung ihrer Ungarnpläne. 1940 war die oben angedeutete Wandlung im deutschen Verhalten bei den damaligen Handelsverkehrsverhandlungen bereits klar zu beobachten. Die deutsche Regierung kündigte schon damals an, daß sie ihren Lieferungsverpflichtungen bei einer ganzen Reihe von wichtigen Artikeln nicht nachkommen würde, die ungarische Ausfuhraber dessen ungeachtet bis zur Grenze des Möglichen zu steigern wäre! Nun wird das Programm der völligen Ausraubung des Landes zum erstenmal offen in Worte gefaßt. Dieses Programm wurde in den folgenden Jahren unzähligemal wiederholt: »Die beiden Länder, von denen das eine in einem Kampf auf Leben und Tod steht, das andere aber keinen Krieg führt, haben einander in allem zu helfen, was das eine dem anderen geben kann, ohne die Lieferungen momentan in ein genaues Gleichgewicht zu bringen, so wie es unter guten Freunden üblich ist, jeder bis zur äußersten Grenze seiner Leistungsfähigkeit, eingedenk dessen, daß der andere die erhaltene Hilfe rückerstatten werde, wenn er sich wieder in einer leichteren Lage befinde.«[12]

Die immer agressiveren Aktionen gegen Ungarn bildeten natürlich einen organischen Teil der nach allen südosteuropäischen Ländern gerichteten Expansion, die bereits zur Zeit der Kriegsvorbereitungen zur Geltung kam. Nach der Entfesselung des Krieges ist für das Dritte Reich die völlige Verwirklichung seiner Pläne dringend notwendig geworden. Zu diesem Zweck wurde im Frühjahr 1940 die Südosteuropäische Gesellschaft ins Leben gerufen. Der Berliner ungarische Gesandte stellte in seinem Bericht fest, daß die deutschen Wirtschaftskreise infolge der Einführung der Seeblokade mit erhöhter Intensität auf die weitere Entwicklung ihrer wirtschaftlichen Beziehungen mit Südosteuropa hinarbeiten.

Auf dem Gebiet der Landwirtschaft wurde im Interesse des Ausfuhrvolumens der auf Ungarn lastende Druck immer mehr verstärkt. Im Herbst

[11] L. A. Parlamentsausschuß. XVII. — 84. — I. 23. 1939.
[12] L. A. A. M. Wp. S. Res. 1940. 12.

1940 wurden die Moritz—Jurcsekschen Besprechungen geführt. In dem Abkommen vom 9. Oktober wurde zwischen Deutschland und Ungarn eine engere wissenschaftliche und praktische Zusammenarbeit auf dem Gebiet der Landwirtschaft festgelegt. Die Agrarexperten beider Länder sollten unter Anleitung der deutschen Versorgungs- und Landwirtschaftsminister sowie des ungarischen Ackerbauministers einen gemeinsamen Versuchs- und Forschungsplan ausarbeiten und dessen Ergebnisse gegenseitig austauschen. Ferner wurden laut der Vereinbarung deutsch—ungarische gemischte Ausschüsse gebildet, deren Aufgabe darin bestand, die Qualität der nach Deutschland gehenden und in dem Abkommen erwähnten Agrarprodukte zu verbessern und im Interesse der Mehrproduktion — aber im Einklang mit den Verbrauchstraditionen — neue Saatkörner und Produktionsmethoden einzuführen. In einem Punkt wurde die stufenweise Vergrößerung der ungarländischen Ölsamensaatgebiete und parallel damit eine bestimmte Steigerung der nach Deutschland gerichteten Ölsamenausfuhr auch zahlenmäßig festgestellt, während ein anderer Punkt ähnliche Vereinbarungen in bezug auf die Futtersamen enthielt[12a]. Trotz des immer empfindlicher werdenden deutschen Druckes hat die landwirtschaftliche Ausfuhr selbst im Jahre 1940 nicht zugenommen, sondern abgenommen. Die Ursache davon lag in einer katastrophalen Mißernte. Nicht nur daß von bedeutenden Produktionsüberschüssen keine Rede sein konnte, nicht einmal die einheimischen Bedürfnisse vermochten befriedigt zu werden, und dies um so weniger, als im Herbst 1940 die Bevölkerung des Landes durch die Eingliederung eines Teils von Siebenbürgen wesentlich gewachsen ist und diese Territorien selbst auf einen Agrarimport angewiesen waren.

Die Lage in der Industrie war vor allem dadurch gekennzeichnet, daß zu jener Zeit keine bedeutenden Operationen zu Lande im Gange waren. In Deutschland wurde die Kriegsproduktion nicht gesteigert,[13] ein Teil der mächtigen deutschen Schwerindustrie ist frei geworden. Das deutsche Finanzkapital war demzufolge bestrebt, seine Märkte zu erweitern, die Fertigwarenausfuhr zu vergrößern, um auf diese Weise eine Vollbeschäftigung zu sichern. Die früher bemerkbaren deutschen Eroberungsbestrebungen und die wirtschaftliche Expansion wurden jetzt unverhüllter. Gleichzeitig verstärkte sich der politische Terror des deutschen Faschismus, der besonders nach dem Überrennen Südosteuropas bedrohlicher und für Ungarn noch dadurch unheilvoller wurde, daß er auch innerhalb des Landes eine starke Basis besaß. Der deutsche Faschismus verlieh seinen maßlosen Ansprüchen durch eine zynisch offene Formulierung seiner schon früher bemerkbaren Tendenzen Ausdruck. Im Frühjahr 1941 teilte der provisorische ungarische Geschäfts-

[12a] L. A. A. M. Wp. S. Res. 336—1942.
[13] Vgl.: Die deutsche Industrie im Kriege. 1939—1945. Berlin 1954.

träger in Berlin, Szentmiklóssy, in einem Geheimschreiben an den ungarischen Ministerpresidenten Bárdossy mit, daß die Deutschen in der Frage der »Neuordnung Europas« durch den halbamtlichen Sprecher des Außenamtes ihr Wirtschaftsprinzip ganz offen und klar dargelegt hätten. Unmißverständlich haben sie dort ihre dahingehende Meinung zum Ausdruck gebracht, daß sich die südosteuropäischen Staaten »an ihre natürlichen Bedingungen anzupassen hätten« und daß die Industrialisierung »im Gegensatz zum landwirtschaftlichen Charakter dieser Länder stünde. Als eine brutale Abfassung ihrer Kolonialisierungsinteressen wurde folgendes erklärt: »Gleichzeitig mit der politischen Revision haben sich die südosteuropäischen Länder auch wirtschaftlich den Anforderungen der kontinentalen Ökonomie (d. h. des deutschen Finanzkapitals) anzupassen. Ihre landwirtschaftliche Produktion wird von den Bedürfnissen der anderen Teile des Kontinents gelenkt. Als Hauptprodukte kommen Getreide und Ölsamen in Betracht, ergänzungsweise sind auch andere Industriepflanzen anzubauen, und in diesem Zusammenhang kann sich auch eine landwirtschaftliche Industrie entfalten... Die Rohstoffproduktion (gemeint sind Öl, Erze und Leichtmetalle) wird unter Ausnützung von Wasserkräften durch ihre örtliche Verarbeitung zu Halbfabrikaten ergänzt« wurde jetzt nun viel gebieterischer, als in den Jahren 1938 und 1939 erklärt. Zum Abschluß machte Geschäftsträger Szentmiklóssy auf Folgendes aufmerksam: »In industrieller Hinsicht können wir vom ungarischen Gesichtspunkt aus mit dreierlei deutschen Plänen rechnen, die sich in kleinerem Maße auch bisher geoffenbart hatten: Bei der Schaffung und Entwicklung der landwirtschaftlichen Industriezweige arbeiten die Deutschen auf eine »gelenkte Zusammenarbeit« hin, was bedeuten würde, daß sie durch ihre ständig zu gewärtigenden Einmischungen die Entwicklung auf diesem Gebiete den Bedürfnissen des deutschen Marktes gemäß gestalten würden. Bei den schon bestehenden Industriezweigen hingegen besteht die Absicht, diese in die deutschen Interessensphären einzubeziehen. Schließlich wird die Entstehung von vom deutschen Gesichtspunkt aus ungünstigen Industrieunternehmungen mit allen Mitteln hintangehalten, die als nützlich erachteten aber mit deutschem Kapital oder zumindest mit deutscher Kapitalbeteiligung gegründet werden«.[14]

Die immer hemmungsloseren imperialistischen Eroberungsbestrebungen gingen zu dieser Zeit schon weit über die prinzipiellen Erklärungen hinaus und zielten darauf hin, die für sie unnötigen, sogar unvorteilhaften Zweige der ungarischen Industrie durch einen verschärfteren Wirtschaftswettbewerb zugrunde zu richten bzw. eine Entfaltung ihrer Produktionskapazität zu vereiteln. Demzufolge wurde der deutsche Warenimport nach Ungarn im Laufe des Jahres 1940 *erheblich gesteigert*. Unter Berufung auf die ungarischen

[14] L. A. A. M. Wp. S. Res. 466—1941.

bzw. deutschen Gebietserweiterungen ist es den Deutschen mehrmals gelungen, ihre Einfuhrkontingente beträchtlich zu erhöhen. So z. B. im Januar 1940 und laut des für das folgende Wirtschaftsjahr gültigen Vertrags vom Juli 1940 unter Berufung auf die Eingliederung der Karpato-Ukraine an Ungarn und auf die Gebietserweiterungen Deutschlands, sowie am 15. September 1940 unter Bezugnahme auf die Einverleibung Nordsiebenbürgens und 1941 der Südgebiete. Demzufolge ist der schon an sich enorme deutsche Warenimport im Laufe eines einzigen Jahres (1940) um 35% gewachsen und die deutsch—ungarischen Außenhandelsbilanz war seit langen Jahren zum erstenmal wieder passiv.[15] Dazu trug auch der Umstand bei, daß auf deutsche Forderung der Preiszuschlag der deutschen Mark erhöht wurde.

Über den, auf dem inneren Markt ausgetragenen erbitterten Konkurrenzkampf hinaus, bei dem die deutschen Monopolisten von den Schleuderpreisen bis zur Industriespionage zu allen Mitteln griffen, trat das deutsche Finanzkapital *auch auf dem Balkan* gegen die ungarischen Unternehmen, insbesondere die ungarische Schwerindustrie auf. Obwohl die ungarische Delegation bereits anläßlich der deutsch—ungarischen Wirtschaftsverhandlungen im Jahre 1939 zur Sprache brachte, daß die ungarische Industrie für die durch den deutschen Fertigwarenimport verursachten Schäden in der Form zu entschädigen wäre, daß »Deutschland uns auf den Balkanmärkten keine Konkurrenz machte«...[16], wurde die deutsche Konkurrenz auch auf diesem Gebiet immer rücksichtsloser. So hat sie den ungarischen Industrieexport nach Jugoslawien zurückgedrängt, wodurch für Ungarn ein Passivsaldo von mehreren Millionen entstand.[17] Kennzeichnend für die deutsche Konkurrenz und ihre Methoden ist folgendes : Als die bulgarische Regierung bei der ungarischen Firma »Standard« Fernsprechzentralen und Apparate im Werte von 100 Millionen Leva bestellte, intervenierten die zuständigen deutschen Ministerien bei der bulgarischen Regierung und verlangten die Bestellung für sich selbst, wobei sie ihre Forderungen sogar mit militärischen Lieferungen verbanden, so daß die bulgarische Regierung nachzugeben gezwungen war.[18] Die ungarische Gesandtschaft in Ankara teilte in ihrem Bericht mit, daß die Deutschen billigere Eisenhalbfabrikate zu liefern versprachen, als dies in der Weiss-Manfred—Sumer-Bank-Abmachung vorgesehen war.[19] Ein Bericht der Berliner ungarischen Gesandtschaft besagt über die mächtige deutsche Konkurrenz folgendes : »In letzterer Zeit erleiden wir nicht nur bei unseren konkreten Bitten eine Abfuhr, sondern ich muß auf Schritt und Tritt die Erfahrung machen, daß uns deutscherseits

[15] Magyar Gyáripar (Ungarische Industrie). Nr. 12, 1940. Statisztikai Évkönyv (Statistisches Jahrbuch) 1940.
[16] L. A. A. M. Wp. S. Deutsches Dossier. 101.
[17] ZWA. Industriesekretariat der Commerzbank 39.
[18] L. A. A. M. Wp. S. Chiffredepesche vom 28. Januar 1941.
[19] L. A. A. M. Wp. S. Res. 1941.

auch in dritten Ländern . . . durch die dort angewandten politischen Erpressungmaßnahmen Konkurrenz gemacht wird . . .«[20]

Es wäre aber irrig, aus alldem die Schlußfolgerung zu ziehen, daß es den deutschen Monopolisten in den Jahren 1939 und 1940 gelungen wäre, die ungarische Industrieproduktion zurückzudrängen. Die große Kriegskonjunktur hat der ungarischen Industrie wachsende Produktionsmöglichkeiten gesichert, die durch den zunehmenden deutschen Export nur in geringem Maße gestört werden konnten. Den Deutschen ist es zwar gelungen, einige Gebiete der ungarischen Wirtschaft — Landwirtschaft, Rohstofferzeugung — vor 1941 in den Dienst der Interessen der deutschen Kriegswirtschaft zu stellen, doch vermochte das wirtschaftlich mächtige ungarische Finanzkapital trotz des großen Druckes seine Positionen in Bezug auf die Industrie, an die sich keine unmittelbaren deutschen kriegswirtschaftlichen Interessen knüpften, weiterhin zu wahren.

Nachdem die ganze Wirtschaft der unterjochten Länder Europas in den Dienst der eigenen Kriegswirtschaft gestellt wurde, brachen die hitlerfaschistischen Truppen am 22. Juni 1941 treubrüchig in das Gebiet der Sowjetunion ein. Mit dem Angriff gegen die Sowjetunion trat der Krieg in eine neue Phase. Die deutsche Kriegsführung, die — von ihren bisherigen Erfolgen geblendet — auch hier mit einem Blitzkrieg rechnete, machte ungeheuere Vorbereitungen zur raschen Niederwerfung der Sowjetunion. Hitler-Deutschland verlangte, daß das Wirtschaftsleben der Vasallenstaaten noch mehr in den Dienst der deutschen Kriegsmaschinerie gestellt werde. Die Teilnahme an dem antisowjetischen Krieg bedeutete für Horthy-Ungarn, daß es noch mehr zu einem Vasallenstaat herabsank und sich wirtschaftlich und politisch Deutschland auslieferte. Dieser Schritt der ungarischen herrschenden Klassen war der Gipfel landesverräterischer Politik und trieb das Land an den Rand der unvermeidlichen Katastrophe.

Die deutsche Kriegsführung war sich schon vor der Entfesselung des antisowjetischen Krieges bewußt, daß dieser Angriff eine alles bisherige übersteigende Anstrengung von der deutschen Kriegsmaschinerie und vom deutschen Wirtschaftsleben erfordern würde. Deshalb wurde die ganze Wirtschaft der unterjochten und Vasallenländer in die Kriegsvorbereitungen mit einbezogen. So wurden vor allem die Ausfuhrtransporte der Rohstoffe und Lebensmittel bedeutend gesteigert. Im Laufe der deutsch—ungarischen Wirtschaftsverhandlungen vom Juli 1941 für die Jahre 1941 und 1942, verpflichtete sich die ungarische Abordnung, daß Ungarn 5% seiner »Weizen- und Roggenüberschüsse« — was nach der Befriedigung der dürftigen Rationen noch übrigbleibt — Deutschland sichern werde. Außerdem verpflichtete sich die ungarische Regierung, bis zur Beendigung des Krieges die Agrarüberschüsse

[20] L. A. A. M. Wp. S. Res. 1941. — 111.

aus den einverleibten Südgebieten auszuführen. Der Vertrag gestattete Ungarn nur die Deckung des eigenen Ölkuchen- und Hanfbedarfes, und zwar lediglich in einer, der früheren jugoslawischen Einfuhr entsprechenden Menge. Außer den Geitreideüberschüssen wurden die gesamten Ölsamen und 80% der Maisüberschüsse nach Deutschland ausgeführt. Zur Sicherstellung der großen »Überschußmengen« erschien am 15. August eine Verordnung, die das Getreideausmahlen regelte, höheres Ausmahlprozent vorsah und eine sparsame Mehlwirtschaft vorschrieb. Dieser Verordnung folgte aber bald eine noch strengere »Sparsamkeitsverordnung« : am 6. September wurde in Budapest und Umgebung — also in erster Reihe zuungunsten der breitesten Arbeitermassen — das Mehl- und Brotkartensystem eingeführt. Die Ration wurde auf monatlich 2 kg Mehl und täglich 250 g Brot festgestellt.

Auf dem Gebiet der Tierausfuhr wurde eine Ausfuhrverpflichtung von jährlich 56 000 Rindern und ebensoviel Schafen übernommen. Entgegen dem ungarischen Angebot, 100 000 Schweine zu liefern, forderten die Deutschen 175 000 Stück.[21]

Innerhalb von wenigen Monaten ist aber infolge der Niederlage der deutschen Truppen bei Moskau klar geworden, daß die Aussichten auf einen Blitzkrieg zusammenstürzten und die faschistischen Eindringlinge noch harte, langwierige Kämpfe werden bestehen müssen. Dieser Umstand stellte das deutsche Wirtschaftsleben vor immer größere Schwierigkeiten, denen es nicht mehr gewachsen war. In dem Maße, wie die deutschen Schwierigkeiten wuchsen, wurden auch die Maßnahmen gegen die unterjochten und Vasallenstaaten drückender. Im Dezember 1941 beordnete Ribbentrop den ungarischen Ministerpresidenten Bárdossy zu sich und forderte mit unmißverständlicher Offenheit eine weitere Steigerung der Ausfuhr. In seinen vertraulichen Aufzeichnungen berichtete Bárdossy über sein Gespräch mit Ribbentrop : »Er berief sich darauf, daß sie gegenwärtig auf dem Maximum ihrer Kraftanstrengungen stünden und er zugeben müsse, daß sie jetzt alles bedürften, um das augenblickliche gigantische Ringen mit Erfolg zu Ende führen zu können. Er sage es mir offen, daß es in erster Reihe auf Öl und Getreide ankomme! Er bittet uns, alles zu tun, wir müßten doch selbst einsehen, daß in den jetzigen Kämpfen sie die größten Opfer brächten, und alle, die über entbehrliche Vorräte verfügen, müßten dem Deutschen Reich zu Hilfe eilen . . .« Zwei Tage später waren schon konkrete Verhandlungen über die Erhöhung der Ausfuhrtransporte im Gange. Die Verhandlungen wurden deutscherseits von Clodius und Moritz, ungarischerseits vom Staatssekretär im Versorgungsministerium István Losonczy geführt. Im Laufe dieser Verhandlungen begnügte sich die Nazi-Regierung schon nicht mehr mit den sogenannten »Überschüssen«, sondern for-

[21] L. A. A. M. Wp. S. Geheimprotokoll Nr. 21 über die deutsch—ungarischen Besprechungen 7—29. Juli 1941.

derte weitere Opfer. Und was in der Ribbentropschen Abfassung noch als Übergabe von »entbehrlichen Überschüssen« figurierte, wurde hier schon mit brutaler Offenheit folgendermaßen gefordert: ». . . wir mögen uns nicht darauf berufen, daß wir von dem einen oder anderen Produkt heute oder im folgenden Jahr keine Überschüsse hätten, sondern eilen wir ihnen selbst um den Preis einer gewissen Beschränkung der einheimischen Versorgung zu Hilfe«.[22] Wie es in dem Bericht des Berliner ungarischen Gesandten Döme Sztójay über die Verhandlungen heißt, »gab Losonczy sein Versprechen, daß er das berücksichtigen würde, und daß die ungarische Regierung deshalb beabsichtigte, bei wichtigen Versorgungsgütern noch weitere Beschränkungen und Rationen einzuführen, um einem solchen Ersuchen gerecht werden zu können«.[23] Demzufolge wurde im Februar 1942 und in den folgenden Monaten die Brotration auf 200 g, die monatliche Mehlration auf 1,6 kg herabgesetzt. Im Sommer 1942 wurden noch weitere Einschränkungen eingeführt und die Brotration auf 150 g gesenkt. Die bedingungslose Auslieferung der ungarischen Wirtschaft dem deutschen Faschismus brachte die ungarischen Arbeiter und Werktätigen in eine sehr schwere Lage. Die Bevölkerung Ungarns war selbst in europäischer Relation am schlechtesten versorgt. Im Frühjahr 1942 betrug die tägliche Brotration in Deutschland 286 g, die monatliche Zucker- bzw. Fettration 1012 bzw. 927 g — in Ungarn hingegen war die Brotration nur 200 g, die monatliche Zuckerration 600 g und die Fettration 720 g.[24]

In den Jahren 1942—43 vermochte man trotz äußerster Einschränkung des einheimischen Verbrauchs den deutschen Ansprüchen immer weniger gerecht werden. Der Grund hierfür lag aber nicht etwa darin, als ob die Politiker Horthy-Ungarns die Lieferungen sabotiert hätten, wie einige emigrierte Politiker nachträglich zu erklären suchten, sondern ganz entschieden darin, daß Ungarn während der Kriegsjahre einige Mißernten hatte. Wenn wir die Durchschnittsziffer der Brotgetreideproduktion in den Jahren 1929 bis 1938 mit 100 annehmen, so betrug sie 1940 — 83,1, 1941 — 84,1 und 1942 insgesamt nur 76,2. Eine gute Ernte hatte das Land nur in den Jahren 1943 und 1944. Ähnlich gestaltete sich die Lage bei Gerste, Mais und anderen landwirtschaftlichen Produkten. Hinzu kam der Bedarf der angeschwollenen Armee und die Deckung der Bedürfnisse der an Ungarn gegliederten Territorien. Diese Gebiete konnten nämlich ihre eigenen Bedürfnisse nur in geringem Maße decken (Siebenbürgen, Karpato-Ukraine). Wo aber Überschüsse vorhanden waren (Batschka), wurden diese — wie erwähnt — samt und sonders von den Deutschen beschlagnahmt. Unter solchen Umständen war die Auf-

[22] L. A. A. M. Wp. S. Res. 996. vom 10.12. 1941.
[23] L. A. A. M. Wp. S. Res. 1006. vom 12.12. 1941.
[24] Lagebericht Nr. 50 des Ungarischen Wirtschaftsinstituts, S. 111.

rechterhaltung der früheren Exportquoten — ohne im Lande eine katastrophale Hungersnot hervorzurufen — ein Ding der Unmöglichkeit geworden.

Man war aber bestrebt, auf zahlreichen anderen Gebieten Entschädigungen zu bieten, und zu diesem Zweck wurden in der bisherigen Struktur der ungarischen Landwirtschaft einige Abänderungen vorgenommen. Das Saatgebiet der von den Deutschen geforderten Ölpflanzen wurde im Verordnungswege erweitert, der Sonnenblumenanbau wurde auf Landgütern von über 50 Joch für obligatorisch erklärt, und zwar auf 5% des gesamten Saatgebietes ; hinzu kam ein weiterer 2prozentiger Rizinusanbau auf Landgütern von über 200 Joch. Im Jahre 1942 wurde der Pflichtanbau für Ölpflanzen auch auf Landgüter von über 15 Joch ausgedehnt, und zwar in einem noch höheren Maße als früher (7%). Demzufolge sind während des Krieges auch in der Struktur der Saatgebiete bedeutende Verschiebungen eingetreten. Am meisten ist das Saatgebiet der Industriepflanzen gewachsen : im Vergleich zu 1931—1939 stieg es bis zum Jahre 1944 fast auf das 3,2fache. Besonders erfuhr der Anbau von Ölsamen einen stürmischen Auftrieb. Wenn wir das Sonnenblumensaatgebiet der Jahre 1936—1938 als 100 annehmen, so war es 1944 schon 1858, für Flachs 407 usw. Im Zusammenhang mit der Ablieferungsverordnung war die Entwicklung der Halmfutterproduktion ebenfalls bedeutend.[25]

Die im Krieg vorgenommenen Veränderungen kamen in der gegebenen Lage in erster Reihe den Interessen der deutschen Kriegswirtschaft zustatten und haben zur Sicherung der deutschen Rohstoffversorgung beigetragen.

Außer der Ausfuhr von Getreide, Fleisch, Fett usw. traten die deutschen Monopolisten auch in Bezug auf die Ausfuhr von militärisch lebenswichtigen ungarländischen Rohstoffen (z. B. Öl und Bauxit) mit immer höheren, enormen Forderungen auf. Die ungarische Abordnung verpflichtete sich bereits bei den im Juli 1941 stattgefundenen Verhandlungen zur Lieferung großer Mengen der erwähnten Rohstoffe. Laut Vereinbarung sollten im nächsten Jahr 830 000 Tonnen Bauxit sichergestellt werden. Tatsächlich wurden im Jahre 1942 865 000 Tonnen exportiert, wobei die Gesamtproduktion 988 547 Tonnen betrug. Am 1. August 1942 verpflichtete sich die ungarische Regierung auf Grund zwischenstaatlicher Vereinbarungen zu einer jährlichen Ausfuhr von einer Million Tonnen Bauxit. Die gesamte Produktion lag damals noch unter dieser Ziffer, und das erwünschte Ausfuhrniveau wurde erst 1943 erreicht. Fast die gesamte Produktion wurde auch in jenem Jahr Deutschland zur Verfügung gestellt, doch genügte sie nicht mehr. In einer Vereinbarung von 1943 wurde eine weitere Steigerung der Bauxitproduktion im Wirtschaftsjahr 1943/44 bis auf 1,5 Millionen Tonnen, und im Wirtschaftsjahr 1944/45 sogar bis auf 2 Millionen

[25] *Miklós Szuhay*, Staatliche Einmischung und die ungarische Wirtschaftsproduktion im zweiten Weltkriege (Manuskript).

Tonnen vorgesehen, um diese Mengen sogleich nach Deutschland exportieren zu können.[26]

In gleichem Maße wuchsen die deutschen Ansprüche auf einen immer größeren Teil des ungarischen Ölschatzes. In Ungarn nahm die Ölproduktion erst am Vorabend des Krieges (1937) ihren Anfang. Die amerikanisch interessierte MAORT (Ungarisch—Amerikanische Ölindustrie-Aktiengesellschaft) trieb ihre Produktion in den Kriegsjahren immer mehr in die Höhe und trug damit zur Versorgung der Wehrmacht bei. Der Großteil der jährlich wachsenden Ölproduktion wanderte nämlich nach Deutschland. Im Jahre 1937 betrug die Ölproduktion noch kaum mehr, als 2000 Tonnen, und selbst 1938 bewegte sie sich noch um 43 000 Tonnen. In den Kriegsjahren nahm die Produktion einen stürmischen Anlauf. 1939 wurden 143 000, 1941 bereits 422 000, und 1943 bereits 842 000 Tonnen Öl erzeugt.[26a] Wie sich der Industrieminister 1942 auf einer Geheimkonferenz äußerte, »könnte diese Politik den ganzen Landesbedarf auch ohne Beschränkungen reichlich decken. Der Grund der Einschränkungen liegt im Kriegsbedarf und darin, daß wir zu Zwecken der gemeinsamen Kriegsführung nach Deutschland und Italien beträchtliche Mengen von verarbeitetem Rohöl und sogar auch Rohöl ausführen.«[27] Ende 1941 konnte zum Beispiel ein außerordentlicher Öltransport von 80 000 Tonnen erst nach völliger Lahmlegung des privaten Kraftwagenverkehrs nach Deutschland ausgeführt werden. Als bei der erwähnten Besprechung zwischen Bárdossy und Ribbentrop der ungarische Ministerpresident sich hierauf berief, »holte Ribbentrop eine Aufzeichnung hervor, warf einen Blick darauf und bemerkte, daß die Deutschen tatsächlich von uns unlängst 80 000 Tonnen erhalten hätten und sehr dankbar dafür seien. Seines Erachtens könnte aber diese Menge auf 120 000 Tonnen erhöht werden«.[28] Im Jahre 1942 wurden rund 300, 1944 400 000 Tonnen Öl nach Deutschland ausgeführt — größtenteils raffiniert. Das war ungefähr die Hälfte der gesamten ungarischen Ölproduktion.[29]

Neben Bauxit und Öl legten die Deutschen großes Gewicht auf die Ausfuhr jedes auffindbaren und transportfähigen Rohstoffes. Stark forcierten sie zum Beispiel die ungarische Manganerzproduktion. Deutschland konnte seinen Bedarf an Manganerz bei weitem nicht aus eigenen Mitteln decken und bedurfte eines Imports von ungefähr 500 000 Tonnen. Während der zeitweiligen Besetzung der Ukraine konnten sie sich an den sowjetischen Mineralschätzen

[26] L. A. A. M. Material des Ausschusses für Friedensvorbereitung II/2—28/13 und I/1—3/1—24/20. L. A. A. M. Wp. S. Geheimprotokoll Nr. 25 über die deutsch—ungarischen Besprechungen. 13.2—7.8. 1943.

[26a] Auf Grund der Statistischen Jahrbücher.

[27] L. A. Parlamentsakten. Protokoll des 42er Ausschusses vom 19.10. 1942. XXX. S. 349.

[28] L. A. A. M. Wp. S. Res. 996. vom 10.12. 1941.

[29] L. A. A. M. Wp. S. Paket 706. Geheimprotokoll Nr. 25 über die deutsch—ungarischen Besprechungen. S. 71—73.

schadlos halten, nach dem deutschen Rückzug und nach dem Verlust der geraubten Gebiete war der Mangel an Manganerz besonders spürbar. In jener Zeit hat das deutsche Finanzkapital die ungarische Manganproduktion auch mit eigenen Kapitalinvestitionen gefördert. Im Jahre 1938 machte die Produktion alles in allem nur 15 000 Tonnen aus, nach Kriegsausbruch belief sie sich auf 60 000, 1941 auf 70 000, 1942 auf 87 000 Tonnen, während sie 1943 schon 102 000 Tonnen erreichte.[30]

Auch ein Großteil der ungarischen Holzschätze wurde von den Deutschen ausgebeutet. Im Jahre 1942 wurden 110 000 m^3 Holz nach Deutschland exportiert, darüber hinaus wurde noch um weitere 80 000 m^3 Nadelholz für den Bedarf der Wehrmacht ersucht. »Obzwar uns der von den Deutschen gewünschte Rahmen als zu hoch erscheint...« stellte der ungarische Außenhandelsausschuß fest, »... werden sie mit Rücksicht auf höhere Interessen den Deutschen bewilligt, es kommt sogar die Schaffung einiger, ausschließlich für die Wehrmacht arbeitender Sägewerke in den Ostkarpaten in Betracht.« Selbst auf Kosten des »Zivilkontingents« sollten den Deutschen gewisse Holzmengen zur Verfügung gestellt werden.[31]

All das bedeutete, daß die entscheidenden rohstoffproduzierenden Industriezweige in hohem Maße mit der Erfüllung deutscher Bestellungen beschäftigt waren.

Die gesteigerte Ausfuhr von Lebensmitteln, landwirtschaftlichen und industriellen Rohstoffen stimmte vollkommen mit jenem schon früher bemerkbaren deutschen Wunsch überein, wonach Ungarn auf das Niveau eines rohstoffproduzierenden Landes herabgedrückt werden sollte. Hierin brachte der Krieg nur insofern eine Änderung, daß die deutschen Forderungen *quantitativ* außerordentlich anstiegen und die Ausfuhr bis zur maximalen Grenze anwuchs. Der antisowjetische Krieg erforderte aber vom faschistischen Deutschland solche Anstrengungen, die seine Kräfte überstiegen. Es genügte nicht mehr, die Wirtschaftsquellen der besetzten Teile Europas mit allen Mitteln in den Dienst der eigenen Kriegsmaschinerie gestellt zu haben. Deutschland war gezwungen, in diesen Gebieten weitere Schritte zur Erweiterung der ihm zur Verfügung stehenden Industriekapazität zu unternehmen. So sah sich Deutschland bemüßigt, Ungarns *Industrie* ebenfalls in die industrielle Versorgung der deutschen Armee einzuschalten. Das Wesen der Dinge bestand darin, daß — obwohl sie unverändert, ja sogar in gesteigertem Maß eine völlige wirtschaftliche Unterwerfung Ungarns erstrebten und bezüglich der ferneren wirtschaftlichen Entwicklung Ungarns im Grunde genommen ihre alten Pläne

[30] L. A. A. M. Material des Ausschusses für Friedensvorbereitung I/1—3/1—24/20 und II/2—28/13.

[31] L. A. A. M. Wp. S. Protokoll 697 des außenpolitischen Ausschusses über die Sitzung vom 10.12.

aufrechterhielten — sie zumindest für *die Dauer des Krieges gezwungen waren, die ungarische Industrie*, hauptsächlich die Kriegsindustrie, *zu fördern*. Auch solche Industriezweige waren darunter, deren Entwicklung sie früher mit allen Mitteln zu hintertreiben versuchten: jetzt aber benötigten sie die Produkte dieser Industriezweige und waren auch ihrerseits bestrebt, ihren Ausbau zu fördern. In diesem Zusammenhang schreibt der Berliner ungarische Gesandte Sztójay in einem Bericht, daß durch den antisowjetischen Krieg »der wirtschaftliche und politische Schwerpunkt sich von Südosten nach Osten verschiebt und die Pression nach Südosten hin vielleicht nicht so intensiv wird. Eine Bekräftigung dieser These erblickte ich auch darin, daß die früheren wirtschaftspolitischen Grundsätze, wonach der Südosten seine Industrie abzurüsten und sich immer mehr auf eine reine Agrarproduktion einzurichten habe, jetzt aufgegeben worden sind und die Deutschen damit vorlieb nehmen, daß die mittel- und südosteuropäische Industrieproduktion — wenigstens vorläufig — Deutschland versorgt.«[32]

Seit der Entfesselung des antisowjetischen Krieges erhielt die ungarische Industrie — von früherer Regel abweichend — von der deutschen Kriegsführung große Aufträge. Im Sommer 1941 begannen die deutsch—ungarischen Industrieverhandlungen, bei denen die ungarische Industrie von einem deutschen Ausschuß einer Prüfung unterzogen wurde, welche Kapazität sie für die deutsche Armee sichern könnte.[33] Während der Verhandlungen wurde ungarischerseits erklärt: »Wir sind gern bereit, die bisher frei gewordene bzw. in der Zukunft frei werdende Kapazität zur Deckung des Bedarfs der Wehrmacht zu überlassen. Ungarn« — wird später nochmals wiederholt — »überläßt einen bedeutenden Teil seiner Industriekapazität dem Deutschen Reich.«[34] Vereinbart wurde auch folgendes: »Jede neue Kapazität, die Ungarn in der nahen Zukunft mit deutscher Hilfe ausbauen kann, soll ständig bis zu 70% für deutsche Lieferungen vorbehalten bleiben.«

Die ungarischen Schwerindustriebetriebe, Waffen- und Munitionsfabriken erhielten immer größere Bestellungen von den Deutschen. So übernahmen hauptsächlich die Weiss-Manfred-Werke und die MÁVAG (Ungarische Staatliche Eisen-, Stahl- und Maschinenfabriken) bereits 1941 die Lieferung von monatlich 300 000 Stück Munition. Sehr bald genügte das nicht, und zur Deckung der steigenden deutschen Bestellungen stellten die Weiss-Manfred-Werke eine neue Munitionsfabrik in Betrieb. Die Monatskapazität der neuen Fabrik belief sich auf 125 000 Stück, und 100 000 Stück wurden davon den Deutschen vorbehalten.[35] Die bedeutendsten Kriegsbetriebe führten den größ-

[32] L. A. A. M. Wp. S. Res. 751. — 1941.
[33] ZWA. Weiss-Manfred-Munitions-Fabrik 85., MÁVAG 3467/res.—1941. Allgemeine Korrespondenz. Aufzeichnung über die Sitzung vom 25.8. 1941.
[34] L. A. A. M. Wp. S. Res. 402/1941—3—29.
[35] ZWA. Weiss-Manfred-Munitionsfabrik 85.

ten Teil ihrer Produktion nach Deutschland aus. So bekamen z. B. die MÁVAG im Herbst 1941 eine Bestellung auf Patronenhülsen im Werte von 5 Millionen Mark, auf Granaten im Werte von 8 Millionen Mark und auf Fliegerabwehrkanonen FLAK im Werte vom mehr als 10 Millionen Mark usw.[36] Allein dieser Betrieb lieferte den Deutschen im Jahre 1942 300 44-mm-Automatenkanonen, eine Million Geschosse und 100 000 15-cm-Granaten.[37]

Über die Ausfuhr des Kriegsmaterials nach Deutschland stehen uns keine vollständigen, die ganze Kriegsperiode umfassenden Ziffern zur Verfügung. Doch ist es sehr aufschlußreich, daß — nach den Angaben einer zusammenfassenden Statistik — bis April 1942 allein die Kriegsmaterialausfuhr 425,8 Millionen Pengő und die übrigen militärischen Lieferungen (in Form von Halbfabrikaten) 319,2 Millionen Pengő betrugen. Dazu kommen noch die enormen Summen für Flugzeuglieferungen.[38]

Im Jahre 1942 diente die ungarische Kriegsindustrieproduktion zum weitaus größeren Teil der deutschen als der ungarischen Armee. Das geht aus einem Bericht des Industrieministers hervor, den er Ende 1942 vor dem sogenannten 42-er Ausschuß erstattete. (Die Mitglieder dieses Ausschusses rekrutierten sich aus den führenden Abgeordneten der Nationalversammlung.) Der Industrieminister führte aus: »Die Frage, was von der Landesverteidigungsproduktion für uns bleibt, und was die anderen erhalten, kann ich nur später beantworten. Doch möchte ich wiederholen, was ich von einem ziemlich bedeutenden Industriellen gehört hatte, und zwar daß nur 15% (von der gesamten Kriegsproduktion) uns verbleibe, alles andere Fremde erhalten. Diese Ziffer muß ich dementieren, denn es bleiben doch in sehr bedeutsamen Produktionszweigen volle 100% für uns . . .«[39] Auch aus diesem Dementi geht klar hervor, daß — wenn auch die 15% irreal sind — der größere Teil der ungarischen industriellen Produkten zweifelsohne den Deutschen zufiel. Nach der Niederlage der deutschen Armee bei Stalingrad verschärfte sich die Lage noch mehr. Im Jahre 1943 wurde auf Ungarn ein wachsender Druck ausgeübt, durch den sich die Deutschen einen noch größeren Teil der ungarischen Kriegsproduktion sicherten. Zum Anlaß wurde der Untergang der bestausgerüsteten ungarischen militärischen Einheit, der 2. ungarischen Armee, bei Woronesh genommen, wo mehr als die Hälfte der Kriegsausrüstung der Horthy-Armee vernichtet wurde. Diesen Umstand benützten die Deutschen, als Entschädigung für die Übernahme gewisser Verpflichtungen — wie die Lieferung einzelner Kriegsmaterialien, die Übergabe von Konstruktionsentwürfen und technologischen Verfahren usw. — einen noch größeren Teil der ungarischen

[36] L. A. Finanzministerium, H-res. 1943. 962/1941., 53.222/1941.
[37] L. A. Industrieministerium. 82.366/1946.
[38] L. A. A. M. Wp. S. Res. 336/42.
[39] L. A. Protokoll des 42-er Ausschusses vom 14.10. 1942. S. 429.

Industriekapazität für sich in Anspruch zu nehmen. So wurden zum Beispiel 80% der Produktion der Waffenfabrik (Fegyvergyár), 50% der Artillerie- und Munitionskapazität der MÁVAG und 60—90% der Kapazität der neugegründeten Kriegsbetriebe der deutschen Armee zugesichert.[40]

Eine wichtige Form der Inanspruchnahme der ungarischen Kriegsindustriekapazität bestand im *System der für die deutsche Armee verrichteten Aufträge.* Die deutschen Armeelieferanten erteilten den ungarischen Fabriken große Arbeitsaufträge und stellten sehr oft auch die zur Ausführung der Aufträge erforderlichen Patente und Entwürfe zur Verfügung. Das militärische Lohnarbeitssystem wurde stufenweise ausgebaut. Anfangs diente es hauptsächlich der Versorgung der deutschen Landesarmee mit leichten Gewehren und Munition. Bis September 1941 war die Übernahme von Arbeitsaufträgen für ein ausländisches Heer an eine besondere Erlaubnis des Ministerpresidenten gebunden, entsprechend der juristischen Lage, wonach Ungarn bis Mitte 1941 dem Krieg nicht beigetreten war und formell seine Neutralität aufrechterhielt. Vor dem antisowjetischen Kriege erteilten die Deutschen keine bedeutenden Aufträge für Lohnarbeiten. Bis zum 30. September 1941 vergaben sie nur einen Arbeitsauftrag im Werte von 130 Millionen Pengő. Seit der zweiten Hälfte des Jahres 1941 waren die deutschen Monopolisten in gesteigertem Maße bestrebt, das Lohnarbeitssystem auszudehnen, worauf auch die ungarischen Kapitalisten gern eingingen. In Verbindung damit wurde die Verordnung über eine besondere Erlaubnis des Ministerpresidenten abgeschafft. Man bestimmte die ziemlich hohe Rahmenziffer von 580 Millionen Pengő, die im Juli 1943 auf 660 Millionen, und im Mai 1944 abermals auf 825 Millionen Pengő erhöht wurde.[41]

Das deutsche Finanzkapital und die faschistische Kriegsführung haben zur Kontrolle der Lohnarbeit der ungarischen Industrie einen Sonderausschuß, die sogenannte DIKO (Deutsche Industrie-Kommission in Ungarn) ins Leben gerufen. Diese übte — unter dem Vorwand der Kontrolle — eine amtliche Aufsicht über die ganze ungarische Industrie aus, da sich ja die Lohnarbeit auf die gesamte ungarische Kriegsindustrie erstreckte. Der Wirkungskreis der DIKO ging weit über die Kontrolle der Lohnarbeit hinaus. Und so führte das Lohnarbeitssystem, obzwar es den ungarischen Kapitalisten einen enormen Profit sicherte und ihnen dadurch auch gewisse Betriebserweiterungen ermöglichte — letzten Endes zur verstärkten wirtschaftlichen Unterwerfung Ungarns. Das kam nicht nur in der deutschen Kontrolle der Industrie zum Ausdruck, sondern auch darin, daß die Rohstoff- und Arbeitsmaschinenversorgung der ungarischen Industrie infolge des Lohnarbeitssystems in erhöhtem Maße von den Deutschen abhängig, und die Lieferung dieser Rohstoffe bzw. Arbeits-

[40] L. A. A. M. Material des Ausschusses für Friedensvorbereitung I/1—12—B/28.
[41] L. A. A. M. Material des Ausschusses für Friedensvorbereitung II/2—28/13.

maschinen ausschließlich von deutschen Interessen bestimmt wurden. Die Deutschen schränkten Ungarns Rohstoffversorgung auf der ganzen Linie ein und drückten die ungarische Industrie hauptsächlich zur Verrichtung von Lohnarbeit herab.[42]

Das Lohnarbeitssystem nahm aber nicht selten solche Formen an, daß die Deutschen die zur Ausführung des Auftrages benötigten Rohstoffe gar nicht lieferten, sondern diese einfach aus den ungarischen militärischen Reserven »ausliehen«. Das geschah bei Lieferungen seitens der MÁVAG, der Ungarischen Optischen Werke (Magyar Optikai Művek) und anderer Firmen.[43] Selbstverständlich wurden diese Anleihen nicht zurückerstattet — später kam es sogar des öfteren vor, daß selbst die Löhne für die verrichtete Arbeit nicht ausbezahlt wurden. Und so gestaltete sich das Lohnarbeitssystem zu einem weiteren Mittel der völligen Ausplünderung Ungarns und da der Staat den ungarischen Kapitalisten einen großen Teil der deutschen Schulden auszahlte, trug er in großem Maße zur sich entfaltenden Inflation bei, die in erster Reihe die Volksmassen traf.

Im Lohnarbeitssystem nahm das sogenannte *gemeinsame Flugzeugbauprogramm* einen besonderen Platz ein. Flugzeuge wurden in Ungarn seit der zweiten Hälfte der dreißiger Jahre hauptsächlich in der Weiss-Manfred-Flugzeugfabrik hergestellt, aber nur in sehr geringem Maße, was auch daraus ersichtlich ist, daß die Fabrik auf Serienproduktion gar nicht eingerichtet war und vorwiegend nach italienischen Mustern nur veraltete Schultypen baute. Im Jahre 1940 wurde mit der deutschen Regierung auf zwischenstaatlichen Verhandlungen eine Vereinbarung getroffen, die den Ausbau der ungarischen Flugzeugbauindustrie vorsah. Angeregt wurde diese Vereinbarung seitens der ungarischen finanzkapitalistischen Kreise, und zwar in erster Linie seitens der Pester Ungarischen Commerz-Bank (Pesti Magyar Kereskedelmi Bank) und dem Barone Weiss, da der Flugzeugbau hauptsächlich für die Weiss-Manfred-Werke ein enormes Geschäft bedeutet hätte. Die Bestellung des ungarischen Verteidigungsministeriums und die im Budget angewiesenen Vorschüsse ermöglichten schon im Herbst 1940, die Flugzeugbaukapazität durch eine 12-Millionen-Pengő-Investition zu erweitern.[44]

Die ungarische Flugzeugindustrie wurde erst beim Ausbruch des antisowjetischen Krieges rascher ausgebaut. Im Sommer 1941 verpflichtete sich das Verteidigungsministerium in einem erneuten zwischenstaatlichen Vertrag, die ungarische Flugzeugindustrie außer zur Befriedigung des eigenen Bedarfes auch auf die Ergänzung der deutschen Flugzeugindustrie umzustellen. Der Flugzeugbau machte den Großteil des deutschen Lohnarbeitssystems aus.

[42] L. A. A. M. Wp. S. Res. 703, 252—1942.
[43] L. A. A. M. Wp. S. Res. 400—1941.
[44] ZWA. Urkundensammlung Weiss Manfred. 55—1048/2—31.

Diese Form der Lohnarbeit paßte im wesentlichen in jenen deutschen Plan hinein, welcher — zwecks Steigerung und Sicherung der Kriegsproduktion und um sie vor Luftangriffen zu bewahren — eine umfassendere Dezentralisation der deutschen Kriegsindustrie vorsah. Die deutschen Pläne zogen nicht nur die deutschen Gebiete in Betracht, sondern wollten die Aktion auch auf die Gebiete der Vasallenstaaten des deutschen »Lebensraumes« ausdehnen, und dies um so mehr, als sie damit rechneten, daß diese Länder von Luftangriffen weniger heimgesucht würden. Im Laufe dieser Aktion waren die Deutschen bestrebt, nicht nur in Deutschland, sondern auch in den Vasallenstaaten eine Erweiterung gewisser Produktionszweige in die Wege zu leiten, selbstverständlich völlig unter deutscher Kontrolle.

Um vor allem die deutschen Bedürfnisse zu befriedigen, genügte der Ausbau der Flugzeugproduktion der Weiss-Manfred-Werke schon nicht mehr. In der Vereinbarung vom Jahre 1941 war ein Flugzeugbauprogramm festgelegt, der sogenannte Messerschmidt-Plan, mit einem ursprünglichen Kostenvoranschlag von einer Milliarde Pengő.[45] Bezeichnend für die Ausmaße dieses Planes war, daß er *in seiner Endsumme dem Investitionsplan des berüchtigten Győrer Programms gleichkam.* Selbstverständlich wurde der Löwenanteil in der Ausführung dieses Programms wiederum dem Weiss-Manfred-Konzern übertragen. Demgemäß begannen die Weiss-Manfred-Werke und die Commerz-Bank — unter Beteiligung von bedeutendem deutschem Kapital — mit der Errichtung der Donau Flugzeugbau Aktiengesellschaft (Dunai Repülőgépgyár Részvénytársaság) mit einem Kostenaufwand von 95 Millionen Pengő. Laut Vertrag wurde in das Unternehmen auch die schon früher in geringem Maße Flugzeugbau betreibende Ungarische Waggon- und Maschinenfabrik Aktiengesellschaft (Magyar Waggon- és Gépgyár Részvénytársaság) zugezogen. Hier wurde die Abteilung für Flugzeugreparatur mit einem Kostenaufwand von 43 Millionen Pengő erweitert. In der Ungarischen Waggon- und Maschinenfabrik wurden dem Programm gemäß anfangs monatlich 50 Flugzeugrümpfe Typ Messerschmidt (ME) 109 hergestellt, in der Donau Flugzeugbau A. G. hingegen wurden monatlich 50 Stück vom Typ ME 120 und 700 Flugzeugmotore Typ Daimler-Benz (DB) eingeplant. Die Motoren zu den in der Győrer Fabrik hergestellten Flugzeugrümpfen wurden teilweise in den Wienerneustädter Flugzeugwerken gebaut. Im Sommer 1941 wurden insgesamt 1800 Rümpfe und 3100 Motore bestellt.[46] In diesen Plan wurden gleichzeitig mehrere andere Unternehmungen als Subunternehmer für einige Detailarbeiten eingeschaltet. In diese Unternehmungen wurden

[45] ZWA. Urkundensammlung Weiss-Manfred. 55—1048/2—31.

[46] ZWA. Urkundensammlung Weiss-Manfred. Ungarische Waggon- und Maschinenfabrik 26.; Landesarchiv. Außenministerium. Wirtschaftspolitische Sektion. Res. 238—1941.; Landesarchiv. Außenministerium, Material des Ausschusses für Friedensvorbereitung II/2—28/13.

12 Millionen Pengő investiert. Wie ersichtlich, wurde ein großzügiger Ausbau der ungarischen Flugzeugindustrie auf Grund der diesbezüglichen deutsch—ungarischen Verhandlungen vom Jahre 1941 mit einem Kostenaufwand von 150 Millionen Pengő in Angriff genommen, aber nicht zu Gunsten Ungarns, sondern ausschließlich zum Vorteil des deutschen Finanzkapitals.

Im Februar 1943 wurden auf deutsche Aufforderung die Investierungen von ursprünglich 1 Milliarde *durch eine Erweiterung der Programms auf 2,7 Milliarden Pengő erhöht.* Das bedeutete eine 50prozentige Steigerung der Kapazität der Donau Flugzeugbau A. G. und der Ungarischen Waggon- und Maschinenfabrik durch eine neuere Investition von 50 Millionen Pengő. Im Zusammenhang damit wurde auch die unlängst ins Leben gerufene Pestszentlőrincer Industrieanlagen-Aktiengesellschaft (Pestszentlőrinci Ipartelepek Részvénytársaság) in das Flugzeugbauprogramm eingeschaltet. Sie richtete sich mit einer Investition von 50 Millionen Pengő auf die Herstellung von monatlich 30 Flugzeugrümpfen Typ Junkers (JU) 52 ein. Bis Ende 1943 wurden die Donau Flugzeugbau A. G. und die Flugzeugabteilung der Ungarischen Waggon- und Maschinenfabrik ebenfalls völlig ausgebaut und seitdem wurden dort die Maschinen in voller Serie hergestellt.[47]

An das Flugzeugbauprogramm knüpfte sich ein »gemeinsames Programm für die fernmeldetechnische Einrichtung der Flugzeuge«. Außerdem wurde die Standard Elektrizitäts-Aktiengesellschaft (Standard Villamossági Részvénytársaság) — die schon früher fernmeldetechnische Ausrüstungen für Focke-Wulf Maschinen verfertigt hatte — zusammen mit der Telephonfabrik Aktiengesellschaft (Telefongyár Részvénytársaság) in das sogenannte Gustav-Programm einbezogen. Sie stellte Instrumente für Rundfunkausrüstungen für die in Ungarn gebauten Flugzeuge her, wozu sie auch die entsprechende deutsche Lizenz erhielt.[48] Zwecks Produktion von Flugzeugbordwaffen und Munition schlossen sich dem Flugzeugbauprogramm auch die »Danuvia« Waffen- und Munitions-Fabrik Aktiengesellschaft (»Danuvia« Fegyver- és Lőszergyár Részvénytársaság), die »Elzett« Eisenwarenfabrik Aktiengesellschaft (»Elzett« Vasárugyár Részvénytársaság) und die Weiss-Manfred-Munitionsfabrik usw.an.

Die im März 1944 erfolgte Besetzung Ungarns durch die deutschen Faschisten, die Ungarn auf Gnade und Ungnade dem faschistischen Unwesen auslieferte und eine offene Ausplünderung des Landes ermöglichte, offenbarte sich auf dem Gebiete der Flugzeugindustrie in der Form, daß sie nunmehr einer unbeschränkten deutschen Kontrolle unterstellt wurde. Die deutsche Heeresleitung vereinigte die ungarischen und einige deutsche Flugzeugfabriken in zwei sogenannte »Arbeitsgemeinschaften«. Die eine Arbeitsgemein-

[47] Archiv des Instituts für Parteigeschichte. II/2. Betriebsmaterial. Donau Flugzeugbau A. G. *und* Zentralwirtschaftsarchiv. Ungarische Waggon- und Maschinenfabrik. 122.
[48] Archiv des Instituts für Parteigeschichte. II/2. Betriebsmaterial. Standard.

schaft — die Wienerneustädter Flugzeugwerke, die Donau Flugzeugbau A. G., die Ungarische Waggon- und Maschinenfabrik — baute Flugzeugrümpfe, die andere hingegen — die Steyer-Daimler-Puch A. G., die Donau Flugzeugbau A. G. — Flugzeugmotoren. Der Produktionsplan beider Arbeitsgemeinschaften sah den Bau von monatlich 550 Flugzeugrümpfen und 650 Flugzeugmotoren vor. In der »Arbeitsgemeinschaft« lag sowohl die politische als auch technische Leitung in deutscher Hand. Im diesbezüglichen Vertrag war sogar festgelegt, daß der Maschinenpark der einzelnen Unternehmungen nach Belieben aus einem Land ins andere *überführt werden könne*. Dies bedeutete im Endergebnis, daß die ungarischen Kapitalisten sich mit dem eventuellen Abtransport des Maschinenparks ihrer Betriebe nach Deutschland einverstanden erklärten. Die deutschen Faschisten ließen durch die Sztójay-Marionettenregierung einen Regierungskommissar für Flugwesen ernennen, der einen sehr ausgedehnten Wirkungskreis hatte und bevollmächtigt war, die Kontinuität des Flugzeugbaus auch auf Kosten anderer Kriegsproduktionen sicherzustellen. Im Sinne des Abkommens wurde der Betrieb in den Felsenkeller der »Steinbrucher Bierbrauerei« (Kőbányai Serfőző) verlegt.[49]

Auch die Entwicklung der Aluminiumindustrie während des Krieges hängt teilweise mit dem erhöhten Flugzeugbau, mit dem »gemeinsamen« Flugbauprogramm zusammen — deutet aber gleichzeitig auch darauf hin, daß die Deutschen jetzt schon nicht nur die ungarischen Rohstoffschätze, sondern auch die Industriekapazität des Landes benötigten. Das deutsche Finanzkapital drängte bereits in den dreißiger Jahren auf eine Ausweitung der Bauxitförderung in Ungarn, wiedersetzte sich aber der weiteren einheimischen Verarbeitung des Bauxits und hintertrieb den Ausbau einer Aluminiumindustrie in Ungarn. Vor dem Krieg wurde der Bauxit nur in der Magyaróvárer Tonerdefabrik (Magyaróvári Timföldgyár) — mit einer minimalen Kapazität von 10 000 Tonnen — und in der Csepeler Aluminiumhütte verarbeitet. In den ersten Kriegsjahren begann man in Ajka eine zweite Tonerdefabrik (20 000 Tonnen) sowie eine Aluminiumhütte und in Felsőgalla eine weitere Hütte zu errichten. Alle diese Betriebe vermochten aber nur einen Bruchteil des einheimischen Bauxits zu verarbeiten. Bis zum Ausbruch des Krieges gegen die Sowjetunion »haben bestimmte fremde industrielle Kreise uns darauf aufmerksam gemacht, daß die ungarischen Aluminiumfabriken nicht rentabel sein würden . . .«,[50] erklärte der Industrieminister. »Nach dem Ausbruch des antisowjetischen Krieges hingegen fielen die Deutschen — die jahrelang gegen die Errichtung einer ungarischen Aluminiumfabrik gekämpft hatten — ins andere Extrem.«[51] Auf deutsche Anregung ist im März 1942

[49] ZWA. Ungarische Waggon- und Maschinenfabrik, Akte Nr. 23 *und* Landesarchiv. Außenministerium. Material des Ausschusses für Friedensvorbereitung. II/2—28/13.
[50] L. A. Protokoll der Parlamentsausschüsse vom 4.11. 1941. V. S. 132.
[51] L. A. Protokoll des 42er Ausschusses vom 19.10. 1942. XXX. S. 416.

eine Vereinbarung zur Gründung der Donautaler Tonerde-Industrie-Aktiengesellschaft (Dunavölgyi Timföld-Ipar Részvénytársaság) zustande gekommen, wodurch eine bedeutende Erweiterung der ungarischen Tonerde- und Aluminiumproduktion bezweckt wurde. Man wollte mit einer Investition von 70 Millionen eine Tonerdefabrik mit einer Jahreskapazität von 60 000 Tonnen einrichten und diese auch mit einer Aluminiumfabrik versehen. Da die deutsche Heeresleitung diese Fabrik benötigte, übernahmen die deutschen Vereinigten Aluminiumwerke die Lieferung der Einrichtung, doch behielt sich das deutsche Kapital beim neuen Unternehmen eine führende Rolle vor. Somit wurde dafür gesorgt, daß selbst eine ungarische Tonerde- und Aluminiumindustrie unter der Kontrolle des deutschen Kapitals stehe. Es wurde verträglich festgelegt, daß der Ausbau der ungarischen Aluminiumindustrie in einem solchen Rahmen zu halten sei, der die ungarischen Rohstoffe der deutschen Aluminiumindustrie nicht entziehen würde. Die am Unternehmen beteiligte ungarische Kapitalistengruppe, die Aluminiumerz Bergbau- und Industrie Aktiengesellschaft (Aluminiumércbánya és Ipar Részvénytársaság), verpflichtete sich, »mit allen ihr zur Verfügung stehenden Mitteln danach zu streben, daß der Bauxitbedarf der Donautaler Tonerde-Industrie A. G. die Bauxitversorgung der deutschen Tonerdefabriken weder qualitativ, noch quantitativ beeinflusse«. Zur Bekräftigung dessen verpflichtete sich die ungarische Regierung, daß »Ungarn 25 Jahre lang, vom 1. August 1942 angefangen, die Ausfuhr von einer Million Tonnen Bauxit nach Deutschland bewilligen und auf diese Ausfuhr weder Zoll noch irgendwelche andere Gebühr erheben werde«.[52]

Die deutschen Bestellungen nahmen neben der Schwerindustrie auch einen bedeutenden Teil der Kapazität der Lebensmittelindustrie in Anspruch.

Die Produktion für die ungarische Armee, insbesondere aber für die deutsche Kriegsmaschinerie hat die Entwicklung der ungarischen Schwerindustrie bis 1943 erheblich beschleunigt. Die Produktion der Eisen- und Metallindustrie, der Maschinenfabrikation, der Elektrizitätswerke und der chemischen Industrie überstieg 1943 um beinahe 50% das Niveau des Jahres 1938. Dessenungeachtet wurden die für den Zivilverbrauch produzierenden Industriezweige zurückgedrängt, was eine kriegsbedingte Verschiebung in der Struktur der Industrie mit sich brachte.

Es entstand also die merkwürdige Lage, daß obwohl die kolonisatorischen Bestrebungen des deutschen Finanzkapitals die Entwicklung der ungarischen Industrie mit allen Mitteln hintertrieben, sich die Deutschen gerade zu einer Periode, als sich Ungarns Abhängigkeit vom faschistischen Deutschland immer mehr vertiefte, gezwungen sahen, die Entwicklung der ungarischen Industrie mit Rücksicht auf ihre militärischen Interessen vorübergehend zu fördern. Da die deutsche Industrie selbst durch eine totale Mobilisation nicht

[52] L. A. A. M. Wp. S. Res. 30/1942.

mehr imstande war, die eigenen Kriegsbedürfnisse zu decken, erforderten ihre Kriegsinteressen, daß Ungarns Unterwerfung *vorläufig* nicht in einer völligen Verkümmerung der ungarischen Industrie, sondern eher in einem immer vollständigeren Einbau in die deutsche Kriegsmaschinerie zum Ausdruck komme. Dieser Umwandlungsprozeß spiegelte sich in der Gestaltung des deutsch—ungarischen Außenhandelsverkehrs während des Krieges, was bei einer beständigen quantitativen Steigerung der ungarischen Ausfuhr gleichzeitig auch eine Vergrößerung der Verhältniszahl der ungarischen Industrieartikel innerhalb der gesamten ungarischen Ausfuhr aufweist.

Deutsch-ungarischer Außenhandelsverkehr 1938—1944

Jahr	Einfuhr (Mill. Pengő)	% der gesamten Einfuhr	Ausfuhr (Mill. Pengő)	% der gesamten Ausfuhr
1938*.....	171	40,9	239	45,7
1939.....	237	48,4	304	50,3
1940.....	316	52,4	249	49,4
1941.....	429	58,5	475	61,4
1942.....	483	51,5	632	54,9
1943.....	612	53,4	776	60,3
1944.....	568	70,3	628	73,6

* Österreich mitinbegriffen[53]

Es muß noch bemerkt werden, daß der Außenhandel mit Deutschland in Wirklichkeit noch bedeutsamer war, da obige Daten die geheime Ausfuhr nicht beinhalten. Sie kann auf 15% der gesamten Ausfuhr geschätzt werden.

Die Warenzusammensetzung der Deutschlandausfuhr belegt die Hebung der Industrieausfuhr mit folgenden Zahlen:

	1940	1941	1942	1943
Landwirtschaft	82,1%	76,4%	68,9%	69,0%
Industrie	17,9%	23,6%	31,1%	31,0%
	100,0%	100,0%	100,0%	100,0%

[53] Auf Grund der Daten der Statistischen Jahrbücher.

Da die Geheimausfuhr ausschließlich nach Deutschland ging und aus Industrieartikeln und Kriegsmaterial bestand, würden ihre Angaben das Konto der Industrie noch mehr belasten. Die Unterwerfung unter die deutsche Kriegswirtschaft drückte ihren Stempel auch der Industrieentwicklung und damit der Gestaltung ihrer Struktur während des Krieges auf. Die Entwicklung der Industrie während des Krieges ruft im allgemeinen strukturelle Veränderungen hervor. Die Industrie stellt sich nämlich auf die Produktion von größtenteils improduktiven Artikeln um, während die Bedarfsartikel und Produktionsmittel erzeugenden Industriezweige der Schwerindustrie zurückfallen. Diese strukturellen Verschiebungen kamen in der ungarischen Industrie besonders anschaulich zum Ausdruck und riefen große Mißverhältnisse hervor, war sie doch schon im Voraus in erster Linie als ein Bestandteil der *deutschen* Kriegsmaschinerie ausgebaut worden. Die kriegsbedingten Mißverhältnisse der Industrie machen sich in den kapitalistischen Ländern durch die Ausgestaltung gewisser »Kriegsproportionen« bemerkbar, indem die Kapitalisten bestrebt sind, die Industrie auf eine allseitige Befriedigung der Heeresbedürfnisse umzustellen.

Die ganze Industrie des Vasallenstaates Ungarn wurde als eine Ergänzung der deutschen Kriegsindustrie betrachtet. Demzufolge wurden gewisse Relationen der Kriegsbedürfnisse — nach deutschen Bedürfnissen — ungeheuer überentwickelt (so beispielsweise der Flugzeugbau, die Munitionserzeugung usw.), andere Relationen hingegen — wenn es die deutschen Interessen erforderten — sind weit hinter dem damaligen Stand der Kriegstechnik zurückgeblieben (so z. B. die Produktion von Militärfahrzeugen und schweren Waffen). Die deutsche wirtschaftliche Expansion verschärfte also nur noch mehr die kriegsbedingten Verschiebungen der ungarischen Industrie, und ungeachtet der erheblichen Entwicklung der Schwerindustrie entstanden in der gesamten Struktur der ungarischen Industrie besonders eklatante Mißproportionen.

Aus der Entwicklung gewisser Zweige der Schwerindustrie konnte aber nicht darauf geschlossen werden, daß die deutschen Monopolisten auf ihren früheren Plan verzichtet hätten, wonach Ungarn die Rolle eines rohstoffproduzierenden, lebensmittelliefernden, und höchstens über eine bescheidene Lebesmittelindustrie verfügenden Landes innerhalb des Lebensraumes des faschistischen Deutschlands zufiel. Das deutsche Finanzkapital setzte nämlich selbst während des Krieges alles daran, diesen Plan — nach der, ihres Erachtens, siegreichen Beendigung des Krieges — in die Tat umzusetzen.

Diese Bestrebung äußerte sich auch darin, daß die Deutschen hauptsächlich die Produktion solcher kriegswichtigen Artikel förderten und dem Ausbau solcher kriegsindustriellen Kapazitäten zustimmten, deren Brauchbarkeit unter den Bedingungen einer Friedensproduktion als am wenigsten wahrscheinlich erschien. Sie hintertrieben aber gleichzeitig mit allen Mitteln

die Weiterentwicklung von zahlreichen wichtigen Industriezweigen, die zwar zur Steigerung der ungarischen Kriegsindustrie außerordentlich wichtig, für Deutschland aber von weniger Interesse waren. Die gleichen Industriezweige hätten einen wichtigen Bestadnteil der ungarischen Friedensproduktion bilden können, hätten zur Verstärkung der ungarischen Industrie beigetragen und das Erlangen ihrer Unabhängigkeit vom Ausland zur Folge gehabt. Die besondere kriegsbedingte Verschiebung der Industrie, als Folge der deutschen kolonisatorischen Bestrebungen, bezweckte auch die Erdrosselung der weiteren Entfaltung der ungarischen Industrie.

Auf dem Gebiete der Eisenmetallurgie warfen die ungarischen herrschenden Klassen den Plan zur Errichtung einer neuen Hütte auf, da die Kapazität der bestehenden Hochöfen schon maximal ausgenützt und eine Steigerung der Produktion ohne die Aufstellung einer neuen Hütte nicht mehr möglich war. Sie rechneten damit, daß die deutschen Kapitalisten, die damals die Erweiterung der Industriekapazität in mehreren Beziehungen ermöglichten, auch bezüglich des neuen Hochofens keine Schwierigkeiten bereiten würden. Ende 1942 äußerte sich der Industrieminister diesbezüglich folgendermaßen: ». . . jene Abneigung, sogar Angst, die Deutschland der ungarischen Industrie gegenüber früher an den Tag legte, ist völlig im Erlöschen begriffen, so daß wir eventuell auch eine Eisenhütte erlangen können.«[53a]

Man wollte die neue Hütte an der Donau aufbauen, und darin das Eisenerz aus dem zeitweilig besetzten Kriwoj-Rog verarbeiten. Da die Deutschen das Eisenerz in großen Mengen zu Wasser nach Deutschland zu befördern beabsichtigten, ». . . war die Daseinsberechtigung einer solchen Hütte hinsichtlich des Erzes gegeben«,[54] stellte der Industrieminister des weiteren fest. Der Ministerrat hat am 6. Januar 1943 sogar einen Beschluß über die Errichtung der neuen Hütte gefaßt.

Man rechnete damit, daß die Hütte verhältnismäßig schnell in Betrieb gesetzt werden könne, »da sich dazu durch den Ankauf zweier, in Deutschland schon im Bau befindlicher, wegen des Krieges aber nicht gelieferter Hochöfen eine günstige Gelegenheit bot«.[55] Die Verhandlungen zum Ankauf der Hochöfen sind auch in Gang gesetzt worden, die deutschen finanzkapitalistischen Kreise waren jedoch nicht geneigt, die schon fertiggestellten, in Deutschland aber ungebraucht liegenden Hochöfen an Ungarn zu verkaufen.

Dieselben Erscheinungen können wir auch bei anderen wichtigen Industriezweigen beobachten. Auf ähnliche Weise ist auch die Aufnahme der ungarischen Sodafabrikation hintertrieben worden. Die ungarischen industriellen Kreise waren auch hier der Meinung, daß sie infolge des Krieges deutscher-

[53a] L. A. Parlamentsakten. Protokoll des 42er Ausschusses vom 10.10. 1942. XXX. S. 414.

[54] Ebendort.

[55] L. A. Parlamentsakten. Protokoll des 42er Ausschusses von 19.8. 1942. XXX. S. 334 ff.

seits keinen Widerstand zu gewärtigen hätten, und die Deutschen der Errichtung einer Sodafabrik in Ungarn zustimmen würden, »obzwar sie früher lange bestritten hatten, daß wir tatsächlich eine bedürfen«,[56] fügte der Industrieminister hinzu. Auch hier bestand die Möglichkeit, eine von der deutschen Ferrostahl-Firma für Iran fertiggestellte, aber infolge des Ausbruchs des Krieges nicht mehr gelieferte Sodafabrik mit einer Kapazität von 18 000 Tonnen für Ungarn zu übernehmen. Die Ende 1942 stattgefundenen Verhandlungen sind aber erfolglos geblieben, da der ungarische Markt im Sinne des internationalen Kartellvertrages von deutschen Firmen mit Soda versehen wurde und das deutsche Finanzkapital nicht geneigt war, darauf zu verzichten.[57]

In der chemischen Industrie haben die deutschen finanzindustriellen Kreise den Ausbau der Kunstkautschukerzeugung bis zu Ende verhindert. Auch diesbezüglich sind ungarischerseits Versuche eingeleitet worden, da die Kapitalisten darin sehr große Profitmöglichkeiten erblickten. Die dazu erforderlichen Maschinen, Materialien und technische Hilfe wollten die Deutschen nur unter der Bedingung zur Verfügung stellen, wenn die Regierung sich verpflichtet hätte, den ungarischen Kunstkautschukbedarf nach dem Kriege noch 5 Jahre hindurch ausschließlich aus Deutschland zu beziehen. Die Verhandlungen verzogen sich deshalb und blieben ergebnisten.

Man könnte noch in der Aufzählung fortfahren. Nehmen wir z. B. die Frage der Schwarzplattenfabrikation. Im Laufe des Krieges sind die Rohstoffvorräte für Konservenbüchsen der ungarischen Konservenindustrie, die größtenteils für die Versorgung der deutschen Armee arbeitete, völlig erschöpft. Die Weiss-Manfred-Werke wollten deshalb die Lizenz der Schwarzplattenfabrikation von den Deutschen erkaufen, um die einheimische Produktion in Angriff nehmen zu können. Die Deutschen wollten aber die Lizenz nur in dem Falle überlassen, wenn die in Ungarn zu errichtende Fabrik mit Beteiligung des deutschen Kapitals aufgebaut worden wäre. Ungeachtet dessen, daß die Überlassung der Lizenz auch von der deutschen Heeresleitung mehrmals urgiert wurde, haben die deutschen Finanzkapitalisten den Verkauf der Lizenz und damit die Inangriffnahme der Schwarzplattenfabrikation in Ungarn bis zum Ende des Krieges unmöglich gemacht.[58]

Die Siemens-Werke verhinderten die für die deutsche Armee arbeitende Standard-Elektrizitäts-A. G. daran, sich auf Staubeisenkernfabrikation einzurichten, obwohl dies zur Herstellung gewisser Spezialrundfunkapparate notwendig gewesen wäre und der erforderliche Rohstoff (das Carbonil) nur von der I. G. Farbenindustrie hätte bezogen werden können. Die I. G. Farbenindustrie exportierte zwar diesen Artikel in die verschiedenen Länder, »die

[56] Ebendort S. 414.
[57] L. A. A. M. Material des Ausschusses für Friedensvorbereitung II/2—28/13.
[58] L. A. A. M. Wp. S. Res. 283.—1942.

Siemens-Werke ließen es aber auf Grund einer mit der I. G. Farbenindustrie abgeschlossenen Vereinbarung nicht zu, daß die Firma auch uns liefert«.[59]

Die Entwicklung der ungarischen Industrie während des Krieges stand also in unmittelbarem Zusammenhang mit den deutschen militärischen Interessen und richtete sich nach diesen. Den Ansprüchen der deutschen Kriegswirtschaft gemäß wurde ihr Entwicklungsweg einerseits von weiten Entwicklungsmöglichkeiten, andererseits aber von enggezogenen Schranken bestimmt. Die bedeutende Hebung der Industrie trug in erster Linie zur weiteren Stärkung der Wirtschaftsmacht des seine Positionen fest in den Händen haltenden ungarischen Finanzkapitals bei. Dessenungeachtet kam aber in Form der *Eroberungsbestrebungen des deutschen Finanzkapitals* eine entgegengesetzte Tendenz während des Krieges in der Entwicklung der ungarischen Industrie zur Geltung. Die deutschen finanzindustriellen Kreise strebten danach, immer mehr Wirtschaftspositionen an sich zu reißen und vermochten im Interesse der Verwirklichung dieser Zielsetzung die politische Abhängigkeit Ungarns in hohem Maße auszunützen. Es ist sehr bezeichnend und gleichzeitig vom Gesichtspunkt der Wirtschaftsexpansion des deutschen Finanzkapitals sehr wesentlich, in welch hohem Maße die deutschen Industrie- und Bankkreise die ungarischen Gebietseingliederungen sich zunutze machen konnten. In den Ungarn einverleibten Gebieten konnten sie durch Enteignung von ehemals in serbischem, kroatischem und tschechischem Besitz befindlichen Aktien zahlreiche Unternehmungen erwerben bzw. an diesen für sich eine Beteiligung sichern. So geriet zum Beispiel die Ujverbászer Heimische Ölfabriks-Aktiengesellschaft, die früher die größte Pflanzenöl produzierende Unternehmung Jugoslawiens war, in deutsche Hände. Die interessierten ungarischen Kapitalisten konnten bei dieser Unternehmung nur 20% der Aktien erwerben. Die dem Skoda-Konzern angehörende Karpatische Elektrizitätswerke A. G. wurde einem Unternehmen des Göring-Konzerns angeschlossen. Die Özörenyer Zellulosefabrik war vor dem ersten Weltkrieg eine Unternehmung der Ungarischen Escompte- und Wechsler-Bank (Magyar Leszámitoló és Pénzváltó Bank). Die Bank wollte sie nun wieder in Besitz nehmen, das deutsche Kapital trat aber dazwischen, indem es das Eigentumsrecht von den Slowaken übernahm. So geriet auch diese Unternehmung völlig in die Hände des deutschen Kapitals. Eine geheime schriftliche Information des Außenministeriums stellte in diesem Zusammenhang fest, daß »dieser Prozeß Erbitterung in den ungarischen großindustriellen Kreisen hervorrufe, da er der ganzen Sache den Anschein verleihe, als hätten die Ungarn diese Gebiete nur zur Hälfte wieder in Besitz genommen«.[60]

[59] L. A. A. M. Wp. S. Res. 450.—1941.
[60] L. A. A. M. Wp. S. Res. 83.—1942.

Das deutsche Finanzkapital gab sich damit freilich nicht zufrieden, daß es in den Ungarn einverleibten Gebieten wertvolle Positionen erwarb. In seinen imperialistischen Plänen gehörte doch Ungarn dem deutschen »Lebensraum« an, und obwohl es während des Krieges seine ursprünglichen Bestrebungen zur Erdrosselung der ungarischen Industrie nicht geltend machen konnte, so wollte es sich wenigstens in der ungarischen Industrie einen immer größeren Einfluß sichern. Natürlich verletzten diese Bestrebungen die Interessen der ungarischen Finanzkapitalisten, obzwar sofort hinzugefügt werden muß, daß auf gewissen Gebieten für sie zweifelsohne auch einige Vorteile erwachsen waren. Dies bezieht sich vor allem auf die neuentwickelten Kriegsindustriezweige. Zu den enormen Investitionen hatten nämlich — gerade zwecks Ausdehnung ihres Einflusses — auch die Deutschen erheblich beigetragen, oft lag sogar die führende Rolle bei ihnen. All das — wie schon oben erwähnt — hat zwar den größten ungarischen finanzkapitalistischen Gruppen gewisse Möglichkeiten gesichert, war aber im Grunde genommen ein wichtiges Moment der deutschen Expansion. So hatte z. B. beim Ausbau des ungarischen Flugzeugbaus nebst der Weiss-Manfred — Commercial-Bank-Gruppe — wie wir eben gesehen haben — auch das deutsche Kapital einen sehr großen Einfluß inne. Bei der Errichtung und Einrichtung der Donau Flugzeugbau A. G. spielte das deutsche Kapital die führende Rolle.[61]

Die Ungarische Bauxitgruben Aktiengesellschaft (Magyar Bauxitbánya Részvénytársaság) wurde ebenfalls auf deutsche Initiative gegründet, wobei die Dürener Metallwerke A. G. eine große Rolle spielte.[62] Ebenfalls auf Grund einer Vereinbarung mit den deutschen Kapitalisten kam es zur Gründung der Donautaler Tonerde-Industrie Aktiengesellschaft (Dunavölgyi Timföldgyár Részvénytársaság), woran nebst den ungarischen finanzkapitalistischen Gruppen und dem ungarischen Staat auch die deutschen Vereinigten Aluminium Werke bis zu einem Drittel beteiligt waren, und laut den Vereinbarungen im wesentlichen das ganze Unternehmen beherrschten.[63] Die Deutschen waren bestrebt, ihre Hand auch auf die ungarischen Ölförderungsindustrie zu legen. Daran war aber auf Grund eines Vorkriegsvertrages bereits die amerikanische Standard Oil interessiert. Die deutsche I. G. Farbenindustrie A. G. wollte schon im Juli 1941 mit der amerikanischen Unternehmung über die Übernahme der MAORT-Aktien (MAORT = Magyar—Amerikai Olajipari Részvénytársaság = Ungarisch—Amerikanische Ölindustrie Aktiengesellschaft) Verhandlungen führen und sie war bereit, als Gegenleistung ihre südamerikanischen Kapitalbeteiligungen abzutreten. Die Standard Oil war geneigt, auf dieses Geschäft einzugehen, hat aber schließlich infolge der Mißbilligung

[61] ZWA. Weiss-Manfred-Urkundensammlung 55. 1048/2.
[62] L. A. A. M. Wp. S. II/2—28/13.
[63] L. A. A. M. Wp. S. Res. 30/42.

seitens der amerikanischen Behörden ihre MAORT-Aktien doch nicht abgetreten.[64]

Über den Versuch hinaus, die schon bestehenden Ölförderungsunternehmungen für sich zu erwerben, wollte sich das deutsche Finanzkapital die Beschlagnahme etwaiger neuer Rohstoffquellen sichern. In diesem Zusammenhang schloß die deutsche Winterschall-A. G. bereits im August 1940 mit der Regierung einen Vertrag zur Erdölschürfung ab und erhielt gleichzeitig Vorkaufs- und Konzessionsrechte darauf. Schon in diesem Vertrag wurde ausbedingt, daß »das an das Vertragsgebiet im Süden angrenzende Territorium, sollte es an Ungarn rückgegliedert werden, ebenfalls der Firma Winterschall überlassen wird«.[65] Die Deutsch—Ungarische Mineralöl-Werke Aktiengesellschaft (Magyar—Német Ásványolaj-Művek Részvénytársaság) nahm im Südteil des Alföld (Große Ungarische Tiefebene) in der Umgebung der Gemeinde Tótkomlós Bohrungen vor. Ein geheimer Gesandtschaftsbericht von 1942 setzt uns darüber in Kenntnis, daß unter dem Vorwand eines kulturellen Abkommens die Ankunft einer deutschen Forschungsgruppe erwartet wurde, um in der Umgebung der Stadt Gyula Ausgrabungen vorzunehmen, wie aber hinzugefügt wird, »verbirgt sich hinter den Ausgrabungen irgendeine Petroleumforschungsaktion. Unseres Wissens hielten sich in Ungarn schon auch andere unter dem Vorwand von archäologischen Forschungen auf, und wenn sie zu Petroleumbohrungen geeignete Landstücke entdeckten, ließen sie die betreffenden Gebiete durch Strohmänner aufkaufen.«[66] Auf diese Weise wurde die deutsche Erdölschürfung in Ungarn nicht nur offen, sondern auch im Geheimen fortgesetzt.

Außerdem war das deutsche Finanzkapital bestrebt, auch auf anderen Gebieten der ungarischen Industrie Fuß zu fassen oder seine Positionen zu erweitern. Es versuchte, die wichtigsten Gebiete und Unternehmungen der Industrie in seinen Einflußkreis einzubeziehen. In einem seiner Berichte an den ungarischen Ministerpräsidenten Bárdossy teilte der Berliner ungarische Gesandte Sztójay darüber folgendes mit: »Die Reichsgruppe für Industrie hat Auftrag zur eingehenden Ausarbeitung von Propositionen erhalten, die sich auf die Beteiligung einiger deutscher Industriezweige und Kapitalistengruppen an ungarischen Unternehmungen oder aber auf die Beteiligung an Kapitalerhöhungen schon bestehender Unternehmungen beziehen.«[67]

Einer der wichtigsten Wege zum Eindringen des deutschen Kapitals und zur Erweiterung seiner Interessensphären bestand in der Ergatterung eines Teils des Aktienbestandes der ungarischen Unternehmungen. Das ungarische Finanzkapital überließ natürlich den Deutschen nicht freiwillig die

[64] L. A. A. M. Wp. S. Chiffretelegramme vom 22.7. und 2.8. 1941.
[65] L. A. A. M. Wp. S. Res. 41.—1942 *und* Zentralwirtschaftsarchiv. Korrespondenz des Industriesekretariats der Commerzbank. Auslandspressemeldungen.
[66] L. A. A. M. Wp. S. Res. 249.—1942.
[67] L. A. A. M. Wp. S. Res. 572.—1941.

bestehenden eigenen Positionen und die deutsche Expansion ergab sich im wesentlichen daraus, daß die in ungarischen Kreditorganisationen und in der ungarischen Industrie vorhandenen österreichischen, französischen usw. Kapitalbeteiligungen durch die Unterwerfung Europas in deutsche Hände gerieten. Vom Gesichtspunkt des Eindringens des deutschen Kapitals war besonders bedeutsam, daß fast 140 000 Aktien der Ungarischen Allgemeinen Creditbank (Magyar Általános Hitelbank) in den Jahren 1941 und 1942 aus französischen Banken zur Dresdner Bank gelangten, denn dadurch war — zusammen mit den von den Wiener Rotschilds schon früher erworbenen rund 20 000 Aktien — eine mehr als 18prozentige Kapitalbeteiligung für die Dresdner Bank gesichert. Demzufolge konnten sich die Vertreter des deutschen Kapitals auch unmittelbar in die Direktion der Creditbank hineinsetzen und sie erlangten Einfluß im ungarischen Wirtschaftsleben. Außer der Beteiligung an der Errichtung neuer Industriezweige waren eben diese Aktionen der bedeutsamste Schritt auf dem Wege der deutschen Kapitalexpansion.[68]

Das deutsche Kapital war überdies bestrebt, sich in den meisten Großunternehmungen Positionen zu erwerben. Es muß in diesem Zusammenhang hervorgehoben werden, daß es auch an der Ganz & Co. Elektrizitäts-, Maschinen-, Waggon- und Schiffbau-Aktiengesellschaft (Ganz és Társa Villamossági, Gép-, Waggon- és Hajógyár Részvénytársaság) erhebliche Beteiligung erlangte, da die amerikanischen Aktionäre — nach einer Mitteilung des Handelsattachés der englischen Gesandtschaft aus dem Jahre 1940 —, ihre Aktien an die Deutschen verkauft hätten.[69]

Seitens des deutschen Finanzkapitals waren selbstverständlich auch andere Bemühungen zur Erwerbung von wichtigen Unternehmungen zu beobachten. So machte z. B. die I. G. Farbenindustrie Schritte zur Beteiligung an der Chemisch-Pharmazeutischen »Chinoin« Fabrik (»Chinoin« Gyógyszer- és Vegyészeti Termékek Gyára Részvénytársaság), und dies um so mehr, als »Chinoin« auch eine weitverzweigte Exporttätigkeit entfaltete. Im Sommer 1941 wurden in der Fabrik Verhandlungen geführt, ». . . die deutschen Fabriken und Exporteure belegen unser Unternehmen seit einigen Wochen mit einem Materiallieferungsverbot . . . Dieses Materiallieferungsverbot läßt sich auf eine Anordnung des deutschen Wirtschaftsministeriums zurückführen . . . Es läßt sich auch mit den früheren Versuchen in Zusammenhang bringen, die schon immer darauf gerichtet waren, daß sich die großen deutschen Firmen, in erster Linie die I. G. Farbenindustrie und die Schering-Werke, bei der Chinoin eine Kapitalbeteiligung und einen entscheidenden Einfluß sichern.«[70] Zur Abwehr des deutschen Druckes ließ die an der Spitze der Chinoin stehende

[68] ZWA. Creditbanksekretariat. 1. Paket und Metallwaren-, Waffen- und Maschinenfabrik A. G. Material von I. Perényi.
[69] ZWA. Ganz-Fabrik. Protokoll der Präsidialsitzungen. 19.6. 1940.
[70] ZWA. Chinoin. Protokoll des Exkutiv-Komitees vom 21. 8. 1941.

Kapitalistengruppe die Vertreter einer kleineren deutschen Firma (Walter Haupt) und Hitlers Hausarzt in die Direktion wählen.[71]

Das deutsche Finanzkapital konnte aber außer den neuentwickelten Industriezweigen und der Erwerbung von im österreichischen, tschechischen, französichen usw. Besitz befindlichen ungarischen Aktien trotz seiner ständigen Versuche, nicht so große Kapitalbeteiligungen erwerben, wie es erstrebt hatte, demnach spielte es in der ungarischen Industrie während des Krieges keine große Rolle. Die meisten deutschen Positionen bestanden aus früheren deutschen, österreichischen und tschechischen Kapitalbeteiligungen. Nach einem Ende 1942 von den Großbanken verfertigten *internen Ausweis*[72] belief sich die deutsche Aktienbeteiligung in der ungarischen Industrie auf mehr als 200 Millionen Pengő. Das deutsche Kapital war sozusagen an allen größeren Unternehmen mehr oder minder beteiligt. Die deutsche Aktienbeteiligung erstreckte sich auf die folgenden wichtigsten Unternehmungen :

Name der Unternehmung	Aktien %
Ganz-Fabrik (Ganz-Gyár)	17,3
Rimamuránver Eisenwerk (Rimamuránvi Vasmű)	18,3
Vereinigte Glühlampen (Egyesült Izzó)	15,3
Elektrotrust (Villamos Tröszt)	34,0
Salgótarjáner Steinkohlenbergbau (Salgótarjáni Kőszénbánya)	13,1
Urikány—Zsiltaler Steinkohlenbergbau (Urikány—Zsilvölgyi Kőszénbánya)	8,7
Ungarischer Allgemeiner Kohlenbergbau (Magyar Általános Kőszénbánya)	6,7
»Hungária« Chemische Werke (»Hungária« Vegyiművek)	17,5
Gummiwarenfabrik (Ruggyantagyár)	22,8

Außerdem besaßen die deutschen Kapitalisten noch bei folgenden Unternehmungen Kapitalbeteiligungen :

Hundertprozentig in deutscher Hand befanden sich die Angyalfölder Textilwerke A. G. (Angyalföldi Textilművek RT.), Bantlinsche Chemische Fabriken A. G. (Bantlin-féle Vegyigyárak RT.), Baumwolltextilwerke A. G. (Pamuttextilművek RT.), Budanil A. G. (Budanil RT.), Erste Ungarische Schriftgießerei A. G. (Első Magyar Betűöntöde RT.), Stephan Felmayer & Söhne Blaufärberei und Kattundruckfabrik A. G. (Felmayer István és Fiai Kékfestő és Kartonnyomógyár RT.), Albert Förster Steinindustrie A. G. (Albert Förster Kőipari RT.), Philipp Haas und Söhne A. G. (Haas Fülöp és Fiai-féle RT.), Kispester Seidenweberei Gebrüder Schiel A. G. (Kispesti Selyemszövőgyár Schiel testvérek RT.), Julius Meinl Kaffeeimport A. G. (Meinl Gyula Kávébehozatali RT.) mit den zu ihr gehörenden kleineren Unternehmungen für Lebensmittel, Mercedes Benz Automobil A. G. (Mercedes-

[71] ZWA. Chinoin. Protokoll des Exkutiv-Komitees vom 21. August 1941. Protokoll vom April 1944. Nach der deutschen Besetzung ist Dr. Morell zum stellvertretenden Generaldirektor ernannt worden.

[72] ZWA. Material der Creditbankdirektion. Deutsch—ungarischer Aktientausch. Liste der deutschen Kapitalbeteiligungen.

Benz Automobil RT.), Neusiedler Papierhandel A. G. (Neusiedler Papírkereskedelmi RT.), die Firma Ohrenstein & Koppel, N. Rella & Neffe Bauunternehmung A. G. (Rella N. és Unokaöccse Építési Vállalat RT.), Guido Rütgers Holzimprägnierungs- und Holzpflasterungs A. G. (Rütgers Guido Fatelítő és Faburkoló RT.), Schimmel & Co A. G. (Schimmel és Társa RT.), Stölzles Söhne Ungarische Aktiengesellschaft für Glaswaren (Stölzle C. Fiai Üvegáruk Magyar RT.), »Tudor« Akkumulatorenfabrik A. G. (»Tudor« Accumulatorgyár RT.), Ungarische Siemens-Werke Elektrizitäts-A. G. (Magyar Siemens Művek Villamossági RT.), Papier- und Rohpappenfabrik A. G. (Papír- és Nyersfedéllemezgyár RT.), Ford Motor A. G. (Ford Motor RT.), Naxos Polierwarenfabrik A. G. (Naxos Csiszolóárugyár RT.), Újvidéker Schrauben- und Eisenwarenfabrik A. G. (Újvidéki Csavar- és Vasárugyár RT.), Ungarische Siemens-Reiniger-Werke A. G. (Magyar Siemens-Reiniger Művek RT.), Zinkwalzwerk A. G. (Horganyhengermű RT.).

Auch an vielen anderen Fabriken hatte das deutsche Finanzkapital bedeutende Beteiligungen (vgl. Anmerkung[73]).

[73] Das deutsche Kapital war an folgenden Fabriken und Betrieben beteiligt: Telephonfabrik A. G. (Telefongyár R. T.) 14,8%; Magyar Cukoripar R. T. (Ungarische Zucker-Industrie A. G.) 13,9%; Hazai Fésűsfonó és Szövőgyár R. T. (Vaterländische Kammgarn-Spinnerei und Weberei A. G.) 57%; Magyar Rabbethge és Giesecke Magtenyésztő R. T. (Ungarische Rabbethge und Giesecke Samenzucht A. G.) 40%; Zichy Béla Gróf Urkuti Bányaművei R. T. (Graf Béla Zichys Urkuter Bergwerke A. G.) 81%; Zagyvapálfalvai Üveggyár R. T. (Zagyvapálfalvaer Glasfabrik A. G.) 24,5%; Dreher Kőbányai Serfőzde és Csokoládégyár (Kőbányaer Dreher Bierbrauerei und Schokoladenfabrik A. G.) 13,7%; Felten és Guilleaume Kábel-, Sodrony- és Sodronykötélgyár R. T. (Felten & Guilleaume Kabel-, Draht- und Drahtseilfabrik A. G.) 74,4%; Szegedi Kenderfonógyár R. T. (Szegediner Hanfspinnerei A. G.) 15,8%; »Klotild« Első Magyar Vegyipar és »Acetic« Vegyiművek Egyesített R. T. (Vereinigte »Clotilde« Erste Ungarische Gesellschaft für Chemische Industrie und »Acetic« Chemische Werke A. G)) 8,4%; Hazai Papírgyár R. T. (Vaterländische Papierfabrik A. G.) 20%; Délmagyarországi Villamos Áramszolgáltató R. T. (Südungarische Elektrische Stromlieferungs A. G.) 57,1%; Drávavölgyi Villamos Áramszolgáltató R. T. (Drautaler Elektrische Stromlieferung A. G.) 90%; Petőházi és Nagycenki Cukorgyárak R. T. (Zuckerfabriken A. G. von Petőháza und Nagycenk) 82,5%; Continental Szalagszövőgyár R. T. (Continental Bandweberei A. G.) 41,1%; Vasárugyár R. T. Sopron (Eisenwarenfabrik A. G. Sopron) 84,5%; Hartmann Testvérek Nyomdafestékgyára R. T. (Gebrüder Hartmann Druckfarbenfabrik A. G.) 40%; Hartmann Vilmos-féle Papír- és Papírforgalmi R. T. (Wilhelm Hartmannsche Papierindustrie und Vertriebs-A. G.) 82,6%; Magyarországi Odolművek R. T. (Ungarische Odolwerke A. G.) 50%; Schember Magyar Mérleg- és Gépgyár R. T. (Schember Ungarische Waagen- und Maschinenfabrik A. G.) 10%; Schmoll és Kallós R. T. (Schmoll und Kallós A. G.) 25%; Soproni és Ujpesti Posztó- és Szőnyeggyárak (Soproner und Ujpester Tuch- und Teppichfabriken A. G.) 89,8%; Piatnik Kártyagyár (Spielkartenfabrik Piatnik) 84,4%; Ipari Robbanóanyaggyár R. T. (Industrielle Sprengstoffe A. G.) 12%; Felsőmagyarországi Bánya- és Kohómű R. T. (Oberungarische Berg- und Hüttenwerks-A. G.) 21,1%; Hazai Likőr-, Rum- és Szeszárugyár R. T. (Vaterländische Likör-, Rum- und Spirituosenfabrik A. G.) 47,1%; Első Magyar Cipőrugany-, Szalag és Húzógyár Wellesz, Schwitzer és Társai R. T. (Erste Ungarische Gummizug- Band- und Strumpffabrik Wellesz, Schwitzer & Co. A. G.) 17,9%; Gerő Adolf Szövött- és Kötöttárugyár R. T. (Adolf Gerő Strick- und Wirkwarenfabrik A. G.) 50%; Székesfehérvári Légszeszgyár és Vegyiművek R. T. (Székesfehérvárer Gasfabrik und Chemische Werke A. G.) 90,3%; Ujvidéki Kábelgyár R. T. (Ujvidéker Kabelfabrik A. G.) 33,3%; »UWAG« Magyar Szövőgyár R. T. (Ungarische Weberei A. G. »UWAG«) 85%; Prometheus Szén- Fa- és Koksz- R. T. (Prometheus Kohle-, Holz- und Koks-A. G.) 15%; »Chemicolor« Vegyészeti és Metallurgiai R. T. (Chemische und Metallurgische A. G. »Chemicolor«) 30%; Kárpáti Villamosművek RT. (Karpatische Elektrizitäts-

Wie ersichtlich, überließ das ungarische Finanzkapital den Deutschen auch während des Krieges nicht die wichtigen Positionen und der Raumgewinn des deutschen Kapitals in der ungarischen Industrie erfolgte in erster Linie nicht auf Kosten der ungarischen, sondern vielmehr des österreichischen, tschechischen, französischen usw. Finanzkapitals. Der deutsche Einfluß machte sich aber in diesen Jahren auch durch andere Mittel, so durch den politischen Druck geltend und stellte die ungarische Industrie in den Dienst der deutschen Interessen. Für die ungarischen Finanzkapitalisten war das nicht unmittelbar nachteilig, erhielten sie doch mehr Bestellungen, vermochten ihre Betriebe zu erweitern, ihre Kriegsprofite zu erhöhen usw. usw. Die einseitige Berücksichtigung der deutschen Interessen verletzte aber die Interessen des ungarischen Finanzkapitals, da sie es gleichzeitig auf vielen Gebieten einschränkte. Die meisten nach Deutschland ausgeführten Waren wurden nämlich nicht bezahlt. Auch das war ein wesentliches Moment in der Ausplünderung unseres Vaterlandes. Außerdem blieben auch die ungarischen Lieferungen an die Deutschen sowie die für die Deutschen verrichtete Lohnarbeit usw. usw. ohne Gegenleistung, worauf wir später noch zurückkommen werden. Die an der Ausfuhr interessierten Unternehmungen gelangten nur so zu ihren Forderungen, daß auf Grund eines zwischenstaatlichen Abkommens teilweise unmittelbar die Nationalbank, teilweise die großen Geldinstitute ihnen Geldsummen vorstreckten. Obzwar auch die von den Geldinstituten vorgestreckten Summen vom ungarischen Staat mittels ungedeckter Papiergeldemission durch die Notenbank refinanziert wurden, blieb das für das Finanzkapital doch ungünstig. Das ungarische Finanzkapital strebte also im Zusammenhang mit der Begleichung der deutschen Schulden danach, die in deutscher Hand befindlichen ungarischen Aktien als Begleichung der Schulden zurückzugewinnen. Diese Absichten waren schon zu Beginn des Krieges offensichtlich. Ein Führer der GYOSZ, Sándor Knob, warf bereits Anfang 1939 den Gedanken auf, man sollte den nach Deutschland gehenden großen Ausfuhrüberschuß nicht durch Erhöhung der Industrieeinfuhr decken, sondern die Deutschen sollten dafür einen Teil ihrer, damals bereits auf 120—130 Millionen Pengő geschätzten ungarländischen Kapitalbeteiligungen der ungarischen Industrie überlassen.[74] In der ersten Periode des Krieges konnten diese Wünsche noch nicht verwirklicht werden. Um die weiteren Lieferungen aus Ungarn zu sichern und keine Störungen eintreten zu lassen, zeigte sich die deutsche Regierung seit

werke A. G.) 51%; Magyar Fémdobozművek R. T. (Ungarische Blechemballagen-Werke A. G.) 50%. Darüber hinaus ist außer den zahlreichen kleineren Beteiligungen auch die bedeutende deutsche Beteiligung an der Bauxit-Ipar R. T. (Bauxit Industrie A. G.) bekannt, ferner, daß ein erheblicher Teil des einzigen ungarischen Schwarzkohlengebietes im Besitz der ebenfalls in deutscher Hand befindlichen Ersten Donau-Dampfschiffahrts-Gesellschaft (Első Dunagőzhajózási Társaság) war. Bekannt sind schließlich die ungarischen Tochtergesellschaften mehrerer deutscher Unternehmungen, so beispielsweise der Budapester Betrieb der AEG. usw.

[74] Magyar Gyáripar (Ungarische Industrie) Nr. 4. 1939.

Ende 1942 bereit, das in deutschem Besitz befindliche ungarische Aktienvermögen zu überlassen. In den letzten Jahren des Krieges, von 1943 ab, ist schon die Rückerwerbung eines Teils der in deutscher Hand befindlichen Aktien möglich geworden, da dies zur Vorbedingung der weiteren Lieferungen gemacht wurde. Die diesbezüglichen Verhandlungen sind im November 1942 in Wien aufgenommen worden, wo ungarischerseits auf einen Aktienbesitz von ungefähr 250 Millionen Pengő sowie auf die Pécser Bergwerke Anspruch erhoben wurde. Die Deutschen — obzwar sie in der gegebenen Lage zu Zugeständnissen gezwungen waren — wollten ihre unmittelbaren Beteiligungspositionen in der ungarischen Industrie und in den ungarischen Geldinstituten nicht verlieren und wollten deshalb entgegen den deutschen Ansprüchen nur die Überlassung einer Aktiensumme von 30 Millionen Pengő in Erwägung ziehen. Sie erklärten sich einverstanden nur 13% ihres ungarischen Aktienvolumens Ungarn zu überlassen, was lediglich 2% der deutschen Schulden beglichen hätte. Sie waren nicht bereit, ihre Aktienbeteiligungen an dem Rimamuránver Eisenwerk, der Ganz-Fabrik, den Vereinigten Glühlampen, der Dreher-Fabrik, der Ungarischen Zuckerindustrie A. G., der Gummiwaren fabrik usw. abzutreten. Diese Gegensätze führten 1942 zum Abbruch der Verhandlungen.[75] Schließlich kam eine Kompromislösung doch zustande, nachdem die Deutschen der Rückerstattung eines Aktienvolumens im Werte von 100 Millionen Pengő zustimmten. Tatsächlich haben sie den ungarischen finanzkapitalistischen Gruppen bis Februar 1944 Aktien nur im Werte von 34,75 Millionen Pengő zurückgegeben. So übergab zum Beispiel die AEG ein Ganz-Fabrik-Aktienpaket mit 86 000 Aktien im Werte von 6,5 Millionen Pengő und damit gelangten die Aktien der Ganz-Fabrik vollständig in die Hände der Commerz-Bank.[76] Der Aktienbestand der Ungarischen Allgemeinen Kohlenbergbau Aktiengesellschaft (Magyar Általános Kőszénbánya RT.) ging im Werte von 8 Millionen Pengő ebenfalls in den Besitz des ungarischen Finanzkapitals über. Im Laufe der sogenannten Aktienrepatriierungen erhielt die Credit-Bank-Gruppe Aktien im Werte von 16 Millionen Pengő, die Commerz-Bank-Gruppe im Werte von 17 Millionen Pengő (hauptsächlich Salgótarjáner [7,7%] und Rimamuránver [13,7%] Aktien) und die anderen Banken Aktien im Werte von nicht ganz 2 Millionen Pengő zurück.[77] Selbst wenn das nur einen kleinen Teil der deutschen Kapitalbeteiligungen in Ungarn ausmachte, so muß doch festgestellt werden, daß es dem ungarischen Finanzkapital auf einigen Gebieten doch gelungen ist, die deutschen Kapitalbeteili-

[75] ZWA. Creditbank. Deutsch—ungarischer Aktientausch.
[76] ZWA. Ganz-Fabrik. Protokoll der Präsidialsitzung vom 16.9. 1943.
[77] ZWA. Creditbank. Deutsch—ungarischer Aktientausch. 4.2. 1944. Während des Krieges erwarb das ungarische Finanzkapital gewisse schweizerische (Filtex, »HPS« Textilfabrik A. G.) und — trotz dem Dazwischentreten der Deutschen — auch einige belgische und holländische (Egercsehier Kohlenbergbau) Aktien zurück. Die letzteren als Entgelt für Lebensmittellieferungen.

gungen zurückzudrängen, was auf die Stärkung seiner wirtschaftlichen Machtpositionen hindeutet.

Im Jahre 1944, nach der deutschen Besetzung des Landes, war das deutsche Finanzkapital — die gegebene Lage ausnützend — bestrebt, seine Hand nach dem größten Betrieb Ungarns auszustrecken. In diesem Zusammenhang ist es besonders wichtig, daß die SS von der Familie Weiss die Manfred Weiss-Werke käuflich erwarb, ebenso auch die anderen Anteile dieser Familie. (Dadurch gelangte die SS auch in den Besitz eines 12% betragenden Aktienpaquets der Salgótarjáner A. G.)[78]

Im letzten Kriegsjahr kam es also schon so weit, daß das ungarische Finanzkapital gezwungen war, einen Teil seiner bedeutendsten Anteile den deutschen Monopolkapitalisten zu überlassen.

Die wirtschaftliche Entwicklung in Ungarn während des Krieges wurde in vieler Hinsicht durch eine nachdrückliche Betonung der deutschen Interessen bestimmt. Wie wir gesehen haben, wurden die Entwicklung der Industrie und die kriegsbedingten Veränderungen ihrer Struktur über die Ausfuhr von enormen Mengen von landwirtschaftlichen Produkten und industriellen Rohstoffen hinaus in entscheidendem Maße von den deutschen Zielsetzungen bestimmt. Die Unterordnung des Wirtschaftslebens des Landes den deutschen Interessen — in welcher Form es auch immer geschah — wurde zum Mittel der Ausplünderung Ungarns in der Hand Nazi-Deutschlands. Die Unterordnung den deutschen Interessen ist wirtschaftlich in Form von »reinen Außenhandelsbeziehungen« zutage getreten. Laut der verschiedenen Handelsvereinbarungen hätte die ungarische Warenausfuhr deutscherseits durch Warenlieferung oder in anderer Form beglichen werden müssen. Diese Vereinbarungen dienten schon an und für sich der Ausplünderung des Landes, da sie auf ungleichem Warenaustausch beruhten. Hinzu kam, daß die Mark während des Krieges im Vergleich zum Pengő aufgewertet wurde, außerdem sind die Preise der deutschen Importartikel in viel größerem Maße gestiegen, als die ungarischen Exportgüter. All das bedeutete aber, daß Ungarn in den Kriegsjahren für dieselbe Menge deutscher Waren viel mehr ungarische Exportartikel als vor dem Kriege liefern mußte. Allein infolge der Maßnahme, wonach die Deutschen das Verhältnis zwischen den Export- und Importpreisen bewußt zu ihren Gunsten abgeändert hatten, zahlte Ungarn bereits in den ersten neun Monaten des Jahres 1941 bei 100 Millionen Pengő des Außenhandels 5 Millionen Pengő drauf.[79] Bis Ende des Krieges betrug diese Einbuße bereits 29 Millionen bei je 100 Millionen![80]

[78] ZWA. Protokoll des Salgótarjáner Exekutiv-Komitees vom 12. 7. 1944.

[79] Bericht des Landesverbandes der Ungarländischen Fabrikindustriellen (GYOSZ) vom Jahre 1942. Budapest 1943. S. 21 und 22.

[80] Kállay, Nicholas: Hungarian Premier, a personal account of a nation's struggle in the second World War. New York 1954. S. 302.

Das wird auch von anderen Quellen bestätigt, die die Preiserhöhungen der ungarischen Waren bis Ende 1943 auf 117%, die der Deutschen hingegen auf 190% schätzen.

Diese Methode, wenn auch nicht in derart zugespitzter Form, ist im allgemeinen bezeichnend für die wirtschaftlichen und Außenhandelsbeziehungen zwischen den höher entwickelten imperialistischen Mächten und den rückständigen, abhängigen Ländern. Im Laufe des Krieges wurden derartige Außenhandelsbeziehungen sehr bald zum Mittel der offenen, hemmungslosen Ausplünderung Ungarns. Die nach Deutschland gehenden Ausfuhrtransporte — die ungefähr 60% der gesamten ungarischen Ausfuhr ausmachten — wurden von den Deutschen in immer geringerem Maße beglichen und die deutschen Schulden wuchsen dem ungarischen Staat gegenüber immer mehr an.

Die enorme Verschuldung der deutschen Regierung erfolgte zur Zeit des Krieges gegen die Sowjetunion. Der Außenhandelssaldo wies bereits in den dreißiger Jahren im allgemeinen kleinere deutsche Passiva auf, im Frühling 1941 wurde jedoch die Außenhandelsbilanz für Ungarn passiv: es blieb eine Schuld von etwa 30 Millionen auf der Clearing-Rechnung, die im Juni desselben Jahres beglichen wurde. Des weiteren hat sich aber die Lage geändert: die deutsche Regierung stellte die Bezahlung der ungarischen Lieferungen ein, und wälzte die Begleichung der steigenden Schulden immer mehr auf den ungarischen Staat ab. Anfangs wurde das so gelöst, daß die Nationalbank bzw. das Konsortium der Budapester Geldinstitute der deutschen Verrechnungskasse 300 Millionen Mark »lieh« oder an die ungarischen Kapitalisten auszahlte. Seit Sommer 1942 waren aber die deutschen Schulden so stürmisch angewachsen, daß zur Regelung der Frage zwischenstaatliche Verhandlungen erforderlich wurden. Die deutsche Regierung brachte es wieder einmal mit ihrer gewohnten zynischen Offenheit zum Ausdruck, daß diese Schuld in der Zukunft noch erheblich steigen würde, d. h.: die Deutschen seien nicht geneigt, die ungarischen Lieferungen zu bezahlen, sie wälzen das ganz und gar auf den ungarischen Fiskus ab. Ein führender Beamter des deutschen Finanzministeriums, namens Litter, erklärte, daß der Großteil der ungarischen Lieferungen ». . . eigentlich . . . als Kontributionen zur gemeinsamen Kriegsführung zu betrachten seien, deren Gegenwert verbucht werden würde . . . Die Regelung der derart eingetragenen Summen würde eine, erst nach dem Kriege entstehende und zu lösende Frage sein!«[81]

Mit Rücksicht darauf, daß die ungarische herrschende Klasse noch damit rechnete, daß sich diese Investition — in erster Linie durch die Teilnahme an der Ausplünderung der unterjochten Länder — später reichlich bezahlt machen wird, stieg die Summe der deutschen Schulden in den Jahren 1942 und 1943 rapid an. Ende 1941 belief sich die Summe der deutschen Schulden auf 140 Millionen Mark. 1942 sprang der Betrag auf 506 Millionen, was mehr als 800 Millionen Pengő entsprach. Wie groß diese Summe war, wird ersichtlich, wenn wir bedenken, daß der gesamte, durch Banknotenemission gedeckte

[81] L. A. A. M. Wp. S. Dossier über die deutsch—ungarischen Verhandlungen 1942.

eigene Bedarf des ungarischen Fiskus um 40% niedriger war. »Dem deutschen Fiskus kreditieren wir um 60% mehr als dem ungarischen« stellte der Präsident der Ungarischen Nationalbank fest. »Das ist also eine sehr große Belastung.«[82] Bis 1943 hat sich aber auch diese gewaltige Summe verdoppelt und ist auf 1035 Millionen Mark gestiegen![83] Im Jahre 1944 stiegen dann die deutschen Schulden in einem noch schnelleren Tempo weiter an, was noch dadurch gekrönt wurde, daß für die Besatzungskosten Ungarns das ungarische Volk fast 2 Milliarden Pengő aufbringen mußte.

Hitler-Deutschland war also Ungarn gegenüber in hohem Maße verschuldet. Vor dem Kriege gerieten im allgemeinen die Schuldnerländer in eine abhängige Situation und sie wurden von den Gläubigern in Form von Zinsen usw. ausgepreßt. Im Kriege hat sich die Lage geändert. Zahlreiche führende kapitalistische Länder, die früher Gläubigerstaaten waren, sind nun zu Schuldnern geworden, und zwar jenen Ländern gegenüber, deren Gläubiger sie ehedem waren. Diese Verschuldung trug jetzt aber einen ganz anderen Charakter, sie bedeutete lediglich, daß die Ausplünderung der abhängigen oder Kolonialländer neue Formen annahm. Die Verschuldung wurde die Hauptform der Ausplünderung dieser Länder, des unentgeltlichen Abtransports ihrer Rohstoffe, Produkte usw. Die Verschuldung Deutschlands Ungarn gegenüber bedeutete also, daß die rasch zunehmenden deutschen Ausfuhrtransporte zu dieser Zeit bereits sozusagen vollkommen unentgeltlich vor sich gingen, d. h. das faschistische Deutschland setzte die Ausplünderung Ungarns noch offener und in einem alles frühere übersteigenden Maße fort. Mit Recht konnte die illegale »Szabad Nép« feststellen: »Der Hitlerismus will unseren letzten Tropfen Blut aussaugen und damit sein Mörderleben verlängern.«[84]

Die ungarischen herrschenden Klassen leisteten dem deutschen Faschismus Vasallendienste und wälzten die enormen Lasten ihrer Politik auf das Land, auf die Schultern des ungarischen Volkes ab. Die auch ohnedies großen militärischen Ausgaben des im Dienste des deutschen Faschismus, entgegen den Interessen des ungarischen Volkes geführten Krieges wurden durch die unbezahlten deutschen Schulden nur noch mehr erhöht.

Die gewaltigen und immer mehr anwachsenden Ausgaben konnte der ungarische Staat aus seinen Einnahmequellen nicht mehr decken. Obzwar die Steuerlasten ungeheuer emporgeschraubt wurden, wurde die Proportion der Steuereinnahmen des Staates bei der Deckung der Kriegsausgaben immer geringer. Es genügte auch die Inanspruchnahme von inneren Anleihen nicht: der Staat griff zum Mittel der *ungedeckten Banknotenemission!*

Das umlaufende Geld war in Ungarn, ebenso wie im allgemeinen in den anderen Ländern, keine echte Banknote, sondern nur Papiergeld. Diese

[82] L. A. Protokoll des 42er Ausschusses vom 8. 4. 1943. XXXI. S. 384.
[83] Statisztikai Szemle (Statistische Rundschau) 1946, S. 131.
[84] »Az illegális Szabad Nép«. (Die illegale »Szabad Nép«) Szikra 1954. S. 31.

Die Kriegsausgaben des Budgets in Millionen Pengő[85]

Jahr	Ohne deutsche Schulden	mit deutschen Schulden	In % des Nationaleinkommens	
1938/39 ...	618,9	618,9	11,9	11,9
1939/40 ...	1845,7	1845,7	19,8	19,8
1941.....	1170,4	1496,4	15,5	19,9
1942.....	2041,7	2599,7	21,9	27,9
1943.....	3562,0	4525,0	27,6	35,1
1944.....	6915,8	9833,8	31,0	44,1

Beschaffenheit des Geldes sprang zur Zeit des Krieges, als das Geld nicht mehr auf Grund von Handelskrediten, sondern als dem Staate gewährte Anleihen in Umlauf gelangten, noch mehr ins Auge. In den kapitalistischen Ländern hat das Wachstum der Staatsschulden, d. h. die Verschuldung der Regierungen bei den Nationalbanken in den Kriegsjahren sehr große Maße angenommen.[86]

Die umlaufende Geldmenge schwankte in Ungarn in den dreißiger Jahren zwischen 400—500 Milliarden Pengő, in Auswirkung des sogenannten Győrer Programms stieg sie 1938 auf mehr als 800 Milliarden an und erreichte bis 1940, wenn auch etwas langsamer, die enorme Höhe von 1400 Milliarden Pengő. Es muß hinzugefügt werden, daß die Erhöhung des Banknotenumlaufes teilweise damit zusammenhängt, daß sich die Umlaufgeschwindigkeit des Geldes infolge der Kriegsverhältnisse notwendigerweise verlangsamt hatte. Die durch die Gebietseinverleibung erfolgte Bevölkerungszunahme machte eine Erhöhung der umlaufenden Geldmenge ebenfalls erforderlich. Schließlich muß berücksichtigt werden, daß die Produktion und der Warenumsatz zu dieser Zeit ebenfalls eine ansteigende Tendenz zeigten. Infolge des Eintritts Ungarns in den Krieg und infolge des stürmischen Anwachsens der deutschen Schulden nahm aber der Banknotenumlauf nach 1941 im schnelleren Tempo sprunghaft zu und wurde 1944, auf dem Gipfelpunkt der Kriegsanstrengungen und infolge der deutschen Besetzung sogar maßlos.

Die Erhöhung des ungarischen Banknotenumlaufs hat den Banknotenumlauf vieler anderer Länder — darunter auch in den meisten von dem deutschen Faschismus unterjochten Ländern — weitaus überstiegen, während der Banknotenumlauf in Ungarn mehr als auf das 14fache anwuchs, stieg er zur

[85] Zusammengestellt auf Grund der Daten von Schlußrechnungen. Hinsichtlich der deutschen Schulden s. auch : Sándor Ausch : A háború finanszírozása és az 1938—1944. évi infláció Magyarországon. (Die Finanzierung des Krieges und die Inflation in Ungarn in den Jahren 1938—1944. Közgazdasági Szemle. (Volkswirtschaftliche Rundschau) 1955. Nr. 10, S. 1204.

[86] Varga J.: A tőkés gazdaság a második világháború után. (Die kapitalistische Wirtschaft nach dem zweiten Weltkrieg). Szikra, Budapest 1947. S. 257—258.

Gestaltung des Banknotenumlaufes[87]

Jahr	In Milliarden Pengő	%
1938.....	863	100
1939.....	974	112
1940.....	1 386	160
1941.....	1 984	229
1942.....	2 958	342
1943.....	4 391	508
1944.....	12 180	1411

selben Zeit in Deutschland nur auf das Achtfache, in Japan beinahe auf das Fünffache und selbst in den meisten unterjochten Länder im allgemeinen nur auf das 5—6fache.[88]

Selbstverständlich könnte man aus dem schnellen Zuwachs des Banknotenumlaufs und der Menge des Papiergeldes allein noch auf keine inflatorische Erscheinung schließen, die Vorbedingung zur Entwertung des Geldes, zur Inflation wird ja erst durch einen mit der Verminderung des Warenverkehrs einhergehenden Zuwachs des Geldumlaufs geschaffen. Die Verminderung des Warenverkehrs begann aber bereits nach 1940, da die Industrie, und zwar nicht nur die Schwerindustrie, sondern größtenteils auch die Leichtindustrie, für die Armee bzw. für die deutschen Bedürfnisse arbeiteten. Es ist aber eine allgemein bekannte Tatsache, daß für die ungarische Bevölkerung auch von Lebensmitteln nur ein Minimum, manchmal und von einigen Bedarfsartikeln selbst das nicht gesichert werden konnte. Die rapide Zunahme der Papiergeldmenge, gleichzeitig aber die Verminderung der Warendeckung hatten eine bedeutende Preissteigerung zur Folge. Trotz der amtlichen Preisregelungen stieg die Preisindexzahl im Großhandel zwischen 1939 und 1944 nach amtlichen Ausweisen um 22%. Die Preiserhöhungen waren aber in Wirklichkeit viel größer.

Bei den statistischen Ziffern sind einerseits bewußt solche Komponenten berücksichtigt bzw. außer acht gelassen worden, die die Preiserhöhungen geringer erscheinen lassen, andererseits werden nur die amtlichen Preise berücksichtigt, obwohl ein ziemlich bedeutender Teil des Warenverkehrs, etwa 40%, auf dem Schwarzmarkt zu viel höheren Preisen abgewickelt wurde. Die Preise waren auf dem schwarzen Markt ungefähr zehnmal höher als die amtlich angekündigten Preiserhöhungen.[89]

[87] Auf Grund der entsprechenden Jahrgänge der »Magyar Statisztikai Évkönyvek« (Ungarische Statistische Jahrbücher).

[88] Magyar Statisztikai Szemle (Ungarische Statistische Rundschau) 1946. S. 122—123.

[89] ZWA. Generalratssitzungsprotokoll der Ungarischen Nationalbank vom 26. 5. 1943. Ansprache des Generaldirektors Richard Quandt.

Die Inflation, der Entwertungsprozeß des Pengő, setzte also die Kaufkraft der Löhne und Gehälter herab und bildete eines der Mittel zur Neuverteilung des Nationaleinkommens zugunsten der herrschenden Klassen.

Die Neuverteilung des Nationaleinkommens wurde aber durch den Umstand in hohem Maße beeinflußt, daß die Inflationspolitik in Ungarn nicht allein zur Abwälzung der zunehmenden Ausgaben des Landes, sondern — wie wir es gesehen hatten — in hohem Maße auch zur Deckung des Mark-Saldos, der unentgeltlichen Ausfuhrtransporte nach Deutschland betrieben wurde.

Die infolge der ungedeckten Ausfuhren enorm angeschwollenen deutschen Schulden beliefen sich in den Kriegsjahren auf 4765 Millionen Pengő. Der Zuwachs des Banknotenumlaufes betrug in der Periode zwischen 1938 und 1944 11 337 Millionen Pengő, d. h. 45% *des gesamten Banknotenzuwachses ist von den deutschen Schulden verursacht worden!* Wie bekannt, spielten die deutschen Schulden erst zur Zeit des antisowjetischen Krieges eine entscheidende Rolle, zwischen 1938 und 1941 noch nicht. Während also der Banknotenzuwachs in diesen Jahren ausschließlich auf die ungarische Aufrüstung zurückzuführen war, waren es zwischen 1941 und 1944 schon die deutschen Schulden, die bei dem immer schnelleren Tempo der Inflation die entscheidende Rolle spielten.

Jahr	Banknotenzuwachs	Zunahme der deutschen Schulden	Proportion der deutschen Schulden im Banknotenzuwachs (%)
	jährlich in Millionen Pengő		
1941.....	598	326	54
1942.....	974	558	57
1943.....	1433	963	67
1944.....	7789	2918	37

Auf Grund der angeführten Tatsachen kann mit Recht gefolgert werden, daß bis zum Jahre 1944 die Inverkehrsetzung ungedeckter Banknoten, die sich entfaltende Inflation in erster Reihe eine Folge der deutschen wirtschaftlichen Expansion und jenes Umstandes war, daß die führenden Politiker Ungarns dem deutschen Faschismus dienlich waren. Wenn wir dies auch betonen, müssen wir doch darauf hinweisen, daß die Behauptung einiger führender Politiker dieser Zeit, die die Inflation ausschließlich auf den deutschen Druck zurückführen und die Rolle der eigenen Kriegsausgaben bagatellisieren, unrichtig sind; diese Memoiren wurden hauptsächlich verfaßt, um ihre eigene volksfeindliche Politik zu beschönigen und ihre eigene Verantwortlichkeit zu verwischen.[90]

[90] Kallay, Nicholas: Hungarian Premier, a personal account of a nation's struggle in the second World War. S. 299.

Das faschistische Deutschland deckte ungefähr ein Viertel seiner Kriegsausgaben aus der Ausplünderung fremder Staaten. Ungarn gehörte zu diesen Staaten. In der Hand des deutschen Finanzkapitals war also der in den Satelliten- und in den besetzten Staaten einsetzende Inflationsprozeß ein wichtiges Mittel, um sich einen Teil des Nationaleinkommens der betreffenden Länder anzueignen. In diesen Ländern also, und so auch in Ungarn, erfolgte die Neuaufteilung des Nationaleinkommens unmittelbar zu Gunsten des deutschen Finanzkapitals.

Die immer totalere Unterjochung und Ausplünderung Ungarns durch den deutschen Faschismus belastete in grundlegender und entscheidender Weise in erster Linie die Arbeiterklasse und die werktätigen Klassen, verletzte aber gleichzeitig auch die Interessen der ungarischen herrschenden Klassen bzw. einiger Schichten dieser Klassen. Nach der deutschen Niederlage bei Stalingrad, als es offenkundig wurde, daß diese »Investition« nach dem Kriege ihnen nicht entschädigt würde, tauchte auch in der Politik die Bestrebung auf, möglichst mit den Deutschen zu brechen, aus dem Kriege herauszuspringen, um dadurch das Horthy-Sytem herüberzuretten. Die sich um den Horthy-Klüngel gruppierenden herrschenden Kreise blieben aber infolge ihres tiefen Hasses gegen das Volk und gegen die Sowjetunion bis Ende des Krieges Hitler-Deutschlands treueste Vasallen.

Zur Krönung der viertelhundertjährigen, schändlichen Herrschaft ihres konterrevolutionären Systems und der deutschen kolonisatorischen Bestrebungen lieferten sie unser Vaterland vollständig der Herrschaft des deutschen Faschismus und seiner ungarischen Trabanten aus und stürzten damit das Land ins Verderben. Im Jahre 1944 versetzte die Sowjetarmee ununterbrochen Schläge den deutsch-faschistischen Armeen und ihren Vasallenheeren. Im selben Jahre, als die völlige Niederlage Hitler-Deutschlands schon unmittelbar bevorstand, setzten die deutschen herrschenden Kreise noch alles daran, ihren Untergang hinauszuschieben. In Anbetracht der doppelzüngigen Politik der Kállay-Regierung, ihrer lahmen Versuche, aus dem Kriege herauszuspringen, besetzten die Deutschen — von den extremen ungarischen faschistischen Elementen unterstützt — am 19. März 1944 Ungarn und riefen — mit Zustimmung der Horthy-Gruppe — die Sztójay-Marionettenregierung ins Leben. Nahm die Ausplünderung des Landes schon früher ungeheuere Ausmaße an und wurde sie auch bis dahin immer offener, so kam die deutsche Herrschaft jetzt, nach der Besetzung in unmittelbarer Form zur Geltung und die Ausplünderung des Landes wurde völlig unverhüllt, in Form des offenen Raubes weitergeführt. Die deutsche Besetzung bedeutete für die Werktätigen einen hemmungslosen Terror, gleichzeitig aber auch — wie wir bereits erwähnten — eine neue, schwere finanzielle Last von 2 Milliarden Pengő, da die ungarische Marionettenregierung die Kosten der Besatzung auf sich nahm.

Seit Oktober 1944, als die Befreiung unseres Vaterlandes durch die sowjetischen Truppen bereits ihren Anfang nahm, begannen auch die Deutschen

und ihre pfeilkreuzlerischen Söldlinge — zur Vollendung ihrer bis dahin betriebenen Raubwirtschaft — mit der Verschleppung der Fabrikseinrichtungen der ungarischen Industrie nach Deutschland, im nichtverschleppten Produktionsapparat hingegen richteten sie eine barbarische Verwüstung an. Bezeichnend ist eine Äußerung des pfeilkreuzlerischen Regierungskommissars für Unterkunftswesen über die Umsiedlung der Industrie nach Deutschland. In dieser Erklärung hieß es: »Die Früchte dieser edlen Arbeit werden nicht nur die heute lebenden Ungarn, sondern auch die Generationen der ewigen nationalen Zukunft zu spüren bekommen und segnen.«[91]

Der sogenannte »Lähmungs- und Verschleppungsplan« wurde am 14. November 1944 durch eine Verordnung des Landesverteidigungsministers (Nr. 51673/eln. H. M. 3. oszt.) geregelt. Die Vorbereitung, Durchführung und Kontrolle oblag den militärischen Behörden. Die Liste der zu sprengenden oder auszuführenden Betriebe wurde deutscherseits vom Hauptquartiermeister der Heeresgruppe Süd, ungarischerseits von der gemeinsamen Kriegsindustriegruppe des Landesverteidigungs- und Industrieministeriums zusammengestellt, die Deutschen gingen aber auch selbständig vor, anhand der Angaben der Deutschen Industrie-Kommission in Ungarn. Nach der Einkesselung von Budapest zerstörten einige deutsche Truppenkommandanten eigenmächtig verschiedene Betriebseinrichtungen.[92]

Die Verschleppung bzw. Zerstörung der wertvollen Maschinen richtete in zahlreichen — insbesondere in den kriegswichtigen Betrieben — schwere Schäden an. In der Egercsehier Kohlenbergwerks- und Portlandzementfabrik A. G. (Egercsehi Kőszénbánya és Portlandcementgyár RT.), die im September noch in Betrieb war, sprengten die Deutschen bei ihrem Abzug die Elektrizitätszentrale und den Kohlenabschneider.[93] In der Ganz-Fabrik erschien am 29. Dezember 1944 ein »Lähmungskommando« und sprengte die Regler- und Schaltanlagen.[94] Der Großteil der wertvollen Maschinen der Ungarischen Optischen Werke A. G. (Magyar Optikai Művek RT.) wurde hingegen nach Deutschland verschleppt.[95] Ähnliches Los ist auch der Székesfehérvárer Anlage der Jagdpatronen-, Zündhütchen- und Metallwerkenfabrik A. G. (Vadásztöltény-, Gyutacs- és Fémárugyár RT.) widerfahren. Hier wurden 60—70% des modernen Maschinenparks unter der Anleitung der deutschen Todt-Organisation weggeschleppt, und nur die minderwertigen Maschinen sind geblieben.[96] Die Lage war auch in vielen anderen Fabriken, so z. B. in den Ungarischen Munitionswerken A. G. (Magyar Lőszerművek RT.) die gleiche.

[91] L. A. A. M. Material des Ausschusses für Friedensvorbereitung II/2—28/13.
[92] L. A. A. M. Material des Ausschusses für Friedensvorbereitung I/1—3/1—24/3.
[93] Geschäftsbericht des Egercsehier Kohlenbergbaus, Budapest 1946.
[94] L. A. A. M. Material des Ausschusses für Friedensvorbereitung I/1—3/1—24/3.
[95] L. A. A. M. Material des Ausschusses für Friedensvorbereitung I/1—3/1—24/20.
[96] Zentralwirtschaftsarchiv. Commerz-bank. Industrie 14. Vadásztölténygyár. (Jagdpatronenfabrik).

Ein ähnliches Schicksal haben die Deutschen auch der Ujszegeder Anlage der Ungarischen Hanf-, Flachs- und Juteindustrie A. G. (Magyar Kender, Len és Jutaipar RT.) zugedacht, deren beste Maschinen bereits eingeschifft wurden. Da sie aber infolge des Anmarsches der sowjetischen Truppen nicht mehr abtransportiert werden konnten, wurde der Schlepper mit Ekrasit in die Luft gesprengt.[97]

Es fanden sich im Lande kaum einige Betriebe, die durch die faschistischen Verwüstungen keine Beschädigungen erlitten.

Die ungarischen herrschenden Klassen haben also dadurch, daß sie das Land zum letzten Vasallen Deutschlands herabsinken ließen und es in einen Kriegsschauplatz verwandelten, dem ungarischen Volk die schwersten Leiden zugefügt und die ungarische Volkswirtschaft den Verheerungen des Krieges ausgesetzt. Der an Deutschlands Seite geführte Raubkrieg hat *eine 40prozentige Verwüstung des ungarischen Nationalvermögens zur Folge gehabt.* Die ungarische Industrie hat schwere Verluste erlitten. Der Schaden an Gebäuden und Maschinenanlagen betrug ungefähr 900 Millionen Pengő (Wert 1938), was soviel bedeutete, daß *ungefähr 50% der Anlagenfonds der ungarischen Industrie vernichtet worden sind. 75% der Arbeitsmaschinen*, ungefähr 33% der Energiemaschinen sind zugrunde gegangen. Mehr als die Hälfte der Fabriken ist beschädigt oder vernichtet worden, ihre Kapazität hat um rund 46% abgenommen. *Die Produktionsfähigkeit der ganzen Industrie ist demzufolge um 24% zurückgegangen.* Die in den Betrieben aufgestapelten Rohstoff- und Produktionsvorräte sind beinahe vollständig verloren gegangen, was der Vernichtung von mehr als einer Milliarde Pengő gleichkam. *Etwa 20% der kriegsbedingten Verluste der Industrie sind unmittelbar auf die hitlerfaschistischen und pfeilkreuzlerischen Verwüstungen zurückzuführen.*[98]

Auch die Landwirtschaft hatte erhebliche Schäden. Der während des Krieges erfolgte Verfall der Landwirtschaft machte — auf den Pengőwert des Jahres 1938 umgerechnet — 3,7 *Milliarden Pengő aus.* Die im Jahre 1944/45 unbebaut gebliebenen Felder verursachten einen Schaden von weiteren 200 Millionen Pengő. Der in den landwirtschaftlichen Produkten eingetretene Schaden belief sich auf 1320 Millionen Pengő. Der Schaden unter den landwirtschaftlichen Maschinen betrug 162 Millionen, der landwirtschaftliche Gebäudeschaden 218 Millionen Pengő. Den größten Schaden erlitt der Viehbestand, wo die Verwüstung anderthalb Milliarden Pengő betrug. 52,6% des Viehbestandes von 1942, 59% des Pferdebestandes, 46,4% des Schweinebestandes und 82,7% des Schafbestandes gingen zugrunde. Ungefähr 14% der

[97] ZWA. Englisch—Ungarische Bank, Sitzungsprotokoll vom 8. 4. 1946.

[98] L. A. A. M. Material des Ausschusses für Friedenvorbereitung II/2—44/45. Statistische Datensammlung der Verluste in der Industrie. Durchgeführt vom Statistischen Amt im Sommer 1945 und Közgazdasági Szemle (Volkwirtschaftliche Rundschau) 1954. Nr. S. 360.

Tierschäden waren unmittelbar auf die deutschen faschistischen und pfeilkreuzlerischen Plünderungen zurückzuführen.[99]

Zerstörte Betriebe, eine ausgeplünderte Landwirtschaft, ein zugrunde gerichtetes Land: das war die Schlußbilanz der deutschen »Südostraum-Politik« in Ungarn. Das war das Ergebnis der Politik der ungarischen herrschenden Klassen, die Ungarn und die ungarische Nationalwirtschaft in den Dienst der deutschen Kriegsinteressen gestellt hatten.

И. БЕРЕНД и Дь. РАНКИ:

Экономика Венгрии на службе германского военного хозяйства во время второй мировой войны

Резюме

Юговосточно — европейские страны играли важную роль в германских военных хозяйственных планах в качестве продовольственного и сырьевого базисов. В 1930-ые годы фашистская Германия стремилась обеспечить себе руководящую роль во внешней торговле юговосточно — европейских стран, а после Мюнхена она начала открытое экономическое наступление, чтобы вовлечь эти страны в германский Grosswirtschaftsraum. Германские расчеты и цели в отношении Венгрии сводятся к следующему: развивать сельское хозяйство Венгрии в направлении спроса германского рынка, преобразовать промышленность Венгрии соответственно потребностям германского экспорта. Это последнее в основном означало воспрепятствовать дальнейшему развитию фабрично-заводской промышленности Венгрии, вызывать регресс имеющейся промышленности, или поставить ее под германский контроль. Германский империализм желал терпеть в Венгрии наряду с добывающей промышленностью только пищевую промышленность. Этим обстоятельством характеризовалась германская экономическая политика в отношении Венгрии в первый период войны. В это время были использованы только продукты сельского хозяйства и сырье Венгрии.

Обстановка изменилась с того момента, когда вспыхнула антисоветская война. Германия, хотя и в далеко идущих планах продолжала считаться с Венгрией только в качестве страны, производящей сырьевые материалы, все же вследствие военных потребностей должна была использовать хозяйство страны не только путем усиленного вывоза сельскохозяйственного и промышленного сырья (на пр. 90% боксита, более чем 50% нефти Венгрии вывозились в Германию), а также путем использования военной промышленности Венгрии. Вследствие потребностей германской военной промышленности в этот период венгерская промышленность перегружалась заказами, а так же поддерживалось развитие таких отраслей промышленности (алюминиевая промышленность, авиапромышленность), которые до этого не могли развиваться именно из-за германских интересов. Ввиду того, что развитие венгерской промышленности противоречило перспективным интересам Германии, это стремились уравновесить тем, что германский финансовый капитал обеспечил себе целый ряд новых позиций в новых и старых предприятиях фабрично-заводской промышленности Венгрии, и вместе с тем допускали к развитию в первую очередь только те отрасли венгерской военной промышленности, которые представляли собой пополнение германской военной промышленности.

Все это создало особенно резкое несоответствие в структуре венгерской промышленности.

Нарастающие поставки венгерской промышленности не оплачивались германскими фашистами, и таким образом эти долги играли существенную роль в развертывающейся инфляции. Экономическое разграбление страны завершилось германской оккупацией в последние месяцы 1944 г., когда значительные ценности экономики Венгрии были перевезены в Германию.

[99] Ebendort.

Роль национальных комитетов в создании венгерской народной демократии

(Часть II.)

Б. БАЛАЖ

Роль национальных комитетов в восстановлении народного хозяйства

Параллельно с борьбой против фашизма, с восстановлением и демократизацией административного аппарата, национальные комитеты должны были сосредоточить свои силы на организацию производства и общественного снабжения. В условиях разрушенного производственного аппарата и брожащей общественной жизни и на экономическом поприще национальные комитеты являлись одним из крепких точек, вокруг которых в местном отношении начала развиваться, принимать форму новая венгерская жизнь. Естественно, что национальные комитеты и здесь могли настолько решить стоящие перед ними задачи, насколько они находились под руководством коммунистов, насколько их влияние сказывалось внутри комитета.

В городах национальные комитеты играли гораздо меньшую роль в налаживании производства, так как заводские комитеты, государственные органы играли уже с самого начала решающую роль в решении этого вопроса, в руководстве всей экономической жизнью, или же очень скоро приняли от национальных комитетов эти задачи. Однако в деревнях дело обстояло иначе. Вследствие тогдашних неблагоприятных условий связи центральные государственные органы находились далеко, и новый административный аппарат формировался медленнее, и таким образом национальные комитеты должны были брать на себя решение всех вопросов, проблем, которые ставила перед ними жизнь. А в то время таких вопросов и проблем было достаточно.

Самым первым и не терпящим отлагательства вопросом являлась организация весенних сельскохозяйственных работ, т. е. мобилизация рабочего скота, обеспечение зерна для посева, учет имеющихся тракторов и организация их ремонта. Надо было обеспечить, чтобы в стране, находящейся в катастрофальном положении общественного снабжения, не осталось ни пяты необработанной земли, и в то же время надо было заботиться о снабжении необеспеченного местного населения, об организации помощи столице и промышленным центрам, о проведении заготовок и общественных работ. При таких условиях результатов можно было достигнуть лишь исключительно совместными усилиями широчайших масс народа.

Распоряжения Временного Национального Правительства относительно организации производственных комитетов, использования рабочего скота, составления местного сельскохозяйственного рабочего плана и т. д. являлись большой помощью для организации и начала сельскохозяйственных работ. Но наилучшие намерения правительства, ведомсть и т. д., остались бы только мертвыми буквами, если бы сам народ не взял самостоятельно в свои руки решение этих вопросов и не преодолевал бы героическими усилиями трудности, с которыми он встречался на каждом шагу. В области производства стирались даже те местные особенности, которые являлись характерными для отдельных частей страны, стоящих на различной ступени развития с политической и общественной точки зрения, что сказывалось в их политической деятельности. Трудолюбивые, прилежные жители районов Затисья и Задуная, Северной и Южной Венгрии, т. н. Вихаршарок и комитата Фейер, — все они взяли на себя героический труд, чтобы нечеловеческими усилиями обеспечить хлеб для всей страны.

Национальный комитет в Кунхедьеш пишет о тогдашнем положении следующее : «...если не удастся выполнить в полной мере задачу сельскохозяйственного производства, мы умрем с голода. Эта работа является настолько всеобщим интересом, что мы должны теперь употребить землю бывших цветочных садов для производства картофеля и бобов.»[99]

Весной 1945 года наибольшим препятствием для начала сельскохозяйственных работ являлся недостаток рабочего скота и машин. Правда, Временное Национальное Правительство приняло решения относительно использования рабочего скота и тракторов, но выполнение этих распоряжений зависело в то время, когда еще не было создано центрального административного аппарата, в первую очередь от самого народа. Рациональное использование оставшегося в стране рабочего скота и машин наталкивалось на ряд препятствий, так как надо было во что бы то ни стало отстоять интересы коллектива, что часто было очень трудно, так как они сталкивались с частными интересами хозяев, имеющих рабочий скот, и собственников машин. При таких обстоятельствах мог достигнуть результатов только весь трудящийся народ и народные органы, представляющие интересы демократического государства и имеющие необходимый моральный авторитет.

Национальный комитет села Шарсентмиклош в комитате Фейер заботится в одном из первых своих распоряжений о распределении рабочего скота : «нравственным долгом каждого лица, имеющего лошадь, является вспахать в совместной работе по два хольда земли бедных... Тот, кому вспахали землю, должен дать за каждый хольд соответствующее количество поденного труда или заплатить зерном.»[100]

[99] Государственный Архив, Сольнок. Из документов национального комитета в Кунхедьеш. Протокол от 24 февраля 1945 года.

[100] Гос. Арх., Секешфехервар. Из документов национального комитета в Шарсентмиклош. Протокол от 14 апреля 1945 года.

Члены национальных комитетов были слишком деловитыми людьми для того, чтобы это распоряжение осталось только на бумаге. На следующем собрании национального комитета в Шарсентмиклош «Тут выделили восемь членов национального комитета, поручив им задачу проверить 25 апреля утром каждому определенные улицы, и там, где обнаружат неработающих лошадей, сейчас же распорядиться относительно их распределения для выполнения необходимых сельскохозяйственных работ. От тех, кто не хотел выполнить этих распоряжений, комитет отнимает лошадь и передает ее человеку, желающему работать...»[101]

Национальный комитет в Шарсентмиклош выделил также и уполномоченных из рядов своих членов для того, чтобы они позаботились о приведении в действие находящихся на территории села тракторов и паровых плугов. Относительно уборки оставшегося на полях урожая комитет принимает распоряжение, согласно которому от тех, кто не уберет со своих участков или взятых в аренду земель весь прошлогодний урожай, через заведующего хозяйственного отдела отнимет неубранный участок и передаст его беднякам или мелким крестьянам для уборки урожая и обработки.»[102]

Многие национальные комитеты считают первостепенной и важнейшей задачей ими организованных производственных комиссий составление списка имеющегося рабочего скота и его использование.

«Национальный комитет реорганизует производственную комиссию — гласит решение национального комитета в Бихарторда, — ...и разделяет село на семь районов и назначает для каждого района одного члена производственной комиссии с той целью и задачей, чтобы этот уполномоченный установил: кто имеет рабочий скот и точное количество последнего, есть-ли такие коровы, которые не применяются для работы, кто сколько хольдов обрабатывает... от того, кто не хочет применить для работы корову, ее надо отобрать.»[103]

Аналогичные решения приходилось принимать национальным комитетам и относительно ввода в эксплуатацию тракторов.

После войны осталось сравнительно много тракторов в работоспособном состоянии, и, вследствие великодушной помощи Советского Союза горючим материалом, включение тракторов в производство зависело в конечном счете от обеспечения необходимых организационных условий для их использования. Но и обеспечение последнего являлось немалой задачей, ибо и здесь речь шла о том — как было выше сказано —, что в целях защиты общих интересов надо было бороться с проявлением частных интересов собствен-

[101] Гос. Арх., Секешфехервар. Из документов национального комитета в Шарсентмиклош. Протокол от 24 апреля 1945 года.

[102] Гос. Арх., Секешфехервар. Из документов национального комитета в Шарсентмиклош. Протокол от 3 марта 1945 года.

[103] Гос. Арх., Дебрецен. Из документов национального комитета в Бихарторда. Протокол от 10 февраля 1945 года.

ников тракторов, с намерением некоторых использовать конъюнктурное положение. Особенно важной задачей являлось установление реальной оплаты тракторов за вспашку и экономия полученным в подарок дорогим горючим. И в этом вопросе много зависело от решительных распоряжений национальных комитетов. Национальные комитеты и в дальнейшем следили за использованием тракторов, и в отдельных случаях принимали меры против злоупотреблений. Национальный комитет в Надьмайлат, например, приговорил двух собственников тракторов, нарушивших решение, к денежному штрафу и трехдневной «общественной работе» — рубке дров.

«Нельзя разрешить — гласит решение —, чтобы хоть один из собственников тракторов затруднял работу пашки волокитой и мелкими возражениями, а иногда даже серьезно мешал ей ; это комиссия может считать актом саботажа.»[104]

Многие национальные комитеты регулярно контролировали или непосредственно, или через производственные комиссии и сельские управления работу тракторов, максимальное использование их мощности. Например, национальный комитет в Кондорош издал распоряжение, чтобы специалисты проверили неработающие тракторы «с целью установить, не имеет ли место преступление саботажа.»[105]

Национальный комитет в Ходмезевашархель принял на основании просьбы местной группы профсоюза металлистов решение относительно того, что отнимает и передаст металлистам все те сельскохозяйственные машины, находящиеся на территории города, которых владельцы за 8 дней не пустят в производство.[106]

Для рационального использования рабочей силы, рабочего скота и машин многие национальные комитеты принимали решения, основным принципом которых являлось оказание взаимопомощи. Национальный комитет в Фюле единогласно решил, что там, «где нет мужской рабочей силы, или мужчина болен, или же есть мужская рабочая сила, но земельный участок превосходит 10 хольдов, можно требовать выделение ручной рабочей силы...»[107]

Рабочую силу — в зависимости от величины земельного участка — одного или нескольких человек выделял национальный комитет. Национальный комитет в Дьома принес решение, что семьи, имеющие рабочий скот, но оставшиеся без главы семьи, должны составить договор с крестьянами,

[104] Гос. Арх., Сегед. Из документов национального комитета в Надьмайлат. Протокол от 18 апреля 1945 года.

[105] Гос. Арх., Дьюла. Из документов национального комитета в Кондорош. Протокол от 28 октября 1945 года.

[106] Гос. Арх., Сентеш. Из документов национального комитета в Ходмезевашархель. Протокол от 9 июня 1945 года.

[107] Гос. Арх., Секешфехервар. Из документов национального комитета в Фюле. Протокол от 22 мая 1945 года.

не имеющими рабочего скота, чтобы совместно обработать свои земельные участки.[108]

Но национальные комитеты, там, где это являлось необходимым, не колебались прибегнуть и к более строгим распоряжениям для наказания халатности или явно злокозненных поступков. Демократизм народного движения, стоящего за национальными комитетами, его революционность, прорывающая старые законы и параграфы, сказывается в тех решениях национальных комитетов, которые — совершенно не считаясь с параграфами буржуазного частного права, — вмешиваются по-новому в вопрос регулирования отношения личности и коллектива, применяют санкции против лиц, провинившихся против коллектива и защищают великие интересы трудящегося народа и государства против халатно работающих, саботеров и антиколлективных элементов.

Например, национальный комитет в Дьома принял строгие меры против лиц, халатность которых замедляла полное проведение весенних сельскохозяйственных работ.

«Выполнение весенних сельскохозяйственных работ является жизненным вопросом для всего народа — гласит решение национального комитета в Дьома. — Национальный комитет хочет поддержать производственную комиссию в ее связанной с этой целью важной работе. Поэтому, когда обращает внимание всех заинтересованных в этом на то, что необходимо обеспечить планомерную подготовку проведения этих работ, ...желает одновременно представить производственной комиссии и возможность штрафования, так как знает, что эгоизм отдельных лиц не может подняться до уровня этой высокой цели. Поэтому национальный комитет уже заранее заявляет, что те лица, которые не принимают должного участия в проведении весенних сельскохозяйственных работ, будут считаться саботерами, которые хотят довести народ до голодной смерти и должны будут отвечать за свою антинародную, предательскую деятельность перед народным судом. Если окажется необходимым для проведения работ применять насилие, и оно будет применяться производственной комиссией законно и согласно духу народной демократии в целях успешного проведения работ, национальный комитет всегда будет ее поддерживать со всем своим авторитетом и своей карательной властью.»[109]

Национальный комитет в Пюшпекладань составил для учета и контроля всех трудоспособных жителей местности для каждого по рабочей карточке, так как — по его словам — «все еще есть много таких лиц, которые хотят жить без работы на счет трудящегося пролетариата».[110]

[108] Гос. Арх., Сегед. Из документов национального комитета в Дьома. Протокол от 28 февраля 1945 года.

[109] Гос. Арх., Сегед. Из документов национального комитета в Дьома. Протокол от 28 февраля 1945 года.

[110] Гос. Арх., Дебрецен. Из документов национального комитета в Пюшпекладань. Протокол от 24 апреля 1945 года.

Национальный комитет комитата Чанад,[111] национальный комитет в Бихарторда,[112] национальный комитет в Баттонья[113] и т. д. распоряжаются относительно того, что молотьбой оставшегося на землях зерна и выполнением прочих сельскохозяйственных работ обязываются лица, которые не могут предъявить удостоверения, что занимаются полезным для общества трудом.

Национальный комитет в Фурта принимает решение относительно уборки оставшегося на полях зерна:

«Национальный комитет издает распоряжение производственной комиссии доложить ей о том, где есть несломленная кукуруза и подсолнух. Если эти работы не были выполнены вследствие халатности собственника, надо его оштрафовать, продукты конфисковать; лицами, выполняющими общественную работу, собрать их, половину передать им, а другую часть использовать для общественных целей. Если же владелец не собрал урожая не по своей вине, то национальный комитет окажет помощь, предоставляя ему лиц, выполняющих общественную работу...»[114]

Национальный комитет в Весте обязал сельскохозяйственных батраков срезать сорго, находящееся на 50 хольдах бывшей помещичьей земли. «Срезанное сорго должно быть всецело передано батракам...».[115] Комитет передает не убранную кукурузу, находящуюся на бывшей помещичьей земле, на уборку исполу.

До появления декрета о земельной реформе, т. е. до 18 марта 1945 года, уход за покинутыми помещичьими землями, спасение находящихся там ценностей и обработка оставшихся без хозяина земель являлось особой проблемой, от правильного решения которой зависело спасение больших национальных ценностей, уже и не говоря об интересе начала сельскохозяйственного производства. Национальный комитет в Кондорош в связи с этим принял на своем совещании от 1 февраля 1945 года следующее решение:

«Для управления большими земельными участками надо организовать заводскую комиссию, состоящую из восьми членов, которых надо выбрать из персонала усадьбы. Главой комиссии надо назначить местного представителя. Земельные участки для их обработки в данном сельскохозяйственном году надо распределить среди являющихся добровольно. Для проведения этой задачи надо выбрать комиссию из трех человек. Эта

[111] Гос. Арх., Сегед. Из документов национального комитета комитата Чанад. Протокол от 8 марта 1945 года.

[112] Гос. Арх., Дебрецен. Из документов национального комитета в Бихарторда. Протокол от 24 апреля 1945 года.

[113] Гос. Арх., Сегед. Из документов национального комитета в Баттонья. Протокол от 1-ого июля 1945 года.

[114] Гос. Арх., Дебрецен. Из документов национального комитета в Фурта. Протокол от 23 апреля 1945 года.

[115] Гос. Арх., Дьюла. Из документов национального комитета в Вестё. Протоколы от 15 и 21 февраля 1945 года.

комиссия должна определить количество передаваемой земли каждому из желающих и должна об этом объявить. Надо составить инвентарь всего оборудования усадьбы. Оно должно быть распределено для проведения сельскохозяйственных работ в справедливом и демократическом духе...»[116]

Национальный комитет в Баттонья тоже принял решение относительно распределения огородов. Решение распоряжается, чтобы «каждому дали столько земли, сколько он хочет».[117] Национальный комитет в Фёльдеак распределяет грунты для построения домов среди желающих и на протест бывших помещиков отвечает единогласно принятым решением, согласно которому «претенденты имеют право овладеть выданными им грунтами и соответственно использовать их...»[118]

Хорошо характеризует скорость и самостоятельность, с которой приняла значительная часть национальных комитетов эти в основном революционные решения, являющиеся по существу введением и подготовкой земельной реформы, ответ национального комитета в Кондорош на распоряжение высших органов относительно использования оставшихся без хозяев земельных участков: «Национальный комитет совместно с сельским управлением и производственной комиссией уже передал все брошенные земельные участки, находящиеся на территории местности, за арендную плату желающим на обрабатывание...»[119]

Национальный комитет комитата Чанад, отвечая нескольким боязливым голосам из рядов Партии Мелких Хозяев, которые в сущности ссылаясь на законы и параграфы старались напасть на находящуюся в стадии подготовки земельную реформу, решительно установил, что помещики, неспособные обрабатывать свою землю, должны ее передать безземельным крестьянам.

«В данный момент главной целью является обработка земель и кроме этого нельзя принимать во внимание никаких побочных обстоятельств. Даже если обрабатывающий землю не вносит никакой арендной платы, ему надо передать землю, ибо важнее всего, чтобы зерно было засеяно.»[120]

В эти месяцы, когда борьба за начало весенних сельскохозяйственных работ была в полном разгаре, и главной целью являлось обеспечить хлеб для страны, имело место последнее действие великого, продолжавшегося долгие столетия процесса венгерского крестьянства — подготовка и проведение распределения помещичьих земель.

[116] Гос. Арх., Дьюла. Из документов национального комитета в Кондорош. Протокол от 1-ого февраля 1945 года.

[117] Гос. Арх., Сегед. Из документов национального комитета в Баттонья. Протокол от 3 марта 1945 года.

[118] Гос. Арх., Сегед. Из документов национального комитета в Фёльдеак. Протокол от 25 февраля 1945 года.

[119] Гос. Арх., Дьюла. Из документов национального комитета в Кондорош. Протокол от 6 марта 1945 года.

[120] Гос. Арх., Сегед. Из документов национального комитета комитата Чанад. Протокол от 22 февраля 1945 года.

Правда, декларация Временного Национального Правительства от 22 декабря 1944 года объявила распределение помещичьих и церковных латифуидий, но проведению этого решения мешало множество преград. Больше всего трудностей ставило правое крыло самой коалиции — правые элементы Партии Мелких Хозяев и Социал-Демократической Партии, которые ссылаясь на «специальную подготовку» старались с помощью волокиты — если уже нельзя было совершенно отменить — обеспечить, чтобы земельная реформа могла быть проведена только в узких рамках.[121]

За последовательное выполнение антифеодальной аграрной революции, за коренную ликвидацию феодальных отношений собственности, выступала только Венгерская Коммунистическая Партия, которую поддерживала Национальная Партия Крестьян. Она и в этом вопросе, как уже так часто в истории венгерской народной демократии, обратилась к самому народу, к массам безземельных крестьян, мобилизуя их на устранение препятствий, созданных реакцией, на борьбу за проведение и окончательное решение не движущегося с места дела распределения земель.

Начиная с января месяца 1945 года вплоть до издания решения Временного Национального Правительства с датой от 15 марта 1945 года, на освобожденных территориях страны развернулось настоящее народное движение, являвшееся органической составной частью демократических массовых движений за создание демократической государственной власти и ликвидации пережитков фашизма. Собрания, депутации требующие распределения земель, выдача крестьянам за арендную плату или бесплатно помещичьих земель, оставшихся без хозяина, конфискация имущества фашистов и т. д. показывали, что венгерское крестьянство уже взяло в свои руки проведение аграрной революции и что ему удастся с помощью и под руководством рабочего класса, Коммунистической Партии, добиться своей цели.

Когда Венгерская Коммунистическая Партия выдвинула лозунг — «с организацией Комиссий требования земли не надо ждать ни распоряжений высших органов, ни подтверждения властей!»[122] — большая часть национальных комитетов проведение этого считала своей собственной задачей и во многих местах проявляла инициативу и проводила организацию Комиссий требования земли. Национальный комитет округа Деречке еще до появления декрета о земельной реформе призывает национальные комитеты сёл округа к организации комиссий требования земли.

«...Поэтому мы призываем сельские национальные комитеты предъявить требование партиям, согласно которому они должны немедленно организовать в селах Комиссии требования земли, которые должны состоять из

[121] Деже Немеш : «Освобождение Венгрии», Будапешт, 1955, по-венгерски. Стр. 202.
[122] Цитирует Деже Немеш в вышеуказанной книге, стр. 208 ; «Неплап» (Газета Народа), 22 февраля 1945 года.

представителей всех требующих землю слоев населения, как владельцев карликовых земельных участков и детей мелких хозяев, имеющих большую семью, так и батраков и сельскохозяйственных рабочих. Комиссия не должна состоять более чем из 20—25 членов, но она должна являться выразителем творческой силы народа...»[123]

Национальный комитет в Девавапья, распоряжаясь относительно организации Комиссии требования земли, одновременно установил и ее состав:

«Каждая партия должна делегировать по два члена, Профсоюз Сельскохозяйственных Рабочих — 6 членов, Профсоюз Мелких Ремесленников — 2 члена, Профсоюз Собственников карликовых участков и мелких производителей — 2 члена».[124]

Национальный комитет в Орошхаза организовал уже 1 февраля Комиссию по земельной реформе для подготовки разделения земли.[125]

Национальный комитет в Тэпе призвал организованный вскоре после освобождения для обработки конфискованных земель, арендаторский кооператив, членами которого являлись безземельные крестьяне к расформированию и дал указание «организовать Комиссию требования земли из 25 членов, которая должна сейчас же приступить к своей работе и выделить каждому желающему столько земли, сколько он просит и может обрабатывать. Комиссия должна состоять из тех, кто будет просить и получать землю.»[126]

После появления решения о земельной реформе национальные комитеты и в дальнейшем играли серьезную роль в организации Комиссий и посылали согласно § 48-му декрета о земельной реформе своих уполномоченных в советы комитатов, регулирующих вопросы распределения земель. Национальные комитеты и в дальнейшем следили за ходом распределения земель, поддерживали работу Комиссии требования земли, и там, где это оказывалось необходимым, они успешно отбивали атаки реакционных элементов или выступали против причиняющих незаконности и злоупотребления лиц.

В то время как на освобожденных территориях страны уже полным размахом развертывалась свободная венгерская жизнь, и все выше поднимались над фашистскими развалинами и уничтожениями устои народно-демократического строя, встречались новые трудности и беды, наследие

[123] Гос. Арх., Дебрецен. Из документов национального комитета в Деречке. Протокол от 6 февраля 1945 года.

[124] Гос. Арх., Сегед. Из документов национального комитета в Девавапья. Протокол от 2 марта 1945 года.

[125] Гос. Арх., Дьюла. Из документов национального комитета в Орошхаза. Протокол от 1 февраля 1945 года.

[126] Гос. Арх., Сегед. Из документов национального комитета в Тэпе. Протокол от 13 марта 1945 года.

фашизма, преодолевание которых являлось предпосылкой дальнейшей строительной работы. Одной из самых больших бед был угрожающий голод. Венгерская Коммунистическая Партия уже на заседании Центрального Комитета от 6-го января 1945 года занималась вопросом снабжения продовольствием рабочих освобожденных промышленных и горнопромышленных городов и предложила немедленно, еще до принятия соответствующего решения правительства организовать им помощь.[127] Коммунистическая Партия обратилась к городам и селам Альфельда, к демократическим партиям и профсоюзам, а также к национальным комитетам, и призвала их немедленно начать сбор продовольственных продуктов. На этот призыв Коммунистической Партии первым отозвался национальный комитет г. Сегед, который 10 января 1945 года сообщил жителям Сегеда о тяжелом положении промышленных территорий, начал сбор продуктов и организовал для проведения дальнейших акций помощи организацию Национальной Помощи.[128]

Воззвание национального комитета г. Сегед не осталось без отклика. За одну неделю в городе собрали 400 центнеров продовольственных продуктов (муки, зерна, жира, сала, крупы из пресного теста и т. д. и 60 тысяч пэнге наличными деньгами).[129]

Национальный комитет в Гадорош организует из представителей политических партий комиссию помощи, и дает ей право «провести собирательную акцию для вышеуказанных рабочих (г. г. Мишколца, Шалготарьяна, и т. д.) с беззаветной преданностью к делу, отстраняя встречающиеся на пути трудности.»

Комиссия скоро уже докладывает национальному комитету о том, что «...на территории Гадорош собрали следующие подарки... пшеница: 266,96 центнеров, бобов: 45,82 ц, кукурузы: 34,77 ц, гороха: 2,48 ц, картофеля: 59,88 ц. и т. д.»[130]

После освобождения столицы большая часть продовольственных продуктов направлялась в Будапешт, который со своими 1,5 миллионами жителей посреди невероятных лишений начал работу восстановления, реорганизации жизни. Национальный комитет г. Будапешт по предложению Коммунистической Партии обратился с воззванием ко всему населению страны, призывая помочь жителям находящейся в тяжелом положении столицы.

«...Тысячи неимущих ждут орудий труда — говорится в призыве —, тысячи новых хозяев ждут, чтобы начать обрабатывать полученную землю.

[127] «Фелсабадулаш», (Освобождение) стр. 370.
[128] «Делмадьярорсаг» (Южная Венгрия), 12 января 1945 года.
[129] Архив Института Истории Партии, № К.(5/22) Сегед (II/8). Из документов, собранных тт. Ласло Дер, Мария Майер и Эва Сабо.
[130] Гос. Арх., Дьюла. Из документов национального комитета в Гадорош. Протокол от 28 февраля 1945 года.

Кто даст плуг, борону, если голод выбьет из рук рабочих Будапешта орудие труда? Нет свободной, демократической Венгрии без Будапешта... Венгерский крестьянин! Народ провинциальных городов, сел, хуторов! Дайте хлеб Будапешту!»[131]

И народ Венгрии, крестьянство деревень, борящееся само с тысячами разных трудностей, поспешило столице на помощь. Национальный комитет в Чорваш, прослушав доклад представителя правительства из Дебрецена, принял следующее решение.

«Собрание потрясенно принимает к сведению прослушанный доклад и решает немедленно принять все меры, чтобы собрать как можно больше продовольственных продуктов. Комитет объявит о начале сбора в церквях, публикацией, объявлением барабанным боем...»[132]

На следующий день после публикации решения согласно предложению Коммунистической Партии созвали народное собрание, на котором обсудили кроме вопросов антинемецкой войны и требования издания решения относительно земельной реформы и помощь Будапешту и голодающим рабочим страны. Население Чорваш собрало до 26 февраля 1945 года пять вагонов продовольственных продуктов, (т. е. 41,176 кг.) и послала их в Будапешт.[133]

Так же поступили и многие другие национальные комитеты страны.

Транспортировка продовольственных продуктов в Будапешт сама по себе являлась при тогдашних условиях связи тяжелой задачей, но вагоны с продуктами прибыли в столицу и принесли помощь в дни самой большой беды. Продукты были распределены в первую очередь между детьми, больными и рабочими самых важных из точки зрения производства отраслей.

О прибытии такого продовольственного поезда газета «Сабадшаг» (Свобода) в номере от 10 февраля пишет следующее: «...Не случайное явление, а символ, что первыми помогли столице большие крестьянские села Вихаршарок и город сельскохозяйственных рабочих и бедных крестьян... Сотни тысяч рабочих заводов Будапешта понимают значение этого жеста. И будет жизнь на развалинах!»[134]

И действительно, как об этом можно убедиться из списков комиссариата общественного снабжения, первыми помогли Будапешту жители Затисья, территории Вихаршарок. Правда, эти части страны были освобождены первыми, но решающим являлось все-таки то обстоятельство, что там уже работала Коммунистическая Партия, были организованы националь-

[131] «Фелсабадулаш» (Освобождение), стр. 373.
[132] Гос. Арх., из документов национального комитета в Чорваш. Протокол от 27 января 1945 года.
[133] «Сабадшаг» (Свобода), 2 марта 1945 года.
[134] Статья тов. Аладара Мод в «Сабадшаг» (Свобода), 10 февраля 1945 г.

ные комитеты и народ, массы сельскохозяйственных рабочих, трудящихся крестьян следовали за ними.[135]

Сотрудничество провинциальных национальных комитетов в акции помощи жителям Будапешта и голодающим рабочим промышленных территорий было весьма значительным, хотя являлось лишь частью той гигантской работы, которую провела Венгерская Коммунистическая Партия в связи с этим вопросом жизни или смерти, и решению которого в значительной мере способствовала помощь Советского Союза, давшего неоднократно значительное количество продуктов. Кроме конкретной практической помощи то обстоятельство, что в этой акции приняли участие провинциальные национальные комитеты, с политической точки зрения осуществило союз рабочих и крестьян, крепко связало их. И это сотрудничество не осталось без продолжения и в этом отношении.

Когда Коммунистическая Партия в конце 1945 года выдвинула лозунг борьбы за уголь, добычи 2500 вагонов угля в сутки, сельские национальные комитеты в большинстве случаев помогали героическим горнякам продовосьствием, чтобы этот необходимый в жизни страны основной материал имелся в достаточном количестве для производства, транспорта и населения.

«Национальный комитет решил обратиться к руководителям партий, населению села Баттонья и прочих деревень округа, за помощью горнякам продовольствием и другими подарками, чтобы те, которые достойны этого, не терпели нужды и смогли чем скорее приступить к выработке поставленных целью перед ними 2500 вагонов угля в сутки, чтобы стало возможным хотя бы несколько обеспечить нужное количество угля для страны...»

Протокол, составленный о другом заседании национального комитета в Баттонья говорит уже о том, «что собранные продукты горняки уже отвезли...»[136]

Национальный комитет в Медьешедьхаза собрал 30 центнеров продовольствия и деньги. «Это продовольствие и деньги — пишут они — все партии нашего села и его национальный комитет собрали для трудящихся угольных шахт в Шалготарьян, для наших братьев-горняков. Уже сообщили им, чтобы позаботились о приеме и отправке продуктов».[137]

Национальные комитеты в Надькамараше, Кюбекхазе, Медьешедьхазе, Мадьярчанаде значительными продовольственными поставками также способствовали оказанию помощи Будапешту.

[135] Согласно учету государственного комиссариата по снабжению отдельные города и села страны послали столице до 26 февраля 1945 года следующие количества продовольственных продуктов: Бекешчаба — 9 вагонов, Мезёберень — 1, Дьома — 4, Карцаг — 11, Мако — 3, Ходмезевашархель — 9, Кишуйсаллаш — 10, Сарваш — 7, Ньиредьхаза — 11, Хайдунанаш — 5, Надьсенаш — 3, Береттьоуйфалу — 5, Эндрёд — 1 и Ясберень — 1 грузовик. («Фелсабадулаш», — Освобождение —, стр. 376).

[136] Гос. Арх., Сегед. Из документов национального комитета в Баттонья. Протоколы от 23 февраля и 22 июня 1946 года.

[137] Гос. Арх., Сегед. Из документов национального комитета в Медьешедьхаза. Протокол от 5 мая 1945 года.

В это время многие сельские национальные комитеты или сельские управления заключили компенсационные сделки с промышленными предприятиями, которые являлись — так как была исключена перепродажа — для обеих сторон выгодными. Так например, национальный комитет в Гадорош заключил договор с шахтерами Татабанья, согласно которому шахтеры должны были поставить по официальной цене один вагон известки, а село поставляло им — тоже по официальной цене — соответствующее количество продовольствия (птицу, картофель, кукурузу и т. д.).[138] Национальный комитет в Девавапья заключил договор с рабочими Главной северной мастерской железной дороги: «Мы обсуждали предложение представителя Главной северной мастерской, на основании которого национальный комитет договорился относительно того, что принимает в Девавапья 100 центнеров кузнечного угля, 20 центнеров кузнечного железа, 5 ящиков спичек... за центнер угля мы даем 8 кг пшеницы, и за центнер железа — 250 кг пшеницы...»[139]

Большая часть национальных комитетов помогла также начать работу торговли, выдавала разрешения торговцам на вывоз разных продовольственных продуктов, обязывая их на ввоз в село разных необходимых промышленных товаров: как соль, керосин и т. д. Так например, национальный комитет в Девавапья поручает одному из торговцев ввезти за вывезенные продукты товары широкого потребления, как например, резиновую подошву, резиновые сапоги и т. д.[140] Национальный комитет в Надьсенаш разрешает за ввоз 70 центнеров соли вывезти соответствующее количество кукурузы.[141]

Во многих местах национальные комитеты организовали вскоре после освобождения, большей частью кооперируя с местными профсоюзами, потребительские кооперативы. Так например, в Эстар и Мезехедьеш организовали рабочий кооператив, в Пюшпекладань народный кооператив.[142] Нацио-

[138] Гос. Арх., Дьюла. Из документов национального комитета в Гадорош. Протокол от 31 августа 1945 г.

[139] Гос. Арх., Сегед. Из документов национального комитета в Девавапья. Протокол от 2 июня 1945 года.

[140] Гос. Арх., Сегед. Из документов национального комитета в Девавапья. Протокол от 24 мая 1945 г.

[141] Гос. Арх., Дебрецен. Из документов национального комитета Надьсенаш. Протокол от 28 июня 1945 года. В этот период несколько национальных комитетов сделали шаги для урегулирования в известной степени торговли. Главной целью являлась, естественно, ликвидация широко распространившегося черного рынка. Экономическое Ведомство, организованное национальным комитетом в г. Орошхаза, старалось некоторое время обеспечить для себя монополию по линии закупок продовольствия на рынках. Но так как вскоре обнаружилось, что Ведомство не располагает для этого необходимыми средствами, оно разрешило на основе оплаты известного налога с оборота свободную торговлю. Национальный комитет в Чорваш старался обеспечить право на закупку зерна и продуктов на своей территории через Организацию торговцев и ремесленников на покупку и распределение товаров. Тем самым комитет надеялся обеспечить снабжение промышленными товарами. (Государственный Архив, Дьюла. Из документов национального комитета в Орошхаза. Протокол от 11 января 1945 года. Из документов национального комитета в Чорваш. Протокол от 15 мая 1945 года).

[142] Гос. Арх., Дебрецен. Из документов национального комитета в Пюшпекладань. Протокол от 20 октября 1945 года.

нальный комитет в Гадорош организовал социалистический кооператив, руководителем которого — как это было установлено решением — можно было назначить лишь коммуниста, но принимать участие в управлении или стать членом может каждый трудящийся крестьянин, который согласен со статутами кооператива.[143]

Обеспечение общественного снабжения являлось тяжелой проблемой в первое время после освобождения и в провинции. Почти в каждой местности, и особенно там, где жили массы сельского пролетариата, имелись слои населения, (новые хозяева, не имеющие запасов, члены семьи военных, ремесленники и т. д.) об обеспечении которых продовольствием надо было заботиться. И по этому вопросу национальным комитетам надо было принимать соответствующие решения.

«...Надо заботиться о наших необеспеченных жителях — говорит решение национального комитета в Пюшпекладань, — поэтому нижеуказанная комиссия, назначенная национальным комитетом, ...конфискует все излишки зерна, находящиеся на мельницах, в лавках и у частных лиц, для необеспеченного населения местности...»[144]

Национальный комитет в Хайдубесермень издает распоряжение, чтобы все хозяева, располагающие посевной площадью больше трех хольдов, должны передать согласно установленному прогрессивному налогу известное количество зерна для необеспеченного населения местности.[145]

Национальные комитеты принимали решения относительно обеспечения населения молоком. Так например, национальный комитет в Меземедьер решил «разыскать для всех необеспеченных молоком лиц держащих коров хозяев, которые должны заботиться о ежедневном снабжении их известным количеством молока, а именно: поллитра на каждое лицо...»[146]

Национальный комитет в Каполнашньек для обеспечения снабжения младенцев молоком и для прекращения черной торговли молоком, издал распоряжение провести в неожиданное время у каждой коровы контрольную дойку.[147] Национальный комитет в Девааньа обязал хозяев, имеющих коров, передать ежедневно 10% полученного ими молока для находящихся в селе больных.[148] Большая часть народных комитетов, главным образом в

[143] Гос. Арх., Дьюла. Из документов национального комитета в Гадорош. Протокол от 2 февраля 1945 года.

[144] Гос. Арх., Дебрецен. Из документов национального комитета в Пюшпекладань. Протокол от 29 сентября 1945 года.

[145] Гос. Арх., Дебрецен. Из документов национального комитета в Хайдубесермень. Протокол от 11 августа 1945 года.

[146] Гос. Арх., Дьюла. Из документов национального комитета в Мезёмедьер. Протокол от 15 апреля 1945 года.

[147] Гос. Арх., Секешфехервар. Из документов национального комитета в Каполнашньек. Протокол от 13 мая 1945 года.

[148] Гос. Арх., Сегед. Из документов национального комитета в Девааньа. Протокол от 20 октября 1945 года.

провинциальных городах и крупных селах регулировала в местном отношении рыночную цену молока и там, где это оказалось необходимым, издала карточки на получение молока, чтобы обеспечить молоком наиболее нуждающихся — детей, больных и т. д.[149]

Чтобы дать картину о хозяйственной деятельности и инициативе Национальных Комитетов, мы здесь приведем отдельные решения хозяйственного характера, вынесенные на заседаниях за январь м-ц 1945 года и соответственно апрель — май- и июнь 1945 года двух сел — Дьома и Сабадбатьян.

Дьома : 10 января 1945 года. Устанавливается порядок сдачи жиров («в случае одной свиньи при четырех членах семьи сдача не производится. Если число членов семьи меньше, тогда в случае одной свиньи сдается 2 кг жиров, второй свиньи — 4 кг...»).

Дается указание начальникам кварталов, чтобы они списали имеющиеся в наличии запасы дров для обеспечения снабжения населения дровами. Специально говорится о дельной древесине, которая бронируется для местных кустарей. Устанавливается оплата за провоз. Говорится, что «торговцев при закупках сопровождает один представитель от Национального Комитета, который доверенно контролирует закупку...». Дается указание полиции на предмет ареста одного спекулянта.

Регулируются работы по трудовой повинности и устанавливается, что в первую очередь кому может быть предоставлена поденная оплата из сумм, ассигнованных на трудовую повинность. Составляется список членов семьи, оставшихся без кормильцев, чтобы позаботиться об оказании им помощи. Организуется местный орган Национальной Помощи.

17 января 1945 года. Инвентаризуются имеющиеся в наличии тракторы и горючее. Организуются станции для сдачи молока, и составляется список претендующих на молоко, в первую очередь детей. Дается распоряжение о снабжении села мукой и дается указание арендатору мельницы, чтобы мельница работала также в ночную смену. В интересах разведения тутового шелкопряда заботиться о сохранении тутовых деревьев. Запрещается вырубка леса на крупных поместьях. Заботиться о восстановлении телефонной линии, проходящей через село.

В связи с трудовой повинностью выносится решение, что ремесленники должны выполнять работы по группам своих специальностей, ежедневно 10 человек. Указывается, что начальники кварталов ответственны за выполнение работ о трудовой повинности.[150]

Сабадбатьян : отдельные решения на заседаниях за апрель-май-июнь 1945 года.

[149] Государственный Архив, Дьёр. Из документов национального комитета в Мошонмадьяровар. Протокол от 4 июля 1945 года.

[150] Гос. Арх., Сегед. Документы Национального Комитета в Дьома, 10 января 1945 года, протокол от 17 числа.

Для обеспечения снабжения молоком дается распоряжение о производстве пробных удоев. Выносится решение о закупке производителей. Устанавливаются цены на ячмень, овес и солому. Регулируется продажа муки (покупать муку имеют право только наиболее сильно нуждающиеся). Выносится решение, что каждый имеющий упряж ежемесячно должен бесплатно для села сделать три перевозки. За перевозки сверх этого числа выплачивается провозная плата. Одновременно с определением платы за провозку устанавливается также цена картофеля. «Провозная плата на км и центнер устанавливается в 1 пенгэ, следовательно провозка картофеля с Кишланга за метрический центнер составляет 20 пенгэ. Одновременно устанавливается уже сейчас, что цена картофеля, кто будет покупать еще после этого, на месте будет 80 пенгэ.»

Национальный Комитет выносит решение, что для эксплуатации мельницы в месяц ассигнуется 1000 пенгэ и эти деньги «будут собраны Национальным Комитетом путем установления оплаты в 5 пенгэ за помол метрического центнера для лиц, которые пользуются мельницей, и эти деньги должны вноситься в кассу села...» Устанавливается оплата за пахоту, оплата за покрой...

Организуется производственный комитет, устанавливается пропорция сдачи крупного рогатого скота и создается фонд возмещения ущербов от падения крупного рогатого скота, (этот фонд был создан для денежной компенсации хозяев крупного рогатого скота, занятого в продовольственных целях), устанавливается зарплата служащих управления села и оплата объездчиков (объездчики нанимались для охраны пашен), дается распоряжение об аресте лица, демонтировавшего местную винокурню.

В пользу национальной помощи продается оставшееся без хозяина имущество, продается имеющаяся в селе сахарная свекла. Устанавливается порядок выполнения работ по гражданской повинности ремесленниками: эти работы должны выполняться по отдельным специальностям.

Для снабжения хлебом не обеспеченных хлебом жителей часть хлебовых хозяйств, засеявших более четырех хольдов озимых, используется комитетом.

Выносится решение, что «в общественных интересах для восстановления железной дороги из всех сил будем способствовать восстановлению и затребованную рабочую силу дадим в распоряжение...» (В интересах восстановления железной дороги обращается также к соседним селам).

Двум членам национального комитета поручается организация работ по восстановлению обрушенных у железной дороги двух мостов.[151]

В экономической деятельности национальных комитетов, в котором меньше всего сказывалось фашистское и реакционное наследство, больше

[151] Гос. арх., Секешфехервар, документы Национального Комитета в Сабадбатьяне, протоколы от 20, 21, 29 апреля, 6, 20, 25 мая, 3 июня 1945 года.

всего развёртывалась активность и самодеятельность трудящегося народа, часто стихийная, приспосабливающаяся к моментальным требованиям жизни, и которая естественным образом развивалась среди демократических форм.

Национальные комитеты провели весьма значительную работу и по линии соответственного проведения заготовок в такое время, когда административный аппарат еще не мог решить этой задачи, и правительство могло обеспечить выполнение распоряжений только с помощью народных органов. Только моральный авторитет национальных комитетов, доверие к ним решающего большинства населения дали возможность к осуществлению этого чрезвычайно важного вопроса.

Национальные комитеты, естественно, не приняли старый, реакционный метод заготовок режима Хорти, который налегал в первую очередь на самые бедные слои населения и являлся благоприятным для кулаков и крупных землевладельцев, они выработали новый метод, принимая во внимание интересы народа и требования демократии.

Национальный комитет в Баттонья организовал состоящий из представителей партий, делегирующих в него по три члена, совет для разработки вопроса заготовок с тем, чтобы он составил такой метод, согласно которому «каждый должен принимать участие в заготовке в соотношении с его доходами и имуществом.»[152]

Национальный комитет в Бихарторда организует регистрационную комиссию из семи членов, для учета имеющихся запасов и скота, и для установления количества заготовок.

«Комитет подчеркивает, что в первую очередь надо взять в учет рогатый скот тех хозяев, которые имеют больше двух голов, затем следуют те, которые в прошлом не принимали участия в сдаче. Если этим методом не соберется необходимое количество, то надо учесть хозяев, имеющих двое голов и являющихся более состоятельными. От Элека Сигети, хозяина имеющего 90 хольдов, можно забрать весь скот.»[153]

Национальные комитеты играли важную роль в мобилизации на заготовку и своей контролирующей деятельностью, особенно в самые тяжелые годы общественного снабжения — 1945, 1946 и частично 1947 гг. — тем самым значительно облегчили работу соответствующих правительственных органов. Естественно, были и такие национальные комитеты, которые выполняли плохо или совсем не занимались задачами, связанными с вопросом заготовок и отчета, но надо заметить, что комитеты с общегосударственной точки зрения играли положительную роль и в этой области, так как большинство комитетов работало хорошо.

[152] Гос. Арх., Сегед. Из документов национального комитета в Баттонья. Протокол от 27 октября 1945 года.

[153] Гос. Арх., Дебрецен. Из документов национального комитета в Бихарторда. Протокол от 22 марта 1945 года.

Уже из вышеуказанного видно, что одной из важнейших задач национальных комитетов являлась их инициаторская, мобилизирующая, контрольная деятельность, которая сказывалась в первую очередь в их работе на экономическом поприще, где речь шла о решении ежедневных, практических задач, и где подпольная работа реакционных элементов могла проявляться меньше всего.

Если даже реакционным элементам иногда удавалось произвести раскол между честными демократическими членами национальных комитетов в политических и личных вопросах, то в экономической области, в которой конкретно и ясно встречались интересы всех трудящихся, их скоро можно было разузнать и отстранить. Поэтому можно было найти согласие и единство между представителями различных партий в национальных комитетах (кроме реакционных элементов и членов, находящихся под реакционным влиянием) всегда в тех случаях, если речь шла о принятии решений экономического характера. Это являлось самой прочной основой влияния коммунистических представителей, обеспечения их руководящей роли внутри национальных комитетов, даже в тех частях страны, в которых реакция располагала большим влиянием. По линии решения экономических вопросов коммунистические члены комитетов вносили самые лучшие предложения, в которых остальные члены несмотря на партийную принадлежность видели защиту собственных, представляемых ими слоев населения интересов и присоединялись к ним.

Явно сказывалось это единство национальных комитетов и в таких вопросах, как например, пуска в ход мельниц, при котором члены национального комитета не очень-то спрашивали, кому они принадлежат, особенно, если владелец являлся реакционным элементом или сбежал, не поговаривали о старых законах, а просто конфисковали, пускали в ход и контролировали их деятельность, так как это являлось интересом народа. В таких случаях, если даже реакция старалась отстоять свою точку зрения, она была изолирована и побеждали коммунисты.

Народное собрание, созванное организацией Коммунистической Партии в Хайдубесермень, приняло 8 февраля 1945 года следующее решение : «Надо срочно принять строгие решения в деле мельниц. Надо провести справедливое обложение пошлиной и отчет об этом. Просим муниципализацию мельниц.»[154]

Общее собрание организации Партии Мелких Хозяев в Надьканижа, когда Коммунистическая Партия уже поставила на повестку дня муниципализацию мельниц, приняла следующее решение :

[154] Гос. Арх., Дебрецен. Из документов национального комитета в Хайдубесермень. Протокол народного собрания организации Венгерской Коммунистической Партии, 8 февраля 1945 г.

«...Мы протестовали и еще раз протестуем против муниципализации мельниц, так как считаем это нарушением частной собственности...»[155]

Как ответили национальные комитеты на эти два противоположных мнения?

Национальный комитет в Хайдубесермень пишет в своем заявлении, в котором требует муниципализацию мельниц, следующее: «...Настойчивая и прилежная работа народа по строительству государства только тогда может быть успешной и может получить должное признание, если как можно скорее вылечим эти болезненные язвы на теле народа, — в противоположном случае теперешняя напряженная работа оказалась бы бесполезной попыткой...»[156]

Национальный комитет в Хайдубесермень послал вышеуказанное заявление всем национальным комитетам городов и сел комитата Хайду с призывом к присоединению. Ответы прибыли через короткое время и национальный комитет в Хайдубесермень может с удовлетворением установить: «Из этого факта мы можем сделать вывод, что идем по правильному пути, так как наше предложение служит и интересам населения других городов...»[157]

Национальный комитет в Ходмезевашархель считает неоткладываемым вопрос муниципализации мельниц «с точки зрения обеспечения общественного снабжения и обеспечения хлебом особенно бедных слоев населения», и принимает соответствующее решение, за которое голосуют все члены национального комитета за исключением двух представителей Партии Мелких Хозяев.[158]

Во многих местах уже с самого начала возникли стремления относительно муниципализации мельниц. Например, национальный комитет в Кондорош отклоняет требования наследников сбежавшего собственника мельницы, обосновляя свое решение следующим: «Только дружеское взаимопонимание между русскими войсками и национальным комитетом в Кондорош сделало возможным, что мельница не разрушена. Поэтому зная эти факты, сельское управление справедливо может считать мельницу собственностью муниципалитета, так как она была ему передана русскими войсками как неимеющее хозяина имущество.»[159]

Кроме мельниц национальные комитеты заботились о пуске в эксплуатацию и других местных предприятий. Национальный комитет в Сигетвар издает распоряжение о начале работы местной консервной фабрики и по-

[155] Гос. Арх., Залаэгерсег. Из документов национального комитета в Надьканижа. Протокол общего собрания организации Независимой Партии Мелких Хозяев 3 февраля 1946 года.

[156] Гос. Арх., Дебрецен. Из документов национального комитета в Хайдубесермень. Протокол от 29 февраля 1946 года.

[157] Гос. Арх., Дебрецен. Из документов национального комитета в Хайдубесермень. Протокол от 13 апреля 1946 года.

[158] Гос. Арх., Сентеш. Из документов национального комитета в Ходмезевашархель. Протоколы от 3 декабры 1945 года и 3 сентября 1946 года.

[159] Гос. Арх., Дьюла. Из документов национального комитета в Кондорош. Протокол от 22 августа 1945 года.

могает фабриканту найти рабочую силу.[160] Национальный комитет в Надьканижа также принимает решение о пуске в ход консервной фабрики.[161] Национальный комитет в Мезехедьеш решает наладить работу уксусной фабрики и передает работу ухода за фабрикой местному профсоюзу промышленности.[162] Национальный комитет в Эгер назначает для руководства фабрикой прокатных листов в Боршоднадашд инженера, который получает звание руководящего заводом.[163]

Особенно важным шагом, с точки зрения восстановления, являлось наладить работу кирпичных фабрик, в чем национальные комитеты играли немаловажную роль. Например национальный комитет в Девавапья издает распоряжение собственнику кирпичного завода, тотчас же начать работу и сообщает ему, что сельское управление готово в случае необходимости дать кредит в сумме ста тысяч пенгэ.[164] Национальный комитет в Дьома поручает профсоюзам в Дьома—Эндред организовать пуск в эксплуатацию кирпичного завода и одновременно «сообщает старому арендатору завода, что он должен «без всяких придирок подписать контракт, обеспечивающий приличную аренду, с представителями профсоюзов.»[165]

Все эти шаги национальных комитетов, которые предусматривали организацию в местном масштабе производства, являлись очень важными и во многом помогли в решении гигантских задач восстановления даже в тех случаях, если они имели лишь временный переходный характер.

В это время общим явлением являлось то обстоятельство, что при национальных комитетах было организовано множество подкомиссий, члены которых состояли из представителей национальных комитетов, специалистов и т. д. и целью которых являлось выполнение отдельных заданий, от которых зависели в местном масштабе важные вопросы восстановления, производства, общественного снабжения и т. д. Так например, во многих местах (в районах столицы, городов Дебрецен, Печ и т. д.) при национальных комитетах были организованы восстановительные комиссии, которые вырабатывали с помощью специалистов местные планы уборки развалин, восстановления, и принимали участие в организации и руководстве этих работ. Например, национальный комитет комитата Печ—Баранья послал воззвание всем национальным комитетам комитата, в котором распоряжается о том,

[160] Гос. Арх., Печ. Из документов национального комитета Сигетвар. Протокол от 23 января 1945 года.

[161] Гос. Арх., Залаэгерсег. Из документов национального комитета в Надьканижа. Протокол от 22 июля 1945 года.

[162] Гос. Арх., Дьюла. Из документов национального комитета в Мезехедьеш. Протокол от 5 мая 1945 г.

[163] Гос. Арх., Эгер. Из документов национального комитета г. Эгер. Протокол от 3 января 1945 года.

[164] Гос. Арх., Сегед. Из документов национального комитета в Девавапья. Протокол от 19 июня 1945 года.

[165] Гос. Арх., Сегед. Из документов национального комитета в Дьома. Протокол от 12 мая 1945 года.

чтобы «все сельские национальные комитеты тотчас-же поставили на повестку дня обсуждение местных задач восстановления и организовали участие всего населения в этой великой работе...»[166]

Мы не имеем точных данных относительно результатов деятельности национальных комитетов по этой линии. Но безусловно надо подчеркнуть, что и они содействовали — правда, не одинаково успешно во всех местностях — в той гигантской работе, которую провел венгерский народ под руководством Коммунистической Партии в интересах устранения разрушений войны и восстановления всей страны.[167]

Восстановительные комиссии, организованные по инициативе районных комитетов столицы, в которых участвовали заведующие инженерными отделениями районного управления, уполномоченные партиями инженера, архитекторы и другие специалисты, составили список тех домов, которые могли быть восстановлены за сравнительно короткий срок, позаботились о том, чтобы как можно скорее могли использовать стройматериалы домов, назначенных на снос, заботились о мобилизации необходимой рабочей силы и ликвидации, вернее прекращения всех тех старых, бюрократических ограничений и правил, которые могли тормозить быстрые темпы восстановления.[168] Восстановительная комиссия, назначенная национальным комитетом г. Дебрецен, состоящая в большинстве из специалистов начала свою деятельность в сотрудничестве с местными профсоюзами.[169] Национальный комитет в Хайдубесермень решил создать восстановительный фонд по примеру многих национальных комитетов и для этого начал восстановительные сборы.[170] Национальный комитет в Тапольца назначил комиссию из трех человек (архитектора, ремесленника и материаловеда) и поручил ей составить учет находящихся в местности стройматериалов и организацию их использования. В то же время национальный комитет назначил и комиссию из четырех членов председателя корпорации ремесленников, столяра, колесного мастера и цементника) для контроля восстановительных работ.[171]

Национальные комитеты выслали уполномоченных или подкомиссии и для пуска в ход и проверки деятельности мельниц, маслобойнь и дробилок.

[166] Гос. Арх., Печ. № 5985/1945. Вицегубернаторские документы. (Копия.)

[167] Национальный комитет в Ходмезевашархель выслал восстановительную комиссию для организации восстановления города и сельского хозяйства. В этой комиссии участвовали представители партий и профсоюзов. Задачей этой комиссии являлось, как это было установлено: «заботиться о том, чтобы все слои населения приняли участие в восстановительных работах...» (Государственный Архив, Сентеш. Из документов национального комитета в Ходмезевашархель. Протокол от 28 августа 1945 года.)

[168] Гос. Арх., № 1, Будапешт. Из документов национального комитета г. Будапешт. Протокол от 6 июня 1945 года.

[169] Гос. Арх., Дебрецен. Из документов национального комитета города Дебрецен. Протокол от 24 июня 1945 года.

[170] Гос. Арх., Дебрецен. Из документов национального комитета в Хайдубесермень. Протокол от 7 июля 1945 года.

[171] Гос. Арх., Веспрем. Из документов национального комитета в Тапольца. Протокол от 3 мая 1945 года.

Для рационального распределения рабочей силы — принимая во внимание проведение очень важных тогда общественных работ — многие национальные комитеты организовали так называемые комиссии труда. Такие комиссии разрабатывали — в некоторых местах даже еще до появления распоряжения — проекты коммунальных работ и часто предложения относительно налога по общественному труду и формы оплаты общественного труда. Почти все национальные комитеты занимались вопросами цен и зарплат, являющимися очень важными с точки зрения начала развития экономической жизни страны, и часто даже организовали особые комиссии, в которые входили местные специалисты, чтобы регулировать хотябы временно в местном отношении решение этих вопросов. Во время разрастания черного рынка много национальных комитетов организовало комиссии для контроля цен. Национальные комитеты в Бучусентласло, Кишбуча, Немешхетеш и т. д. решили на собрании, на котором участвовали также и представители демократических партий, сельуправлений и торговцев, что организуют комиссию для контроля цен: «... Деятельностью этих комиссий будет являться действительный контроль цен; они должны каждые две недели докладывать о своей работе и обязаны контролировать покупку и продажу торговцев, появляющихся на автомашине в селе...»[172]

После стабилизации значительная часть национальных комитетов организовала комиссии для защиты форинта или приняла участие в их создании.[173]

Национальные комиссии назначили также подвижные, принимающие быстрое решение субкомиссии и для решения менее важных вопросов. Так например, были составлены комиссии для организации работы корпорации ремесленников (Надьканижа),[174] для обеспечения снабжения дровами (Бача),[175] для проведения распоряжений в связи с ветеринарными вопросами (Рабапатона),[176] для регулирования вопроса собственности скота, запутавшегося в послевоенный период, (Хайдубесермень),[177] для проведения необходимых распоряжений против наводнения, (Эстар),[178] для разрещения спорных вопросов относительно недвижимого имущества (Полгарди)[179] и т. д.

[172] Гос. Арх., Залаэгерсег. Из документов национального комитета в Бучусентласло. Протокол от 16 ноября 1946 года.

[173] Гос. Арх. № 1, Будапешт. № I. стр. 571. (Корреспонденция.)

[174] Гос. Арх., Залаэгерсег. Из документов национального комитета в Надьканижа. Протокол от 12 мая 1945 года.

[175] Гос. Арх., Дьёр. Из документов национального комитета в Бача. Протокол от 19 июля 1945 года.

[176] Гос. Арх., Дьёр. Из документов национального комитета в Рабапатона. Протокол от 28 мая 1945 года.

[177] Гос. Арх., Дебрецен. Из документов национального комитета в Хайдубесермень. Протокол от 26 сентября 1945 года.

[178] Гос. Арх., Дебрецен. Из документов национального комитета в Эстар. Протокол от 15 февраля 1945 года.

[179] Гос. Арх., Секешфехервар. Из документов национального комитета в Полгарди. Протокол от 2 мая 1945 года.

Национальные комитеты проводили за все время своего существования работу общественного контроля, защищая тем самым повседневные интересы населения. Национальный комитет г. Дебрецен назначил комиссию из пяти человек для контроля деятельности производственной комиссии, против которой было много возражений. Национальный комитет вместе с тем поручил назначенной контрольной комиссии« ...определить... также хозяев, которые саботируют распоряжения, изданные Министерством Земледелия. Есть ли такие, которые не заявили о наличии таких земельных участков, которые они не могут обрабатывать сами, ...Национальный комитет желает привлечь их к ответственности...»[180]

Национальный комитет в Кондорош назначил «сборную комиссию» (одного крестьянина, одного ремесленника и одного торговца) для работы при сельуправлении, чтобы установить реальные цены и сломать черный рынок.[181] Члены национального комитета в Хайдубесермень получили распоряжение контролировать мельницы и лавки, качество муки и хлеба.[182]

Национальный комитет в Фурта назначил двух своих членов для контроля качества молока, «чтобы не мешали козье молоко в коровье».[183] Национальный комитет в Надьсенаш выступает против торговцев скотом, причинивших ущерб местному Кооперативу Сельскохозяйственных рабочих, и решает, «принимая во внимание интересы народа и общественное мнение», что они не достойны на выполнение торговли и предлагает тотчас же отнять у них промысловое свидетельство...[184]

Естественно, что наше обозрение может дать только схематическую, слабую картину той гигантской творческой, помогавшей построить новое общество и государство, работе, которую выполнил трудящийся народ после освобождения страны и которая отражается и в экономической деятельности национальных комитетов. Но и из вышесказанного ясно видно, что и экономические основы народно—демократической Венгрии были заложены широкими народными массами под руководством коммунистов. Начиная с организации производства и проведения земельной реформы вплоть до самых своеобразных местных производственных вопросов массы трудящегося народа выполнили такие исторические задачи, которые обеспечили то, чтобы — хотя надо было еще побороть много трудностей и отвергнуть частые

[180] Гос. Арх., Дебрецен. Из документов национального комитета города Дебрецен. Протокол от 25 апреля 1945 года.

[181] Гос. Арх., Дьюла. Из документов национального комитета в Кондорош. Протокол от 1 февраля 1945 года.

[182] Гос. Арх., Дебрецен. Из документов национального комитета в Хайдубесермень. Протоколы от 13 августа 1947 года, 6 ноября 1947 года, 25 января 1946 года.

[183] Гос. Арх., Дебрецен. Из документов национального комитета в Фурта. Протокол от 23 апреля 1945 года.

[184] Гос. Арх., Дьюла. Из документов национального комитета Надьсенаш. Протокол от 6 ноября 1946 года.

реакционные нападения — больше нельзя было руководить в экономической жизни без народа или наперекор народу и влияние капиталистов и прочих эксплуатирующих элементов было все более и более сужено.

Значение деятельности национальных комитетов, особенно в деревнях, являлось и на этом поприще большим.

В заключение, если уже и кратко, все-таки необходимо сказать также о культурной и социальной работе национальных комитетов. Народное просвещение было в первую очередь тем, чем занималось большинство национальных комитетов. После освобождения, благодаря инициативе советских военных комендантов, народное просвещение в большинстве мест было немедленно начато. Об этом упоминается в одном из протоколов национального комитета в Дебрецене, когда устанавливается: «Никогда мы не можем с достаточной благодарностью думать о Красной Армии. Следует вспомнить, что начиная с первых же дней военные комендатуры форсировали начало обучения...»[185]

Однако, о дальнейшем развитии народного просвещения должна была заботиться уже венгерская демократия и это не было легкой задачей. В школах, во всей системе народного просвещения остались глубокие следы от фашизма, клерикальной реакции и еще долгое время после освобождения, по существу вплоть до года перелома, эта область была той, которая сталкивалась с найбольшими затруднениями при демократизации. В дополнение ко всему этому было также тяжелое экономическое положение после войны, влияние которого чувствовалось также в области народного просвещения.

При таких условиях во многих местах на национальные комитеты ложилась задача сделать первые шаги по пути нормализации и демократизации народного просвещения. На заседании от 30 мая 1945 года национального комитета г. Дебрецен подробно разбирался вопрос положения в школах, установив, что среди 11 000 обязанных посещать школы детей 5000 детей не посещает школы, комитет разработал целый ряд мероприятий по укреплению школьной дисциплины, между прочим сотрудничая с главным управлением района по просвещению вынес решение об организации Совета по делам просвещения.

Национальный комитет в Ходмезевашархелье поручил каждому из своих членов в интересах более эффективного надзора над школами школы города с тем, чтобы хотя бы раз в месяц отчитываться национальному комитету о жизни и работе порученных им школ.[186] Национальный комитет в

[185] Гос. Арх., Дебрецен, документы национального комитета в Дебрецене, протокол от 30 мая 1945 года.

[186] Гос. Арх., Сентеш, документы национального комитета в Ходмезевашархелье, протокол от 23 июля 1945 года.

Уйиразе выносит решение о принятии строгих мер против таких родителей, «которые не обоснованно не пускают своих детей в школу».[187]

Ряд национальных комитетов, как например, национальный комитет в Девавапья, Пустаэчеге и т. д. отстранили фашистских реакционных членов и вместо них назначили демократов в школьные советы или надзорные комитеты детских садов.[188]

Во многих местах, как например, в Мезехедьеше, Надьсенаше национальные комитеты заботились о ликвидации имеющегося недостатка учителей и временно начало обучения было поручено замещающим учителей лицам, в большинстве студентам высших учебных заведений.[189]

Уже в первое время проявилось то стремление национальных комитетов, которое и в этом случае было выражением воли и пожелания народа, чтобы обеспечить для детей рабочих и крестьянской бедноты возможности для учения. В решении от 8 августа 1945 года национального комитета в Шалготарьяне говорится об организации гимназии, для которой будет использовано здание бывшего учебного заведения жандармерии.

«Национальный Комитет должен был вынести такое решение, так как в освободившемся рабочем классе стремление к учебе и обучению появляется с природной силой...»

Национальный комитет в Шалготарьяне немедленно наметил делегацию, чтобы по этому делу хлопотать в Министерстве.[190]

Национальный комитет в Кунхедьеше решил организовать школу для взрослых: «Необходимо составить список тех, которые хотят учиться, необходимо предоставить помещение, подыскать учителей и уже будет налажено дело. Для этого необходимы и жертвы, так как помещение необходимо отапливать и освещать, но стоит, так как имеется возможность для учения...» Наряду со школой для взрослых по инициативе комитета начинает работать кружок по ликвидации неграмотности.

«Наша обязанность заключается в том, — сказал товарищ, которому было поручено это дело — чтобы дать возможность для наших сестер и братьев учиться, так как незнающего человека можно придавить а знающего нет.»[191]

Национальный комитет в Надьсенаше считает необходимым, «чтобы

[187] Гос. Арх., Дебрецен, документы национального комитета в Уйиразе, протокол от 4 апреля 1945 года.

[188] Гос. Арх., Сегед, документы национального комитета в Девавапье, протокол от 29 декабря 1945 года.

[189] Гос. Арх., Дюла, документы национального комитета в Надьсенаше, протокол от 8 июня 1945 года.

[190] Гос. Арх., № 2 Будапешт, документы национального комитета в Шалготарьяне, протокол от 8 августа 1945 года.

[191] Гос. Арх., Солнок, документы национального Комитета в Кунхедьеше, протокол от 16 октября 1945 года.

учить детей уже в детских садах, чтобы они могли бы писать уже перед посещением школы...»[192]

Национальный комитет района Орошхаза требует от Министерства народного просвещения издание демократических учебников и введение бесплатного народного образования, так как — дается более обоснованное мотивирование — «тогда можно будет быстрее осуществить венгерскую демократию...»[193]

Национальный комитет в Бекешшамшоне протестует против старых клерикальных методов обучения церковных школ и требует введения демократических учебников, так как — как это пишется — «наша демократия требует от венгерской нации много разумных людей.»[194]

Стремление венгерского народа к культуре, которое после освобождения проявилось с грандиозной силой, нашло выражение не только в демократизации и повышении уровня школ. Красной нитью проходит через работу в этом направлении национальных комитетов стремление, чтобы после столетий угнетения и унижения, нищеты и безкультурности работать над созданием новой и лучшей жизни. Национальный комитет в Кондороше указывает на большую важность народного просвещения вне школы: «на основе воспитательной работы вне школы демократически мыслящих и чувствующих воспитателей можно достигнуть, чтобы у широких слоев населения привилась в мозги и сердце благородное понятие демократии...»[195]

Национальный коимитет в Баттонья в интересах распространения идей демократии и поднятия культурного уровня деревни организует комитет народного просвещения.[196] Комитет по культурным вопросам национального комитета в Элеке организует курсы по ликвидации неграмотности а также курсы по кустарному ремеслу и крестьянскому хозяйству, драматический кружок и вечера культупы.[197]

Эта же самодеятельность характерна для большей части национальных комитетов в отношении мероприятий, касающихся социальных вопросов, а также инициативы в этом отношении. Национальный комитет в Чорваше уже в марте месяце 1945 года организует т. н. комитет по планировке деревни, состоящий из местных каменщиков, садовников, представителей

[192] Гос. Арх., Дьюла, документы национального комитета в Надьсенаше, протокол от 6 ноября 1948 года.

[193] Гос. Арх., Дьюла, документы национального комитета в Орошхаза, протокол от 3 октября 1946 года.

[194] Гос. Арх., Дьюла, документы национального комитета в Орошхаза (Письмо национального комитета в Бекешшамшоне в протоколе от 25 сентября 1947 г.).

[195] Гос. Арх., Дьюла, документы национального комитета в Кондороше, протокол от 25 августа 1946 года.

[196] Гос. Арх., Сегед, документы национального комитета в Баттонья, протокол от 2 июня 1945 года.

[197] Гос. Арх., Сегед, документы национального комитета в Элеке, протокол от 10 октября 1948 года.

профессиональных союзов, и поручает этому комитету разработать план развития поселения. [198]

Ряд национальных комитетов, так например, в Меземедьере, Весте, Гадороше, Орошхазе, Чорваше и т. д. уже непосредственно после освобождения вынесли решение об организации детских садов, домов для престарелых людей. Сельский совет в Меземедьере (предшественник национального комитета) уже в декабре месяце 1944 года вынес решение, что престарелым людям выше 65 лет, у которых чистый доход по кадастру не превышает 20 золотых крон, начиная с 1 декабря 1944 года будет выдаваться месячное пособие.[199]

Конечно во всех этих мероприятиях и инициативах было и ряд таких, прочное введение которых непосредственно после освобождения еще не располагало соответствующими материальными условиями и таким образом они носили временный характер. Но несмотря на это они показывают все более смелую и большего размаха охоту к созиданию венгерского трудового народа, его стремление к лучшей и счастливой жизни.

Отмирание и роспуск национальных комитетов

Как уже было упомянуто выше, деятельность национальных комитетов пришла в общем и целом медленно в упадок после организации общегосударственного административного аппарата, т. е. с апреля-мая 1945 года, хотя временами в отдельных местностях и происходило временное оживление. Это отмирание национальных комитетов произошло в отдельных местностях и частях страны не одновременно (за Дунаем скорее, за Тисой медленнее), и прекратили свою деятельность сами только в сравнительно небольшом количестве местностей. Национальные комитеты существовали и действовали вплоть до момента их роспуска во всей стране. Они помогали и в этой второй, регрессивной стадии своей деятельности в местном отношении борьбе Коммунистической Партии, выступали на защиту венгерской народной демократии и поднимали свой голос всякий раз, когда требовали этого интересы народа в вопросах, имеющих общегосударственное значение.

То общественное возмущение, которое было вызвано заговором правого крыла Партии Мелких Хозяев в массах трудящегося народа, верно отражается в изданных в это время национальными комитетами большом количестве решений, заявлений, в которых они выражают свой протест против направленной против народной демократии реакционной, подпольной работы, требуют самого строгого наказания преступников и выражают

[198] Гос. Арх., Дьюла, документы национального комитета в Чорваше, протокол от 29 марта 1945 года.

[199] Гос. Арх., Дьюла, документы национального комитета в Меземедьере, протокол от 24 декабря 1944 года.

горячими сердечными словами свою верность к народной демократии, желание отстоять достижения трудящегося народа:

«Мы трудящиеся — пишет национальный комитет в Надькёрю Всевенгерскому Национальному Комитету —, члены национального комитета села с 3500 жителями, чувствуя тяжелое положение нашей Нации, оценив ту громадную катастрофу, в которую опять хотели ввергнуть нашу Страну ныне уже арестованные бездушные гады, от имени всего населения, в защиту демократии оглашаем наш приговор одним словом: «смерть заговорщикам» и просим юстицию наложить на них соответствующее наказание.»[200]

«...они хотели не восстановления страны — выносит резолюцию национальный комитет в Мезешаш —, а навалить опять на плечи измученного войной венгерского народа еще более тяжелые испытания, а демократическое развитие они желали остановить, хотели опять закабалить народ аристократами...»[201]

Национальный комитет в Токод, требуя от имени населения самый строгий приговор заговорщикам, клянется: «...Мы стояли и будем стоять и в дальнейшем на вахте за демократию...»[202]

В заявлениях подобного содержания требовали и остальные национальные комитеты наказание заговорщиков.

Национальные комитеты играли значительную роль в борьбе за национализацию церковных школ, имевшую место в 1948 году, когда под предлогом защиты церковных школ реакционные силы, сплотившиеся вокруг клерикальной реакции, направляли бешеные атаки против народной демократии. Особенно тяжелым было положение в деревнях, где реакция воспользовалась религиозностью крестьянских масс и распространяла в широких кругах населения, что национализация церковных школ в сущности является началом нападения против религии. Коммунисты хотели выиграть и это сражение с помощью мобилизации самых широких масс, путем убеждения, разоблачения реакционных махинаций, и поэтому имело большое значение, чтобы национальные комитеты, как олицетворители воли демократических народных масс, и в самом маленьком селе выработали свою точку зрения по этому вопросу. Подавляющее большинство национальных комитетов стояло на стороне Коммунистической Партии, поддерживало коммунистов в обостренной борьбе, разыгравшейся вокруг национализации школ.

Так например, национальный комитет в Перката выражает свое возмущение в связи с реакционными махинациями, которые проводят под при-

[200] Гос. Арх., № 1, Будапешт. Корреспонденция I национального комитета г.Будапешт. Заявление от 9 марта 1947 года национального комитета в Надькёрю.

[201] Гос. Арх. № 1, Будапешт. Корреспонденция I национального комитета г. Будапешт. Заявления национального комитета в Мезешаш от 7 февраля 1947 года.

[202] Гос. Арх. № 1, Будапешт. Корреспонденция I национального комитета. Заявление национального комитета в Токод от 8 июня 1947 года.

крытием религии и церкви, и торжественно заявляет, что готов защитить мирную работу свободного народа и не позволит реакции одержать верх:

«Мы все являемся верующими католиками — пишет комитет —, и верны нашей религии. Именно поэтому мы просили за последнее время неоднократно церковь сотрудничать с нами. Она не была намерена сделать это. То, что она не хотела помочь нам, мы, правда, жалели, но приняли к сведению... но то, что она прямо посягает на нас, и притом самым подлым способом, мы больше терпеть не можем.»[203]

Национальный комитет в Менфечанак поднимает свой голос на защиту приобретенной тяжелыми кровавыми жертвами венгерской демократии, для обеспечения демократического воспитания и развития детей, за национализацию школ.

«Пусть священник обучает детей закону божию, но он не должен иметь право вмешиваться в прочую работу учителя... комитет просит высшие органы чем скорее провести национализацию школ...»[204]

Заслуживает внимания тот факт, что и в тех комитатах, в которых клерикальная реакция располагала значительным влиянием, большинство национальных комитетов принимало свои решения единогласно. Во всей стране было сравнительно мало таких национальных комитетов, в которых мнения расходились в этом вопросе. Так например, национальный комитет в Залабер голосовал за национализацию школ в соотношении 8 : 2, [205] национальный комитет в Дунасентпал — 11 : 7. [206] Были однако и такие случаи, в которых, как например, в Дунаремете, девять членов национального комитета воздержались от голосования, и два были против и только один член голосовал за национализацию школ. [207] Были и случаи, как например, в комитатах Дьёр, Шопрон и Фейер, в которых некоторые сельские национальные комитеты голосовали против национализации школ.

Вышеуказанные решения национальных комитетов рождались во многих случаях в ожесточенной борьбе, в которой национальные комитеты боролись на стороне местных организаций коммунистической партии и демократических сил против местной реакции по особенно тяжелому и деликатному вопросу.

[203] Гос. Арх., Секешфехервар. Из документов национального комитета в Перката. Протокол от 20 декабря 1948 года.

[204] Гос. Арх., Дьёр. Из документов национального комитета в Менфечанак. Протокол от 4 июня 1948 года.

[205] Гос. Арх., Залаэгерсег. Из документов национального комитета в Залабер. Протокол от 26 мая 1948 года.

[206] Гос. Арх., Дьёр. Из документов национального комитета в Дунасентпал. Протокол от 30 мая 1948 года.

[207] Гос. Арх., Дьёр. Из документов национального комитета в Дунаремете. Протокол от 7 июня 1948 года.

Например, национальный комитет в Хайдудорог установил на основании местного опыта, что подписные списки протестного собрания в связи с национализацией школ были фальсификацией, так как на этом собрании принимало участие не две тысячи, а всего лишь 150—200 обманутых человек, и лицо, собирающее подписи и ведущее протокол собрания, являлось функционером бывшей местной фашистской партии нилашов.

«Эта фальсификация истории была проведена не греко-католическим населением состоящим из 12 тысяч душ, а реакцией, прятающейся за церковь...»[208]

Национальный комитет в Почай очень остро выступает от имени демократического большинства населения против подстрекательства антидемократических элементов, проводящегося под предлогом «родительских собраний», и принимает меры для обезвреживания фашистских провокаторов.[209]

После национализации школ многие национальные комитеты в значительной мере участвовали в работе ремонтирования и оборудования старых, запущенных зданий церковных школ.

Картина являлась бы, однако, односторонней, если бы мы, показывая положительную роль деятельности национальных комитетов и во втором этапе их развития, не говорили и о тех внутренних слабостях, которые тормозили, тянули назад работу значительной части национальных комитетов, проводимую именно в области политической и общественной деятельности. Как уже было упомянуто, правому крылу коалиции удалось — главным образом через Партию Мелких Хозяев — послать своих представителей в значительную часть национальных комитетов. Таким образом удалось проникнуть в часть национальных комитетов реакционным и даже фашистским элементам, которые в некоторых из них даже стали задавать тон и оттесняли коммунистических, левых представителей. Внедрению реакции в национальные комитеты способствовали фашистские элементы административного аппарата — губернаторы, вицегубернаторы и бургомистры, являющиеся членами Партии Мелких Хозяев. В отдельных комитатах, в которых влияние реакции являлось более сильным, часть сельских национальных комитетов попала в руки реакционных элементов. Председатель национального комитета г. Шопрон Кальман Такач пишет об этом в своих воспоминаниях следующее :

«Так случилось, что в селах, часто в противоречии с установленными предписаниями, сельский национальный комитет состоял из более состоятельных хозяев, местных священников, нотариусов, учителей, так что почти

[208] Гос. Арх., Дебрецен. Из документов национального комитета в Хайдудорог. Протокол от 17 мая 1948 года.

[209] Гос. Арх., Дебрецен. Из документов национального комитета в Почай. Протокол от 13 сентября 1948 года.

все члены сельского национального комитета являлись и открыто членами Партии Мелких Хозяев, или же — согласно общему секретному соглашению — поручили одному или другому члену национального комитета играть роль представителя Венгерской Коммунистической или Социал-Демократической Партий в сельском национальном комитете...»[210]

В других местностях, как например, в Мошонмадьяровар, все три представителя Партии Мелких Хозяев являлись местными руководителями фашистской правительственной партии, а председатель национального комитета являлся «витязем».* Когда представитель коммунистической партии протестовал против этого, члены национального комитета, являющиеся представителями Партии Мелких Хозяев, достигли с повторением старой фашистской фразеологии («опять один венгерец обвиняет другого, опять подняло свою голову вечное венгерское проклятие — интрига одного против другого» и т. д.), что большинство национального комитета высказалось против предложения коммунистических представителей и не требовало отзыва этих фашистских элементов, и оставила председателя «витязя» дальше на своем посту.[211] В г. Тапольца через Партию Мелких Хозяев попали в национальный комитет бывший секретарь «Союза Барошш»** и бывший член партии венгерских фашистов.[212] В Каполнашньек временно председателем национального комитета был лейтенант районного собрания витязей.***[213] В этих национальных комитетах коммунистическим представителям — которых поддерживали представители профсоюзов и часто представители Национальной Крестьянской Партии и Социал-Демократической Партии — надо было вести ожесточенную борьбу для парализования подрывной деятельности реакции внутри национального комитета. Например, в Тапольца, члены национального комитета, являющиеся представителями Партии Мелких Хозяев, которых поддерживал и председатель, бывший правым социал-демократом, подняли вопрос освобождения находящихся в концентрацион-

[210] Кальман Такач: «Шопрон, 1944—46.» стр. 78. (Рукопись).

[211] Гос. Арх., Дьёр. Из документов национального комитета в Мошонмадьяровар. Протокол от 28 мая 1945 года.

[212] Гос. Арх., Веспрем. Из документов национального комитета в Тапольца. Протокол от 25 мая 1945 года.

[213] Гос. Арх., Секешфехервар. Из документов национального комитета в Каполнашньек. Протокол от 29 июня 1947 года.

* «Витязи» являлись членами т. наз. Сословия витязей. Эта контрреволюционная, фашистская организация была создана после подавления Венгерской советской республики, в 1920 г. «Витязи» получили землю в размере кулацких хозяйств, инвестиционные займы, и взамен этого они должны были всегда быть готовыми для вооруженного подавления какого-нибудь коммунистического, социалистического или хоть только прогрессивного демократического выступления.

** «Союз Барошш» являлся контрреволюционной, фашистской организацией, его членами были главным образом мелкие предприниматели, торговцы, самостоятельные ремесленники.

*** Организация т. наз. Сословия витязей была построена по районам. Витязи отдельных районов составили т. наз. Собрание витязей, во главе которого стоял лейтенант.

бить влияние Венгерской Коммунистической Партии на народные массы и тем самым подорвать существование народной демократии. Правое крыло Партии Мелких Хозяев требовало для себя большинства внутри национальных комитетов и всеми силами старалось провести принятие «Крестьянского Союза», чем хотело парализовать роль профсоюзов. Но ему не удалось достигнуть более серьезных результатов. (Правда, в отдельных местностях ему удалось временно провести принятие «Крестьянского Союза».) Коммунисты, честные, демократические члены национальных комитетов в большинстве случаев защищали национальные комитеты и отбивали атаки реакции. Например, национальный комитет комитата Шомодь в апреле 1946 года в циркуляре обратился ко всем сельским национальным комитетам комитата с воззванием, чтобы всюду тотчас—же прекратили членство «Крестьянского Союза», где ему удалось пробраться в состав национальных комитетов.[220]

Во многих местностях сами национальные комитеты отклонялись от принятия «Крестьянского Союза». Например, национальный комитет в Чанадпалота после горячего спора отвергнул требование Партии Мелких Хозяев относительно принятия в национальный комитет и в коммунальную комиссию «Крестьянского Союза».

«... Мы не намерены терпеть — гласит решение — расторжения святого дела демократии, за которое так много мучеников отдало жизнь, здоровье, чтобы обеспечить его для потомков...»[221]

Эти атаки реакции против национальных комитетов не были новыми. Правое крыло коалиции, под руководством Партии Мелких Хозяев, уже вскоре после создания национальных комитетов осознало их революционную роль в мобилизации широких народных масс, в закладывании основ народно-демократического строя, и начало на них сильно нападать. Представители правых партий в печати и в выступлениях заявляли о том, что после организации административного аппарата больше не нужны национальные комитеты, и они должны быть распущены. Но то обстоятельство, что Венгерская Коммунистическая Партия последовательно заступалась за существование национальных комитетов, сорвало эти попытки. Так как эти попытки оставались безрезультатными, реакция пробовала разлагать национальные комитеты извнутри. Одной из ее методов являлось то, что она — как мы видели выше — посылала в комитет своих представителей и через них старалась захватить руководство в свои руки и превратить их в антидемократические органы. Там, где она не видела никакой надежды на достижение результатов, она отзывала своих представителей из национальных

[220] Гос. Арх., Капошвар. Из документов национально комитета в Сигетвар. Циркуляр от 11 апреля 1946 года национального комитета комитата Шомодь.

[221] Гос. Арх., Сегед. Из документов национального комитета в Чанадпалота. Протокол от 4 июня 1946 года.

комитетов и старалась этим способом сделать невозможной их деятельность. Представители Партии Мелких Хозяев, являшиеся членами национального комитета г. Будапешт и Всевенгерского Национального Комитета, уже начиная с 1946 года не посещали собраний этих национальных комитетов. Те члены национального комитета в Ходмезєвашархель, которые принадлежали к Партии Мелких Хозяев, отказались от работы в национальном комитете с тем обоснованием, «что все те вопросы, которые впредь могут обсуждаться национальным комитетом, могут быть решены распоряжениями правительства и действующими властями, и они поэтому не видят необходимым дальнейшее существование национальных комитетов...»[222]

Но представители остальных партий, в первую очередь Венгерской Коммунистической Партии, остались на своем месте. Организация Венгерской Коммунистической Партии в Ходмезевашархель в специальном письме выразила свое доверие председателю национального комитета, всеобще уважаемому, демократическому кальвинистскому священнику Арпаду Мартону, уверяя его в своей поддержке.[223] В селе Барч, в которой представители Партии Мелких Хозяев также отказались далее работать в национальном комитете, коммунисты и представители остальных левых партий приняли решение, согласно которому «национальный комитет является и без представителей Партии Мелких Хозяев полномочным.»[224] В Озоре, где представители Партии Мелких Хозяев и Буржуазной Демократической Партии совместно саботировали деятельность национального комитета (этими представителями являлись: один нотариус, один хлеботорговец, один мясник и бывший реакционный председатель национального комитета) и на пригласительных билетах демонстративно вычеркивали свои имена, представители Коммунистической Партии, профсоюзов и остальных левых партий приняли решение, согласно которому:

«Несмотря на все это еще имеется большинство двух третьих членов национального комитета, которое единогласно не разрешит препятствовать работе восстановления и требует от двух не появившихся партий, чтобы они приняли участие в национальном восстановлении. Если они от этого откажутся, то национальный комитет продолжит свою работу и без них.»[225]

Но многие национальные комитеты не довольствовались только тем, что давали отпор атакам реакции и продолжали свою работу, а принимали активное участие в разоблачении реакции, организующейся внутри отдельных партий коалиции, и следили за тем, чтобы она не могла проводить свою

[222] Гос. Арх., Сентеш. Из документов национального комитета в Ходмезевашархель. Протокол от 12 июля 1946 года.

[223] Гос. Арх., Сентеш. Из документов национального комитета в Ходмезевашархель. Протоколы от 26 июня и 12 июля 1946 года.

[224] Гос. Арх., Капошвар. Из документов национального комитета в Барч. Протокол от 10 апреля 1947 года.

[225] Гос. Арх., Сексард. Из документов национального комитета в Озора. Протокол от 15 января 1946 года.

раскольническую деятельность, ослаблять извнутри демократическое объединение сил. Роль, которую играли национальные комитеты в защите демократии, часто оказывала Венгерской Коммунистической Партии серьезную помощь в том, чтобы она могла, опираясь на все демократические силы, изолировать и уничтожить организационные попытки реакции. Целый ряд национальных комитетов, как например в Мезековачхаза,[226] в Бекешшамшон,[227] в Мадьардомбэдьхаза[228] и т. д. заявляли свои протесты уже непосредственно после создания местных организаций Партии Мелких Хозяев и Буржуазной Демократической Партии в связи с тем, что в их руководствах и между их членами находились реакционные, фашистские элементы, бывшие доносители жандармерии и т. д. Эти национальные комитеты объявили недействительными такие партийные организации и не допустили, чтобы они делегировали своих представителей в национальные комитеты, прочие народные органы и в коммунальную комиссию. Национальный комитет в Мадьарчанад разоблачил на учредительном собрании Партии Мелких Хозяев выбранного председателем доносчика жандармерии и других антинародных элементов, находящихся в руководстве партии.

«...не является подходящим для руководства партией, так как он у с. Тапэ, когда принужденные бежать мадьарчанадские люди хотели убежать от жандармов, чтобы возвратиться домой, он, как доносчик, действовал заодно с жандармами и тем самым воспрепятствовал тому, чтобы эти люди могли вернуться домой...»[229]

Национальный комитет в Дунафельдвар принял в связи с организацией местной Буржуазной Демократической Партии следующее решение:

«...Так как в переданном членском списке находятся кооперировавшие со старым режимом фашисты, а со стороны руководителей на одном межпартийном собрании были высказаны мнения, противоположные демократическим идеям, национальный комитет не видит обеспеченным то, что вышеназванная партия с таким руководством хочет принять участие в построении страны согласно демократическим идеям, и поэтому национальный комитет не может принять к сведению сформирование партии с этим руководством.»[230]

Если анализировать по всей стране борьбу демократических и реакционных сил внутри национальных комитетов, которую мы осветили выше несколькими примерами, надо установить, что — хотя и удалось в некото-

[226] Гос. Арх., Сегед. Из документов национального комитета в Мезековачхаза. Протокол от 5 апреля 1945 года.

[227] Гос. Арх., Дьюла. Из документов национального комитета в Бекешшамшон. Протокол от 4 апреля 1945 года.

[228] Гос. Арх., Сегед. Из документов национального комитета в Баттонья. Протокол от 9 декабря 1946 года. (Решение национального комитета в Мадьярдомбэдьхаза).

[229] Гос. Арх., Сегед. Из документов национального комитета в Мадьарчанад. Протокол от 19 июня 1945 года.

[230] Гос. Арх., Сексард. Из документов национального комитета в Дунафельдвар. Протокол от 13 апреля 1945 года.

рых местах реакции вторгнуться в национальные комитеты и тормозить их работу, или же повернуть их против демократии, а в других комитетах создать большие трудности и кризисы в их деятельности, все-таки *в своём большинстве национальные комитеты являлись за все время своего существования опорой народной демократии.* Главной причиной их отмирания является то, что после того, как прекратился их административный круг обязанностей, а руководство экономической жизни частично приняли организованные для этого специальные ведомства, а частично удалось решить среди соответствующих экономических условий первой стадии народно-демократического строя со стабилизацией экономической жизни большую часть проблем производства и общественного снабжения, *круг деятельности национальных комитетов сильно сузился.* Их деятельность ограничивалась на роль политического эксперта и контролера, на предъявление предложений и проведение отдельных общегосударственных политических или экономических акций, как например, участие в подготовке выборов в 1945 и 1947 гг., проведение заготовок, учетов, контроль молотьбы, организация торжеств в связи с столетней годовщиной революции 1848 года, выдача политических удостоверений и т. д. Сам Всевенгерский Национальный Комитет ограничивал свою деятельность относительно центрального руководства национальными комитетами на проведение вышеуказанных акций и кроме общих директив не давал почти никакой помощи национальным комитетам в их повседневной работе.

Всевенгерский Народный Фронт в январе 1949 года объявил о роспуске национальных комитетов.

Последние заседания национальных комитетов в общем и целом по всей стране отличались торжественностью. Председатели, члены национальных комитетов оценивали проведенную работу, говорили об исторической роли национальных комитетов в создании народной демократии.

«...Национальный комитет всегда принимал во внимание социальную волю и интересы народа — выступил один из членов национального комитета в Инота на последнем заседании — и всегда предпринимал все для того, чтобы помочь этой измученной стране, этому селу, чтобы итти на пути, ведущему к социализму. Поэтому мы много боролись, проводили много бессонных ночей. Я желаю только то, чтобы те, которые следуют за нами, тоже стремились к этой же цели...»[231]

Члены национального комитета в Херцегфальва на своем последнем заседании обязались «работать и строить дальше основы осуществления демократической, социалистической страны...»[232] Заседание национального комитета окончилось здравствованием Советской Армии.

[231] Гос. Арх., Секешфехервар. Из документов национального комитета в Инота. Протокол от 3 февраля 1949 года.

[232] Гос. Арх., Секешфехервар. Из документов национального комитета в Херцегфальва. Решение № 5/1948 национального комитета.

Как наилучшее обобщение деятельности национальных комитетов, строящих нашу страну, пусть стоит здесь выступление председателя национального комитета в Вайта, так, как увековечивает его в протоколе последнего заседания :

«Роль национального комитета этим решением окончилась. Когда (председатель) благодарит членов за их добросовестную, неутомимую, преданную работу, он подчеркивает, что в борьбе играла наибольшую роль революционная партия рабочего класса и находящихся с ним в союзе крестьян и интеллигенции, Венгерская Коммунистическая Партия, (потом Партия Венгерских Трудящихся), да, эта партия привела нас к победе. Но мы не должны забывать и о работе наших народных органов, которые являлись истинными источниками суверенитета нашего народа уже во время освободительных боев победоносной Советской Армии, также как и после освобождения. Основы новой народной Венгрии не только в нашем селе, а также и во всей стране положили национальные комитеты, которые решили целый ряд очень трудных задач, наложенных на них историей. Наша деятельность будет стоять перед следующим поколением как вечное и неотъемлемое доказание революционной силы нашего народа. И сейчас, когда мы после выполненной огромной работы расформируемся, мы оцениваем проведенную нами работу, определяя сделанные ошибки и их источники. Мы это делаем для того, чтобы помочь — если в другой области — борьбе нашей Народной Демократии, которую сможем на основании приобретенных опытов лучше и сильнее поддерживать.»[233]

Анализируя деятельность национальных комитетов надо установить, что — хотя из-за их коалиционного состава и указанных в предисловии исторических и общественных условий реакционные и в некоторых местах даже фашистские элементы проникли в ряды их членов и отклоняли их деятельность или же создавали кризисы в их работе — все же с общегосударственной точки зрения можно говорить об их работе только с наибольшим признанием, оценивая ту гигантскую работу построения страны, в которой приняли участие тысячи честных демократических членов национальных комитетов, создав и укрепив народную демократию. Национальные комитеты потому могли выполнить так хорошо свои задания, потому могли стать представителями воли и стремлений народа, потому что в большинстве случаев с самого начала их руководителями являлись коммунисты, члены коммунистических местных партийных организаций, которые приобрели своими предложениями, своей инициативой в интересах народа, доверие и других членов национальных комитетов. Все это выражает простыми, но горячими словами доклад о работе прошедших лет сотого заседания национального комитета в Чорваш :

[233] Гос. Арх., Секешфехервар. Из документов национального комитета в Вайта. Протокол от 1 февраля 1949 года.

«...Национальный комитет имел за время своей деятельности до сих пор всего 50 членов, из которых некоторые были делегированы только один раз... Если каждое заседание национального комитета продолжалось бы только три часа в среднем, то члены национального комитета на ста заседаниях провели 2514 часов, т. е. 318 восьмичасовых рабочих дней. Если считать за день 10 форинтов, это было бы 3180 форинтов. Члены национального комитета с радостью собирались на эти заседания после их повседневной работы, ибо знали, что нельзя строить новой жизни, нового мира без приносящих жертвы людей... Возможно, что национальный комитет делал и ошибки, но если мы возьмем результаты и ту гигантскую работу, которую провели национальные комитеты во всех местностях страны, мы должны высоко оценивать его работу...»[234]

Чорваш является селом, жители которого сельскохозяйственные рабочие и бедные крестьяне, в нем с первого дня после освобождения ведущую роль играла Венгерская Коммунистическая Партия.

*

В заключение мы должны кратко касаться вопроса, вызывающего и в наши дни дискуссии в среде венгерских историков, занимающихся периодом народной демократии: было-ли правильно оставить национальные комитеты, чтобы они отмирали, и роспустить их, или было-ли возможным, сохранив их функции как органов государственной власти, вставить их в качестве местных органов государственной власти в систему диктатуры пролетариата (как это произошло например в Чехословакии). По нашему мнению в 1948 г., в году перелома, когда коммунистическая партия уже приобрела поддержку большинства трудящихся масс, имелась возможность реорганизации национальных комитетов, исключения реакционных элементов и преобразования комитетов в местные органы государственной власти диктатуры пролетариата. Если это произошло бы так, то многие тысячи рядовых трудящихся, которые своей деятельностью в национальных комитетах освоили искусство управления государством, которые приобрели неоценимый политический опыт и завоевали себе авторитет и признание в среде населения, сумели бы продолжать в своей деятельности. Таким образом перерастание в государство диктатуры пролетариата, в систему советов произошло бы, по всей вероятности, более органическим образом, при сохранении многих тысяч опытных, ценных, обладающих уже авторитетом административных кадров.

Не в этом, однако, заключается основная ошибка, учиненная роспуском национальных комитетов. Система советов и так была построена и в

[234] Гос. Арх., Дьюла. Из документов национального комитета в Чорваш. Протокол от 11 февраля 1947 года.

ходе своей деятельности приобрела такого опыта, знания и авторитета также, которыми она так сильно пустила корни в глубь венгерского трудящегося народа, что даже во время контрреволюционного наступления в октябре — ноябре 1956 г. в основном она устояла. Основная ошибка при роспуске национальных комитетов заключалась, по нашему мнению, в том, что созданный в 1949 г. Народный фронт независимости, призванный продолжать в условиях диктатуры пролетариата деятельность созданного в 1945 г. коалиционного Венгерского национального фронта независимости (местными органами которого и являлись национальные комитеты), не образовал местных организаций. Таким образом деятельность национальных комитетов по мобилизации масс, опирающаяся на самодеятельность масс и развивающая ее, не продолжалась на высшем уровне — с содержанием и в формах, соответствующих условиям и требованиям диктатуры пролетариата — в местных органах Народного фронта независимости. Исправление ошибок, допущенных в связи с развитием движения народного фронта с 1949 г. — хотя в этом направлении не однократно сделаны инициативные шаги — началось в основном только теперь, после подавления кровавого контрреволюционного мятежа от октября—ноября 1956 г. Деятельность Отечественного народного фронта до сих пор является залогом того,что венгерское движение народного фронта под руководством коммунистов в скором времени станет активным, самодеятельным движением самых широких масс, способствующим в большой мере социалистическому строительству.

Die Bedeutung der Nationalen Komitees im Entstehen der ungarischen Volksdemokratie

B. Balázs

(Zweiter Teil)

(Zusammenfasung)

Die Tätigkeit der nationalen Komitees war auch auf dem Gebiete der Produktion von großer Bedeutung. Eine ihrer ersten und wichtigsten Aufgaben war, die Produktion, das wirtschaftliche Leben wieder in Gang zu setzen ; und wenn in dem von den Faschisten ausgeplünderten und durch den Krieg verwüsteten Lande die Bestellung der Felder und die Arbeit in den Betrieben unglaublich rasch und schwungvoll wieder aufgenommen wurde, so hatten daran die nationalen Komitees hervorragenden Anteil.

Diese Organe des Volkes haben bereits vor der Aufteilung des Großgrundbesitzes die Bauern mobilisiert, um die herrenlos gewordenen Felder in Gemeinschaftsarbeit zu bestellen : sie verschafften Saatgut, sicherten dem Lande das tägliche Brot. In vielen Ortschaften riefen die nationalen Komitees die Bodenbeanspruchungs-Komitees ins Leben, die dann den Boden an die besitzlosen armen Bauern verteilten ; sie gründeten Produktions-Komitees, um die landwirtschaftlichen Arbeiten zu lenken und zu kontrollieren.

In zahlreichen Ortschaften waren es die nationalen Komitees, die die Wiederaufnahme der Arbeit in den Mühlen und sonstigen Betrieben veranlaßten, die Lebensmittelversorgung organisierten und dafür sorgten, daß niemand erwerbslos und brotlos sei. Beträchtlichen Anteil hatten sie auch an der Organisierung der Versorgung der Roten Armee.

All diese Aufgaben von entscheidender Wichtigkeit wurden von den nationalen Komitees mit revolutionärem Schwung rasch gelöst. So wurden z. B. innerhalb einiger Tage der Bestand

an verfügbaren Zugtieren und Motoren in den Dörfern aufgenommen ; Landwirte, die über Zugtiere oder Traktoren verfügten, wurden streng angewiesen, auch die Äcker der Bauern zu pflügen, die keine Zugtiere hatten. Besondere Bauernkomitees wurden beauftragt, die Großgrundbesitze zu verwalten. Die nationalen Komitees setzten die Preise und Löhne fest, organisierten den Handel und traten energisch gegen den Schwarzhandel auf. Sie sorgten für die Waisen, Kriegswitwen, beaufsichtigten die Schulen usw. Mit einem Wort: sie waren überall zugegen, ergriffen überall die Initiative und waren führend tätig, wo es das Interesse des Volkes erforderte. Die nationalen Komitees konnten die unzähligen brennenden Probleme selbstverständlich nur deshalb lösen, weil sie das Vertrauen des Volkes genossen, weil sie sich auf das Volk, das sie ins Leben gerufen hatte, stützen konnten.

Nachdem das ganze Land befreit war (4. April 1945), wurde von der Regierung der Verwaltungsapparat ausgebaut und die Zuständigkeit der nationalen Komitees wurde stark eingeengt. Funktionen der Staatsgewalt wurden ihnen entzogen, die Lenkung der Produktion wurde von den hierzu berufenen Organen übernommen ; daher mußte sich ihre Tätigkeit auf die gesellschaftlich-politische Ebene beschränken. Sie konnten sich zwar auch weiterhin mit Anträgen an die Organe der Staatsgewalt wenden, die Kontrolle auf gesellschaftlichem Gebiete weiter ausüben, aber sie hatten keine tatsächlichen Machtbefugnisse mehr.

Von da an begann die Tätigkeit der nationalen Komitees zu verfallen ; der allmähliche Verfall führte zu ihrer Auflösung (die im Januar 1949 verfügt wurde).

Zusammenfassend kann gesagt werden, daß sich in der Tätigkeit der nationalen Komitees die gesellschaftlich-politischen Verhältnisse, unter denen sie entstanden und tätig waren, getreu wiederspiegeln. Das waren die Jahre, in denen die fortschrittlichen Kräfte mit der kommunistischen Partei an der Spitze den entscheidenden Kampf gegen die reaktionären Kräfte führten, die sich in den verschiedenen bürgerlichen und kleinbürgerlichen Parteien sammelten, als die Erkämpfung der Diktatur des Proletariats oder die Restaurierung des Kapitalismus die Hauptfrage dieses Kampfes bildeten. Auch in den nationalen Komitees traten die von den Kommunisten angeführten fortschrittlichen Kräfte den reaktionären Elementen entgegen. Die reaktionären Elemente, die die Kleinlandwirtepartei unterwandert hatten, konnten fallweise noch Erfolge erzielen, aber im allgemeinen war die überwiegende Mehrheit der nationalen Komitees auch in diesem Abschnitt ihrer Tätigkeit das getreue Spiegelbild der schöpferischen Kraft und der demokratischen Gesinnung des werktätigen ungarischen Volkes. Wenn auch mit stets geringerem Geschäftsbereich und Einfluß, standen sie doch an Seite der kommunistischen Partei, unterstützten sie und hatten so ihren Anteil an der Festigung der Macht des werktätigen Volkes, der ungarischen Volksdemokratie.

RAPPORT SUR LES RECHERCHES

Les historiens hongrois commémorent le quarantième anniversaire de la Grande Révolution Socialiste d'Octobre

Comme nous l'avons signalé dans le précédent numéro de notre revue, en novembre 1957, les historiens hongrois, parallèlement aux commémorations du monde entier, ont tenu une séance solennelle pour commémorer le quarantième anniversaire de la Grande Révolution Socialiste d'Octobre.

Le 1er novembre 1957, l'Insitut d'histoire militaire, l'Insitut de l'histoire du Parti Communiste près le Comité Central du Parti Ouvrier Socialiste Hongrois, la Société historique hongroise, l'Institut de science de l'histoire près l'Académie Hongroise et les Archives Nationales de Hongrie ont organisé une série de conférences sous la présidence d'E. Molnár, de l'Académie Hongroise, directeur de l'Institut d'histoire près l'Académie Hongroise, Gy. Ember, membre correspondant de l'Académie Hongroise, directeur général des Archives Nationales de Hongrie, M. Horváth, lieutenant-colonel, commandant de l'Institut d'histoire militaire, I. Kubitsch, chef de section de l'Institut de l'histoire du Parti Communiste, I. Tóth et M. Vinke, véterans de la Grande Révolution de 1917. Plusieurs centaines de personnes, travailleurs des instituts d'histoire et des archives, professeurs d'histoire des Universités et des écoles secondaires, représentants des sciences apparentées et tous ceux qui s'intéressaient au sujet, entre autres plusieurs vétérans hongrois de la Grande Révolution de 1917, se sont réunis pour commémorer le grand événement.

Après l'allocution d'ouverture d'E. Molnár, de l'Académie Hongroise, L. Réti, membre de l'Institut de l'histoire du Parti Communiste près le Comité Central du Parti Ouvrier Socialiste Hongrois a donné lecture de son étude, intitulé : «La révolution prolétarienne de Hongrie, premier grand mouvement s'inspirant de la Grande Révolution Socialiste d'Octobre.» En guise d'introduction, L. Réti a traité des thèses générales formulées par Marx et Engels sur la dictature du prolétariat. Il a ensuite analysé la thèse de Lénine sur la victoire de la révolution prolétarienne. M. Réti a souligné que les révolutions russes de 1917 avaient donné raison à Lénine et aux bolchéviks en effet. La révolution prolétarienne avait éclaté d'abord dans le pays ou la chaine de l'impérialisme était la moins forte. Puis, l'orateur a posé la question de savoir pourquoi était-ce précisément la Hongrie le premier pays à suivre, en 1919, l'exemple de la Russie révolutionnaire?

La Hongrie, comme on le sait, était, au début du XIXe siècle, en proie à de violents antagonismes sociaux. Le développement du pays était empêché par sa dépendance semi-coloniale vis-à-vis de l'Autriche. Au début de XXe siècle la Hongrie conservait encore dans un très grande mesure

les rapports féodaux de la propriété, en même temps presque 25 % de ses habitants formaient un prolétariat rural. Le début du XXe siècle avait vu le développement rapide du capital industriel hongrois, mais l'état de dépendance vis-à-vis de l'Autriche et la prédominance politique de la grande propriété foncière empêchaient la bourgeoisie industrielle de se préparer à assumer la conduite de l'État et de la société. De plus, par crainte du prolétariat, la bourgeoisie renonçait à assumer directement un rôle dirigeant.

Avant la première guerre mondiale, la structure sociale de la Hongrie était essentiellement marquée par la contradiction entre l'organisation semi-féodale de la production et la transformation capitaliste relativement rapide de son économie agraire. Cette structure a aussi été analysée entre autres par Lénine, qui avait été frappé par la ressemblance entre les structures sociales de la Russie et de la Hongrie. Il en résultait toute une série de contradictions comme l'opposition de l'ensemble du peuple travailleur hongrois à l'oppression autrichienne ; l'opposition des classes dominantes hongroises aux minorités nationales, ces dernières constituant plus de la moitié de la population; l'opposition des grands propriétaires fonciers féodaux au prolétariat rural de plusieurs millions d'âmes ; l'opposition de la jeune bourgeoisie hongroise à une classe ouvrière d'esprit combattif. La première guerre mondiale contribua à aggraver ces contradictions. Pour le peuple, la guerre n'apporta que de sanglantes pertes et la misère, et tout cela pour des intérêts étrangers. Les travailleurs comprirent de plus en plus que la victoire militaire n'aurait pour eux aucun sens, d'ailleurs elle était de moins en moins possible. La défaite, par contre, qui était probable, promettait à la fois l'indépendance aux minorités nationales, la terre aux paysans, et la liquidation de l'exploitation à la classe ouvrière. Les conditions du renversement révolutionnaire du régime capitaliste mûrissaient chaque jour en Hongrie, aussi les événements de la Grande Révolution d'Octobre exercèrent-ils une influence profonde sur les travailleurs hongrois. C'est pour cette même raison que des dizaines de milliers de prisonniers de guerre hongrois se sont associés à la révolution prolétarienne de la Russie et qu'en rentrant en Hongrie, ils y ont répandu son idéologie. Les ouvriers hongrois avaient constaté en Russie la réalisation des objectifs pour lesquels ils avaient lutté et les paysans y avaient compris que seule l'alliance avec la classe ouvrière peut leur assurer la prise de possession des terres. L'intelligentsia et la petite bourgeoisie citadine, d'abord enthousiastes pour une révolution démocratico-bourgeoise, étaient de plus en plus pour la révolution socialiste.

Le bouleversement qui a suivi la défaite, a emporté la Monarchie Austro—Hongroise. Les classes dominantes de la Hongrie devaient assurer en toute indépendance le maintien de leur régime. Mais elles étaient politiquement et économiquement mal préparées pour une telle tâche. Voilà pourquoi elles cherchèrent une fois de plus le secours et le soutien de l'étranger, et les Empires Centraux s'étant désagrégés, elles s'imaginèrent les trouver auprès des Puissances de l'Entente. C'est ce qui explique la hâte avec laquelle capitalistes et grands propriétaires fonciers offrirent leur aide et leur soutien au Conseil National et au gouvernement de Michel Károlyi. Ces derniers voulaient maintenir et consolider la société bourgeoise grâce à l'appui de l'Entente. dont ils espéraient l'aide militaire pour mater la révolution prolétarienne qui mûrissait. Or, si les Puissances de l'Entente se proposaient effectivement d'anéantir le bolchévisme, ce n'était pas avec le concours de la Hongrie,

mais avec celui des gouvernements de Tchécoslovaquie, de Roumanie et de Yougoslavie.

A la fin de la première guerre mondiale, les leaders sociaux-démocrates en Hongrie, comme dans le monde entier, considéraient comme leur tâche essentielle la conservation de la société bourgeoise menacé par la révolution prolétarienne, se préparant même à des répressions militaires, comme cela apparut à l'occasion des événements de Salgótarján en janvier 1919, de l'expulsion des communistes des Conseils Ouvriers et de la provocation du 20 février 1919. Pourtant, la social-démocratie hongroise de droite, à l'opposé de la social-démocratie allemande, n'engagea jamais des combats armés contre les communistes, d'abord parce qu'elle n'osait pas agir ouvertement devant la classe ouvrière hongroise, dont la majorité avait adopté les idées de la Révolution d'Octobre, ensuite parce qu'il existait dans les milieux dirigeantes du Parti social-démocrate, et jusqu'à la proclamation de la République Soviétique de Hongrie, une opposition de gauche, devenue plus tard communiste, et enfin parce qu'une répression ouverte supposait le secours de la bourgeoisie hongroise et étrangère, mais, pour le raison que nous venons d'exposer, la sociale-démocratie hongroise ne pouvait pas compter.

Pour terminer, L. Réti a analysé les raisons principales qui avaient fait, que la République Soviétique de Hongrie était la première à suivre l'exemple de la Révolution d'Octobre. Ce sont, d'après l'orateur, une certaine analogie entre les structures sociales de la Russie et celles de la Hongrie, ce qui avait créé chez les travailleurs hongrois une forte prédisposition à adopter les idées de la révolution prolétarienne ; la situation politique internationale ; en raison de laquelle les classes dominantes hongroises ne pouvaient espérer de secours que du côté de l'Entente, secours qui leur fut refusé ; la faiblesse rélative des sociaux-démocrates hongrois et l'activité du parti révolutionnaire, communiste de la classe ouvrière. Le Parti Communiste de Hongrie démasqua devant les masses les attaches du gouvernement social-démocrate bourgeois avec les exploiteurs et démontra que ce gouvernement était incapable de défendre les droits et les aspirations nationales du peuple hongrois. Il amena les travailleurs à reconnaitre que les leaders sociaux-démocrates de droite étaient les défenseurs du régime capitaliste et dénonca leur politique. Le mérite imprescriptible du Parti Communiste de Hongrie consistait à s'emparer du pouvoir en mars 1919, alors que les circonstances historiques offraient cette occasion au prolétariat. La Grande Révolution d'Octobre avait ouvert la voie à la transformation du monde à l'inauguration d'une ère nouvelle de l'humanité. L'une des étapes les plus importantes conduisant à cette nouvelle ère fut la création de la République Soviétique de Hongrie, dont l'existence démontra, une fois de plus, que l'époque des révolutions prolétariennes était arrivée et que, d'autre part, les pays capitalistes les plus évolués n'étaient pas nécessairement les premières à réaliser le passage du régime d'exploitation au régime socialiste.

Après la conférence de L. Réti un compte-rendu complémentaire a été fait par Gy. Millei, membre de l'Institut de l'histoire du Parti Communiste, sous le titre : «La lutte de la section hongroise du Parti Communiste (bolchévique) de Russie en 1918 pour la fondation du Parti Communiste de Hongrie». Dans l'introduction Millei a souligné que la classe ouvrière hongroise n'avait de parti combattant, révolutionnaire ni avant la première guerre mondiale, ni pendant celle-ci. Ceci, malgré l'activité de plus en plus intense

des masses et la crise politique des classes dominantes qui auraient exigé la création d'un tel parti. A la suite de la première guerre mondiale et de la Grande Révolution Socialiste d'Octobre les prisonniers de guerre hongrois en Russie pouvaient se familiariser avec le Parti Bolchévique ; l'exemple de ce dernier a permis la naissance du nouveau parti révolutionnaire de la classe ouvrière hongroise : le Parti Communiste. Un certain nombre de prisonniers de guerre hongrois avaient pris connaissance du programme du Parti Bolchévique et avaient commencé à le propager dès avant la révolution d'Octobre ; quelques-uns d'entre eux (Béla Kun, Ferenc Münnich etc.) adhérèrent au Parti Bolchévique.

Après le soulèvement d'octobre dans tous les centres importants de prisonniers de guerre des organisations socialistes et révolutionnaires des ouvriers et des paysans hongrois se constituèrent. Les membres les plus révolutionnaires de ces organisations fondèrent, le 24 mars 1918 la Section Hongroise du Parti Communiste (bolchévique) de Russie, ce fut la première organisation communiste hongroise. La section accepta la Plateforme théorique et pratique du Parti Bolchévique et se fixait comme but de propager des idées communistes et de lutter contre le réformisme. L'activité de la section a créé les conditions préalables de la constitution du Parti Communiste de Hongrie. En quelques mois, dans beaucoup de grandes villes se formèrent, les unes après les autres, les cellules de la Section Hongroise du Parti Communiste de Russie. La cellule hongroise engendra la vie du parti, elle organisa des réunions, et des écoles pour la propagation des idées du Parti Bolchévique et de Lénine, édita brochures et journaux. Dès avril 1918 l'organe central de la Section Hongroise du Parti Communiste de Russie, «Szociális forradalom» («La Révolution Sociale»), parut deux fois par semaine, son tirage atteignait quinze à vingt mille exemplaires. La section édita en hongrois Le Manifeste Communiste, plusieurs ouvrages de Lénine et une brochure de Béla Kun intitulée : «Que veulent les communistes?» Cette brochure résumait pour la première fois en hongrois les thèses de Lénine. La Section Hongroise du Parti Bolchévique déployait une activité multiple ; ses adhérents s'efforçaient d'acquérir l'idéologie et l'expérience du Parti Bolchévique et jetaient les bases de l'application de cette idéologie et de cette expérience en Hongrie. Ils mirent en relief les phénomènes démontrant que le régime capitaliste était arrivé, en Hongrie également, au stade de l'impérialisme et comprirent que, dans ces circonstances la réalisation de la révolution prolétarienne et de la dictature du prolétariat étaient à l'ordre du jour. Ils proclamaient que seule la classe ouvrière pouvait diriger cette révolution ; ils réconnaissaient aussi la nécessité d'une alliance durable avec la paysannerie, la nécessité de l'expropriation sans indemnisation des grandes propriétés (mais ils prirent position contre le partage des terres). Ils poursuivaient une lutte acharnée pour démasquer la politique des leaders sociaux-démocrates de droite, en démontrant que la Parti social-démocrate de Hongrie ne représentait pas les intérêts des masses exploitées : et que ces masses avaient besoin d'un nouveau parti qui fut révolutionnaire et communiste. La Section Hongroise du Parti Bolchévique établit aussi, quelles étaient les forces sur lesquelles on pouvait compter en Hongrie, en vue de la constitution du Parti Communiste de Hongrie.

Réunie le 4 novembre 1918, à Moscou, la conférence des communistes hongrois prit la décision de former le Parti des Communistes de Hongrie. Au cours de cette même mois de novembre, la Section Hongroise envoya en

Hongrie deux cents communistes, agitateurs et simples militants ; en mars 1919 ce nombre atteignait trois cents. Les chefs du groupe communiste hongrois repatriée de Russie Soviétique (Béla Kun, Tibor Szamuely, Ferenc Jancsik, Sándor Kellner etc.), étaient les fondateurs et les combattants éminents du Parti des Communistes de Hongrie, constitué le 20 novembre 1918, par le groupe des socialistes révolutionnaires et les sociaux-démocrates de gauche.

Prenant ensuite la parole, I. Tóth, un des vétérans hongrois de la Révolution d'Octobre évoqua ses souvenirs, sur un ton vibrant de sincérité et d'enthousiasme. En 1917, M. Tóth se trouvait dans un camp de prisonniers en Russie, avec des camarades de différente nationalité. Le camp était souvent fréquenté par des agitateurs appartenant à des partis et des groupements différents, mais les plus écoutés étaient les communistes qui se prononcaient sans équivoque en faveur du partage des terres. En octobre 1917, les bolchéviques visitèrent à nouveau le camp, la plupart des prisonniers hongrois se joignit alors à eux et les suivit à Moscou. Ils participèrent au siège du Kremlin et aux combats de rue, nettoyant certains quartiers maison par maison. Blessé au cours de ces combats, M. Tóth une fois remis, reprit la lutte et participa aussi aux guerres d'intervention.

Cette évocation très chaleureusement acueillie fut suivie par un compte-rendu complémentaire de J. Györkei et d'A. Józsa, membres de l'Institut d'histoire militaire, portant le titre : «Internationalistes hongrois dans la Grande Révolution d'Octobre et dans la guerre civile de Russie». Pendant la première guerre mondiale — souligne l'exposé — les Russes avaient fait plus de deux millions de prisonniers, dont à peu près un demi million de Hongrois. Les antagonismes de classe se répercutaient jusque dans les camps de prisonniers. Les prisonniers de guerre hongrois considéraient comme leurs alliés naturels les ouvriers et les paysans russes qui travaillaient avec eux. De plus en plus nombreux étaient ceux qui voyaient dans le renversement du régime capitaliste et féodal la seule issue à la guerre et à la situation catastrophique qu'elle engendra. Au printemps de 1916 commenca le rassemblement des prisonniers de guerre hongrois sur la base des principes marxistes. Le compte-rendu a exposé par la suite l'activité militaire des prisonniers de guerre hongrois pour la victoire de la révolution prolétarienne et dans les combats pour l'écrasement des contre-révolutionnaires à l'étranger et à l'intérieur du pays. Les prisonniers de guerre hongrois prirent part aux soulèvements les plus importants, comme à celui de Pétrograd, en octobre 1919, à celui de Moscou en novembre de cette même année, aux manifestations et aux combats à Penza, à Astrakhan, à Saratov, à Orenburg, à Tomsk, à Irkoutsk, à Tachkent.

Au printemps de 1918 commença l'intervention militaire des Puissances de l'Entente. Les unités internationales de l'Armée rouge, constituées en vertu d'une résolution du Congrès, tenu en avril 1918 des prisonniers de guerre et des émigrés politiques en Russie on joué un rôle primordial dans les luttes contre les armées d'intervention. De nombreux Hongrois se trouvaient dans le commandement des premiers unités internationals. (Jenő Vienermann, Gerendás, Gyula Varga, Lajos Gavró, Gyula Nikli, Sándor Kellner, Ferenc Münnich etc.) A Omsk s'était constituée une unité hongroise de la Garde Rouge, commandée par Károly Ligeti. Les Hongrois, avec Béla Kun à leur tête, prirent part à l'écrasement de l'émeute contre-révolutionnaire de Moscou, en 1918.

La proclamation de la République Soviétique de Hongrie incita les anciens prisonniers de guerre hongrois à de nouveaux combats. Avec l'Armée rouge internationale ils accoururent à Kiev, pour gagner la Hongrie révolutionnaire. Mais l'émeute de l'Ataman Grigorieff et l'activité des bandes de Piètlioura firent échouer ce projet.

En 1919, plusieurs milliers de soldats rouges hongrois prirent part aux opérations militaires d'Orlov et de Kromks et sur les fronts de Fergana et de Séméritscheff. Pour repousser l'attaque des «pans» (seigneurs) polonais, la Section Hongroise du Parti Communiste (bolchévique) de Russie envoya 20% de ses adhérents sur les divers fronts. Les Hongrois prirent part aussi à la défaite infligée aux troupes de Wrangel : la bataillon internationale de Máté Zalka combattit sur les forteresses de Pérékop ; Béla Kun était membre du Conseil Militaire du Front du Sud.

Pour terminer, les auteurs du compte-rendu ont attiré l'attention de leurs auditeurs sur de nombreux problèmes relatifs à l'histoire des internationalistes hongrois.

L'orateur suivant, M. Vinke, ancien membre de la Section Hongroise du Parti Communiste (bolchévique) de Russie relata ses expériences de la Grande Révolution d'Octobre. Typographe, il fut fait prisonnier, à l'âge de vingt-six. En captivité, il apprit à connaitre et à aimer les ouvriers et les paysans russes. Le printemps de 1918 le trouva dans un camp de prisonniers près de Moscou, ou il apprit qu'on cherchait un typographe. Il se présenta ; gagna Moscou et arriva dans la Section Hongrois du Parti Communiste de Russie, au moment ou celle-ci lança son organe «Szocialista forradalom» (La révolution sociale) Il travaillait à l'imprimerie de cet organe, logé, nourri et payé par ses camarades hongrois. Il rencontrait souvent Béla Kun et Tibor Szamuely. M. Vince évoqua en termes particulièrement chaleureux la mémoire de Lénine, qu'il a souvent vu de près. Lénine avait confiance dans les Hongrois — dit-il — c'est ainsi que le 1er mai 1918 ce furent les combattants hongrois de la Garde Rouge qui assurèrent sa défense personnelle. Les anciens prisonniers hongrois de l'armée russe se trouvant alors à Moscou, ont aussi pris part aux combats révolutionnaires. Lors de l'émeute contre-révolutionnaire de juillet 1918, la Poste Centrale de Moscou fut reprise par un détachement de 160—180 soldats, auxquels Lénine exprima ses remerciements personnels. A la nouvelle de la révolution d'octobre 1918 de Hongrie M. Vinke rentra dans son pays. Il y arriva en décembre 1918 pour travailler dans le Parti Communiste à Cegléd. Après la proclamation de la République Soviétique de Hongrie, il devint membre du Tribunal révolutionnaire de Cegléd. Arrêté après la chute de la République Soviétique de Hongrie, il passa trois ans dans la prison de Kecskemét.

Dans son compte-rendu complémentaire, intitulé : «Les échos des mouvements révolutionnaires de Russie dans les lettres écrites par les travailleurs hongrois aux prisonniers de guerre», Mme S. Gábor, collaboratrice de l'Institut de l'Histoire du Parti, relata la fondation, les attributions et l'activité de la Commission impériale et royale chargée de la censure de la correspondance des prisonniers de guerre, ainsi que les documents qu'elle nous a laissés. La Commission résumait tous les mois les lettres envoyés de Hongrie aux prisonniers de guerre en Russie, et sur la base des lettres faisait des rapports sur la situation et sur les sentiments politiques des différents milieux de la population. Les rapports, qui citent de nombreux extraits de

lettres sont devenus des documents historiques de première importance. Analysant les rapports de la Commission impérialie et royale de censure, Mme Gábor a montré la profonde influence que la Révolution d'Octobre exerça sur les travailleurs hongrois. Les rapports de juin et de juillet 1917 rendent compte d'une effervescence générale de la population : quant aux extraits de lettres joints aux rapports, ils expriment l'espoir de voir la révolution russe apporter la paix. Après la victoire de la Révolution d'Octobre cet espoir se précise, dans les lettres on retrouve de plus en plus la pensée suivante : «La Russie, c'est la paix!» Il apparait dans ces lettres, qu'il existe en Hongrie une sympathie générale envers les prisonniers de guerre russes, que l'on se refuse à considérer comme des ennemis. Les pourparlers d'armistice de Brest-Litovsk étaient suivis avec une grande attention par les auteurs des lettres. Beaucoup d'entre eux estiment — à juste titre — que les ambitions impérialistes des Puissances de l'Europe centrale constituent l'obstacle majeur de la conclusion de la paix. En janvier 1918, la nouvelle de la suspension des pourparlers d'armistice provoque, en Hongrie, une grève politique générale. «Ici il y a grève générale et vraisemblablement la révolution ne tardera pas à éclater« lisons-nous dans les lettres. Le traité de paix séparée du 3 mars 1918 permit le retour des prisonniers hongrois de Russie, mais des lettres envoyés de Hongrie préviennent ceux-ci des dangers qui les attendent : «Beaucoup de monde est rentré de Russie ; après une permission de quatre semaines, ils partent de nouveau au front, donc en Russie!» — écrit-on. Or, la plupart des repatriés de Russie propageaient des idées et organisaient des mouvements révolutionnaires. A propos de la deuxième grève générale politique de juin 1918 on lit dans le rapport de la Commission de censure : «Si la grève a pu avoir lieu, c'est aussi l'oeuvre de la révolution russe de l'année dernière, qui a suscité de secretes aspirations chez les ouvriers.» Dans le rapport de septembre 1918 on lit : «Si nous considérons le bolchévisme importé de Russie par les prisonniers de guerre, nous avons toutes les raisons de craindre que la fin de la guerre ne soit suivie par de graves excés.» Et en octobre 1918 c'est le prolétariat hongrois lui-même qui mit fin à l'effusion du sang hongrois pour les interêts étrangers, faisant triompher par la suite la République Soviétique de Hongrie.

Le dernier compte-rendu de la séance solennelle a été lu par Z. Baksay, membre de l'Institut d'histoire près l'Académie Hongroise, sous le titre : «La Grande Révolution Socialiste d'Octobre et les ouvriers des usines de Csepel.» Dans l'introduction de son compte-rendu le rapporteur a constaté que le développement des usines Manfréd Weiss de Csepel, spécialisées dans la fabrication du matériel de guerre, avait pris une ampleur considérable pendant la première guerre mondiale. En même temps, les salaires et les conditions de travail des ouvriers des usines s'aggravaient de plus en plus. A partir de 1916, les ouvriers de Csepel répondirent à l'aggravation de l'exploitation par des grèves de plus en plus fréquentes, d'abord pour obtenir l'amélioration de leurs conditions de travail et de vie, puis, devant l'échec de ce mouvement, ils décidèrent de s'engager sur des voies nouvelles. Ils entrèrent en relation avec le Comité interprofessionnel, organisé au sein de l'Union nationale des employés de l'industrie et des transports. Le comité soulignait la nécessité d'une activité ardente contre la guerre. A partir de ce moment-là, la lutte pour la paix s'intensifia dans les usines de Csepel, elle se manifestait constamment par une agitation continuelle contre la guerre, par la distribution de

feuilles volantes et de tracts, et par des sabotages et des grèves. La plupart des grèves eut lieu dans les usines de petites munitions et dans les cartoucheries, mais comme elles ne gagnaient pas l'ensemble des usines, la direction peut en venir à bout en faisant appel à la troupe. Les grévistes les plus intransigeants furent mobilisés.

Poursuivant son exposé, Z. Baksay analysa l'influence des révolutions de Russie sur les ouvriers de Csepel. Après la révolution de février 1917 ceux-ci constatèrent qu'ils n'étaient pas seuls dans leur lutte pour la paix ; après la Révolution d'Octobre ils reconnurent de plus en plus qu'il ne suffisait pas de mettre fin à la guerre, c'est le régime capitaliste lui-même qu'on devait renverser. Dès lors éclatèrent des grèves de plusieurs jours qui gagnaient toutes les usines de Csepel : on exigeait ouvertement qu'on mit fin à la guerre et qu'une paix séparée fut conclue avec la Russie. Ce fut à Csepel que sur l'initiative du Comité interprofessionnel des Usines s'organisa le premier Conseil ouvrier en Hongrie. Le 18 janvier 1918 les ouvriers de Budapest déclenchèrent une grève générale. Bien que la direction du parti social-démocrate, d'accord avec le gouvernement se prononçât le 21 janvier, pour la reprise du travail, les ouvriers de Csepel ne cédèrent pas, et seule, l'intervention de la troupe mit fin à la grève. Cependant l'agitation ouvrière continua. Dès la fin de février les grèves recommencèrent. En juin 1918 une grève générale de huit jours démontra la ferme décision des ouvriers de renverser le régime capitaliste. Comme l'a montré la suite des événements, leur lutte fut couronnée de succès.

La séance solennelle de l'Académie fut cloturée par une courte allocution de I. Kubitsch, chef de section de l'Institut de l'histoire du Parti Communiste près le Comité Central du Parti Ouvrier Socialiste Hongrois.

Plusieurs autres rapports figuraient encore à l'ordre du jour de cette séance solennelle, comme celui de F. Mucsi sur l'influence de la révolution russe de février 1918 en Hongrie, celui de V. Sándor sur la dislocation de la Monarchie Austro—Hongroise et la Grande Révolution Socialiste d'Octobre, celui de Mme Zs. Nagy sur les mouvements révolutionnaires dirigés contre la guerre en Transdanubie, mais ils n'ont pu être lus faute de temps. Ils seront publiés dans le procès-verbal imprimé de la conférence solennelle.

*

Le 5 et 6 novembre 1957, l'Académie des Sciences de Hongrie a organisé une séance solennelle à l'occasion du quarantième anniversaire de la Grande Révolution Socialiste d'Octobre. Y ont assisté notamment Gy. Kállai, ministre de la culture, P. T. Komaroff, chef de la délégation du gouvernement soviétique séjournant à Budapest, M. N. Djavornokoff, membre correspondant de l'Académie des Sciences de l'Union soviétique et L. Ligeti, vice-président de l'Académie des Sciences de Hongrie, qui présidait la séance.

Devant la salle archi-comble de l'Académie des sciences de Hongrie M. N. Djavornokoff a salué l'assistance. Ensuite M. E. Molnár est monté à la tribune pour prononcer son discours intitulé «La Grande Révolution d'Octobre», et dont nous avons publié le texte dans les numéros 1 et 2 des Acta Historica.

Faisant suite à la séance solennelle de l'Académie Hongroise, la Section des Sciences sociales et historiques de l'Académie Hongroise a donné une série de conférences, dont la première a été tenu par Gy. Göncöl, chef

de section de l'Institut d'économie politique, sous le titre de «Économie et politique dans la théorie de Lénine sur l'impérialisme».

Cette conférence a été suivie par l'exposé de V. Sándor, chef de section de l'Institut d'histoire près l'Académie des Sciences de Hongrie, sous le titre : «La dislocation de la Monarchie Austro—Hongroise et la Grande Révolution d'Octobre.»

Dans l'introduction le rapporteur a souligné que dans l'année même où éclata la première révolution russe, dans les pays multinationaux d'Europe orientale et dans les Balkans une nouvelle ère révolutionnaire s'ouvrit. C'était ainsi que la plupart des nationalités de la Monarchie Austro-Hongroise engagèrent la lutte pour la liquidation de l'absolutisme. Les nationalités opprimées luttaient surtout pour se libérer de la domination austro—hongroise et pour s'unir à leurs frères de langue.

La force motrice des mouvements nationaux était consitutée par l'évolution capitaliste des nationalités. Dès lors l'existence de la Monarchie Austro—Hongroise, État multinational, dépendait de l'essor des mouvements démocratiques et bourgeois pour l'indépendence des nationalités et des peuples voisins. L'un des liens les plus forts entre les États de la Monarchie Austro—Hongroise était le dualisme entre l'Autriche et la Hongrie. Or, après la révolution russe de 1905, le régime dualiste des classes dirigeantes austro—hongroises s'affaiblit de plus en plus sous les coups de boutoir des mouvements nationaux sans cesse s'intensifiant. Les deux classes dirigeantes — autrichienne et hongroise — prévoyaient des solutions opposées à la crise de l'Empire. L'affaiblissement de la domination autrichienne en Autriche flattait l'amour-propre national des classes dirigeantes hongroises, qui se considéraient de plus en plus comme les véritables dépositaires du pouvoir sur les peuples de l'Empire des Habsbourgs, aussi elles voulaient conserver le dualisme en s'efforcant d'y obtenir un rôle dirigeant. Les classes dirigeantes autrichiennes voyaient au contraire la cause de la crise de la Monarchie dans le dualisme et se proposaient de le remplacer par une forme renouvelée du centralisme autrichien.

La dislocation de la Monarchie Austro—Hongroise se trouva ainsi préparée d'une part «d'en bas», par le mécontentement pré-révolutionnaire des minorités nationales dû à la non-satisfaction de leurs aspirations bourgeoises et démocratiques, d'autre part «d'en haut», par la crise des classes dirigeantes autrichiennes et hongroises.

Parallèlement aux problèmes interieurs de la Monarchie Austro—Hongroise et en étroite indépendance avec ceux-ci, les tendances de la politique internationale lâtèrent, dès 1905 la disagrégation de la Monarchie. Au début de l'époque de l'imperialisme l'évolution capitaliste de la Monarchie avait été bien plus lente que celle des pays occidentaux, son capital financier était sous la dépendence du capital financier des pays impérialistes, surtout de celui de l'Allemagne, elle était donc dans l'impossibilité d'assurer des sphères d'interêts et des colonies à son capital. Pendant les deux guerres balkaniques, la Monarchie Austro—Hongroise avait beaucoup perdu de son prestige de grande puissance ; et se trouva, à la veille de la première guerre mondiale asservie à l'impérialisme allemand. Pour empêcher sa dislocation, la Monarchie avait conclu une alliance militaire avec l'Allemagne. Aussi les Puissances de l'Entente voyaient-elles dans le soutien moral et matériel des mouvements nationaux de la Monarchie Austro—Hongroise et des pays balkaniques un moyen d'affaiblir l'Allemagne. Certains milieux de l'Entente attribuaient

même une importance démesurée à ces mouvements (surtout à ceux des Slavons et des Tchécoslovaques) au point qu'ils croyaient au début de la première guerre mondiale en la désagrégation immédiate de la Monarchie.

Le rapporteur analyse par la suite l'influence de la première guerre mondiale et de la Révolution d'Octobre sur les mouvements nationaux. Après le commencement de la guerre, à la fin de 1914, que se manifesta, en Hongrie, le premier signe de résistance des nationalités, la majeure partie des minorités nationales et leurs établissements de crédit, ayant refusé de souscrire l'emprunt de guerre. Dès 1915 et 1916, les soldats des détachements tchèques, roumains et ukrainiens passèrent de plus en plus nombreux dans le camp des russes. Dans les territoires situés à proximité des fronts la population allogène aidait les opérations militaires des adversaires de la Monarchie. En représailles, le commandement suprême de l'armée austro—hongroise et le gouvernement hongrois firent évacuer la zone frontalière croato-slovène dans un rayon de quarante kilomètres et de nombreux procès de haute trahison furent intentés.

Après la Grande Révolution Socialiste d'Octobre les mouvements nationaux deviennent de plus en plus intensifs. L'Appel à la paix lancé par la Russie Soviétique qui désignait le principe des nationalités comme étant l'un des principes les plus importants de la solution des questions politiques d'après-guerre, eût une influence décisive sur le développement des mouvements nationaux qui menaçaient l'existence même de la Monarchie Austro-Hongroise. Cette prise de position ammena la France et l'Angleterre à accepter à leur tour le principe des nationalités.

Le fait que le principe des nationalités ait été accepté comme un des principes essentiels de la vie internationale d'après-guerre, et du règlement des questions en suspens, a intensifié les mouvements nationaux opposés au maintien de la Monarchie Austro—Hongroise. Dès ce moment-là ces mouvements s'associèrent de plus en plus étroitement avec le mouvement ouvrier et dans certains cas, ont abouti à la résistance armée.

Sous l'influence de la Grande Révolution Socialiste d'Octobre, les masses prolétariennes, les paysans et les soldats des deux nations dirigeantes de la Monarchie Austro—Hongroise exigèrent la fin de la guerre. Le mouvement pour la paix, le pain et la terre s'est élevé au niveau d'une révolution démocratique et bourgeoise, qui cherchait à anéantir le régime politique en vigueur. Les émeutes militaires dans l'arrière du front se multipliaient, le nombre des déserteurs croissait sans cesse.

Les derniers soutiens de la Monarchie Austro—Hongroise, à savoir le système du dualisme, l'armée austro—hongroise et l'armée allemande s'écroulèrent à leur tour. La Grande Révolution Socialiste d'Octobre mûrit la conscience des masses travailleuses de la Monarchie Austro—Hongroise et le dernier obstacle s'opposant à l'anéantissement de la Monarchie était écarté.

La révolution démocratique et bourgeoise de Hongrie balaya non seulement le règne des Habsbourgs, mais aussi la classe des grands propriétaires fonciers et des grands capitalistes. Elle fit accéder au pouvoir une coalition composée du parti de la petite bourgeoisie et de celui de la classe ouvrière, à direction droitière. Le nouveau gouvernement se retira aussitôt de la guerre.

Cette série de conférences à été clôturée par un rapport d'I. Kovács, directeur adjoint de l'Institut des sciences politiques et juridiques près l'Académie Hongroise, sous le titre : «La première Consitution soviétique.»

Une conférence intitulée «Analogies et différences dans le développement agraire de type prussien en Hongrie et en Russie dans la seconde moitié du XIXe siècle» fut tenue par P. Zsigmond Pach, professeur à la Faculté des Lettres de Budapest, à l'occasion de la séance solennelle de la Faculté d'Économie Politique «Karl Marx».

Dans son introduction le conférencier a évoqué les divers types de développement capitaliste de l'économie agricole. Le type «classique» de l'économie agraire se trouvait réalisé en Angleterre où l'accumulation primitive des capitaux subordonnait entièrement les rapports agricoles aux intérêts du mode des productions capitalistes et ou les salariés agricoles se trouvaient en face du capitalisme agraire du propriétaire foncier (landlord). Lénine, de son coté, distingue deux types de développement capitaliste dans l'agriculture, la voie «prussienne» et la voie «américaine». Ces types, dont il a donné une analyse fouillée, ne ressemblent pas au type classique «anglais». Dans le cas de la voie prussienne, de l'économie foncière féodale on passe graduellement à une économie agricole de type bourgeois (économie des «junker»), tandis que dans le cas de la voie américaine le paysan lui-même devient le principal représentant de l'économie agricole, en devenant «fermier capitaliste». En dehors de la Prusse, la voie prussienne était la tendance générale du développement capitaliste de l'économie agricole dans les pays de l'Europe orientale, donc en Russie et en Hongrie. Voilà pourquoi, dans la seconde moitié du XIXe siècle le développement agricole de la Russie et celui de la Hongrie suivent une voie sensiblement analogue, malgré quelques différences.

L'orateur a poursuivi en retraçant l'évolution de l'économie agricole en Russie. Le réforme agraire de 1861 avait assuré les conditions d'un développement de type prussien : la répartition des domaines avait gardé son caractère féodal, mais les propriétaires foncières s'engageaient petit à petit, dans la voie du capitalisme. L'agriculture paysanne qui, elle aussi, suivait cette voie, s'était entravée dans son développement par les survivances du système féodal de propriété, et du servage. Ces entraves étaient moins fortes toutefois dans les régions frontalières de la Russie où dominait le développement de type américain, l'agriculture était pratiquée, dès le débout, par des paysans libres. Cependant, l'issue de la lutte entre les tendances prussienne et américaine demeura incertaine jusqu'au débout du XXe siècle, surtout, parce que dans les régions qui constituaient le centre agricole de la Russie même le développement capitaliste des propriétés seigneuriales avançait très lentement : l'exploitation sur les terres seigneuriales, et surtout sur les latifundia revêtait des formes antérieures au capitalisme, plutôt que de suivre le système capitaliste. Cela s'expliquait d'une part par le fait que les propriétaires fonciers avaient la possibilité de maintenir le système économique ancien et extorquer aux paysans des prestations qui rappelaient la corvée et les autres servitudes féodales ; d'autre part par le maintien de l'absolutisme tsariste qui défendait le système agricole féodal et avec lui les procédés féodaux de l'exploitation. En effet, le point de départ du développement suivant la voie prussienne n'était pas, en Russie, une révolution, mais une réforme accomplie par des seigneurs féodaux pratiquant une économie agricole basée sur la corvée et désireux de la maintenir.

En raison de la lenteur du développement capitaliste des exploitations paysannes, la désagrégation de la paysannerie, malgré certains progrès n'en était encore à la fin du XIXe siècle, qu'à ses débuts. La paysannerie entière

voyait son adversaire principal dans le système seigneurial et dans les rapports de propriété foncière héritées du Moyen Âge et dans l'essentiel, elle prit unanimement position dans les combats dirigés contre ce système. C'est pourquoi, comme l'a dit Lénine, la Russie connut au début du XXe siècle des mouvements de paysans profondément révolutionnaires, c'est ce qui explique aussi les tendances nationalistes de la paysannerie. C'est pourquoi la question agraire s'est posée comme un problème central de la révolution démocratique et bourgeoise en Russie.

L'orateur aborda ensuite le problème du développement capitaliste de l'économie agricole en Hongrie. A la différence de la Russie la liquidation du système agricole fondé sur le servage, fut dans notre patrie le résultat de la révolution démocratique et bourgeoise de 1848. Mais la classe dirigeante de la révolution ayant été la noblesse agraire moyenne, de tendances libérales, l'affrachissement des serfs était le fait des seigneurs serviens et non pas d'un intracement démocratique des paysans : les conditions préalables d'un développement agraire de type prussien s'en trouvaient assurées, encore que la variante hongroise était plus mitigée que la variante russe. En ce qui concerne la répartition des terres et les conditions de travail de l'exploitation seigneuriale, la situation de l'agriculture en Hongrie, à l'époque de l'absolutisme autrichien ressemblait beaucoup à celle de la Russie d'après le réforme agraire. Bien que la capitalisation des grandes propriétés en Hongrie fut plus développée qu'en Russie, dans la plupart d'entre elles les méthodes d'exploitation antérieures au capitalisme y étaient également prédominantes. Le remboursement des dettes, de vivres, de grains et de semence ou d'argent, sous forme de prestations de travail, les prestations pour payer la terre que l'on cultive, formes qui correspondent aux indemnités féodales des produits agricoles, y étaient courants.

Le compromis de 1867 assura dans l'agriculture la prédominance du type prussien. Le maintien de la répartition des terres d'origine féodale signifiait la survivance de nombreux vestiges des indemnités de type féodal. A la fin du siècle, en même temps que le système seigneurial, beaucoup de restes de l'oppression et de l'exploitation féodales étaient encore conservés, ainsi la tâche primordiale de l'évolution historique était, en Hongrie également, l'accomplissement de la révolution démocratique bourgeoise. C'est là une concordance fondamentale avec la Russie des Tsars. Or, le régime des bourgeois et des grands seigneurs fonciers créé par le dualisme austro—hongrois non seulement maintenait les vestiges de la féodalité, mais encore il contribua, en le hâtant, au développement de type prussien des grandes propriétés foncières. L'extension des chemins de fers et la constitution capitaliste de l'organisation de crédit impulsèrent un nouvel essor à la capitalisation de l'économie agricole hongroise, surtout dans les grandes propriétés foncières. Le système fondé sur les prestations de travail, sur un outillage paysan suranné et sur les indemnités précapitalistes était de plus en plus remplacé par le salariat, par des machines et par le profit et la rente foncière capitalistes. Au début du XXe siècle, l'exploitation des grandes propriétés foncières en Hongrie, à l'opposé de celles de Russie, était basée sur le système de type capitaliste.

Le développement de l'économie paysanne était retardé par les vestiges du système féodal, mais les signes de la désagrégation de la paysannerie se manifestèrent, dès le lendemain de l'abolition du servage et après 1867, à partir du moment où les grands propriétaires fonciers adoptèrent de plus en

plus le salariat, ce procédé de désagrégation s'accéléra. Il atteignait son point culminant dans certaines régions de la Grande Plaine Hongroise, où s'était constituée d'ailleurs une forme particulière de l'évolution du type américain : en effet, la majeure partie des paysans des bourgs de la Grande Plaine Hongroise s'était affranchie en rachetant aux seigneurs les droits seigneuriaux, ceci dès avant la libération légale des serfs, leurs terres étaient ainsi moins entourées de domaines seigneuriaux que celles des paysans d'autres régions ; ce qui permettait à la paysannerie d'étendre ses terres jusqu'à la limite de ses «pusztas». Ces régions de la Grande Plaine Hongroise constituaient, à partir de 1890 des centres de rayonnement des mouvements paysans, qui, à la différence de ceux de la Russie, n'engloutaient pas toute la paysannerie, mais seulement le prolétariat rural et la paysannerie pauvre. Les points entrainants de ces mouvements étaient marqués par des grèves de moissonneurs et des valets de ferme, ce qui indiquait que le procédé de désagrégation de la paysannerie en était à un stade plus avancé en Hongrie qu'en Russie.

Pour terminer, le rapporteur dégagea brièvement les traits divergents du développement de l'économie agricole en Hongrie et en Russie, traits divergents qui rendirent objectivement plus difficile la tâche de la classe ouvrière hongroise que celle des ouvriers de Russie, à savoir l'accomplissement de la révolution démocratique bourgeoise et le passage à la révolution prolétarienne. La différence fondamentale entre la politique révolutionnaire conséquente de Lénine et des bolchéviques russes d'une part et la direction opportuniste et révisioniste du Parti social-démocrate hongrois de l'autre explique pourquoi cette tâche historique n'avait pas été réalisé pendant si longtemps en Hongrie.

Un compte-rendu complémentaire a été lu ensuite par P. Sándor «docens» à la Faculté de Lettres de Budapest, sous le titre : «Les problèmes posés par le développement agricole de type capitaliste en Russie et en Hongrie.» Après avoir salué l'esprit d'initiative du rapport de P. Zsigmond Pach, qui en analysant les traits concordants et divergents du développement agricole de type capitaliste en Russie et en Hongrie, avait étudié une série de problèmes importants de l'histoire agricole, P. Sándor a souligné que les sources de l'histoire agricole des temps modernes ne sont pas suffisamment étudiées et que nos connaissances rélatives à l'histoire agricole hongroise de la seconde moitié du XIXe siècle sont assez modestes, c'est purquoi nous sommes encore dans l'impossibilité de donner à ce sujet des conclusions générales absolument valables. Puis il engagea une polémique avec P. Zsigmond Pach sur trois sujets, soulignant que le rapport de P. Zsigmond Pach en affirmant la prédominance des prestations de travail sur la pratique du salariat, attribue une trop grande importance aux vestiges du régime féodal en Russie au début du XXe siecle. Une statistique de Lénine, utilisée d'ailleurs aussi par P. Zsigmond Pach dans son rapport, pour l'ensemble de la Russie d'Europe a démontré la prédominance du salariat. Il est vrai que les restes de la féodalité pesaient lourdement sur les paysans, et que les prestations de travail étaient encore largement répandues, mais le système fondamental était dejà le salariat capitaliste.

P. Zsigmond Pach affirme que la lutte entre les tendances de type prussien et américain se décida avec le compromis austro—hongrois de 1867 ; P. Sándor de son côté estime que l'issue de la lutte était décidée dès 1848. En effet, il n'existait, en Hongrie, ni en 1848, ni entre 1849 et 1867 une classe

sociale capable de liquider le système des grandes propriétés foncières et ses vestiges féodaux, ainsi seules les conditions objectives du développement de type prussien y étaient réunies, ceci bien que pendant l'époque de l'absolutisme autrichien les anciens seigneurs féodaux et les anciens serfs aient continué à se combattre pour la possession des terres. S'il est vrai qu'en raison du développement économique et social précapitaliste de la Hongrie la liquidation de la féodalité en 1848 n'avait pu être opérée qu «d'en haut», il restait à savoir jusqu'à quel point la liquidation de la féodalité serait conséquente, étant entendu que le système des grandes propriétés allait être conservé. Cette lutte ne se décida définitivement qu'avec le compromis de 1867.

D'ailleurs, faute de statistiques dignes de foi et établies à l'échelle nationale, il est difficile d'affirmer avec certitude la prédominence absolue du système du paiement par travail dans les grandes propriétés foncières à l'époque de l'absolutisme Autrichien. M. Sándor estime pour sa part que le salariat capitaliste était prépondérant dans la plupart des domaines seigneuriaux de cet époque.

Pour terminer M. Sándor a constaté que P. Zsigmond Pach s'était abstenu d'analyser les deux types des grands propriétaires fonciers hongrois, à savoir : ceux qui administraient eux-mêmes leurs terres et ceux qui louaient à bail une partie considérable ou même majeure partie de leurs propriétés. Mais le type du rentier foncier proprement dit était assez rare, car même dans le cas extrême où la majeure partie de la propriété était donnée à bail, (comme dans le cas des Esterházy) le propriétaire administrait lui-même une certaine partie de ses terres, réalisant aussi un profit capitaliste. C'est pourquoi le système à bail tel qu'il se pratiquait en Hongrie, différait singulièrement de celui qui était en vigueur en Angleterre : le propriétaire hongrois qui louait ses terres à bail était loin de correspondre au «landlord» anglais, qui ne vivait que de ses rentes.

Dans son compte-rendu complémentaire, M. Szuhai, assistant de la chaire d'histoire de l'économie a tracé un parallèle entre les rapports de propriété paysanne hongrois et russes. Analysant les statistiques le rapporteur a démontré que l'étendue moyenne des propriétés paysannes russes était supérieure à celle des propriétés hongroises. En Russie, en raison du développement insuffisant de l'exploitation paysanne, les limites des catégories «paysans pauvres» et «paysans moyens» avaient du être fixées, (comme le fit plus tard Lénine) plus haut qu'en Hongrie. Cette différence s'explique d'une part par la différence des données géographiques, et d'autre part par le fait qu'à l'époque de l'abolition du servage les rapports capitalistes de l'économie en Russie étaient moins développés qu'en Hongrie. La différence entre le degré de développement capitaliste existant dans l'agriculture des deux pays était encore évidente même au début du XXe siècle. Des mesures de politique agricoles du même genre des lois stolipiniennes de 1906 avaient été prises bien plus tôt en Hongrie et les dispositions prises par les gouvernements hongrois en vue de fixer les paysans, ne servirent pas uniquement la création ou le renfoncement des propriétés «koulaks», — comme c'était le cas des dispositions analogues de la réforme agraire de Stolipine ; — mais visaient aussi — entre autres — à assurer des ouvriers agricoles aux grandes propriétés de type prussien, plus évoluées.

P. Hanák, candidat des sciences historiques, membre de l'Institut d'histoire près l'Académie des Sciences de Hongrie a critiqué, à son tour,

certaines observations de P. Sándor relatives au système de bail de type capitaliste en Hongrie. P. Sándor avait, en effet, reproché au rapport de P. Zsigmond Pach, d'avoir omis d'analyser ce problème. P. Hanák a rappelé que ce problème avait déja été posé dans une précédente conférence de P. Zsigmond Pach et P. Sándor en évoquant le problème du système de bail, n'a fait que répéter les conclusions de Pach. Quant au rapport de P. Zsigmond Pach, P. Hanák a exprimé son regret de voir que l'étude comparée de la marche du développement capitaliste de l'agriculture et des techniques agricoles n'y ait été que très brièvement abordée.

Dans sa réponse, P. Zsigmond Pach, tout en acceptant la critique de P. Hanák concernant le problème des techniques agricoles, a réfusé d'une façon détaillée les thèses soutenues par P. Sándor. Quant à l'importance des vestiges du régime féodal dans l'agriculture russe au début du XXe siècle, il ne s'agit pas la de la «prédominance» du salariat ; (ce qui est évident, à l'époque qui a suivi l'affranchissement des serfs) mais du fait que dans les centres agricoles de la Russie l'économie des propriétés seigneuriales était encore fondée plutôt sur les prestations de travail et sur d'autres vestiges des redevances féodales que sur le salariat. Lénine, dans les oeuvres datant de la première révolution russe, a souvent souligné ce fait, en mettant en garde contre la surestimation du degré du développement capitaliste de l'agriculture russe ; les spécialistes soviétiques de la question (Doubrovski, Choumiloff, Emeiliah et autres) partagent son opinion. De même les statistiques publiées par Lénine dans son oeuvre intitulée : «Le développement du capitalisme en Russie» montrent que la prédominance de l'économie capitaliste était très nette dans les territoires industriels du centre de la Russie et dans les régions frontalières, tandis que dans les territoires purement russes, c'est le paiement en travail qui dominait.

Quant à la voie spécifique du développement capitaliste en Hongrie, a continué P. Zsigmond Pach, P. Sándor suppose à tort que la question eut été tranchée dès 1848, elle ne le fut qu'en 1867, alors que se termina l'ère de la révolution bourgeoise en Hongrie. En ce qui concerne plus particulièrement le développement de l'économie agricole, la lutte des tendances de type américain et de type prussien n'était pas décidée en 1848, même si les seules conditions objectives du développement de type prussien étaient réunies ; le degré de la liquidation du système féodal dépendant précisément de la lutte des propriétaires fonciers et des paysans, et — objectivement — de la lutte des tendances de type américain et de type prussien, mais cette lutte, comme le reconnait aussi P. Sándor, a continué après l'échec de la révolution 1848 jusqu'à la fin de l'ère de la révolution bourgeoise.

Quant à l'hypothèse de P. Sándor, selon laquelle la plupart des grandes propriétés était de type capitaliste dès l'époque de l'absolutisme autrichien, elle ne fait que corroborer les thèses du rapport rélatives aux traits divergents du développement agricole en Russie et en Hongrie, mais ne réfute nullement la prédominance du système des prestations de travail du métayage et des autres vestiges féodaux existant dans la plupart des propriétés seigneuriales hongroises, et surtout dans les propriétés moyennes à l'époque qui a suivi la révolution de 1848.

En ce qui concerne le système à bail de l'économie agricole de type prussien, la prise de position de P. Sándor ne nous a pas donné satisfaction sur un certain point ; d'une part, parce qu'il n'a pas indiqué la source dont

il avait emprunté ce problème, d'autre part, parce qu'en parlant du système de bail, il n'a cité que des faits hongrois, ne cherchant même pas à les confronter aux faits correspondants du développement russe, c'est à dire à les appliquer au problème donné.

Il est d'autant plus réjouissant de voir que l'intervention de M. Szuhay ait abordé le fond du problème qui fait l'objet du rapport et qu il ait réussi à le développer.

*

A la séance solennelle organisée par la Faculté des Lettres de l'Université Loránd Eötvös, pour commémorer le quarantième anniversaire de la Grande Révolution Socialiste d'Octobre, le professeur Gy. Székely a tenu une conférence à «Quelques problèmes relatifs aux débuts du deuxième servage et la guerre paysanne de 1514». Le conférencier a d'abord retracé l'évolution du droit de libre déplacement de la paysannerie. Les débuts de la liquidation de ce droit remontent au règne des Hunyadis, qui, tout en se prononçant en sa faveur, le suspendirent pour quelques années. Après leur mort, les grands propriétaires fonciers enlevèrent les serfs en nombre illimité, quant à la noblesse moyenne et roturière il les retint en violation de la loi. L'échec de la révolte des paysans de 1514, entraina la suppression *de jure* du droit de libre déplacement des paysans. Cet état, qui après la défaite de Mohács (1526) devint de plus en plus un système général, fut appelé avec raison «servage perpétuel».

Cependant, l'évolution du droit de libre déplacement n'explique pas à elle seule la «Jacquerie» des paysans hongrois : l'explication en réside dans le caractère de l'économie paysanne et dans les changements du système des redevances féodales.

A la fin du XVe siècle la classe dirigeante intensifia ses efforts en vue de l'acquistion des profits de la production marchande, et de la participation directe au commerce des marchandises. Les lois de 1492 et de 1498 sur l'extension de la levée du «neuvième» des grains et du vin tendaient à rendre possible aux seigneurs terriens le placement des produits de leurs serfs. Ces lois menaçaient surtout certaines couches sociales des bourgs et partiellement aussi certaines couches des villes dans leur production de marchandises. Quoique de nombreuses indices tendent à montrer que les habitants des bourgs et les preneurs à bail des villes ne s'acquittaient pas de la redevance, les lois en question facilitaient le commerce des vins des propriétaires fonciers féodaux. Le commerce du vin seigneurial s'efforcait de pénétrer dans les villages, réduisant ainsi les possibilités d'écoulement des paysans viticulteurs. Le droit du débit de vin des seigneurs fonciers était acquis ; il limitait sérieusement les droits de vente des paysans. La tendance à assurer le privilège du débit de vin aux seigneurs fonciers avait apparu dès au cours du XVe siècle, mais elle ne devint une source lucrative de revenus qu'après la défaite de Mohács. Les seigneurs fonciers avaient d'ailleurs divers moyens pour se procurer du vin, ils défendaient à leurs serfs de vendre leur vin jusqu'à la Saint-Michel, les forçant ainsi à le vendre à eux ; il arrivait même qu'ils confisquassent le vin aux serfs réfractaires. En somme, le plupart des vins vendus par les seigneurs fonciers provenaient de la propre récolte des serfs. Ces faits expliquent pourquoi jusqu'à la moitié du XVIIe siècle, du point de vue à revenus, l'exploitation accrue des droits seigneuriaux représentait un facteur égal à l'économie allodiale.

La conférence s'est poursuivie par l'analyse des problèmes de l'économie allodiale fondée sur la corvée. Au début du XVe siècle cette économie n'était pas encore répandue en Hongrie. Au cours du XVe et au début du XVIe siècle l'importance de la corvée agricole n'augmenta que très lentement, les dispositions de la loi de 1514 elles-mêmes n'étaient pas observées. Le caractère restreint de diale est indiqué aussi par le fait que le nombre des terres serves abandonnées était très élevé même dans les domaines où se trouvaient des biens allodiaux, qui montre que ces terres serves n'avaient pas été incorporées aux terres allodiales. A la fin du XVe et au début du XVIe siècles c'est surtout le système des redevances en grains qui est pratiqué, en raison de l'importance grandissante de la production marchande. Au cours du XVIe et du XVIIe siècles, les seigneurs fonciers firent accroître leurs terres allodiales soit par le défrichage des forêts et des briches, soit aussi par l'expropriation des terres serves. En même temps la corvée s'aggravait et débordait petit à petit les cadres prescrits par la loi de 1514.

Les paysans des villages ayant perdu leurs terres allaient travailler dans les bourgs où, par la suite, le pourcentage des ouvriers des champs était plus élevé que dans les villages ; ils constituaient parfois la moitié de la population. La plupart d'entre eux travaillait comme journalier agricole. Le travail à la journée était rendue possible par la demande de main-d'oeuvre des terres prises à bail et des vignes des paysans riches des bourgs et des villes ; mais aussi en raison de la situation particulière des grandes propriétés foncières. Quand la corvée ne couvrait pas les besoins des seigneurs féodaux, ils devaient payer la main-d'oeuvre en espèces (comme l'a fait l'évêché d'Eger à la fin du XVe siècle).

Dans la production marchande en Hongrie l'élevage jouait un rôle primordial. L'élevage en grand et l'exportation des bestiaux prenait le pas sur la production céréalière en grand. L'exportation s'effectuait surtout en direction de l'Ouest et du Sud-Ouest. L'élevage était particulièrement important dans les gros bourgs à population bourgeoise de la Grande Plaine Hongroise, bourgs qui étaient en plein essor et allaient devenir des villes.

Le conférencier aborda ensuite l'analyse du développement de l'industrie dans les bourgs. A la fin du XVe et au début du XVIe siècles les bourgs avaient une industrie rélativement développée et des corporations surgirent même dans les bourgs d'une importance moyenne. Pour constater le pourcentage des artisans dans les bourgs, le seul moyen dont nous disposons, dans la plupart des cas, c'est l'analyse des noms des serfs. Or, l'emploi des noms d'artisans n'était pas du tout homogène, les opinions des spécialistes différent sur la question. D'après Gy. Székely jusqu'à la fin du XVIe siècle, il n'y existait pas encore de noms de famille constants en Hongrie, et les noms désignant une profession et employés soit comme patronymes, soit comme prénoms peuvent être considérés comme désignant la profession de leurs porteurs. Ce qui, entre autres, distinguait les bourgs des villages, c'est que dans les premiers vivait un nombre relativement élevé d'artisans, indice du développement industriel des bourgs. L'armée de mercenaires du roi Mathias avait déja été équipée par des artisans des bourgs. La conquête de la Grande Plaine Hongroise par des Turcs arrêta le développement des bourgs, la disparition des habitants des villages, qui se rendaient habituellement dans leurs marchés, retarda longtemps leur développement industriel ; les bourgs reprirent alors leur caractère agricole.

Pour terminer, le professeur Gy. Székely a souligné que pour bien comprendre la jacquerie de 1514, il faut lier l'analyse générale de la société de la Hongrie médiévale aux recherches d'histoire locale. Quand on cherche les causes de cette jacquerie, outre les antagonismes et les luttes violantes qui se manifestent dans l'économie des terres serves et des bourgs, les recherches historiques doivent suivre avec une attention accrue les phénomènes qui montrent la désagrégation de l'économie des terres serves et la caractère féodale, réactionnaire de cette désagrégation, de même que les tentatives d'utiliser l'essor de la production des marchandises en faveur de la réaction féodale. Ainsi la guerre paysanne de 1514 aboutit en dernière analyse à la lutte des deux tendances du développement féodal, à savoir la féodalité fondée sur la corvée et la paysannerie libre anti-féodale, tendant vers le développement bourgeois.

*

Les travaux des séances solennelles montrent que les efforts des historiens hongrois relatives à la recherche des rapports internationaux et hongrois de la Grande Révolution Socialiste d'Octobre ont d'ores et dejà de nouveaux résultats.

COMPTE RENDU DE LIVRES

C. A. Macartney : October Fifteenth

A History of Modern Hungary, 1929—1945. Edinburgh 1956. 1—2.

1

C. A. Macartney, Professor of International Relations, University of Edinburgh, has written a two volume book of nearly a thousand pages on the history of Hungary between 1929 and 1945. The author begins with the onset of the economic crisis of 1929—1933 in the counter-revolutionary Horthy regime and ends with the downfall of the regime at the end of World War II.

This epoch is a very important one in the history of modern Hungary, and has not been treated adequately so far by the historians. Although a comprehensive appraisal of the history of this epoch has been made by our national historiography and many important problems were resolved, especially, with regard to their economico-historical implications, there has been no monographic treatment of the political history by Hungarian historians of a scope similar to Macartney's book. Therefore, the monographic period between 1929 and 1945 is, no doubt, a serious and worthy undertaking, especially if approached abroad where Hungarian sources — above all archival sources — are available only on a limited scale.

2

Macartney begins his book with bibliographical notes. We must follow him along this way in order to become familiar with his source-material, its character and reliability, as well as with the sources bearing on the history of this epoch, which are available only in the West, and either unknown or little known in Hungary.

The author depends on primary sources only to a limited extent. Besides the material of the contemporary Hungarian press — a considerable part of which he himself collected when the events treated in his book occurred — the most important source, having at the same time an archival character, is the *Sz. I. MS.* As to the contemporary Hungarian press, it is, of course, an indispensable, but not basically important source for historical works of such a character. Of course, the confidential documents to be found in the National Archives of Hungary are very important, and their collation with the news of the contemporary press is — as experience proves — very useful, since the chief purpose of them was the control of the press according to the concepts of government circles. The *Sz. I. MS.* is a substantial collection of Hungarian Foreign Ministry documents, covering mainly the period from 1938 to 1943. The collection is selective — as mentioned by the author — and has been made with a view to demonstrating the Western connections of Hungarian foreign policy. This renders unavoidable a certain bias and prejudice overshadowing the genuine historic panorama. From the point of view of character and source value, we should treat similarily the documents placed at the disposal of the author by the ex-Prime Minister Miklós Kállay, the ex-Minister in London Barcza and the ex-Minister in Belgrade and Berne Bakách-Bessenyey. These documents are essentially reproductions of official political correspondence of the above-mentioned persons. The

bias referred to above with respect to the selected Foreign Ministry documents, that is the unilateral focusing of attention on the documents reflecting the Western orientation of Hungarian foreign policy, is still more to be felt in the processing of the relevant data, principally the reports of the Ministers in the West. Another source which, from the formal point of view, must be considered as a primary one, is the Diary of Ferenc Szálasi, used by Macartney. However, its value as an authority is practically useless, for it contains principally Szálasi's flights of wit. The primary sources are completed by the notes of the Under-Secretary of State István Bárczy, reproducing the minutes of Ministerial Councils. The study is based to a large extent on the published collections of German and, partly, British diplomatic documents. The author was, of course, in a far better position than any Hungarian research worker to exploit the relevant data beyond the published collections. However, he did not avail himself of this possibility, although the more than 200 archival batches of documents of the ex-German Legation in Budapest, the documents of the South-East European Section of the German Foreign Ministry and the documents of the British Legation in Budapest could well have rounded off the primary sources of the work, dealing with all facets of Hungarian Foreign Policy during World War II.

The author utilized the printed sources published in Hungary after World War II, up to 1948. However, this source-group is circumscribed. It covers in essence reports of war criminal trials in Hungary published in print, the *memoirs* of Vilmos Nagy of Nagybacon, ex-Minister of Defence, József Darvas' book *Város az ingoványon* which is a fictional work and merely of a semi-historical nature, and some recollections of lesser value, as for instance apologetic pamphlets published at the time of the Paris Peace Conferences and having but little source value.

The author has freely drawn on the printed sources published abroad after World War II. Thus, he utilized the records and documentation of the Nuremberg war criminal trials (in this connection we may mention that he used also that part of the trial of Edmund Veesenmayer, German Chief Commissioner in Hungary, which did not appear as yet in print). Furthermore, he strongly depended on personal records of Miklós Horthy, Miklós Kállay and other Hungarian ex-politicians living in the West, as well as on the recollections of ex-leading politicians of Hungary's neighbour-countries and of German politicians and military leaders, who figured in Hungary during the epoch dealt with or who had some connection with Hungarian affairs. Finally, the writer included in his printed sources articles which were published, after World War II, in the Hungarian émigré press — *Látóhatár*, *Hadak útján* — and some irrelevant books published after the war and treating the Hungarian situation during the war (e. g. *A Magyar Katona a Második Világháborúban* by the avowed fascist, V. Adonyi). Their value as source-material is negligible, as they are articles and books written *post festa* in a journalistic style, subordinating statement of facts to the strongly biased points of view of the contemporary Hungarian émigré groups in the West.

Professor Macartney, in order to bolster his statements, relies strongly on his personal conversations with Hungarian and German politicians, who played an important role in Hungarian events during the Horthy regime. He called on every person in the West who had anything noteworthy to do with the events in Hungary, from Miklós Horthy to Otto Habsburg, from Miklós Kállay to Edmund Veesenmayer, from Tibor Eckhardt to Rahn. The compilation and use of these personal messages have an unquestionable value for Hungarian historians too, for they can constitute a useful complement to the inadequate, and partly destroyed archival material of the epoch, bearing on domestic policy during the pre-war period, as well as on the contradictions within the ruling classes. At the same time, their use is the chief weakness of the book, for the author draws on them as a fundamental

source. One must not forget that the persons in question, with a very few exceptions, are anxious to excuse their political role or to present it in a more favourable light, and their messages are therefore questionable. At the very best, information so obtained should have been sifted seriously by the author, but, unfortunately, this happened only in a few instances.

The author make scants use, or none at all, of the findings of the Hungarian Marxist historiography covering this period and published after 1949. The work gives evidence of the use of an abridged version of the book of Gyula Kállai, The Hungarian Independence Movement, and of Dezső Nemes's The Liberation of Hungary. He does not use the material — not to speak of synthetic essays attempting a comprehensive evaluation — published in 1953 and covering the period of 1919—1921, of the first volume of the series *Papers on the History of Counter-revolution*, nor the treatise *White Terror*, published in 1951, nor the paper published in English in 1954 in the *Acta Historica* on the situation of the working class, the peasants and middle-classes between 1920 and 1937, etc. (Access to the economico-historical monographies, recently published, was, of course, impossible for the author.)

To sum up : Professor Macartney has, generally speaking, thoroughly drawn on sources which were at his disposal abroad, with the limitations mentioned above. But these sources do not lend themselves outright to the construction of a general picture truly reflecting historical reality : therefore they cannot make up for the lack of the use of Hungarian archival source-material (the confidential political and politico-economic material of the Foreign Ministry, papers of Miklós Kozma, the private material of the Hungarian Telegraphic Agency, etc.).

3

Before beginning the exposition of his circumscribed subject and in order to lay the foundations of the historic framework, Macartney outlines, in the introductory chapters of his book, the history of Hungary starting with the bourgeois revolution of 1848—1849 and the epoch following the defeat of the War of Independence.

His brief summary of the Compromise Era (beginning with the Austro—Hungarian Compromise of 1867 and ending with the end of World War I) testifies to the author's awareness of many important economic and social problems of this epoch. He points for instance to the unsolved problems of the nationalities and land distribution ; the denial of political rights to the broad masses of people and their economic exploitation ; the development of the Jewish question in Hungary ; the composition and social role of the Hungarian "middle-class", etc. As to the revolutions in Hungary of 1918 and 1919 — that is another story ; Macartney devotes merely one or two pages to this brief, yet extremely important period, accepting uncritically the official — and reactionary — Hungarian point of view of the inter-war period which, in its abhorrence of even a western-type bourgeois democracy, put a sign of equality between the bourgeois revolution of October 1918 and the proletarian revolution of 1919.

The author gives a more detailed account of the period from 1920 to 1929, devoting four chapters (Chapters II—V) to it. These chapters, too, contain some very pertinent remarks referring to important problems. The author underscores the importance and role of the clandestine associations which sprang up like mushrooms after the counter-revolution came to power, the problem of the impoverishment of the middle-class, the still unresolved agrarian problem, etc.

The author is right in asserting that two groups contended within the ruling classes for power in Hungary between the two wars, and that these two groups had formed, already at the time of the proletarian revolution and the Republic of Councils, around two counter-revolutionary centres : Vienna and Szeged. The Viennese counter-revolutionary group rallied substantially those politicians from big landowners' and capitalist circles, who had played a more or less important role in the Compromise Era between

1867—1918, and who strove, in 1919, to restore, with the least possible change, the pre-1918 regime. On the other hand, the Szeged group consisted of politicians belonging to the gentry and the officers staff, who had played an important role in the counter-revolution following the defeat of the Republic of Councils, although their former activity and political influence was negligible. The latter were inclined to initiate and support political and social changes which — far from being of any structural character — were suited for creating a base among the broad masses of people, and strengthened their political and economic influence. Although the author makes no attempt at either analysing the social forces standing behind the Viennese and Szeged concepts or pointing to their strong interconnections and transitions — and, consequently, he is not always able to assess the importance and role of this struggle in the shaping of the home and foreign policy of the country— his point of departure is in our opinion nevertheless correct and his distinction undoubtedly had its historic role. An adequate historical elaboration of the correct theme would of course require—over and above a thorough class analysis—the examination of the Hungarian social strata of that time from another angle than that of the author. For Macartney narrows down the driving forces of Hungarian society to the point where the forces standing outside of the circles mentioned above do not exist for him or do not, at least, play any important role in the development of Hungarian political affairs. The bourgeois-democrats, the Populists and the Social-Democrats—not to speak of the Communists—signify scarcely nothing to the author, and while he followed with meticulous care all doings of Bethlen, Gömbös and their retinue, he bypasses the working classes of Hungary and virtually excludes them, in consequence, from the history of the country.

We should lay particular stress on the characterization of the Government Party established by Count István Bethlen, the Unity Party, and on the whole Bethlen Era, in the chapters covering the period between 1920—1929. The author shows, in these sections, the anti-democratic nature of this "most liberal" epoch of Hungary in the inter-war period, and draws attention to the fact that Bethlen established under his own control what was in effect a parliamentary dictatorship (Vol. I. pp. 62—63). The politicians and deputies of the Unity Party were merely puppets in the hands of Bethlen ("This Party . . . a serviceable and willing instrument of Government." Vol. I, p. 48), etc. Macartney concludes, too, that "The Bethlen 'camp' . . . represented the 'haves' against the 'have-nots', and amongst the former, the larger "haves" against the "smaller". (Vol. I, p. 61.)

4

The treatment of the period between 1929 and 1945 begins with Chapter Six and covers about 900 pages. We have no place for a detailed review and a sketchy review would not be expedient, for drawing on substantial source-material, these chapters deal copiously, and thoroughly with the events of this epoch in the field of both home and foreign policy. Therefore we shall attempt here to stress some details where the author publishes new particulars known only in part to the Hungarian historians, chiefly referring to problems of home policy.

The dissertation of Macartney with regard to the formation of the first Gömbös Government is very interesting. No doubt, the Hungarian historians did not take note of the Bill of Incompatibility of Prime Minister Count Gyula Károlyi which had, according to the author, a decisive role in the fall of Károlyi and in the appointment of Gömbös. Therefore the statement of the author that Gömbös obtained the support of big capital interested in rescinding the Bill, seems to be acceptable. Equally important is the section in which the author describes the background to Gömbös public announcement (that he, the leader of the "Anti-Semites" had, as Prime Minister, revised his views on the Jewish question). According to the author, Gömbös entered, a day or

two after his appointment as Prime Minister, into negotiations with Samu Stern, President of the Jewish Community, a prominent representative of big capital. After secret negotiations, a protocol was signed under which the Hungarian Jews recognised and approved of Gömbös' "progressive policy", while Gömbös promised to carry that policy through without detriment to the Jews' material interests (Vol. I, p. 117). Even with due consideration for these important points of view, we have the impression that the author does not devote sufficient attention to the attempts by which Gömbös tried to form his first Government exclusively from his own men, or to the circumstances which led to the formation of a mixed government (consisting partly of old followers of Bethlen's party, and partly of Gömbös' retinue). In this connection, copious material can be found in the "Kozma papers" (the legacy of Miklós Kozma of Leveld, Minister of the Interior in the second Gömbös Government) in the National Archives of Hungary.

The historical description of the prelude to the formation of the second Gömbös Government in 1935 (the antagonism between Bethlen and Gömbös, the secret pact between Gömbös and the leader of the Smallholders' Party, Tibor Eckhardt, etc.) is equally interesting, although rather in its particulars than in its interconnections.

The collaboration of Gömbös and Eckhardt of the Smallholders' Party, with a view to rising to power, can be traced back to 1931. The National Archives of Hungary possess a letter written by Endre Mecsér, in 1931, in which he offers advice concerning the form of collaboration between Gömbös of the Government Party and Eckhardt of the Opposition, in order to implement the programme of the anti-Semites. (In his letter, Mecsér warned them about personal wrangling which could, in his opinion, compel Eckhardt eventually to defend the Constitution against the dictatorial ambitions of Gömbös. This eventually happened.)

The analysis of the circumstances leading to the downfall of Gömbös is also worthwhile mentioning. It is generally known that Gömbös was, in the summer of 1936, already a defeated man. Although formally he was still Prime Minister, Kálmán Darányi was already the *de facto* head of the Government. Some political antecedents of the programme of Győr, unknown up to the present, are also given etc.

According to Macartney, Prime Minister Darányi got in touch with Szálasi, in February 1938, and tried to learn the conditions under which the Arrow-Cross Party would co-operate with the Government. No full agreement was arrived at; but a promise was given that only legal methods would be resorted to both by the Government and the Arrow-Cross Party in their struggle against each other. Further negotiations ended with an agreement that the Government would, at the next elections, give a certain number of seats in Parliament to the Arrow-Cross Party. But the negotiations leaked out and Horthy, who hated Szálasi because the latter aimed at his position, dismissed Darányi for this reason—according to Macartney. The author—in flat contradiction to the opinion based on information at our disposal—explains Horthy's broadcast on 4th April by this fact and not by the Anschluss. However, his data fall short of convincing us.

The author explains the resignation of Imrédy's first Government by reasons of foreign policy, and not by the well-known reasons of home policy. In his opinion the German—Italian *démarche* of November 20, 1938, which banned military action in Ruthenia, and not discord in home policy caused the activity of the so-called Dissidents (Deputies having left the Government Party). In our opinion, Macartney underestimates here the contradictions which prevailed in home policy. But it cannot be denied that his analysis concerning the possibility of the the formation of a Government by the Dissidents is very interesting.

An attentive study of Macartney's book highlights — notwithstanding all efforts of the author to the contrary — the real, and condemnable role Miklós Horthy played in Hungary's home and foreign policy. The second Gömbös Government—a major shift

of the Right admitted even by the author—was formed with the support of Horthy. Nor is Horthy's role more praiseworthy in the formation of the second Imrédy Government, whose proclamation of the December 18, 1938 was a major step towards fascism in Hungary, in both home and foreign policy. Other instances in point were : the resignation, in the autumn of 1940, of Prime Minister Teleki, which he explained—according to the author—by the fact that Horthy had supported the German General Staff against him ; the message sent by Hitler to Horthy on March 27, 1941, declaring his willingness to satisfy Hungarian revisionist claims against Yugoslavia, whereupon Horthy wrote — despite the protests of Prime Minister Teleki — his famous letter. (The letter was printed for the first time in the above-mentioned book of Vilmos Nagy of Nagybacon, *Fateful Years.)* On top of all this came the well-known activity of Horthy on March 19, 1944, when he promoted the fulfilment of the Margarethe Plan in favour of the Germans and handed over power to Ferenc Szálasi on October 16, 1944.

Macartney describes in remarkable detail Kállay's contact with the Western Allies. He traces practically hour by hour, Horthy's attempts to withdraw from the war in the autumn of 1944. All these facts contribute new and fascinating particulars to the historiography of the epoch and makes the book a thorough and exciting work.

5

The well-grounded character of Macartney's book is, unfortunately, limited by the fundamental conception of the author and his objectives based on it : the defence of Hungarian policy during World War II.

Macartney, dealing with the period between 1939—1945—which is covered by the greatest part of the work and considered by the author as of main importance, — gives a summary and far from satisfactory outline of economic history. Then, disregarding important social and other problems, and even his own former and correct remarks on the regime, he attempts to depict events in Hungary during World War II in hindsight, from the angle of reactionary circles of the West in 1956, whose main object in the field of foreign policy was directed against the Soviet Union. This policy aimed at an ultimate war with the Soviet Union, and not at reconciliation and peaceful co-existence. From the angle of this conception, Macartney tries subsequently to excuse every step undertaken by Hungary during World War II in either home or foreign policy, which was directed against the Soviet Union or the revolutionary forces within Hungary. And he does so even in instances when these steps were directed—at least objectively—in the given historical situation, also against the Western Allies.

How do these ideas of the author manifest themselves in the historic presentation of the period in question? First of all, in the field of source criticism. In this respect, there are sharp contrasts and discrepancies in Macartney's work. While the author handles sources in an impeccable way on many issues which have no bearing on his fundamental political concept or are not closely interrelated (*e. g.* in the presentation of the events of October 15, 1944, he does his best to establish the facts, carefully to sift all data and compare the most diverse sources with each other), he virtually puts all criticism of sources aside when questions directly concern his conception. He alleges, for instance, that the Hungarian Communists were entrenched in the Arrow-Cross Party—finding only a single sentence taken from the anti-Communists book written by Dezső Sulyok, who fled from Hungary to the West, to bolster his statement. Perhaps this accounts for the fact that he—as we have already mentioned—did not use the unpublished archival material of the German Foreign Ministry, although this undoubtedly would give a fuller picture of Hungarian Foreign Policy during the war, than the *Sz. I. MS.* used by him.

Another essential manifestation of Macartney's basic idea consists in excusing and in fact justifying the Hungarian collabora-

tionist policy during the war. For the sake of this he often contradicts his former standpoint and makes statements which flatly contradict historic truth. Thus he tries to present all steps of Hungarian foreign policy which were not fully approved by Hitler— for they were not aimed at unconditionally serving German fascism, but expressed the aspirations of the Hungarian ruling circles, primarily with a view to realizing their revisionistic programme, — as distinctly anti-German steps. He presents in this way the events leading up to the occupation of Ruthenia in 1939, when he relates in detail the well-known preparations of the Hungarian ruling circles, in the autumn (November) of 1938 to the occupation of Ruthenia, which ceased on German—Italian intervention. (The papers of Miklós Kozma mentioned above give a diary-like summary of the whole plan, for Kozma was in charge of the organization of the manoeuvre.) The German intervention was, no doubt, strongly resented by Hungarian governmental and ruling circles, and although military operations were halted after November 21st, the question continued, in the field of diplomacy, to be on the order of the day. Yet it would be an exaggeration to deduct from these manoeuvres and exploratory talks any Hungarian determination to occupy Ruthenia without German consent (Vol. I, p. 334). Macartney himself refers, in another part of his work, to the standpoint of Henrik Werth who was then Chief of the General Staff. Werth declared on receiving, on March 12, 1939, German permission or rather an order to occupy Ruthenia, that they had not made, up to that time, the necessary military preparations, and since they had to take Czech resistance into account, the Hungarian Army would need some more weeks for preparations.

He displays the same unilateral tendency — as an excuse for the policy of the Hungarian Government — on the question of joining the "Steel Pact". This "Steel Pact", signed by Germany and Italy on May 22, 1939, included, *inter alia*, provision for a joint Permanent Military Commission to be set up with the aim of co-ordinating military and economic preparations for war. The Hungarian Government hastened to announce, on June 28, that Hungary wished to participate in the work of the Commission. Macartney explains this haste by rumours purporting that Germany proposed, in the event of war simply to occupy the countries of South-East Europe and to place their economies in the service of the Axis war machine. It was possible, the author remarks, that these rumours were unfounded, but it was certain that Hungary "took them very seriously" (Vol. I, p. 357), and believed the occupation could be avoided by giving voluntary support to them.

However, a very important trend of Hungarian foreign policy escaped the author's attention: The Hungarian ruling circles wanted Hungary to join the German—Italian agreement as a third and "equal" partner. A case in point was the Hungarian note drawing attention to equality of rights of Hungary in the Anti-Comintern Pact of May 24, 1939 (cf. Documenti Diplomatici Italiani, Ottava Serie, Volume XII, 180). Such steps cannot be simply regarded as made under compulsion and one cannot pass over in silence the initiative taken in this direction by the Hungarian Government.

According to Macartney, Hungary sabotaged economic service to Germany. We do not wish to enter into details on this question, especially since the author — in striking contrast with the detailed elaboration of questions in the field of home policy, foreign policy and diplomacy — superficially sketches the economic history of the epoch. In this connection, we wish to point out only such contradictions as the thesis of the author alleging that Hungary limited her exports to Germany. He aims at proving this by the fact that, in 1940, the value of exports to Germany decreased by 20% despite the rise in prices, but he disregards the fact — mentioned in another part of his book — that the harvest in Hungary was, in 1940, extremely bad, which necessarily curtailed the exports of that year. In our opinion, quite apart from this, the

whole question requires a more comprehensive investigation. It is one question to sabotage economic service to fascist Germany — which was not really the case — and another question if the Hungarian governments attempted, during the economic negotiations, to give consideration to the Hungarian national economy, or rather to the interests of Hungarian big capitalists and big landowners — which actually happened — in the face of the unrestricted claims of the Germans aiming at the total spoilation of the country. And this is not to speak of the undisguised German attempt, which prevailed up to 1941 — the beginning of the anti-Soviet war — to hold back Hungarian industry. But after 1941 they needed— besides the agricultural produce—the war production of the Hungarian industry too. In connection with the cession of Northern Transylvania to Hungary in 1940, Macartney declares that "Hungary paid no secret price for forcing her own wishes through" (Vol. I, p. 425), "Germany made no conditions or demands during the negotiations, except the Volksgruppe agreement" (Vol. I, p. 426). However, the author himself enumerates, a few pages later, the series of measures — from the joining of the Tripartite Pact to the repeal of Order 3400 — with which Hungary had to pay for the Second Vienna Award. It is of course possible that, during the negotiations preceding the Award, the Germans did not put forward new claims in direct connection with the cession of territory ; but it was generally known that Hungary would have to pay a stiff price for the Award. Prime Minister Teleki himself knew about this fact and the denial of it merely proves the readiness of the author to use methods unworthy of a historian, in order to excuse the policy of the Hungarian ruling circles in World War II.

The policies of the Hungarian governments during World War II undoubtedly have common traits. To these belong the anti-Soviet policy and a stubborn refusal of any internal change affecting the system. Yet no equality sign can be put between the policies of Teleki and Bárdossy, or Bárdossy and Kállay, respectively, with regard to Hungarian foreign policy vis-à-vis the Western Allies. Although we do not consider Teleki's suicide and Bárdossy's appointment as a turning point in Hungarian politics either, we cannot agree with the approach of Macartney tending to efface all differences between the two political lines — and of course the grave political responsibility of Bárdossy (Vol. 2, p. 3). We should add that it is not by chance that Kállay depicts, in his *memoirs* published abroad, the anti-national policy of Bárdossy in a far more realistic manner, even if he does it primarily to present his own political line in a better light.

Macartney constructs apologetic explanations for nearly all activities of the wartime governments of Hungary. He completely understands, for instance, the attitude of Horthy and the ruling circles regarding the dismemberment of bourgeois-democratic Czechoslovakia, an ally of the Western Powers who was left in the lurch by them. As far as the most shameful act of wartime Hungarian policy is concerned, that is, participation in the action against Yugoslavia, he assumes the point of view that the fault of Hungarian diplomacy consisted, in formulating the text of the Treaty of Eternal Friendship, of failure to construct an adequate formula concerning changes in Yugoslav home policy, etc. Macartney condemns the British Government, too, for having broken off diplomatic relations with Hungary.

The work does not deal much with the anti-minorities policy of the Horthy regime. Apart from the description of the notorious massacre in Újvidék (Novisad), there is hardly a hint about these questions. Depicting the situation in Ruthenia, he confines himself to mentioning the fact that the territory did not obtain the promised autonomy, but remained to the end under military administration. Without entering into particulars, we must point out that the Hungarian military authorities executed 200 men between March 15 and 25, 1939, as proved by the Kozma material. No doubt,

Macartney's living sources did not boast about these deeds, but even if sources outside this country did not facilitate exhaustive research in this connection, persons well-informed on the history of this epoch were fully aware of the grave crimes for which the Hungarian ruling classes were responsible. Macartney deals briefly with this question — a fact which can be explained only by lack of desire to probe it deeply.

Macartney approves of and endorses Kállay's plan for the spring of 1944, providing for the occupation of the Carpathians by Hungarian troops before the arrival of the Soviet Army. According to the plan, the Hungarian troops were to declare that they would not participate in any more battles, except the defence of the country's frontiers, Hungary would not formally declare her willingness to conclude a peace with the Allies, nor would she break off relations with Germany, but she would not tolerate German soldiers on her territory and would grant only a minimum of economic support to Germany ; in return, the Soviet troops would avoid Hungary. In our opinion, the impracticability of this plan was manifest with respect both to the Germans and the Soviet Union. However, the correctness and "cleverness" of a conception cannot, from a historical standpoint, be established merely on a logical basis and in a vacuum, but only with due regard for the concrete historical conditions, on the ground of historical reality.

The author characterizes, in detail, the chief political individuals of the epoch, and scrutinizes their personality which is, of course, both important and indispensable for a historical monography of this kind. We do not agree with every characterization of Macartney, but we must dwell on this topic because of his description of Szálasi. The sympathetic approach of Macartney, who was a friend of Pál Teleki, towards Szálasi is something remarkable. We are at a loss to find any explanation for his standpoint when he declares the following, in connection with Szálasi's demagogic and empty plan "Carpathian-Danubian-Great Fatherland", which not a single serious Hungarian politician, or any sensible person ever took seriously : "Any student of Central Europe will recognise in it simply one more of the innumerable plans which innumerable Hungarians from Eötvös and Kossuth to Jászi, Mihály Károlyi and Pál Teleki have elaborated for organizing the Danube basin . . ." (Vol. I, p. 161). However, we must add that the author's friend, Pál Teleki, who was a scholar in spite of his reactionary political views, and who was hated by the unscientifical, deranged Szálasi, would certainly be ashamed of being placed on the same plane with Szálasi.

We cannot help wondering whether the author did not discover any contradiction between his portrayal of Szálasi and his last chapter covering the regime of Szálasi. According to Macartney, Szálasi is one of the most fascinating figures in the history of modern Hungary. In our opinion, any historian striving to record the historical truth should at least be puzzled by the fact that Szálasi eventually received his power from the Germans and acted to the bitter end as the last puppet of fascist Germany. Is it possible to take seriously the statement of the author that the innumerable crimes and murders committed during the regime of Szálasi were perpetrated without his consent and knowledge? What blindness is required for a British historian of this epoch to forget, on the pretext of the anti-Communist struggle, the attitude of the Arrow-Cross Party as opposed to the Western Powers, as well as the responsibility of Horthy and, later on, of Szálasi for the atrocities committed against British and American airmen.

The book deals extensively with Horthy's attempts to break away in the autumn of 1944. The author wanted, in selecting the title for his book, to express the importance he attributed to October 15, 1944 in the history of Hungary. He devotes nearly 150 pages to the period from the end of August to October 15, 1944, with a view to presenting the tragedy of Horthy through the failure of his attempt to break away. However, even the most unbiassed reader of this chapter

will be left without any impression of tragedy. For what could be the opinion of a "statesman", who informs General Guderian — sent to him by Hitler to inquire whether rumours about Horthy's intentions to break away were founded — that in politics one must always keep two irons in the fire? We may add that we could enumerate many similar cases. How right was the critic of the Journal of Modern History in writing that this chapter impressed him rather as a "Comedy of Errors" than as a "tragedy". Yet, we who had to endure this epoch and are fully aware of the sufferings and damages caused to the Hungarian people by these "games" of Horthy, see clearly the tragic side of this policy: It was the tragedy of a people plunged into war by Horthy and his followers, for the sole reason of upholding and extending their rule.

After all has been said and done, it is no wonder that Macartney treats the labour movement, especially the Communist Party, with hatred. No one wishes to allege that the Communist Party in Hungary — which had to work under the most difficult circumstances of illegality — was, during the interwar period, a broad mass party. In any case, its political influence, although circumscribed, substantially exceeded its organizing weight. However, the author makes light of the role of the Communist Party, scarcely deigning to even mention it up to the time of World War II. Later on, when he could not avoid dealing with the role of the Communists in the Hungarian independence movement, his chief method was, beside brevity, belittling their importance, and falsifying their historic role. When it comes to discrediting the Communists, he accepts without any criticism — as we have already mentioned — the calumniations put forward by the Horthy regime, for instance in connection with the dynamiting of the railway bridge at Biatorbágy. And he rounds them off with his own conceptions about history, in which there remains — contrary to reality — very little place for the working classes and their parties.

6

Despite its richness of material and partial results, the book of Professor Macartney bears the imprint of the anti-progressive political ideas of the author. Macartney attempts to apologize for the policy of the Horthy regime during World War II, that policy which eventually made Hungary the last satellite of Hitlerite Germany. It is not necessary to be a Marxist to reach this conclusion. Professor T. A. P. Taylor condemns, from a bourgeois democratic point of view, the anti-progressive historic conception of Macartney, in the April 6, 1957 issue of the New Statesman. The criterion of the value of a historian's work consists not only of the factual material and the standard of their elaboration, but also in its social impact. The book of Macartney underrates, on the one hand, the forces which fought fascism in Hungary and, on the other hand, apologizes for those individuals, who have already been condemned by history. All this, of course, is apt to mislead progressive public opinion in the West and to culminate, by failing to present a true history of this important epoch of our country in disorienting it, despite some interesting statements of partial importance.

M. Incze—Gy. Ránki

NOTES BIBLIOGRAPHIQUES

Textes hongrois du moyen âge. Rédigé par L. Mezey. Édition Magvető, Budapest, 1957. 433 p. (Série de la Bibliothèque hongroise)

Le choix contient les plus anciens fruits moyenagistes de la littérature hongroise. Dans la postface, L. Mezey nous rapelle que l'apparition de la littérature moyenagiste européenne en Hongrie a été considérée par notre histoire de la littérature d'hier comme une réalisation du XVIe siècle et plus précisément de la réformation et seulement selon des considérations plus hardies ont-elles été datées au milieu du XVe siècle. Cependant, d'après les résultats des recherches plus récentes nul doute existe en ce que les origines de la littérature en langue hongroise — en tant profane que religieuse — ne datent du début ou bien du milieu du XIIIe siècle. C'est ce qui s'avère juste aux lumières des documents publiées dans le volume à l'étude. Le principe directeur observé au cours du choix a été de pouvoir faire ressortir à l'aide des textes l'évolution du style hongrois moyenagiste et son développement en vigueur et en ses moyens d'expression.

Le volume est divisé en deux groupes, d'après genre, et contient la prose d'abord, ensuite les monuments en vers. Pour commencer, publication est faite de notre plus ancien monument linguistique «Halotti beszéd» (L'oraison funèbre), originaire du XIIe siècle, on présente ensuite au lecteur des traductions de Bible, des légendes, paraboles, sermons, les origines de drames et la Pieuse Rhétorique (Istenes Retorika). La succession des monuments en vers est ouverte par notre plus ancien poème Máriasiralom (la Plainte de Marie), datant du XIIIe siècle, qui est suivi par des traductions d'hymnes moyenagistes, chants et vers liturgiques, et les vers profanes et d'incantation. Dans la postface L. Mezey fait connaître les genres et détermine la place qu'ils occupent dans l'ensemble de la littérature hongroise du moyen âge.

Par l'annexe le lecteur est renseigné du lieu de découverte des morceaux choisis publiés et tout spécialement de la littérature des chroniques qui gardent les plus anciens textes de nos monuments linguistiques du moyen âge.

Le roi Matthias dans les sources contemporaines. (Mémoires et lettres). L'introduction par L. Elekes — Textes choisis par Mme. E. H. Balázs. Bibliotheca, Budapest, 1957. XL + 202 p. (Aurora V.)

La publication est une documentation populaire de sources historiques sur Matthias Hunyadi [1458—1490], souverain remarquable de l'histoire de la Hongrie. La publication est d'une actualité particulière, le 500. anniversaire de la succession au thrône de Matthias ayant été célébré cette année dans tout le pays. Dans l'introduction M. L. Elekes donne une analyse de caractère poussée du roi, de l'homme, du souverain de la Renaissance, du héros des contes populaires hongroises, du mécène des arts et sciences. En énumérant les actes du souverain, une importance particulière est mise dans l'étude à la portée des aspirations centralisatrices avec l'analyse du fond social et économique ainsi que des conditions de la politique extérieure et intérieure de cette grande tentative. Dans le cadre de cette analyse l'auteur examine entre autre les deux tendances (occidentale et orientale) du développement de l'agriculture et il en tire la conséquence que le rôle joué par les forces économiques et sociales en faveur d'une évolution plus libre était au temps du roi Matthias encore plus marquant.

Mme. E. H. Balázs, à qui nous devons le choix des sources, a groupé la matière suivant le sujet autour des événements et rapports du règne de Matthias. Dans le chapitre premier, un tableau est donné des circonstances de l'élection du roi Matthias

d'après les mémoires contemporaines. Les autres chapitres traitent des guerres menées contre le Croissant, de la politique extérieure, des relations diplomatiques, de la politique intérieure, de la cour royale, de la politique ecclésiastique, des circonstances de la mort de Matthias, en esquissant un portrait du roi en tant qu'homme d'État, stratège et personne privée. Dans le chapitre dernier, publication est faite des légendes populaires recueillies qui se sont rattachées à sa personnalité.

Les sources publiées dans le volume se composent en premier lieu des écrits, mémoires et vers des humanistes contemporains du roi Matthias — Bonfini, Galeotto, Janus Pannonius — ainsi que de la correspondance étendue de Matthias et d'autres documents de l'histoire diplomatique de l'époque. Ample publication est faite aussi en forme de citations de l'essai du grand homme d'État et stratège hongrois, Nicolas Zrinyi, écrit en 1656—57 du roi Matthias. La publication est riche en illustrations.

M. Belényessy : Sur les méthodes de recherche de notre histoire d'agriculture du moyen âge. Edition d'Agriculture, Gödöllő— Budapest, 1957. 37. p. (Études de l'histoire d'agriculture N° 1.)

L'importance capitale du rôle que joue la production des biens matériaux dans l'histoire universelle n'était pas reconnue par l'historiographie idéaliste d'hier qui borna ses recherches surtout à l'analyse des motifs idéaux des faits et gestes historiques. Cette conception a eu pour conséquence que les recherches historico-économiques n'avaient pas été classées aux parties organiques des sciences historiques.

Par son étude Mlle M. Belényessy donne une vue d'ensemble sur les branches de science d'origine relativement récentes que sont l'histoire et les méthodes de recherches de l'historiographie hongroise économique et agraire. Au cours de la critique des traités d'histoire agraire du passé, l'auteur émet l'opinion que les auteurs anciens concentrèrent leurs efforts sur les activités organisatrices économiques, politiques et militaires du latifundium, c'est-à-dire sur les activités de la classe des grands propriétaires ruraux, par contre, ils négligèrent d'effectuer des recherches sur la manière de vie et sur l'agrotechnie de la paysannerie. Elle fait ressortir que l'autre cause de l'état arriéré de notre histoire économique doit être cherchée dans l'absence d'une méthode complexe de recherche, plus précisément dans l'absence de tous rapports qui auraient dû être établis entre les sciences historiques et d'autres branches apparentées : l'archéologie, l'ethnographie, la linguistique et l'histoire de l'art. L'auteur fait connaître les expériences de la collectivité de travail récemment organisée pour l'étude de la vie agricole du XVe siècle en nous donnant une vue d'ensemble détaillée sur les diverses catégories de sources [manuscrits du moyen âge, chroniques, nomenclatures, étymologies, formules de diplômes, représentations imagées, fresques, sceaux, armoiries, incunables, calendriers, carreaux de poêles anciens, trouvailles d'orfèvrerie, etc. etc.] qui doivent être prises plus largement en considération dans le domaine des activités de recherche par les travailleurs scientifiques de l'histoire de l'économie.

G. Heltai : Écrits choisis (1552—1575) Choix de I. Nemeskürty. Éditions «Magvető» Budapest, 1957. 276 p. (Bibliothèque Hongroise.)

Issu d'une famille de la bourgeoisie saxonne, Gáspár Heltai, le plus grand prosateur hongrois du XVIe siècle n'apprit cette langue qu'après s'être familiarisé avec les idées de la Réforme. Au cours de son évolution, il traversa presque toutes les phases de la Réforme ; d'abord pasteur de l'église luthérienne saxonne, il rejoignit, vers la fin des années 1550, les partisans de l'Église calviniste, pour se mettre, à la fin, aux côtés de l'antitrinitarien Ferenc Dávid. Il passa une grande partie de sa vie comme prêcheur à Kolozsvár ; il y fonda une imprimerie, aménagea un moulin à papier et publia 45 livres en 20 ans.

Le recueil qui vient de paraître contient des passages des 4 oeuvres principales de Heltai (ses écrits théologiques n'y figurent pas). Dans son «Dialogue» (1552), inspiré d'un essai de l'Allemand Sebastien Franck, il fait l'éloge de la sobriété et de la mesure bourgeoises, face à la débauche et à l'ivrognerie. En travestissant les Fables d'Ésope (Cent fables, 1566), il exposa les doctrines sociales et morales de la Réforme et prit position contre les méthodes féodales qui s'apparentaient au vol. Son écrit le plus combattif s'intitule «Filet». Écrit en 1570, d'après un original espagnol, il dénonce les méthodes criminelles et inhumaines de l'Inquisition. Le recueil publie aussi certains passages de la «Chronique hongroise», parue en 1575, après la mort de Heltai. Dans cette dernière oeuvre, il traduisit en hongrois, en la remaniant «L'histoire de la Hongrie», écrite en latin par l'humaniste Bonfini.

Bien que ces oeuvres fussent d'inspiration étrangère, Heltai traitait ses sources avec une grande liberté et ses écrits reflètent avec fidélité les conditions qui régnaient à son

époque en Transylvanie. Ils sont tous caractérisés par les traits saillants de sa conception du monde, à savoir son opposition irréductible à la féodalité et à l'Église catholique.

La «Postface» d'I.Nemeskürty expose brièvement les principaux événements de la vie de Heltai, contient une description du contenu et de la forme de ses oeuvres et explique les considérations qui ont présidé au choix des oeuvres.

L. Makkai : Exploitation agricole paysanne et fermière au XVIe siècle. Édition Agriculture, Budapest—Gödöllő, 1957. 32 p. (Études de l'histoire d'agriculture N° 2.)

Dans son étude L. Makkai donne un aperçu — dans les rapports des régions septentrionales et orientales du pays — sur le plus saillant caractéristique de l'agriculture hongroise du XVIIe siècle : de la séparation de l'exploitation paysanne et fermière, plus précisément de la séparation survenue entre l'exploitation seigneuriale et paysanne. L'exploitation fermière est considérée par l'auteur comme partie du «second servage» développé en Europe orientale et l'essor de son évolution est mis dans la perspective de la transformation capitaliste de l'agriculture. Au cours de ses recherches l'auteur se penche d'abord sur le problème du fermage (l'utilisation de la terre) et des conditions du travail, il nous expose ensuite la structure de l'exploitation des propriétés fermières (allodiales) et leurs outillages techniques. Il nous donne à l'aide des relevés en tableaux le rapport et l'état de l'exploitation paysanne et fermière dans le domaine de la production végétale (production des céréales et de la viticulture), de l'élevage du bétail (chevalin et bovin, l'élevage des porcs, la bergerie et l'apiculture). Par le parallèle établi entre l'exploitation paysanne et fermière du XVIIe siècle, l'auteur tire la conclusion finale que les fermes de l'époque n'étaient autres que de grandes exploitations paysannes et qu'elles ne parvinrent à former que les prémisses et les germes des possibilités techniques inhérentes à la grande culture.

Ouvrages pédagogiques choisis de J. Apáczai Csere. Rédaction, introduction, notes et traduction des textes latins par L. Orosz. Budapest, Édition des Manuels Scolaires, 1957. 217 p. Bibliothèque de l'Histoire de l'Education.

Le Transylvain J. Apáczai Csere est l'une des personnalités les plus intéressantes de l'histoire de la pédagogie hongroise. Né en 1625 en Transylvanie, il fit ses études supérieures en Hollande. Comme professeur, il inaugura une nouvelle phase du puritanisme en cette Transylvanie qui, depuis un siècle déjà, connaissait la vie d'un État indépendant et dont le développement politique, social et culturel différait à plus d'un égard de celui des autres parties de la Hongrie. Au moment où commença l'activité d'Apáczai, le puritanisme possédait, en Transylvanie un passé de plusieurs dizaines d'années. C'était l'idéologie qui correspondait le mieux aux intérêts des éléments paysans et bourgeois en pleine ascension : elle était propagée par des prêtres et des professeurs ayant terminé leurs études en Angleterre et en Hollande et qui voulaient obtenir la démocratisation de l'Église réformée et la réforme de l'enseignement en la rendant plus conforme aux exigences de la vie pratique. Dans l'enseignement, ils suivaient la méthode et utilisaient les manuels de Comenius. C'est la philosophie de Descartes qui exerça sur Apáczai une influence décisive, lorsque celui-ci poursuivait ses études en Hollande, et c'est sur la base de la philosophie cartésienne qu'il entreprit, en Transylvanie, la réforme du programme de l'enseignement puritain. Il voulait remplacer l'enseignement formel et unilatéral par une formation encyclopédique et par un système de connaissances universelles, en mettant l'accent sur les sciences naturelles. Il réalisa une «Encyclopédie hongroise», en s'inspirant notamment des oeuvres de Descartes, de Regius, de Ramus et d'Amesius. Ce gros volume, écrit en hongrois, était destiné à servir de manuel pour le nouvel enseignement. Plus tard, en s'inspirant de la logique de Ramus, Apáczai a publié une Logique en hongrois. Il exposa ses conceptions relatives à la réforme de l'enseignement dans deux discours rédigés en latin : «De studio sapientiae» et «De summa scholarum necessitate». Dans ce dernier, il insistait — dans l'esprit du puritanisme — sur la nécessité de remplacer dans l'enseignement élémentaire, le latin par la langue maternelle, et critique vigoureusement les conditions sociales et économiques arriérées, dues aux défauts du système scolaire.

Les propositions d'esprit moderne d'Apáczai, critique passionné, l'opposèrent souvent aux milieux dirigeants ecclésiastiques et politiques de l'Église protestante orthodoxe de Transylvanie et lui valurent de nombreuses persécutions. Rien ne fut réalisé de ses projets qu'il compléta par une proposition relative à la création d'une Académie. Lorsqu' il mourut à l'âge de 34 ans, la Transylvanie indépendante en était déja à son déclin et aucune possibilité n'existait plus de réaliser ses projets.

L'ouvrage publie les oeuvres d'Apáczai dont nous venons de faire mention, ou certains passages particulièrement importants du point de vue de la pédagogie et de l'histoire de l'éducation, avec d'abondantes notes éclairant le monde des sciences de l'époque. En esquissant le milieu hongrois et étranger dans lequel Apáczai exerça son activité, l'introduction analyse cette activité en se basant sur des recherches personnelles.

T. Wittman : La «révolution du prix» et les phases initiales des rapports du marché mondial (1566—1618). Maison d'Édition de l'Académie Hongroise de Sciences Budapest, 1957. 70 p. (Etudes du domaine des sciences historiques — Nouvelle série N° 4)

L'auteur traite dans le livre des origines et le développement des rapports du marché mondial dans l'époque indiquée sur la base des plus récentes données de la littérature étrangère, et, plus particulièrement, les relations réciproques des unités de développement de l'Europe occidentale et orientale. Au cours de ses recherches l'auteur s'efforce de déterminer les causes économiques qui ont contribué à la consolidation du régime du «deuxième servage» en Europe centrale.

Les chapitres du livre de T. Wittman sont les suivants : «Les origines de l'époque des manufactures et des guerres commerciales» qui enquète sur certains problèmes de périodicité de la transition du féodalisme au capitalisme, ainsi que sur l'importance de la révolution néerlandaise pour toute l'Europe. Dans le deuxième chapitre intitulé «La révolution du prix, facteur spécifique de la première phase de développement du marché mondial» l'auteur fait l'analyse des répercussions dues au développement industriel des sociétés occidentales et qui résultèrent en la permanence du caractère agraire des pays orientaux. Le troisième chapitre «Nouvelles lignes de force européennes des échanges mondiaux» qui s'occupe en premier lieu du développement régulier des principales artères du commerce ouest-est, des régions méditerranéennes et de la Baltique. Dans le quatrième chapitre «Hausse des prix, dévaluation de la monnaie et l'évolution agraire en Hongrie» l'auteur met en relief les conséquences des répercussions fâcheuses et retardatrices de la révolution du prix de l'Occident dans les relations hongroises, autrichiennes et tchèques. Pour terminer, dans le chapitre cinq, intitulé «Contributions au problème des relations des domaines du développement» un vaste horizon nous est donné de la bibliographie étrangère sur la question du «deuxième servage», en esquissant les conséquences négatives de l'évolution tardive que celle-ci avait eu dans la vie des pays de l'Europe centrale et orientale.

L'auteur émet l'opinion que malgré les différences du développement entre les pays occidentaux et orientaux, l'unité de la vie économique européenne était parvenue à un échelon plus élevé et devint plus moderne au tournant des XVIe et XVIIe siècles.

A la mémoire d'Hegel. Ouvrage commémoratif publié sous la direction de J. Szigeti. Éditions de l'Académie, Budapest, 1957. 239 p.

A l'occasion du 125e anniversaire de sa mort, les philosophes marxistes hongrois ont consacré un recueil d'études à la mémoire du grand philosophe allemand G. W. Fr. Hegel. Dans sa brève introduction de ce recueil, J. Szigeti souligne qu'en donnant une vue d'ensemble des lois du mouvement dialectique, Hegel était l'un des principaux précurseurs de la philosophie marxiste. Ce n'est pas un hasard, si, dans les commémorations organisées dans le monde entier, les philosophes marxistes ont joué un rôle si important.

L'ouvrage contient six études. La première due à B. Fogarasi et intitulée : «La conception de la contradiction dans la Logique de Hegel» analyse la nouveauté et la supériorité de la conception hégélienne de la contradiction par rapport à la logique formelle aristotélienne et à la dialectique préhégélienne, et, tout en indiquant, du point de vue marxistes, certaines limites de la Logique de Hegel, le défend contre les critiques bourgeois selon lesquels Hegel aurait fait de la contradiction logique une loi de la réalité. La seconde étude, de la plume de Gy. Lukács, s'intitule : «Le plan de la Phénoménologie de l'Esprit». C'est un extrait de l'ouvrage «Le jeune Hegel» que l'auteur a publié en langue allemande à Berlin, en 1954. Lukács s'en prend aux commentateurs bourgeois de Hegel qui ne comprenaient pas ou comprenaient mal la méthode du philosophe allemand employé dans la «Phénoménologie». Lukács démontre que la «triple marche de l'histoire» qui caractérise les méthodes employées dans cet ouvrage, n'est pas une thèse arbitraire de l'auteur, mais une conséquence nécessaire de la conviction que l'individu et l'ensemble du genre humain acquièrent en différentes phases les expériences historiques. Dans son essai intitulé : «Contribution à l'étude de la philosophie de droit de Hegel», I. Szabó, polémisant à la fois avec les appréciations bourgeoises-libérales et marxistes vulgaires de Hegel, recherche, dans la philosophie hégélienne du droit les éléments qui, placés sur une base matérialistes, peuvent contribuer au déve-

loppement d'une théorie dialectique et marxiste de l'État et du droit. I. Szabó souligne qu'une interprétation de la philosophie hégélienne du droit diamétralement opposée à l'appréciation marxiste de l'ensemble de la philosophie hégélienne est, à priori, absurde. Dans son étude intitulée : «Le rationalisme de Hegel et de Spinoza — Contribution à la problématique contemporaine du rationalisme» Gy. Nádor indique que les noms de Spinoza et de Hegel dominent deux phases successives du développement du rationalisme moderne et examine les rapports entre le rationalisme dialectique et le rationalisme ancien. L'étude de M. István Hermann est intitulée : «La pensée hégélienne dans la conception du monde des démocrates révolutionnaires hongrois.» L'auteur démontre que la conception du monde des démocrates révolutionnaires hongrois — tel Sándor Petőfi et Pál Vasvári — est la résultante de la conception de l'histoire des philosophes et des utopistes français et de la conception hégélienne de l'histoire, transmise par le mouvement «Jeune Allemagne» et le poète Henri Heine. La dernière étude du recueil, due à A. Heller, s'intitule : «La philosophie hégélienne de l'histoire et les démocrates révolutionnaires russes». L'auteur souligne que chez les démocrates révolutionnaires russes — Belinski, Herzen, Tchernichevski — l'influence de la philosophie hégélienne de l'histoire se manifestait avant tout par la rupture avec le subjectivisme et le romantisme et par la recherche de la réalité objective. Elle indique en outre, qu'à l'origine de la polémique des démocrates révolutionnaires russes contre Hegel à propos de la question de la nécessité et du hasard se trouvait le fait que, contrairement à l'attitude purement contemplative du philosophe allemand, ils voulaient participer activement à la modification de la réalité russe de l'époque.

Zs. Trócsányi : A propos de l'histoire du collège de Nagyenyed (1831—1841). Éditions de l'Académie, Budapest, 1957, 83 p. (Cahiers d'Histoire littéraire — № 9)

Fondé par Gábor Bethlen, prince de Transylvanie, le collège réformé de Nagyenyed était l'un des foyers des mouvements oppositionnels ayant précédé la révolution de 1848. L'ouvrage de M. Zs. Trócsányi évoque certains épisodes pittoresques de la lutte des étudiants de Nagyenyed pendant «l'ère des Réformes».

M. Trócsányi a placé au premier plan de son ouvrage le professeur de droit Károly Szász, personnage central de la vie du collège dans les années 1830. L'auteur analyse la conception du monde progressiste de Szász, nourri des idées des philosophes français et cite, entre autres, un de ses articles consacrés à l'importance historique de l'insurrection lyonnaise de 1831. M. Trócsányi souligne en outre que, du point de vue pratique, Károly Szász était également progressiste, sans être révolutionnaire ; partisan de la monarchie constitutionnelle, il ne sut se hausser au niveau de l'internationalisme révolutionnaire. C'était l'un des derniers savants universels de Transylvanie ; spécialiste des sciences juridiques, il était aussi versé dans les sciences naturelles, écrivit des grammaires et des poèmes et était un pédagogue hors pair.

Le livre traite ensuite des mouvements dirigés contre les Habsbourg des étudiants de Nagyenyed. Il évoque la sympathie de la jeunesse envers les insurgés polonais de 1831 et expose en détail l'activité du «cercle de lecture» du collège de Nagyenyed où les idées de liberté, répandues par la Révolution française étaient maintenues vivaces. A propos de l'histoire des étudiants de Nagyenyed, M. Trócsányi expose constamment l'évolution de la vie politique de Transylvanie, et présente les luttes, à l'intérieur du collège, comme l'un des chapitres de la lutte des forces oppositionnelles en Transylvanie.

Textes choisis de M. Táncsics. Rédigé par L. Gerëb. L'étude d'introduction par L. et F. Vince. Édition Táncsics, 1957 527 p. (Bibliothèque Táncsics — 2)

Dans le volume les écrits de Michel Táncsics, combattant hongrois pour la liberté des peuples du XIXe siècle et personnalité marquante de la révolution hongroise de 1848 sont présentés dans un riche choix aux lecteurs. Grâce à l'étude d'introduction très poussée le lecteur peut suivre le chemin mouvementé de Michel Táncsics [1799—1884] et être renseigné de l'activité et de la qualité d'écrivain et publiciste de celui-ci. Venu du servage, Táncsics devint un écrivain et politicien d'un renom national qui ne renonça jamais à proclamer la justice des siens, du peuple.

Pour commencer on trouve dans le volume le pamphlet de Táncsics au sujet de la *liberté de la presse*, écrit en 1844, dans lequel il apporte toutes les raisons de la philosophie française du XVIIIe siècle pour la liberté de penser contre la tyrannie haïe des Habsbourgs. Dans le deuxième pamphlet publié, intitulé «*Voix du peuple — voix de Dieu,*» écrit en 1847 et qui lui valut la prison, il exprime avec toute âpreté d'un démocrate révolutionnaire la nécessité de l'abolition de l'ordre féodal et la revendication de l'affranchissement complet des serfs sans aucune

indemnité. Le volume contient dans la suite un ample choix puisé de la Gazette des Ouvriers *(Munkások Ujságja)* de 1848, du journal lancé par Táncsics deux semaines après sa libération de la prison par la révolution victorieuse de Mars. Ce journal bien que feuille populaire au début, devint dans la suite l'organe de l'opposition au gouvernement hongrois de 1848 et a exprimé seul, jusqu'à sa suppression survenue en décembre 1848, les revendications de la paysannerie. Des écrits datés des années d'exil qui succédèrent à la chute de la guerre d'indépendance hongroise, le volume donne deux pamphlets intitulés *Les républicains rouges et ce qu'ils veulent* (1851) ainsi que *L'alliance de sept nationalités* (1857). Dans le premier pamphlet Táncsics développe ses opinions sur le socialisme utopiste, sur l'égalité économique et sociale entre les gens, dans le deuxième il lance l'idée d'un ralliement des nationalités oppressées par la tyrannie autrichienne, turque et russe. De la période d'après le compromis de 1867, publication est faite des articles publicistes de Táncsics écrits en tant que président de L'Association Générale des Ouvriers pour le journal intitulé *Arany Trombita* (Trompette d'or) qui portent témoignage de sa compréhension de l'interdépendance qui existe entre la classe ouvrière et la paysannerie. Pour terminer, le volume publie l'oeuvre la plus mûrie aussi du point de vue littéraire de Táncsics, intitulée «*Életpályám*» (Ma vie) qu'il a rédigée en plusieurs étapes et dont les dernières parties datent de 1880.

Par la richesse des annotations la lecture du volume Táncsics devient très aisée.

G. G. Kemény : Problèmes sociaux et nationaux dans la presse militaire de la guerre d'indépendance. Édition de l'Institut d'Histoire Militaire, Budapest, 1957. 173 p. 2 cart.

A partir de décembre 1848, la presse de la révolution et de la guerre d'indépendance hongroises de 1848—49 s'enrichit d'un nouvel organe ; en vue d'assurer l'information régulière de la population et de l'armée, le général à la renommée légendaire Joseph Bem lança à Kolozsvár le journal «Honvéd.» Ce premier journal militaire fut suivi de cinq autres, en 1849, dont trois paraissaient en Transylvanie et deux dans la ville de Komárom, investie en décembre 1848 par les troupes impériales et libérées en avril 1849 par les forces hongroises de la Honvéd.

L'ouvrage de G. G Kemény rend compte des origines, de l'histoire et de la disparition des journaux militaires de la guerre d'indépendance de 1848—49, et, sur la base de l'analyse des différents articles et compte-rendus, il essaie de montrer comment ils reflètaient les principaux problèmes militaires, politiques et sociaux de la guerre d'indépendance. Au cours de cette analyse, l'auteur souligne l'opposition entre les seigneurs et les paysans qui divisait le camp de la guerre d'indépendance et la façon dont cette opposition se manifesta dans les rangs de l'armée. L'auteur expose la prise de position des différents journaux militaires dans la question du soulèvement populaire, de la garde nationale et dans la question des nationalités, ainsi que leurs opinions sur la monarchie et sur la république, sur la déchéance des Habsbourg et sur la politique étrangère à suivre. En ce qui concerne ce dernier sujet, l'auteur souligne la sympathie de ces journaux à l'égard de la France et s'étonne du manque d'intérêt à l'égard des événements d'Allemagne.

L'auteur insiste sur le fait que les journaux militaires constituaient la presse de gauche de la guerre d'indépendance. Ayant surmonté de nombreuses difficultés techniques et personnelles, ils sont restés jusqu'au bout fidèles à la cause de la révolution et de la guerre d'indépendance et préconisaient une évolution bourgeoise à base populaire. Leur importance était particulièrement grande dans la dernière phase de la guerre, après la déclaration d'indépendance du 14 avril 1849, alors qu'ils étaient l'interprète des sentiments révolutionnaires de l'armée contre la réaction nobiliaire, qui, à l'arrière du front, relevait la tête . . .

L'étude de G. Gábor Kemény est suivie d'une bibliographie complète de la presse des années 1848 et 1849, due à M. Busa.

I. Hajnal : La politique étrangère du gouvernement Batthyány. Éditions de l'Académie, Budapest, 1957. 132 p.

L'ouvrage de M. Hajnal est consacré aux problèmes de politique étrangère de la première période de la révolution hongroise de 1848 (mars-septembre 1848). Durant cette période, le gouvernement hongrois chercha surtout à faire reconnaître par les puissances européennes l'indépendance de la Hongrie en matière de politique étrangère et, en particulier, son droit de nommer des ambassadeurs indépendants. M. Hajnal montre documents à l'appui, comment ces efforts du gouvernement hongrois échouèrent en automne 1848, à la suite du glissement vers la droite qui s'était opéré das toutes les révolutions de 1848 et de la plus grande habileté diplomatique de la Cour de Vienne.

Après les victorieuses journées de mars, le gouvernement révolutionnaire hongrois chercha à établir des liens d'amitié avec

l'Angleterre. Cependant, le gouvernement britannique, soucieux avant tout de maintenir l'équilibre en Europe, ne voulait pas l'affaiblissement de la monarchie des Habsbourg et fut hostile aux tentatives de rapprochement du gouvernement hongrois. Dès l'été 1848, la politique étrangère du gouvernement hongrois s'orienta avant tout vers l'Allemagne unifiée et vers le Reichstag de Francfort, qui, fin août, reconnut effectivement la souveraineté de la Hongrie en matière de politique étrangère. Le gouvernement hongrois envoya alors László Teleki à Paris, avec la mission d'établir des relations diplomatiques directes entre la France et la Hongrie, mais l'énergique protestation du gouvernement autrichien, en septembre, incita les gouvernements européens à la prudence. Les espoirs placés en Francfort et en Paris se révélèrent vains.

L'ouvrage de M. Hajnal esquisse dans ses grandes lignes presque tous les grands problèmes de politique étrangère qui agitaient l'Europe de 1848. L'auteur traite notamment des tentatives prusso-hongroises de rétablir l'indépendance de la Pologne, de la question de l'Italie unifiée et du point de vue adopté à ce sujet par le gouvernement et l'Assemblée nationale hongrois. L'auteur insiste sur les grandes perspectives qui s'ouvraient, au début de l'été 1848, devant le gouvernement hongrois. A l'opposé des ouvrages précédemment parus, il souligne que la politique d'indépendance en matière de politique étrangère n'était pas uniquement celle de Kossuth, mais qu'elle était partagée par l'ensemble du gouvernement hongrois et notamment par le président du Conseil Lajos Batthyány.

Après septembre 1848, alors que la direction de la guerre d'indépendance fut assumée par le Comité National de la Défense de la Patrie, Kossuth ne fit que poursuivre la politique inaugurée au printemps et en été 1848 par le gouvernement Batthyány. Enfin, l'ouvrage de M. Hajnal montre la justesse de la Révolution et de la guerre d'indépendance hongroises de 1848—49 et aussi son tragique isolement.

«La politique étrangère du gouvernement Batthyány» est un ouvrage posthume de cet éminent historien. Dans la préface, l'éditeur retrace l'activité de M. Hajnal en tant qu'historien et pédagogue, souligne la grande valeur de son travail posthume tout en indiquant certains points problématiques de la conception qui y est exposée.

I. Révész: Quelques chapitres de la politique ecclésiastique de l'époque Bach. Éditions de l'Académie, Budapest, 1957. 212. p. (Essais d'histoire — Nouvelle série 2-3).

Vainqueur de la guerre d'indépendance hongroise de 1848—49, le gouvernement des Habsbourg avait comme objectif principal de créer une monarchie centralisée en y intégrant la Hongrie. La politique ecclésiastique poursuivie à cette époque par la Cour de Vienne avait un rôle important dans la réalisation de cet objectif.

L'ouvrage de M. I. Révész traite des répercussions, en Hongrie, de la politique du gouvernement de Vienne vis-à-vis des Églises catholiques et protestantes, dans les années 1850. Contrairement aux ouvrages précédemment parus et traitant d'un sujet analogue, l'auteur écarte délibérément tout préjugé confessionnel et présente les phénomènes religieux et ecclésiastiques en partant de la situation sociale et historique. Après avoir, suivant cette méthode, exposé les antécédants et le contenu du concordat de 1855, réglementant les affaires de l'Église catholique, l'auteur révèle les dessous historiques et la véritable destination de l'«Entwurf» et de la patente impériaux (1856 et 1859) qui devaient présider à la vie des églises protestantes. Pour régler la situation de l'Église catholique, et des Églises protestantes, le gouvernement de Vienne avait en vue le maintien de la cohésion de la monarchie, mais alors que dans les conditions de la politique intérieure et étrangère donnée, il devait abandonner la conception de Joseph II et souffrir l'accroissement du pouvoir des évêques et du Pape, il soumit, à l'exemple de la Prusse, les corps ecclésiastiques autonomes des églises protestantes à une rigoureuse surveillance de la part de l'État. L'auteur a exposé en détail la résistance provoquée par la patente sur les Églises protestantes, résistance qui, en mai 1860, finit par contraindre la Cour à abandonner ses positions, préparant ainsi indirectement la chute du système absolutiste.

Contrairement aux opinions qui prévalaient jusqu'à présent, I. Révész met en relief les contradictions qui caractérisaient la résistance des protestants en 1859 et en 1860. Il démontre que le rôle dirigeant, dans ce mouvement, était joué par les «laïcs», c'est-à-dire par des aristocrates, grands et moyens propriétaires, désireux de recouvrer leurs anciennes positions. M. Révész souligne que, dans la situation historique donnée, une telle attitude était au service du progrès ; elle mobilisait, en effet, le peuple de Hongrie contre l'absolutisme des Habsbourg ; mais elle avait aussi des conséquences négatives, puisqu'elle renforça l'influence et le prestige des forces féodales dans la vie des Églises protestantes. Pour terminer, l'auteur souligne le rôle historique négatif joué par le cléricalisme catholique et protestant dans le système parlementaire du «dualisme» instauré à la suite du compromis de 1867.

L. Ruzsás: L'évolution capitaliste de l'industrie dans les parties sud-est de la Cisdanubie (1848—1900). Édition de l'Institut Scientifique Cisdanubien de l'Académie Hongroise des Sciences Pécs, 1957. 38 p. (Collection scientifique cisdanubienne)

Dans son étude topographique L. Ruzsás traite du développement industriel de trois départements hongrois, notamment de Baranya, Somogy et Tolna et dans le cadre de celle, en premier lieu, du développement industriel de la ville Pécs, dans la période d'essor du capitalisme. Pour commencer l'auteur se réfère aux obstacles du développement industriel capitaliste qui existèrent en Hongrie : à la dépendance semi-coloniale de la Hongrie de Vienne, à l'insuffisance des débouchés intérieurs, étroitement liée au premier, ainsi qu'aux restes considérables du féodalisme dans la vie économique et sociale. Il constate que ces circonstances limitantes ont exercé une influence plus importante sur le développement des villes provinciales que sur celui de Budapest. De plus, l'allure du développement a été entravée aussi par la concurrence de l'industrie de la capitale.

Dans la suite l'auteur nous donne un aperçu du développement des communications, de l'échange des marchandises et de l'organisation de crédit des parties sud-est de la Cisdanubie et esquisse aussi les étapes parcourues au cours desquelles la vie industrielle a été organisée par le capital commercial. Après avoir esquissé l'état des diverses branches industrielles, l'auteur relate amplement l'activité organisatrice industrielle de Guillaume Zsolnay, qui, en dépit de la modicité de son capital, de ses stocks minimes en matières premières et de la concurrence acharnée des usines autrichiennes et tchèques réussit à développer son usine à l'aide d'inventions techniques à une entreprise de première importance de l'industrie de porcelaine. Cette usine devint dans le cadre du développement de la haute industrie le prototype de celles, développées indépendamment du capital financier. La survie des entreprises industrielles de la partie sud-est de la Cisdanubie, même leur accroissement en dépit des conditions défavorables doit être imputée selon l'auteur à l'application de nouveaux procédés de fabrication et d'inventions techniques.

A la fin de son étude, L. Ruzsás se réfère sommairement aux conséquences sociales du développement capitaliste.

Les Mémoires de Madame Déry. Introduction, notes et mise sous presse de P. Réz. Budapest, 1955. 1—2. Éditions des Belles Lettres. (Magyar Századok)

Sous le titre de «Magyar Századok» (Siècles hongrois) les Éditions des Belles Lettres ont lancé, en 1955, une série dans laquelle étaient publiés des mémoires, des journaux intimes et des correspondances d'auteurs hongrois. Le premier livre de la série était l'autobiographie de Madame Déry (Róza Széppataki), actrice née en 1793 et morte en 1872. Ce n'était pas la première fois que cette biographie était publiée ; cependant sa réédition fut fort bien accueillie à la fois par les spécialistes qui y trouvaient une source précieuse pour éclairer son époque et par le grand public pour lequel c'est une lecture passionnante.

Jusqu'en 1837, date de la création du Théâtre National de Pest, le théâtre de langue hongroise était essentiellement ambulant. Cependant, les meilleurs intellectuels et les meilleurs aristocrates cultivés de l'époque soutenaient les acteurs qui connaissaient les difficultés de tous les pionniers, parce qu'ils avaient compris que le théâtre national hongrois était une cause nationale et faisait partie de la lutte qui se poursuivait alors pour la création d'une Hongrie indépendante, bourgeoise et nationale, notamment dans le domaine de la culture, de la littérature et des sciences.

Madame Déry était la personnalité la plus marquante de cette première grande génération d'acteurs hongrois et de l'époque héroïque du théâtre hongrois. Elle jouait dans des pièces de théâtre et dans des opéras, dans des comédies et dans des drames. Par l'agrément de sa voix, par l'attrait de sa personne, par son jeu naturel, correspondant au goût de l'époque, elle obtint un grand succès auprès du public et jouissait, entre 1820 et 1830, d'une popularité incomparable.

Elle rédigea ses mémoires — d'ailleurs inachevées — plusieurs dizaines d'années après avoir pris sa retraite, de 1869 à 1872. Elle y fait preuve d'un talent littéraire incontestable, retraçant sa carrière dans un style très personnel, avec un sens aigu de l'observation et un sens dramatique nourri par la littérature dramatique de l'époque. Ses succès et ses échecs, toute la vie des artistes et des amateurs du théâtre de l'époque sont retracés dans cet ouvrage remarquable par son authenticité historique et artistique. Ses mémoires soutiennent la comparaison avec les mémoires d'acteurs français, anglais et allemands du XIXe siècle et leur sont même supérieur par l'intimité de leur ton et le caractère pittoresque du récit.

J. Kelen : Un procès Galilée au XXe siècle. Budapest, 1957. Éditions Kossuth. 205 p.

Alors qu'elle était jeune institutrice, l'auteur participait elle-même à l'activité du cercle Galilée, mouvement de jeunes intellectuels. Elle expose dans son livre, la lutte que menait l'aile gauche de Cercle contre la guerre, des recherches idéologiques et de principe dans lesquelles il s'engagea et le procès qui lui fut intenté.

Le livre relate les événements des années de 1917 et de 1918, au lendemain de la révolution prolétarienne de Russie qui exerça une profonde influence sur la jeunesse intellectuelle. Tout en relatant ses événements historiques, l'auteur retrace aussi son évolution personnelle, ce qui donne à son récit un cachet personnel.

A propos de l'interdiction du cercle Galilée et du procès qui lui fut intenté, Mme Kelen cite les documents des tribunaux à l'aide desquels il reconstitue les principales phases du procès. En 1918, le tribunal militaire fit arrêter cinq jeunes gens, dont I. Duczynska et J. Kelen (l'époux de l'auteur) sous l'inculpation d'incitation à la révolte contre l'ordre établi. L'auteur ne se borne pas à exposer les faits, elle présente aussi les personnages du drame. Les inculpés, condamnés, ne furent libérés qu'après la victoire de la révolution démocratique bourgeoise.

F. József : «Nous courons à la Révolution . . .» Le chemin de la littérature hongroise de 1914 à 1919. Budapest, 1957. Éditions Bibliotheca. 264 p.

Cette monographie traite de la vie littéraire des difficiles années de la première guerre mondiale, et de l'attitude des écrivains. L'auteur parle aussi, dans son livre, de la période de la révolution démocratico-bourgeoise et de celle de la République des Conseils.

Dans son introduction, l'auteur, tout en analysant l'activité de la littérature bourgeoise et ouvrière, celle des revues «Nyugat» (Occident) et «Tett» (Action), constate le renforcement de la littérature dirigée contre la guerre. Les révolutions russes de 1917 et, en particulier, la Révolution d'Octobre a communiqué un nouvel essor à la littérature hongroise ; dans la littérature bourgeoise, nous constatons un raffermissement idéologique et une partie des représentants de la littérature ouvrière devinrent les précurseurs idéologiques de la révolution prolétarienne. Sous la République des Conseils, la littérature révolutionnaire prolétarienne se renforça considérablement.

L'ouvrage traite d'une façon fort nuancée de la littérature de ces années-là, en analysant judicieusement écoles, tendances et écrivains. Une abondante documentation est publiée à titre d'illustrations.

C'est là une lecture passionnante jusqu'au bout, non seulement, parce que l'ouvrage traite de toutes les personnalités importantes de la littérature hongroise, d'Ady à G. Gyóni, mais aussi parce que l'auteur sait toujours dire quelque chose de neuf à leur sujet. La méthode de l'auteur est remarquable : il s'emploie à présenter la littérature comme une partie organique de la société et ne manque jamais de signaler l'étroite interdépendance des problèmes littéraires, politiques et sociaux de l'époque . . .

T. Szamuely : Alerte ! Un choix d'articles et de discours. Budapest, 1957. Éditions Kossuth, 210 p.

Publié à l'occasion du 38e anniversaire de la proclamation de la République des Conseils en Hongrie, avec une préface de B. Kun, ce livre se propose de mieux faire connaître la personnalité de T. Szamuely, commissaire du peuple de la République des Conseils.

La préface, fort bien documentée, de B. Kun, s'appuie à la fois sur des données biographiques de Szamuely et sur les expériences personnelles du préfacier : elle trace un portrait vivant de Szamuely et réfute les calomnies dont celui-ci avait été l'objet avant et après sa mort.

La plupart des écrits de Szamuely, datant de 1918, furent publiés dans le journal «Szociális Forradalom» (Révolution Sociale), édité à l'intention des prisonniers de guerre communiste hongrois de Russie. Szamuely se prononça vigoureusement contre la guerre, pour la cause internationale de la révolution, pour la révolution prolétarienne hongroise. (Notre guerre ; Alerte ; Deux voix, etc.) Il critiqua sans pitié les chefs de la révolution démocratique et bourgeoise de Hongrie (Que s'est-il passé en Hongrie?) et à partir de janvier 1919, lutta, dans son pays, pour la dictature du prolétariat. Il publia de nombreux articles dans l'organe du Parti des Communistes de Hongrie.

Sous la République des Conseils, il s'occupa successivement des problèmes de logements des ouvriers et du maintien de l'ordre dans les territoires situés en arrière du front. En mai 1919, il transmit le salut de Lénine aux ouvriers hongrois et se prononça aux Congrès du parti et du Conseil, ainsi qu'aux réunions du conseil ouvrier de Budapest, en faveur de la République des Conseils. Ses discours et articles enflammés en sont les vibrants témoignages.

Vue par les contemporains . . . La presse hongroise de 1917 et de 1918 sur la révolution prolétarienne russe. Choix, préface et texte de liaison de L. Remete. Budapest, 1957. Éditions Kossuth. 248 p.

Publié à l'occasion du 40e anniversaire de la Grande Révolution Socialiste d'Octobre, cet ouvrage se propose de répondre à la question suivante : «Que pensaient les lettrés hongrois des événements mondiaux qui se déroulaient loin de leur pays?» Déjà, la préface nous avertit que la réponse ne peut être complète, puisque la seule presse est incapable de refléter les multiples effets provoqués par la Révolution d'Octobre.

Pour composer l'ouvrage, L. Remete a puisé dans 300 quotidiens, hebdomadaires et revues de l'époque. Journaux de Budapest et de province, journalistes connus et inconnus, communiqués laconiques et commentaires verbeux reflètent l'écho extraordinaire suscité dans toutes les classes de la société hongroise par la révolution prolétarienne de Russie.

Particulièrement précieux sont les articles de F. Karinthy, D. Kosztolányi, F. Móra, I. Tömörkény, L. Biró, E. Nagy et d'autres qui montrent que les grands hommes de notre vie intellectuelle et de notre vie littéraire ont toujours compris la voix de leur époque, même s'ils n'ont pas toujours su en être les interprètes.

Les fac-similés des coupures de journaux constituent de riches illustrations de ce volume.

Nous sommes la jeune garde. Pages du mouvement de la jeunesse ouvrière. Rédigé par Mme E. Lányi. Budapest, 1957. Institut de l'Histoire du Parti du Comité Central du PSOH — Éditions „Ferenc Móra" pour la jeunesse. 301 p.

Dans ce volume — dont la préface est due à L. Orbán — d'anciens militants du mouvement communiste de la jeunesse évoquent leurs souvenirs. Trenteneuf d'entre eux (dont J. Kádár, I. Horváth, S. Sziklai, D. Nemes, etc.) décrivent leur rencontre avec le mouvement clandestin et leurs luttes pour les idées du socialisme.

Publiés dans l'ordre chronologique, ces écrits offrent une attrayante vue d'ensemble de prés d'un demi-siècle du mouvement de la jeunesse ouvrière. Le mouvement des jeunes ouvriers faisait partie du mouvement ouvrier, en général, et, plus tard, du large mouvement social contre le fascisme. Les événements marquants et les tournants de cette lutte (grève des moissonneurs en 1905, le jeudi «rouge sang», révolution de 1918, République des Conseils, grandes actions et manifestations organisées par le Front Populaire, etc.) sont relatés avec baucoup de chaleur et de détails par ceux qui y avaient directement participé.

Les récits ne portent pas uniquement sur des événements de Hongrie ; on y relate également les luttes que les Hongrois de l'étranger livrèrent contre le régime hitlérien.

Comme l'indique la préface, le but de cet ouvrage est de faire connaître aux jeunes gens d'aujourd'hui le passé héroïque du mouvement des jeunes ouvriers communistes. Le volume semble avoir atteint son but, d'autant plus que les militants l'expriment en un langage simple et direct.

Écrits choisis de K. Ligeti Budapest, 1957. Institut de l'Histoire Militaire — Éditions Kossuth, 150 p.

K. Ligeti était, pendant la première guerre mondiale l'un des chefs du mouvement des prisonniers de guerre hongrois de Russie. Son nom, cependant, n'est guère connu, et le mouvement dont il faisait partie ne fait que depuis quelques temps l'objet de recherches historiques. Ce livre, publié à l'occasion du 40e anniversaire de la Grande Révolution Socialiste d'Octobre, constitue un véritable monument en l'honneur de Ligeti, militant de la révolution prolétarienne.

La préface du commandant S. Sziklai retrace la vie militante de Ligeti, fils d'un forgeron de campagne, devenu révolutionnaire. Tombé en captivité lors de l'offensive de Brousilov, Ligeti ne tarda pas à devenir l'un des organisateurs des prisonniers de guerre hongrois d'Omsk et à lutter aux côtés de la Révolution. Il fut exécuté en été 1919, par les soldats de Koltchak, qui l'avaient capturé à l'issu d'un combat armé.

Dès son jeune âge, Ligeti aimait à écrire. Son premier poème date de 1907. Ses poèmes écrits avant la guerre sont empreints de sentiments lyriques et aussi de la révolte contre l'oppression.

Des quelques brèves lignes adressées du front à ses parents, à ses amis et à ses camarades émane la haine qu'il avait de la guerre.

Pendant sa captivité à Omsk, il fonda le journal «Forradalom» (Révolution) qui devait devenir l'organe des prisonniers de guerre hongrois. Par la suite, c'est dans ce journal qu'il publia ses articles qui reflétaient l'esprit mûr d'un révolutionnaire. Ses écrits (Aux barricades! Aux armes! Que l'honneur des ouvriers soit vigilant! etc.) devaient jouer un rôle d'organisateur dans la lutte pour la défense de la Révolution. Ses articles

et son exemple personnels amenèrent de nombreux prisonniers de guerre hongrois à lutter, en Russie, pour la victoire de la Révolution.

Les décrets de la République des Conseils sur l'éducation nationale. Publié sous la direction de S. Köte. Budapest, 1957. Institut Scientifique de Pédagogie. Manuscrit. 184 p.

Chercheurs, enseignants et revues spécialisées ne se sont guère penchés sur la politique culturelle, pourtant très importante de la République des Conseils. En publiant ces matériaux assez difficilement accessibles, l'Institut Scientifique de Pédagogie se propose précisément de susciter l'intérêt envers ce beau sujet.

Les documents relatifs à l'éducation publique sont groupés en trois parties. La première partie est constituée par la publication presqu'intégrale du rapport, fait en juin 1919, sur l'activité du Commissariat Populaire à l'Éducation nationale. La seconde contient, en ordre chronologique, les décrets relatifs à la protection de l'enfance (comme le décret sur «La protection physique et psychique de l'enfant, etc.). La troisième partie comprend, également par ordre chronologique, les décrets relatifs à l'éducation et à l'enseignement proprement dits, et notamment celui sur «l'expropriation, au profit de la communauté des institutions d'éducation et d'enseignement.»

Enseignants et chercheurs consulteront avec profit cet ouvrage.

Gy. Hajdu : En lutte contre les oppresseurs et les envahisseurs. (Pages glorieuses du mouvement ouvrier de Pécs.) Pécs, 1957. 451 p.

Vieux militant du mouvement ouvrier, le professeur Gy. Hajdu évoque les luttes ouvrières de Pécs, sa ville natale, du début du siècle jusqu'en 1921.

Dans la première partie de son livre, il expose la lutte des ouvriers syndiqués de Pécs au cours des années précédant le première guerre mondiale, pour leurs droits politiques, et pour leur mieux-être économique.

La plus grande partie du volume est consacrée à la période de la Révolution d'Octobre de Russie et aux événements des révolutions hongroises. De l'automne 1918, jusqu'en août 1921, Pécs était occupée par les troupes yougoslaves. Hajdu décrit à ce propos la vie de la ville occupée, ainsi que l'histoire de la révolution démocratique bourgeoise et de la République des Conseils à Pécs. En outre, il expose les détails des luttes fort complexes qui opposaient les masses de la ville de Pécs et du département de Baranya au régime Horthy.

La valeur de l'ouvrage ne réside pas uniquement dans le fait que son auteur était une personnalité éminente du mouvement ouvrier de Pécs, mais aussi parce qu' il contribue à l'étude scientifique des nombreuses questions. L'auteur, en effet, puise largement dans la presse de l'époque et dans les matériaux des archives. Certains documents précieux sont publiés en annexe.

Annales Universitatis Scientiarum Budapestinnensis de Rolando Eötvös nominatae. Sectio Historica, Tomus I. Redigit : Z. I. Tóth. Édition des Manuels Scolaires, Budapest, 1957. *252 p.*

Cet annuaire donne un aperçu du travail scientifique qui se poursuit aux différentes chaires de la Faculté d'Histoire de l'Université Loránd Eötvös. L'idée d'éditer cet ouvrage ainsi que les travaux de rédaction sont dûs à Z. I. Tóth, ex-doyen de la Faculté, décédé dans des conditions tragiques qui voulait, par ce projet, donner la possibilité à de jeunes enseignants de publier des oeuvres scientifiques et renforcer les relations entre le travail d'enseignement et la recherche scientifique. Le premier volume de l'annuaire qui vient de paraître contient des études de spécialistes du Moyen Age ; le volume suivant, dont la publication est envisagée sera consacré aux résultats des recherches historiques de la période moderne et contemporaine.

L'annuaire publie un article de J. Perényi, dédié à la mémoire de Z. I. Tóth et une bibliographie d'I. Varga, consacré aux ouvrages publiés par Z. I. Tóth. Celui-ci, de son côté, avait écrit, pour l'annuaire, un article commémoratif sur M. Gyóni, éminent byzantologue hongrois mort en 1955.

L'annuaire contient dix études. La communication de J. Banner, intitulée : «La représentation de l'homme sur un ustensile de l'époque de bronze, retrouvé à Tószeg», soulève, à propos d'une récente trouvaille, le problème des ustensiles dits «à grenouille», et, polémisant avec des archéologues allemands soutient que ces dessins représentent non pas des grenouilles, mais des hommes. L'étude de J. Sarkady, intitulée : «A propos des origines de la société esclavagiste grecque», traite de certains problèmes de périodisation relatifs aux époques minéennes, helléniques, mycéniennes et achaïques de la Grèce antique. L'auteur corrige certaines constatations faites par Engels et discute avec des historiens

soviétiques. — Dans l'étude suivante, «Transformation technique et organisatrice de l'industrie de la filature en Flandre aux XIe et XIIIe siècles», l'auteur, P. Váczy, décrit les instruments de travail introduits au Moyen Age dans les filatures de Flandre (rouet, métier à tissé horizontal à pédale) et montre comment, au Moyen Âge, la composition essentiellemt aristocratique de la clientèle avait empêché la mécanisation des travaux. Dans son étude «Mouvements sociaux à l'époque de la Bulle d'Or, dans le miroir du "Regestrum" de Várad» G. I. Bolla décrit, sur la base de cette précieuse source de l'histoire du Moyen Age hongrois, les changements importants survenus dans la première moitié du XIIIe siècle dans la vue économique, sociale, et politique, l'émiettement des domaines-forteresses royaux, le renforcement des grandes propriétés laïques, les procès frontaliers et les conflits de pouvoir que ces changements ont entraînés, ainsi que les mouvements des couches sociales inférieures. Dans son étude intitulée : «Contributions à la solution des problèmes soulevés par la chronique Kézai» J. Gerics polémisant avec P. Váczy qui avait déjà étudié cette question, montre que ce chroniqueur de la Cour de la seconde moitié du XIIIe siècle considérait l'ensemble de l'histoire de la Hongrie en se plaçant sur la pérennité de la communauté nobiliaire et que la source principale de sa conception de la société était le droit romain. L'étude «La loi de l'année 1298 du roi Endre III» de L. Szilágyi examine les circonstances dans lesquelles est née cette loi, et, après une analyse critique approfondie des sources, l'auteur conclut qu'une partie des articles considérés jusqu'à présent comme faisant partie de la loi de 1298 était rédigé sans doute entre 1312 et 1315, sous le règne de Charobert. L'étude de J. Perényi : «La légende de Saint Ladislas en Russie» retrace les formes dans lesquelles apparut au XVe siècle, en Russie, la légende de ce roi de Hongrie ayant vécu au XIe siècle et en conclut à l'existence de fortes relations culturelles entre les milieux culturels de l'Est et l'Ouest ; la Hongrie y ayant joué un rôle d'intermédiaire. L'étude d'E. Nagy : «Les problèmes de l'écoulement des produits agricoles à l'époque du règlement des domaines seigneuriaux en Hongrie» montre, sur la base d'une enquête nationale effectuée à l'occasion du règlement des domaines seigneuriaux décrété par Marie-Thérèse, la faiblesse du marché intérieur hongrois du XVIIIe siècle et voit, dans cette faiblesse, la principale raison du niveau assez bas de la production agricole hongroise de l'époque. Dans son étude intitulée : «Le Triple Miroir, base de l'enseignement de l'Histoire de la Hongrie dans la première moitié du XIXe siècle» montre le rôle important qu'a joué ce manuel de géographie et d'histoire de la Hongrie, publié dans les années 1770, dans la formation de la conscience nationale. Enfin l'étude intitulée : «Splendeur et décadence d'un maître de corporations d'un bourg hongrois sous l'ère des réformes» de Gy. Szabad décrit la ruine d'un fabricant d'étoffes de Transdanubie, rapidement enrichi, sous l'effet de la crise économique européenne des années 1830—1840, et notamment, de la chute des prix et la crise du crédit qui en étaient les conséquences.

Études historiques du passé de Budapest XII. Maison d'édition de l'Académie hongroise des sciences, Budapest, 1957. 571 p.

Le volume très représentatif, richement illustré, avec des résumés rédigés en langues étrangères (russe, français, allemand et anglais) contient dix études séparées traitant de l'histoire de la capitale hongroise.

Dans l'étude «*Le problème de la continuité des colonies pannoniennes et les origines de l'évolution des villes du pays*» *Gy. Székely* donne un aperçu critique de l'école bourgeoise d'histoire étudiant les origines de l'évolution urbaine — plus précisément de l'école de Dopsch —. La continuité romaine ne peut être établie selon l'auteur dans les relations hongroises que pour Pécs et pour quelques colonies des environs de Balaton. *A. Kubinyi* dans son étude «*Le personnel de la trésorerie à la fin du XVe siècle*» fait des recherches sur l'importance de l'institution de la familiarité dans le travail de la trésorerie générale de Buda au Moyen Âge. Dans l'étude intitulée «*L'économie et les dettes de la ville de Buda dans la première partie du XVIIIe siècle*», *I. Nagy* suit de près l'économie de Buda depuis 1686 — date de l'affranchissement de Buda de la domination turque. Bien que la bourgeoisie de la ville ait réussi à s'assurer le privilège du statut de la ville royale libre en dépit de l'opposition des organes administratifs viennois et d'une coterie municipale détentrice illégale du pouvoir, l'évolution de la ville a été refreinée par l'état grave de l'économie municipale et le progrès de Buda en comparaison du développement d'autres villes hongroises a été retardé. Dans son étude «*L'agriculture à Pest au XVIIIe siècle*», *L. Nagy* constate que l'agriculture se trouva bientôt reléguée au second plan et le commerce ainsi que l'industrie gagnèrent une importance accentuée dans la vie de Pest qui prit de plus en plus sensiblement la position d'une capi-tale au XVIIIe siècle. *S. Gyömrei*, décédé récemment, a suivi de près dans son

étude «*La formation du capital commercial et son rôle à Pest-Buda jusqu'à 1849*» le processus de l'accumulation du capital commercial depuis 1686 dans la première ville du pays. Il a insisté sur l'influence retardatrice de l'économie politique de la cour des Habsbourgs exercée sur l'épanouissement du capital commercial hongrois et sur la formation du capital industriel. Dans son étude «*Données sur l'architecture de Buda dans la première partie du XIXe siècle*», *S. G. Zakariás* s'efforce de reconstruire au moyen de données sur plus de 500 bâtiments et à l'aide de nombreux pans la carte architectonique de Buda au début du siècle passé. L'auteur de l'étude suivante «*La région de Budapest en 1848*», *E. Lakatos* traite d'une manière détaillée de l'aspect féodal de la structure sociale et historique des villages suburbains de Budapest et constate que la vie de ces villages a été déterminée en premier lieu par les mouvements des masses de colons, mécontantes des expédients de la réforme sociale de 1848. Dans l'étude de *J. Berlász*, intitulée «*Les premiers 50 ans de l'usine Ganz*, 1845—1895» on peut suivre de près l'évolution imposante de l'entreprise depuis la petite fonderie d'Abraham Ganz à Buda l'usine gigantesque de machines, wagons et d'électricité de la fin du siècle dernier qui acquit le renom partout au monde et dont le succès immense est à attribuer à ses ingénieurs, excellents inventeurs (André Mechwart, Charles Tscheuke, Charles Zipernovsky, Otto Bláthy, Donat Bánki, Coloman Kandó, etc.) aux centaines de techniciens et contre-maîtres, aux milliers de simples travailleurs. Sous le titre «*La bibliothèque de l'Univeresité et la vie scientifique de 1849 à 1876*» *A. Tóth* publie une étude sur les fractions scientifique, social et politique assumées par cette institution importante et fait une appréciation des mérites du personnel affecté à la bibliothèque à l'époque traitée. La série des études se termine par celle de *Mme A. Lenkei* intitulée *Les origines du Musée Historique de Budapest* qui nous révèle les circonstances historiques ayant contribué dans la seconde partie du siècle passé à un accroîssement de l'intérêt général pour l'histoire de villes partout en Europe. L'auteur brosse un tableau détaillé sur l'histoire de l'enrichissement des collections du Musée Historique de Budapest.

Il faut souligner l'importance que revêt l'aperçu d'*E. Fügedy* sur la bibliographie allemande récente de l'histoire des villes du Moyen Âge dans la partie bibliographique, ainsi que l'intérêt que présente le compte rendu de *V. Bélay* sur le premier volume de l'histoire de Moscou (Isztorija Moszkvi) en six volumes publié par l'Académie des Sciences de l'Union Soviétique à l'occasion du 800e anniversaire de Moscou.

Ferenc Eckhart

(1885—1957)

Une grande perte vient de frapper les sciences historiques hongroises. Ferenc Eckhart, professeur d'Université, titulaire de la chaire des sciences politiques et juridiques hongroises de l'Université Loránd Eötvös, ex-doyen de la Faculté des Sciences Politiques et Juridiques, docteur en droit, savant et éducateur éminent, s'est éteint après une longue maladie. M. Eckhart était membre du comité directeur de la Société Hongroise de l'Histoire, ancien directeur de la revue «Századok» ; avec lui a disparu un historien remarquable qui avait déployé son activité pendant un demi-siècle.

La carrière de Ferenc Eckhart était longue et brillante. La période pendant laquelle il exerçait son activité était particulièrement mouvementée pour la vie de la société et de l'Etat hongrois. C'était là une époque particulière qui ne permettait à aucun érudit de se retrancher dans sa tour d'ivoire, surtout s'il recherchait la vérité avec autant d'ardeur et dans d'aussi nombreux domaines que le fit le professeur Eckhart. C'est aussi peut-être la raison pour laquelle son oeuvre fut plus discutée que celle de la plupart des érudits. Serviteur de la science, M. Eckhart a vécu pour son travail ; c'était sa passion, sa raison d'être. Pendant les 28 années qu'il enseignait, il a formé de très nombreux élèves dans l'amour de la justice, dans l'esprit de l'humanité, de la droiture, et de l'infléxibilité.

M. Eckhart était l'un de nos historiens les plus érudits et les plus actifs ; il avait acquis une véritable maîtrise dans les recherches archivistiques. Son oeuvre est celle d'un des derniers grands personnages de la science bourgeoise hongroise, dans le domaine de l'histoire politique et juridique du Moyen Âge comme dans celui de l'histoire économique contemporaine. Il ne craignait pas d'aborder les problèmes les plus complexes. Depuis longtemps, il traitait les multiples problèmes des rapports du progrès et de l'indépendance nationale, qui est la question théorique la plus importante de notre histoire du XVe au XIXe siècle. Avec l'humilité qui caractérise les hommes de science, il ne cessait d'étudier, se familiarisant, à un niveau élevé, et, puisant, autant que possible dans des sources originales, avec les tendances de la science bourgeoise et les résultats des historiens occidentaux et slaves, et les utilisait avec un esprit critique, en les confrontant sans cesse avec les faits.

Il fondait son activité d'historien juridique sur des chartes et s'occupa à fond des problèmes relatifs à l'application des lois et à l'évolution réelle et souple de la coutume. Il élargit considérable les sujets et les époques sur lesquels portait l'histoire du droit, et applique hardiment la méthode comparée, même à une époque où la majorité des étudiants en droit étudiait, en fait d'histoire du droit, le droit nobiliaire de Werbőczi. Il avait incité ses élèves

les plus chers — disparus trop tôt — à traiter de sujets très importants qui apparaissent comme tels même aujourd'hui. Dans ses publications qui se succédaient pendant un demi-siècle, le professeur Eckhart traita toute une série de questions, comme la contribution royale, les «lieux authentiques», la politique économique de la Cour de Vienne au XVIIIe siècle, les questions théoriques de l'histoire constitutionnelle, le pourvoiement des sièges épiscopaux, la loi familiale de la maison Habsbourg-Lorraine, les conceptions juridiques du soulèvement Bocskai, l'évolution historique de l'idée de la Sainte Couronne, le livre des formulaires de l'époque de Werbőczi, les problèmes de la révolution bourgeoise de 1848, la juridiction criminelle des seigneurs aux XVIe et XVIIe siècles, la politique de la cour de Vienne envers les serfs, etc. Il a écrit l'histoire de la Faculté des Sciences Politiques et Juridiques de l'Université de Budapest, publia une Histoire de la Hongrie et une histoire de la constitution et du droit hongrois, ouvrage d'une grande valeur pour lequel il puisait dans des sources directes. Dans tous ses ouvrages, le professeur Eckhart a su, avec maîtrise, rattacher les problèmes de l'histoire de la société et de l'histoire politique à ceux de l'histoire de l'Etat et du droit. Plusieurs de ces livres furent publiés à l'étranger et le professeur Eckhart fit de nombreux exposés à des Congrès internationaux.

Professeur, M. Eckhart dénonça, de bonne heure, les graves fautes des anciens historiens de l'Etat et du droit hongrois. Il déplorait que leurs ouvrages fussent aptes à entretenir un esprit de suffisance nationale et à susciter un certain sentiment de supériorité, et il combattait l'école dite «de droit public», dont les vues étaient peu compatibles avec l'enseignement de l'histoire. Cette attitude, pourtant digne d'un savant, lui valut en 1931 de violentes attaques de la part de la presse de droite et des injures à la Chambre des Députés ; il faillit en perdre sa chaire. Mais les meilleurs historiens de l'époque le félicitèrent sur les colonnes de «Századok», soulignant le caractère positiviste de son oeuvre. Par la suite, son activité continua à évoluer dans les limites que lui imposaient ses conceptions bourgeoisies, mais, refusant toute popularité de mauvais aloi, il demeura homme et savant. Il sut prendre position à sa manière dans ses conférences sur l'histoire du droit et sur l'histoire universelle, en exposant ses conceptions historiques objectives et critiques, en réfutant de nombreuses fausses conceptions, en détruisant des mythes et en découvrant les aspects positifs des relations hungaro—slaves. Ses conférences, les séminaires qu'il dirigeait personnellement, ses efforts en vue de faire connaître les sciences historiques auxiliaires maintenaient vivantes les meilleures traditions de la science bourgeoise. Il ne dissimula pas les méthodes subtiles qu'il employait pour l'analyse scientifique, ni ses méthodes dans le recherche des sources, il permit que s'expriment des opinions indépendantes et donna, devant ses élèves, la parole à ses anciens étudiants devenus érudits à leur tour. Non content d'enseigner à ses étudiants, il les aimait, les formait, les éduquait, redoutant pour eux les vicissitudes de ces années critiques, mais pourtant décisives, alors que le savant, s'il voulait demeurer savant et l'homme s'il voulait demeurer homme ne pouvait ne pas parler. Dès qu'il eut la possibilité de reprendre ses publications, il stigmatisa, dans un manuel paru en 1946, le régime de Horthy, qualifiant de «meurtrière» sa politique de guerre et de mépris des droits.

Ce sont ses sentiments humains et son amour envers les petits-fils des serfs qui l'aidèrent, après la Libération, à surmonter sa crise idéologique.

Il pouvait désormais affirmer sans aucune crainte que l'évolution des institutions juridiques dépendait, en tout temps, de l'évolution de la société. Cependant, il ne lui était pas facile d'adopter les nouvelles méthodes et de se débarrasser de ses vues et de ses méthodes acquises au cours de longues dizaines d'années. Mais pendant que le savant était en proie à de graves combats intérieurs, le professeur s'empressa de reprendre son service, et demeura un enseignant érudit, actif, digne de l'estime de tous. Il assume aussi des tâches qui souvent passaient pour compromettantes dans les milieux intellectuels, et participa, de bonne heure, à des discussions de principe sur les questions posées par la science marxiste.

Les dix dernières années de sa vie étaient consacrées à un travail acharné. Afin de dispenser l'enseignement le plus efficace possible à la génération d'étudiants qui promettait le plus — et dont la majorité était recrutée parmi les enfants des classes travailleuses — M. Eckhart se familiarisa avec les conceptions de la classe ouvrière et, déjà dans son manuel publié en 1946, il tint compte de la littérature historique marxiste hongroise; il apprit la langue du premier pays socialiste et utilisa, dans son travail, les possiblités offertes par la nouvelle conception du monde et par une méthode de travail perfectionnée. Il sut appliquer à sa propre oeuvre la critique historique, l'une de ses plus belles qualités. Aussi, continua-t-il à se développer. Auteur et critique, il travailla avec enthousiasme, participa à de fraternelles discussions, servait le progrès de la science en incitant ses confrères à produire des ouvrages d'un niveau élevé et en fustigeant les parutions défectueuses ou de faible qualité. Les historiens de notre époque nouvelle ont largement profité de ses observations. Lui-même d'ailleurs a appris au contact de ce monde nouveau ; ses récents ouvrages indiquent une connaissance parfaite de la nouvelle littérature et révèlent un esprit toujours attentif aux progrès de la science. Il attira parfois l'attention des historiens sur l'importance des mouvements populaires dans l'évolution des rapports politiques. Notre nouvelle société entoura d'une grande estime sa personne et son oeuvre. A l'occasion de son 70e anniversaire, une fête intime fut organisée en son honneur à l'Université et l'Ordre de Mérite du Travail lui fut attribué. Peu après il contracta sa longue et douloureuse maladie.

Le professeur Eckhart n'abandonna pas pour autant sa tâche et continua à enseigner jusqu'à l'épuisement de sa force. Bien que gravement malade, il se rendit à son poste pendant les journées contre-révolutionnaires afin de lutter contre les manifestations extrémistes de la réaction. Il ne put participer que par ses conseils au travail de redressement, mais il poursuivit son travail scientifique, corrigeant sur son lit de mort le manuscrit de son ouvrage posthume, consacré à la politique économique de la Cour de Vienne de 1780 à 1815.

La mort de cet érudit connu également à l'étranger représente pour l'histoire politique et juridique hongroise une perte qui pendant longtemps ne pourra être réparée. La science hongroise utilisera pendant de longues années encore tout ce qu'il y a de précieux dans son oeuvre et son souvenir restera éternellement vivant dans l'esprit de ses confrères et de ses élèves.

Gy. Székely

Parution du volume I/2 du manuel universitaire «Histoire de la Hongrie»

C'est en mars 1958 que parut le volume I/2 du manuel universitaire «Histoire de la Hongrie» qui traite de l'histoire de la Hongrie de 1526, début de l'occupation turque, jusqu'en 1790, date de l'échec de la tentative de centralisation de Joseph II. Les travaux préparatoires du manuel furent entrepris en 1951. Son texte a été soumis à la discussion en été 1954 par l'Institut d'Histoire de l'Académie des Sciences de Hongrie. Le texte qui vient de paraître est le résultat du remaniement effectué sur la base des enseignements de cette discussion.

La première partie du volume due à István Sinkovics, Tibor Wittmann, Gusztáv Heckenast et László Makkai, décrit la division du pays en trois parties, la création et l'installation du royaume des Habsbourg, des provinces sous l'occupation turque et de la principauté de Transylvanie, la création et le renforcement du système du «servage à perpétuité» et de la lutte du peuple hongrois contre les envahisseurs étrangers (turcs et allemands). Dans cette partie, le manuel décrit en détail la lutte menée par le peuple hongrois contre l'absolutisme des Habsbourg, en s'appuyant sur les forces de la principauté de Transylvanie. En analysant les luttes de Bocskai, de Bethlen et de György I Rákóczi, les auteurs traitent en détail des tentatives de réaliser l'union nationale contre les velléités de colonisation des Habsbourg. Ces efforts culminèrent en la lutte pour l'indépendance nationale de François II Rákóczi, de 1703 à 1711, après l'expulsion des occupants turcs du territoire de la Hongrie.

La seconde partie de l'ouvrage — dont les différents chapitres ont été écrits par Győző Ember, Imre Wellmann et Éva Balázs — décrit le début de la nation bourgeoise dans le cadre du système de colonisation. Après avoir présenté l'évolution de l'absolutisme colonialiste des Habsbourg, l'essor formidable des forces pro uctrices au XVIIIe siècle et les luttes de la paysannerie contre la féodalité et pour la nation, les auteurs analysent les débuts de l'absolutisme éclairé, de l'extension de l'agriculture des métairies, la réglementation des terres seigneuriales et les problèmes des systèmes douaniers colonialistes. Par la suite, le manuel expose l'évolution de l'absolutisme éclairé sous Joseph II et la chute du système de Joseph II. L'ouvrage consacre un chapitre à part à la prise de conscience des peuples non-hongrois de la Hongrie et aux conditions sociales et politiques de leur transformation en nation.

Débat sur le manuel universitaire d'histoire (1849-1880)

C'est en 1954 que fut terminé le manuscrit du tome II/1 du manuel universitaire «Histoire de la Hongrie», qui traite de la période allant de 1849 à 1880. Depuis 1954, il sert de notes aux étudiants. Le débat sur le manuel, organisé par l'Institut d'Histoire de l'Académie des Sciences de Hongrie, a eu lieu le 11 et le 17 décembre 1957.

Les opposants désignés et les personnes ayant participé aux débats ont souligné l'importance du manuel qui a réalisé la première synthèse de niveau marxiste de cette époque, assez négligée jusque-là par les historiens hongrois. Ceux d'avant la Libération ne se sont guère préoccupés de l'histoire économique et sociale de l'époque à laquelle ce manuel attribue la place qu'il convient. Opposants et participants au débat ont souligné aussi que ce manuel traite d'une époque particulièrement importante du point de vue des problèmes de notre temps. Il est très important, à cet égard, de présenter le développement du capitalisme, de la classe ouvrière et du mouvement ouvrier.

Cependant, tout en reconnaissant les mérites du manuel, opposants et participants au débat ont critiqué certaines de ses importantes affirmations. Presque tous les critiques ont reproché aux auteurs de ne pas avoir envisagé cette période de l'histoire de la Hongrie en

étroite corrélation avec le développement de l'Autriche, de ne pas l'avoir considéré suffisamment en rapport avec la situation internationale. La conception «provincialiste» de la période de 1849 à 1867, de la période de «l'absolutisme» a fait d'objet de critiques particulièrement sévères. Les problèmes de l'histoire de l'agriculture de l'époque a également donné lieu à un intense débat. Les critiques ont constaté qu'en décrivant le passage à l'économie socialiste, le manuel prend pour bases les constatations de principe de Lénine, mais se borne uniquement à illustrer les thèses par des exemples et des données. Les auteurs du manuel omettent, en outre, de confronter le développement de l'agriculture hongroise avec celle des pays d'Europe orientale.

Le débat fut particulièrement vif autour de l'appréciation des mouvements d'indépendance nationale. Certains opposants et participants aux débats ont reproché aux chapitres traitant de l'époque de l'absolutisme, de donner un tableau romantique, idyllique des luttes pour l'indépendance nationale et de la politique de l'émigration et négligent, en même temps, les faits indiquant les problèmes sociaux, les contradictions de classe et la lutte des classes. La discussion roulait aussi sur le caractère de l'Etat absolutiste, sur le jugement à porter sur le compromis de 1867, sur le dualisme et sur la phase initiale du mouvement ouvrier. Plusieurs orateurs ont reproché aux auteurs de ne pas décrire les rapports de forces internationaux qui déterminèrent les conditions objectives du compromis de 1867 et le rendirent nécessaire. A propos de l'histoire du mouvement ouvrier, les participants aux débats ont dénoncé les contradictions que contient le manuel concernant l'organisation de la classe ouvrière, en tant que classe. Les orateurs ont déclaré en outre que le manuel ne traitait pas d'une façon rassurante de l'influence du lassallénisme en Hongrie, ni des conditions dans lesquelles le Parti Général des Travailleurs était né. On a reproché aussi la manière dont le manuel traitait l'histoire des nationalités vivant sur le territoire de la Hongrie. En effet, les auteurs voient uniquement dans ce problème un problème national. Cependant, certains participants aux débats ont souligné qu'il serait nécessaire de traiter à part du développement de chaque peuple et de présenter le plus complètement possible, leur cohabitation et leur influence réciproque les uns sur les autres.

Le débat sur le texte du manuel a permis d'élucider tous les problèmes soulevés, même si on n'est pas parvenu à se mettre d'accord au sujet de tous les problèmes. La nécessité d'analyser les événements historiques sous un aspect multilatéral a été vigoureusement soulignée et les enseignements de ce débat pourront sans doute être utilisés lors des travaux préparatoires des tomes suivants du manuel.

Publication de documents diplomatiques du Ministère hongrois des Affaires étrangères, relatifs à l'histoire de la seconde guerre mondiale

En 1957, en accord avec le Ministère des Affaires étrangères et en coopération avec les Archives Nationales, l'Institut d'Histoire de l'Académie des Sciences de Hongrie a entrepris la publication des archives diplomatiques du Ministère hongrois des Affaires étrangères, et, notamment, des documents relatifs aux années de 1936 à 1944. En réalisant ce travail, l'Institut entend s'acquitter d'une vieille dette des historiens hongrois. De nombreuses sources d'une valeur incontestable, relatives à l'histoire de cette période ont été publiées à l'étranger, au cours des dernières années. Cependant, malgré toute la bonne volonté qui anime les auteurs de ces publications, celles-ci ne peuvent être complètes, les documents diplomatiques de l'Union Soviétique et des pays de démocratie populaire en étant absents. Or, sans ces documents-là, l'histoire de la diplomatie à la veille et pendant la seconde guerre mondiale ne peut être présentée que d'une façon unilatérale.

En Union Soviétique, la publication des documents diplomatiques relatifs aux antécédants de la seconde guerre mondiale et à la période de cette guerre a déjà commencé. C'est dans le cadre de ces travaux que fut publiée, notamment la correspondance Staline—Churchill—Roosevelt. En publiant, à notre tour, les documents diplomatiques du Ministère hongrois des Affaires étrangères, nous voulons participer à un grand travail qui se poursuit à l'échelle international. Nous sommes convaincus qu'en agissant de la sorte, nous contribuerons à l'étude scientifique de l'histoire de la seconde guerre mondiale, non seulement du point de vue hongrois, mais aussi du point de vue international.

Ces travaux revêtent une grande importance scientifique, idéologique et politique ; ils permettront, en effet, de contribuer aux recherches portant sur un domaine peu exploré, mais particulièrement important du point de vue de la politique étrangère de la période de 1919—1945. L'alliance de la Hongrie avec les puissances fascistes de l'Axe, le refus de coopérer avec les peuples voisins, liés pourtant au peuple hongrois par une communauté d'intérêts, l'asservissement à l'égard de l'Allemagne, le rôle de la Hongrie dans la guerre contre l'Union Soviétique, — voilà les principaux problèmes dont la publication entreprise facilitera l'étude approfondie.

En établissant les plans de l'ouvrage, il fallait tenir compte de notre manque d'expériences dans le domaine de la publication des sources diplomatiques récentes. Cependant, les publications étrangères et les critiques parues à leur sujet montrent l'exemple à la fois sur le plan méthodologique et sur le plan général et facilitent la réalisation des objectifs fixés.

A la fin de l'année dernière, trois collaborateurs de l'Institut — Mme Gy. Ádám, MM. Gy. Juhász és L. Kerekes — ont commencé a rassembler les matériaux relatifs aux trois sujets suivants : 1. La Hongrie et l'Anschluss (1936—1938) ; 2. L'accord de Munich, la crise tchécoslovaque et la Hongrie (1938—1939) ; 3. la première phase de la seconde guerre mondiale (1939—1941).

Mû par le désir de réaliser une publication de sources répondant aux plus hautes exigences sur le plan archivistique et sur le plan général, la direction de l'Institut a institué, le 18 novembre 1957, une large communauté de travail, avec la participation de chercheurs spécialisés dans le rassemblement et l'interprétation des matériaux et de collaborateurs ayant une grande pratique des recherches archivistiques. La communauté de travail décida d'organiser des délibérations périodiques en vue de trancher les questions surgissant en cours de travail et d'établir son règlement. Aux termes de cette décision, la réunion du 21 février 1958 avait inscrit à son ordre du jour l'harmonisation du rassemblement des matériaux et de la copie des documents. L'expérience a montré la nécessité d'écrire l'histoire administrative du Ministère des Affaires Étrangères, pendant la période envisagée, en raison des fréquents changements survenus dans les procédés administratifs de ce Ministère. Un collaborateur des Archives Nationales s'est chargé de ce travail.

En ce qui concerne le caractère et l'ampleur de la publication projetée, il fallait, avant tout, tenir compte des lacunes que présentent les Archives du Ministère des Affaires étrangères. En effet, un grand nombre des documents diplomatiques relatifs à la seconde phase de la guerre avait été transporté à l'Occident et, à partir de 1944, une partie seulement des archives des ambassades fut transmise à Budapest. Tout cela rend assez malaisé les travaux sur la politique étrangère de la Hongrie, mais, étant donné que nous disposons de matériaux assez complets, relatifs à la période de 1936 à 1941 et que seuls, les documents datant de 1942 à 1944 présentent des lacunes, la publication des sources est justifiée, ne serait-ce que pour faciliter la rédaction de monographies.

Dans la phase actuelle des travaux, il est encore impossible d'indiquer la date exacte de la parution des différents volumes, ni l'ampleur que revêtira cette publication. Cependant, on prévoit qu'un volume spécial pourra être consacré à chacun des trois sujets précédemment mentionnés et que le premier volume pourra paraître dès 1960.

Recherches sur l'histoire de la culture matérielle à l'Institut des Sciences Historiques

L'examen de l'histoire de la culture matérielle est l'un des domaines les moins explorés par les historiens hongrois. Pourtant, dans toute l'Europe, ethnographes, archéologues et historiens coopèrent depuis longtemps et d'une façon systématique pour élucider les problèmes qui se posent dans ce domaine. Une nouvelle science, celle de l'histoire de la culture matérielle est en train de naître. Elle traite de l'aspect *technique* de la production, de la répartition et de la consommation des biens produits et complète l'économie politique qui, elle, s'occupe des problèmes *économiques* de la production, de la répartition et de la consommation. Bien entendu, l'histoire de la culture matérielle est une science sociale et non seulement l'histoire d'une technique, elle étudie, en effet, le développement technique dans ses rapports sociaux, et le considère avant tout comme la lutte de l'homme pour subjuguer les forces de la nature, mettant l'accent sur l'aspect technique de la division sociale du travail et attirant l'attention, en dehors des instruments de travail, sur la force productrice la plus importante, qui est l'homme. Ainsi, dans les recherches sur l'histoire de la culture matérielle, une certaine place est accordée à l'étude de l'organisation de la production, et même de la répartition et de la consommation des biens produits.

C'est pour introduire cette nouvelle science en Hongrie que l'Institut des Sciences Historiques de l'Académie des siences de Hongrie a constitué, en été 1957, un groupe de travail chargé de l'étude de l'histoire de la culture matérielle. Cette initiative, toute modeste qu'elle fût, avait néanmoins une grande portée. Certes, nos forces — matérielles et intellectuelles — n'ont pas encore permis, bien entendu, de nous lancer dans une entreprise aussi vaste que celle réalisée par l'Institut Polonais de l'Histoire de la Culture Matérielle. Pour utiliser le mieux possible les modestes possibilités dont nous disposions, il fallait, avant tout, opérer un choix judicieux parmi les sujets à traiter.

Ainsi, la tâche essentielle du groupe de travail de l'Institut des Sciences Historiques de l'Académie des Sciences de Hongrie consistait à effectuer des recherches sur les branches de la production qui occupaient une position-clé dans la répartition, les échanges et la consommation des produits. A l'époque de la féodalité, de telles branches de production étaient : l'agriculture, les deux industries-clé, la sidérurgie et l'industrie textile, ainsi que la minoterie, qui produisait aussi de l'énergie. En élucidant les principaux problèmes qui se posent dans ces branches de la production, nous verrons se dégager les traits principaux de l'histoire de notre culture matérielle. Cependant, pour l'instant, nous devons nous borner à l'étude de sujets bien délimités et qui ne demandent pas un temps trop long.

Les membres du groupe de travail se penchent, actuellement, sur les conditions de la production agricole aux XVIe, XVIIe et XVIIIe siècles. C'est à l'époque du «servage à perpétuité» que se constituèrent, pour la première fois, en Hongrie, les grandes exploitations agricoles dans les métairies des seigneurs, c'est alors qu'apparut, à côté de la corvée, le travail salarié et que commença l'accumulation primitive du capital. Toutefois, nous ignorons encore l'arrière-fonds technique de ce processus très important, et, pour l'instant, les rapports démographiques qui régnaient à l'époque sont, eux-mêmes, assez mal élucidés. Aussi, pour commencer, nous sommes nous proposé d'étudier les 13 comitats de la Haute Hongrie qui furent les théâtres des grands mouvements paysans et des luttes d'indépendance de l'époque. A côté de cette tâche essentielle, les membres de la communauté de travail s'occupent aussi de questions relatives à l'exploitation minière et à l'industrie.

Les résultats les plus importants que nous avons obtenus au cours des dernières années résident dans le développement de certaines recherches méthodologiques et l'élaboration des principes méthodologiques les plus importants. En effet, les historiens hongrois qui s'étaient

occupés de recherches sur l'histoire de la culture matérielle, omirent d'utiliser les riches résultats obtenus par nos archéologues et par nos ethnographes et ne firent aucune tentative d'examiner sous l'aspect de l'histoire de la culture matérielle les sources écrites dont nous disposons. Aucun effort, même initial, ne fut fait pour rattacher les sources écrites aux vestiges matériels existants. Aussi, avons-nous consacré la première année de notre activité à arrêter nos principes de méthodologie et à passer en revue les sources dont nous disposons. Certains résultats ont été obtenus à cet égard. C'est ainsi que M. *I. Barta* fit, grâce à l'examen d'un ciseau à os, datant de l'époque de la conquête de la Hongrie, d'intéressantes constatations sur le niveau de l'industrie de la forge et sur son organisation sociale dans la Hongrie du Xe siècle. De son côté, Mme *É. Veress* fit de très importantes révélations au cours de ses recherches sur l'histoire des familles, en examinant suivant les méthodes ethnographiques et sociographiques, les formes familiales qui subsistaient au XVIIe siècle dans les villages appartenant au domaine de Sárospatak et les rapports de ces formes de famille avec l'économie et l'organisation du travail chez les paysans. Quant à M. *I. Kiss*, il a travaillé sur les listes de dîmes du XVIe siècle, source assez peu utilisée jusqu'à présent. M. Kiss étudia à fond les listes de dîmes se rapportant à plusieurs comitats. Ce travail permit d'éclairer la stratification sociale de la paysannerie, l'extension des produits agricoles, le développement important que connut à cette époque-là la division du travail dans l'agriculture, et aussi d'apporter certaines contributions à l'étude de l'évolution de la monoculture de la vigne dans certains territoires. Enfin, l'examen de cette source permit à M. Kiss d'aboutir à de nouveaux résultats, différents des précédents, en ce qui concerne le système de la propriété paysanne. M. *P. Gunst* étudia, sur la base de multiples sources, les rapports démographiques du comité de Bereg, l'un des centres des luttes pour l'indépendance, au XVIIe siècle. Ses recherches attirent l'attention sur le processus de régénération qui, à la fin du XVIIe siècle, devait constituer la base matérielle de la lutte pour l'indépendance conduite par Ferenc II Rákóczi. Au cours de ses recherches sur les villes hongroises fondées grâce au capital commercial allemand, M. *O. Paulinyi* étudia les plans de plusieurs cités minières et, essaya, à l'aide de ses plans, d'esquisser la stratification sociale de ces villes.

En dehors des résultats concrets auxquels ils ont permis d'aboutir, les travaux effectués jusqu'à présent sont importants, parce qu'ils ont permis de mettre au point des méthodes communes à l'aide desquelles l'agriculture des comitats de la Haute Hongrie, au XVIe, au XVIIe et au XVIIIe siècles (jusqu'au décret de l'Impératrice Marie-Thérèse sur la réglementation des domaines seigneuriaux) pourra être efficacement traitée sous forme de monographies. Bientôt, le groupe de travail chargé d'étudier l'histoire de la culture matérielle entreprendra, en dehors des recherches sur l'agriculture, de réunir des collections de documents comparatifs. L'on travaille avant tout à réunir des documents relatifs à la sidérurgie, à l'industrie textile et à la minoterie en Europe Orientale, ce qui, plus tard, permettra l'étude comparative de l'histoire de la culture matérielle dans les différent pays d'Europe Orientale.

L'étude de l'historiographie hongroise

Début 1955, le Société d'Histoire Hongroise a constitué une communauté de travail en vue d'étudier l'histoire des ouvrages historiques hongrois et de publier les résultats de ces travaux. Plusieurs faits ont rendu nécessaire l'accomplissement d'une telle tâche. L'histoire des ouvrages historiques, que l'on appelle aujourd'hui généralement historiographie, était l'un des domaines les plus négligés par les historiens burgeois hongrois. La dernière tentative de donner un aperçu du développement de l'historiographie hongroise a été faite en 1877 par un historien de la Suisse alémanique, Alexandre Flegler. Depuis, de nombreuses études de détail ont paru ; elles traîtaient des problèmes soulevés par certains ouvrages ou par l'acti-

vité de certains historiens. Des tentatives — hélas! peu durables! — ont été faite en vue d'éclairer certains domaines particuliers, ou certaines époques de l'historiographie. Cependant, tous ces ouvrages ne pouvaient — en raison même des considérations qui présidaient à leur rédaction — servir de point de départ d'un nouvel aperçu de l'historiographie hongroise.

Après 1945, et parallèlement aux progrès réalisés en Hongrie par la conception marxiste—léniniste de l'histoire, d'importants résultats ont été obtenus dans les recherches sur les ouvrages historiques datant de la féodalité et du régime bourgeois, et dans la critique de ces ouvrages. Recherches et critiques portaient sur certains problèmes, sur certaines écoles, et sur certaines tendances particulières. Les premiers résultats sont dus à *E. Léderer*, *E. Pamlényi* et *J. Szigeti* E. Lederer a donné la critique des ouvrages historiques relatifs à la féodalité ; E. Pamlényi a écrit une biographie de Mihály Horváth, le plus grand historien bourgeois du siècle dernier, tandis que József Szigeti a critiqué à fond la conception de la philosophie de l'histoire des tenants de la tendance dite «de l'histoire de l'esprit».

L'étude des ouvrages historographiques a été encouragée par l'essor international de cette science qui a pris une place importante dans les travaux du Xe Congrès International des Historiens, tenu à Rome. L'importance des travaux d'historiographie dans la lutte contre les vieilles conceptions bourgeoises et contre les tendances nourris par l'impérialisme contemporain apparut avec évidence.

Les recherches de la communauté de travail fondée en vue d'étudier l'historiographie hongroise ont porté leurs premiers fruits cette année. Tout en effectuant des recherches sur les traditions progressistes de l'historiographie hongroise, *Á. R. Várkonyi* a donné une appréciation moderne de l'oeuvre de Kálmán Thaly, historien hongrois de la fin du XIXe siècle. De son côté, *P. Gunst* a terminé son étude sur l'oeuvre d'Ignác Acsády, le premier historien hongrois qui se soit penché sur l'histoire économique et sociale de son pays. Les autres travaux actuellement en cours portent, d'une part, sur l'oeuvre d'historiens de valeur (Mátyás Bél, Benedek Virág, István Horváth, László Szalay, Sándor Márki, Gyula Szekfü) d'autre part sur le rôle joué par certaines tendances (positivisme, etc.). D'autres problèmes seront également traités ; certaines études seront consacrées à la conception de l'histoire des sociaux-démocrates hongrois, à une apparéciation critique des ouvrages portant sur l'ensemble de l'histoire de la Hongrie, ou — comme celle de *Zs. Lévai* — à la critique des ouvrages bourgeois sur la République Hongroise des Conseils.

L'Institut d'Histoire de l'Académie des Sciences de Hongrie s'est chargé récemment de certaines tâches importantes relatives à l'historiographie. A côté de certains problèmes de détail, les recherches de cet Institut portent surtout sur les tendances impérialistes de l'«Ostforschung» allemand, sur les éléments et l'influence de la conception dite «est-européenne» des ouvrages historiques, enfin sur l'analyse de la conception de l'histoire de l'émigration hongroise.

I. Extrait du répertoire des ouvrages historiques (livres, études, articles) (1er janvier — 30 juin 1957)

1. Список избранных произведений (книг, исследований, статей) по истории (1-ое января — 30-ое июня 1957 г.)

1. Bibliographie — Библиографии

Életrajzok — életművek. Folyóiratcikk-bibliográfia. 1956. augusztus. (Összeáll. Köves E.) (Kiad. a) Fővárosi Szabó Ervin Könyvtár. (Vies — oeuvres. Bibliographie d'articles de revues. Août 1956. (Présentées par —. — Библиографии творчества. Библиография журнальных статей. Август 1956 г. Publ. par —. Сост. — .] Bp. 1957. Polycop. 20 p.

Az 1955. évi hazai hadtörténeti irodalom bibliográfiája. [Bibliographie de la littérature hongroise de l'histoire militaire de l'année 1955. — Библиография венгерской литературы по военной истории в 1955 г.] HK. 1956. 3ème année, Nr. 3—4. p. 361—381.

Külföldi folyóiratok hadtörténelmi repertóriuma. 1955—1956. [Répertoire de l'histoire militaire des revues étrangères. 1955—1956. — Реперторий заграничных журналов по военной истории 1955—1956 г.] HK. 1957. 4ème année, Nr. 1—2. p. 331—400.

(Németh E.): Magyar régészeti irodalom. Bibliographia Archaeologica Hungarica. 1955. [Littérature archéologique hongroise. 1955. — Венгерская литература по археологии.] (Bp. 1956.) p. 112—121. (Tirage à part de Archaeológiai Értesítő. — Отд. оттиск из Archaeológiai Értesítő.)

Sopron bibliográfiája 1955-ben. [Bibliographie de Sopron en 1955. — Библиография города Шопрон в 1955 г.] SSz. 1956. 10ème année, Nr. 4. p. 391—392.

2. Marxisme—léninisme — Марксизм—ленинизм

Engels, Fr.: A hadsereg. [L'armée. — Армия.] HK. 1956. 3ème année. Nr. 3—4. p. 3—39.

Eddig ismeretlen Lenin-dokumentumok. [Documents inconnus de Lénine. — Неизвестные до сих пор документы Ленина.] TáSz. 1957. 12ème année. Nr. 1. p. 63—70.

Lenin V. I. Művei 1. köt. 1893—1894. [Oeuvres. 1er vol. — Сочинения. Т. 1.] Bp. Kossuth Kiadó. 1957. XIV. 575 p. 5 pl.

Marx K.: A tőke. A politikai gazdaságtan bírálata. (Das Kapital. Kritik der politischen Ökonomie.) 3. köt. 3. könyv. A tőkés termelés összfolyamata. (Ford. Rudas L., Nagy T.) [Le capital. Critique de l'économie politique. T. 3. Livre 3. Le processus d'ensemble de la production capitaliste. (Trad. par —.) — Капитал. Критика политической экономики. т. 3. кн. 3. Процесс капиталистического производства. (Перевод —.)] 2e éd. Bp. Kossuth Kiadó. 1956 (1957). 910 p.

Kautsky K.: Marx gazdasági tanai. (Karl Marx' ökonomische Lehren.) Népszerű ismertetés és magyarázat. (A korábbi magyar kiadások felhasználásával ford. Fedor J.) [Doctrines économiques de Marx. Compte rendu et explication populaires. (Trad. avec utilisation des éditions hongroises antérieures par —.) — Экономические доктрины Маркса. Популярное изложение и объяснение. (Перевод с использованием прежних венгерских изданий —.)] Bp. Kossuth Kiadó. 1957. 214 p.

Maller S.: Marx és Szemere. [Marx et Szemere. — Маркс и Семере.] Száz. 1956. 90ème année. No. 4—6. p. 667—708.

Török G.: Milyen jelentésben használja Engels az ideológia szót? [Signification du terme «idéologie» dans les oeuvres d'Engels. — В каком значении использует Энгельс слово идеология?] MNyőr. 1956. 80ème année. No. 4. p. 425—428.

3. Ouvrages généraux et recueils d'études — Общие труды и сборники

Acta Universitatis Szegediensis. Sectio philologica. Nyelv és irodalom. 2. (Szerk. Baróti D., Mészöly G.) [Langue et littérature. 2. (Réd. par —.) — Язык и литература. (Ред. —.)] Szeged 1956 (1957). 142 p.

Du contenu : Из содержания сборника:

J. Koltai-Kastner : Cagliostro [Калостро.]

E. Halász : Germán eredetű magyar személynevek oklevelezésünk kezdeteitől a könyvnyomtatás koráig. [Noms de personne hongrois d'origine germanique depuis les premières chartes jusqu'à l'époque de l'imprimerie. — Венгерские личные имена германского происхождения от начала использования грамот по время книгопечатания.]

A. Nyiri : A had és a szer. [Recherches sur les mots hongrois «armée» et «moyen» (had et szer). — Венгерские слова had (армия, война) и szer (обзор, способ).]

Arató F.: Iskoláink létesítésének, fejlesztésének problémáiról a múltban és jelenben. [Sur les problèmes de l'institution et du développement de nos écoles au passé et au présent. — О проблемах создания и развития венгерских школ в прошлом и в настоящее время.] Szabolcs—Szatmári Szemle. 1956. No. 1—4., p. 83—93.

Dégh L.: Some questions of the social function of story-telling. [Некоторые вопросы общественной роли сказок.] AEt. 1957. T. 6. fasc. 1—2. p. 91—147.

Dömötör T.: Erscheinungsformen des Charivari im ungarischen Sprachgebiet. [Различные виды Шаривари на венгерской территории.] AEt. 1957. T. 6. fasc. 1—2. p. 73—89.

Az egri Pedagógiai Főiskola évkönyve. (Szerk. Bakos J.) [Annales de l'École Supérieure de Pédagogie d'Eger. (Réd. par —.) — Сборник Педагогического института г. Эгер. (Ред. —.)] Eger 1957. 547 p. (Acta Academiae Paedagogicae Agriensis 3.)

Du contenu : Из содержания сборника:

J. Bakos : A szép magyar beszéd. (A magyar beszédművelés és beszédnevelés fejlődéstörténete.) [Le beau langage hongrois. (Histoire du développement de la culture et de l'enseignement du parler hongrois.) — Правильная венгерская речь. (История развития речевой культуры и воспитания правильной речи в венгерском языке.)]

L. Némedy : Bessenyei elődei és kortársai. (Adalék a magyar felvilágosodás történetéhez.) [Précurseurs et contemporains de Bessenyei. (Contribution à l'histoire des Lumières hongroises.) — Предшественники и современники Бешенеи. (Данные по истории венгерского просвещения.)] (Tirage à part. — Отд. оттиск.)

I. Szántó : A parasztság helyzete a veszprémi káptalan birtokain (1711—1780). [Situation des paysans sur les domaines du chapitre de Veszprém 1711—1780. — Положение крестьянства в имениях соборного капитула г. Веспрем. 1711—1780.] (Tirage à part. — Отд. оттиск.)

J. Nagy: A magyar tanácsköztársaság vörös hadseregének hadműveletei Heves megye területén. [Opérations militaires de l'Armée Rouge de la République Hongroise des conseils sur le territoire du comitat de Heves. — Военные действия Красной Армии Венгерской Советской Республики в территории комитата Хевеш.] (Tirage à part. — Отд. оттиск.)

I. Hahn : Iulianus és Antiochia. [Iulianus et l'Antiochie. — Юлиан и Антиохия.] (Tirage à part. — Отд. оттиск.)

Z. Szőkefalvi-Nagy : Adatok a magyar kémia történetéhez. (A másfél évszázados »Magyar Chémia«. [Contribution à l'histoire de la chimie hongroise. (La »Magyar Chémia« parue il y a 150 ans.) — Данные по истории венгерской химии. (150-летняя «Венгерская химия».)] (Tirage à part. — Отд. оттиск.)

Mihail Illarionovics Kutuzov levelei. Közli Bihari J. [Lettres de Mikhail Illarionovitch Koutousoff. Prés. par —. Письма Михаила Илларионовича Кутузова. Сообщ. —.]

Adat a magyar könyvkiadás történetéhez. Közli Bakos J. [Contribution à l'histoire de l'édition de livres en Hongrie. Prés. par —. — Данные по истории венгерского книгоиздательства. Сообщ. —.]

Adatok a Thaly-vitához. Közli Bakos J. [Contribution à la polémique autour de l'oeuvre de l'historien Thaly. Prés. par —. — Данные по дискуссии о творчестве историка Тали. Сообщ. —.]

Ember Gy.: A kétszázéves Országos Levéltár. [Les deux cents ans des Archives Nationales. — 200 лет Венгерскому Национальному Архиву.] LK. 1956. 27ème année. p. 3—30.

A Fővárosi Szabó Ervin Könyvtár évkönyve. 5. 1955. (Szerk. biz. Flórián L., Katona K. stb.) [Annales de la Bibliothèque Municipale

«Szabó Ervin» à Budapest. 5. 1955. (Réd. par —. etc.) — Сборник Столичной Библиотеки им. Эрвина Сабо. (Ред. ком. —.)] Bp. 1957. 107 p.

Du contenu: Из содержания сборника:

L. Remete : A Szabó Ervin Könyvtár a Tanácsköztársaság alatt. [La Bibliothèque «Szabó Ervin» pendant la République Hongroise des Conseils. — Библиотека им. Эрвина Сабо во время Венгерской Советской Республики.]

M. Schreiber : A régi Pest-Buda az egykorú újságok hirdetéseiben és kishíreiben. [L'ancien Pest-Buda à travers les annonces et les nouvelles brèves des journaux de l'époque. — Старый город Пешт-Буда в свете анонсов и мелких известий современных газет.]

J. Zoltán : Buda visszavívása évfordulójának megünneplése. [Commémoration de l'anniversaire de la reprise de Buda. — — Ознаменование годовщины взятия крепости Буда (1686).]

A Francia Nemzeti Levéltár Magyarország történetére vonatkozó anyaga. [Matériel relatif à l'histoire de la Hongrie dans les Archives Nationales de France. — Материалы Французского национального архива, относящиеся к истории Венгрии.] LH. 1957. 7ème année. No. 1—2. p. 91—94.

Görög L.: A magyar mezőgazdaság fejlődése (1895—1954). [Développement de l'agriculture hongroise (1895—1954). — Развитие венгерского сельского хозяйства (1895—1954).] Agrártudomány. 1957. 9ème année. No. 3. p. 6—10. No. 4. p. 5—9.

Gunda B.: A hortobágyi pásztorkodás múltja. [La vie des pâtres du Hortobágy dans les temps passés. — Прошлое пастушеской жизни на территории Хортобадь при г. Дебрецен.] ÉIT. 1957. 12ème année. No. 25. p. 782—787.

(Hatvany L.—Belia Gy.) : Magyarok beszélnek. Szemelvények emlékiratokból. Vál. — (Bev. Hatvany L. Jegyz. ell. Belia Gy.) [Des Hongrois parlent. Morceaux choisis de mémoires. — (Préf. de —, notes de —.) — Венгры говорят. Отрывки мемуаров. (Введ. — Примеч. —)] (Bp.) Szépirod. Kiadó, 1957. 638 p. pl. h.-t.

Jakóby L.: A magyar szoboröntészet (műöntészet) története. [Histoire du coulage des statues en Hongrie. — История отливки статуй в Венгрии.] Öntőde. 1957. 8ème année. No. 1—2. p. 1—8.

Keresztury D.: A magyar irodalom képeskönyve. (Összeáll. —) [Album d'images de la littérature hongroise. Prés. par —. — Книга с картинками по истории венгерской литературы. (Сост. —)] Bp. Magvető. 1956 (1957), 343 p. 10 pl. h.-t.

Lipták G.—Zákonyi F.: Veszprém megye a szabadságküzdelmekben. [Le comitat de Veszprém dans les luttes de l'indépendance. — Комитат Веспрем в освободительных борьбах.] Veszprém, Veszprém m. Tanács, 1957. 112 p. (Veszprémi könyvek 1.)

Manga J.: Die Hochzeitsgebräuche der Paloczen und ihre slowakischen Analogien. [Свадебные обычаи венгерских половцев и их словацкие аналогии.] AEt. 1957. T. 6. fasc. 1—2. p. 149—218.

Mollay K.: Sopron vármegye vázlatos története. [Esquisse d'une histoire du comitat de Sopron. — Очерк истории комитата Шопрон.] Bp. Akad. Kiadó. 1957. p. 39—112. (Tirage à part de la 2e éd. de l'ouvrage «Monuments historiques de Sopron et ses environs». — Отдельный оттиск из 2. издания «Художественные памятники города Шопрон и окрестностей».

Molnár E.: A kapitalizmus gazdasági törvényeiről. [Sur les lois économiques du capitalisme. — Об экономических законах капитализма.] TáSz. 1957. 12ème année. No. 2. p. 29—43.

Művészettörténeti tanulmányok. (Művészettörténeti Dokumentációs Központ évkönyve. 1954—55.) (Szerk. Dávid K.) [Études de l'histoire d'art. (Annales du Centre de Documentation de l'Histoire d'Art. 1954—55.) (Réd. par —.) — Статьи по истории искусств. (Сборник Центра документации по истории исскуств.) (Ред. —.)] Bp. Képzőműv. Alap. 1957. 471 p.

Du contenu : — Из содержания сборника :

J. Csemegi : Trinitász-szimbólumok és ábrázolások a középkori Magyarország művészetében, eredetük, továbbélésük és népművészeti kapcsolataik. [Symboles et représentations de la trinité dans l'art de la Hongrie du moyen-âge. Origines, survivance et relations avec l'art populaire. — Символы и изображения троицы в искусстве средневековой Венгрии, их происхождение, дальнейшая жизнь и связи с народным искусством.]

P. Voit : Gyarmati Dénes mester és a régi magyar építőgyakorlat. [Dénes Gyarmati maître-maçon et l'ancienne pratique de la construction en Hongrie. — Магистер Денеш Дярмати и старая венгерская строительная практика.]

S. Mihalik : Adatok a regéczi porcelángyártás történetéhez. [Contribution à l'histoire de la fabrication de porcelaine de Regécz. — Данные по истории фарфорового производства в с. Регец.]

Zlinszkiné Sternegg M.: Az első magyar «butorgyárnok» (Vogel Sebestyén Antal 1779?—1837). [Le premier «fabricateur de meubles» hongrois (Sebestyén Antal Vogel 1779?—1837). — Первый венгерский фабрикант мебелей (Шебештен Антал Фогел 1779? — 1837).]

Ybl E.: A budai várpalota építése. [La construction du château de Buda. — Постройка крепостного дворьца в г. Буда.]

Aradi N.: A magyar történeti festészet az 1880-as évektől az 1919-es proletárdiktatúráig. [La peinture historique hongroise des années 1880 jusqu'à la dictature du prolétariat en 1919. — Венгерская историческая живопись с 1880-х годов по время диктатуры пролетариата 1919 г.]

Farkas Z.: A Munkácsy-ösztöndíj története. [Histoire de la bourse Munkácsy. — История стипендии им. Мункачи.]

Néprajzi Értesítő. Nemzeti Múzeum, Néprajzi Múzeum évkönyve. 38. 1956. (Szerk. biz.: Diószegi V., Kardos L. stb.) [Bulletin Ethnographique. Annales du Musée National et du Musée Ethnographique. 38. 1956. (Réd. par —.) — Этнографический Бюллетень. Ежегодник Этнографического Музея Национального Музея. 38. 1956. (Ред. ком. —.)] Bp. 1956. (1957), Művelt Nép. 336 p. 2 tabl.

Du contenu : — Из содержания :

Belényesy M.: Az állattartás a XIV. században Magyarországon. [L'élevage dans la Hongrie du XIVe siècle. — Животноводство в Венгрии XIV в.]

Nagy Gy.: Az utolsó működő szárazmalom. [Le dernier moulin à manège en service. — Последняя действующая мельница с конной тягой.]

Boros M.: A nagybudapesti és pestkörnyéki paradicsomkultúra gazdasági és néprajzi vizsgálata. [Analyse économique et ethnographique de la culture de tomates de Grand-Budapest et de ses environs. — Экономическое и этнографическое исследование культуры томата в г. Большом Будапеште и его окрестностях.]

Sándor I.: Otthon és summásság a mezőkövesdi matyók életében. [Les Matyós chez eux et comme moissoneurs à participation. — Домашний очаг и отхожие промыслы в жизни крестьян окрестностей г. Мезекевешд.]

Kovács Á.: Ipolyi Arnold folklór-gyűjteménye a Néprajzi Múzeum kéziratgyűjteményében. [Le recueil de folklore d'Arnold Ipolyi dans la collection de manuscrits du Musée Ethnographique. — Фольклорная коллекция Арнолда Ипольи в коллекции рукописей Этнографического Музея.]

K. Kovács L.: A falu tehene. (Szerepe, jelentősége Bőcs község szarvasmarhatartásának tükrében.) [La vache du village. (Son rôle et son importance vus à travers l'élevage de bétail de la commune Bőcs. — Корова деревни. (Ее роль, значение в свете скотоводства деревни Беч.]

Raksányi L.: A magyar borok és borkülönlegességek jellegének kialakulása. Irányos J., Domahidy M. stb. hozzászólásával. [La formation du caractère des vins et des spécialités de cru hongrois. Avec les contributions de —. — Образование характера венгерских вин и винных специальностей. С выступлениями—.] Magyar Tudományos Akadémia Agrártudományok Osztályának Közleményei. 1957. T. 12. No. 1—4. p. 259—279.

Szenczi M.: A költői és történeti igazság kérdéséhez. [Sur le problème de la vérité poétique et de la vérité historique. — К вопросу о поэтической и исторической правде.] FK. 1956. 2ème année. No. 4. p. 437—449.

A történeti statisztika forrásai. Szerk. Kovacsics J. [Sources de la statistique historique. Réd. par. —. — Источники исторической статистики. Ред. —.] Bp. Közgazd. és Jogi Kiadó. 1957. 460 p. 16 pl. h.-t. 8 cartes. (A Központi Statisztikai Hivatal és az Országos Levéltár kiadványa.)

Du contenu: Из содержания сборника:

Kovacsics J.: Bevezetés a történeti statisztika forrásainak tanulmányozásába. [Introduction à l'étude des sources de la statistique historique. — Введение в изучение источников исторической статистики.]

Bakács I.: A dicalis összeírások. [Les recensements «dicalis». — Дикальные переписи.]

Ila B.: A dézsmajegyzékek mint a történeti statisztika forrásai. [Les registres des dîmes comme sources de la statistique historique. — Оброчные списки, как источники исторической статистики.]

Maksay F.: Urbáriumok. [Listes des redevances féodales. — Урбарии (барщинные ведомости).]

Dávid Z.: Az 1715—20. évi összeírás. [Le recensement des années 1715—20. — Перепись 1715—1720 гг.]

Felhő I.: A Mária Terézia úrbérrendezése során készült adatfelvételek. [Les enquê-

tes faites au cours de la réorganisation des redevances féodales sous Marie Thérèse. — Обследования, проведенные в ходе урегулирования барщины во время Марии Терезии.]

Acsádi Gy.: Az 1784—85. évi népszámlálás és az ezen alapuló népességnyilvántartások. [Le recensement des années 1784—85 et les enregistrements de la population dont il fut à la base. — Перепись населения 1784/85 гг. и учеты народонаселения, составленные на этой основе.]

Bottló B.: Az 1828. évi országos összeírás. [Le recensement national de l'année 1828. — Общегосударственная перепись 1828 года.]

Trócsányi Zs.: Erdélyi összeírások. [Recensements en Transylvanie. — Трансильванские переписи.]

Thirring G.: A városok népességének 1848. évi összeírása a soproni «Népszámlálás» és főbb eredményei tükrében. [Recensement de la population dans les villes en 1848 à travers le «Recensement» de Sopron et ses résultats principaux. — — Забытая старая венгерская перепись. — шопронская перепись 1848 года.]

Bibliográfia. (Bibliographie. — Библиография.]

Történeti statisztikai táblázatok. [Tableaux de statistique historique. — Таблицы по исторической статистике.]

4. La préhistoire hongroise. La Hongrie à l'époque romaine et pendant la migration des peuples. Histoire de la Hongrie jusqu'à 1526 — Предистория венгров. Венгрия во время римской империи и переселения народов. История Венгрии по 1526 г.

Balázs É. H.: Mátyás a kortársak között. Írások, levelek. A szövegeket vál. —. Bev. Elekes L. [Mathias parmi ses contemporains. Documents écrits. Textes choisis par —. Préface par. — Король Матиас в круге современников. Сочинения, письма. Тексты выбрала —. Введ. —.] Bp. Bibliotheca. 1957. XXXIX. 201 p. 10 pl.

Belényesy M.: A földművelés Magyarországon a XIV. században. [L'agriculture en Hongrie au XIVème siècle. — Земледелие в Венгрии в XIV в.] Száz. 1956. 90ème année, No. 4—6. p. 517—555. 2 pl.

Belényesy M.: Középkori mezőgazdaságtörténetünk kutatási módszereiről. [Sur les méthodes de recherches de l'histoire de l'agriculture de Hongrie au moyen-âge. — О методах исследования истории сельского хозяйства Венгрии в средние века.] Bp. Mezőgazd. Kiadó. 1957. 37 p. (Az Agrártudományi Egyetem Központi Könyvtárának kiadványai. 5. sor. Agrártörténeti tanulmányok 1.)

Bóna I.: Die Longobarden in Ungarn. Die Gräberfelder von Várpalota und Bezenye. [Лонгобарды в Венгрии. (Могильники в сс. Варпалота и Безенье.)] AAr. 1956. T. 7. Fasc. 1—4. p. 183—244. 15 pl.

Csallány D.: Памятники византийского металлообрабатывающего искусства. [Les monuments de l'industrie byzantine des métaux.] I—II. AA. 1954. T. 2. Fasc. 3—4. p. 311—348. 1956. T. 4. Fasc. 1—4. p. 261—291.

Csallány D.: A X. századi avar továbbélés problémája. [Le problème de la survivance avare au Xe siècle. — Проблема продолжения аварского населения в X. в.] Szabolcs-Szatmári Szemle. 1956. No. 1—4. p. 39—48. 4 pl.

Dienes I.: Un cimetière de Hongrois conquérants à Bashalom. (Fouilles exécutées par L. Kiss.) Avec un Appendix de M. Frech: Les restes de bois recueillis au cimetière de Bashalom. [Венгерский могильник времени завоевания родины из Башхалом (ком. Саболч). С приложением: Деревянные остатки, найденные в могильнике из Башхалом.] AAr. 1956. T. 7. Fasc. 1—4. p. 245—277. 8 pl.

Elekes L.: Hunyadi János. [János Hunyadi. — Янош Хуньяди.] Száz. 1956. 90ème année, No. 4—6. p. 509—516.

Fitz J.: A középkori Székesfehérvár. [La ville de Székesfehérvár au moyen-âge. — — Г. Секешфехервар в средние века.] Székesfehérvár. 1956. (1957.) 28 p. (István király Múzeum közleményei B. sor. 11.)

Fügedi E.: Kaschau, eine osteuropäische Handelsstadt am Ende des 15. Jahrhunderts. [Кашша (Кошице), торговый город Восточной Европы в конце XV в.] SSl. 1956. T. 2. fasc. 1—4. p. 185—213. (Tirage à part. — Отд. оттиск.)

Gerics J.: A királyi kápolna tagjai által folytatott hiteleshelyi tevékenység történetéhez. [Contribution à l'histoire de l'activité de «lieu authentique» poursuivie par les membres de la chapelle royale. — К вопросу о деятельности членов королевской капеллы в качестве ведомственного учреждения (locus credibilis).] LK. 1956. 27ème année p. 31—34.

Horváth J. jun.: A prózaritmus és forráskritika. Válasz Mezey Lászlónak. (Mezey László megjegyzéseivel.) [Le rhytme de prose et la critique des sources. Réponse à L. Mezey. (Avec les remarques de Mezey.) — Ритм в прозаических произведениях и критика источников. Ответ Л. Мезеи. (С замечаниями Л. Мезеи.)] FK. 1957. 3ème année. No. 1. p. 135—150.

Horváth M.: A magyar állam nemzetközi helyzetének főbb vonásai és a magyar—szláv katonai együttműködés a XI. században. [Les traits principaux de la situation internationale de l'état hongrois et la coopération militaire hungaro—slave au XIème siècle. — — Основные черты международного положения венгерского государства и военное сотрудничество венгров и славян в XI. в.] HK. 1956. 3ème année. No. 2. p. 27—58. 1 pl. h.-t.

Horváth M.: Nyugati határvédelmünk stratégiai-taktikai jelentőségének néhány kérdése a XI—XII. században. [Quelques problèmes de l'importance stratégique-tactique de la défense des frontières de l'Ouest de la Hongrie aux XI—XIIe siècles. — Некоторые вопросы стратегического и тактического значения обороны западной границы Венгрии в XI—XII вв.] HK. 1957. 4ème année. No. 1—2. p. 120—178.

Hrabek I.: Ein arabischer Bericht über Ungarn (Abu Hamid al-Andalusi al-Garnati, 1080—1170.) [Арабское сообщение о Венгрии.] AO. 1955. T. 5. fasc. 3. p. 205—230.

Hunyadi I.: Kelták a Kárpátmedencében. Leletanyag. [Les Celtes dans le bassin des Carpathes. Matériel de fouilles. — Кельты в бассейне Карпат. Материал находок.] (Bp.) Tört. Múz 1957. Polycop. 268 p.

Intercisa. 2. (Dunapentele.) Geschichte der Stadt in der Römerzeit. (Red. von I. Borzsák. Übers. von J. Kende. Vorw. von L. Barkóczi. [История города в римскую эпоху. Ред. —. — Немецкий перевод —. Введ. —.] Bp. Akad. Kiadó. 1957. 655 p. 95 pl. h.-t. (Archaeologia Hungarica. Dissertationes archaeologicae Musaei Nationalis Hungarici ser. nov. 36.)

Járdányi-Paulovics I.: Nagytétényi kutatások. [Recherches à Nagytétény. — Раскопки в с. Надьтетень.] (Bp.) 1957. Tört. Múz. Polycop. 57 p. 10 pl. 3 cartes. (Régészeti füzetek 3.)

Komjáthy M.: Hunyadi kormányzói kancelláriájáról. [La chancellerie du gouverneur Hunyadi. — О правительской канцелярии Яноша Хуньяди.] LK. 1956. 27ème année. p. 35—47.

László Gy.: Jegyzetek a Homokmégyhalomi késő avar temetőhöz. [Notes sur le cimetière avare de Homokmégyhalom. — Замечания к позднему аварскому могильнику в с. Хомокмедьхалом.] AnK. 1956. T. 4. Cahier 2. p. 43—45. 2 pl.

Lipták P.: Contributions à l'anthropologie des temps avares de la région de Kiskőrös. [Данные к антропологии аварской эпохи в окрестностях г. Кишкереш.] CrH. 1956. T. 1. No. 2. p. 47—52.

Lipták P.: Homokmégy-Halom avarkori népessége. [Population de Homokmégy-Halom aux temps avares. — Население с. Хомокмедьхалом в аварскую эпоху.] AnK. 1956. T. 4. No. 2. p. 25—42.

Lipták P.: Zur Frage der anthropologischen Beziehungen zwischen dem mittleren Donaubecken und Mittelasien. [К вопросу об антропологических связях между средним Дунайским бассейном и Центральной Азией.] AO. 1955. T. 5. Fasc. 3. p. 271—312. 5 pl.

Magyarország régészeti leletei. Szerk. B. Thomas E. [Fouilles archéologiques de Hongrie. Réd. —. — Археологические находки Венгрии. Ред. —.] Bp. Corvina. 1957. 446 p. 4 cartes.

Magyarország története. 1. Magyarország középkori története a honfoglalástól 1790-ig. 1. Elekes L. — Léderer E. — Székely Gy.: Magyarország története a korai és virágzó feudalizmus korszakában. (A honfoglalástól 1526-ig.) (Bev. Elekes L. A kép- és térképmellékleteket tervezte és összeáll. Györffy Gy.) Egyetemi tankönyv. [Histoire de la Hongrie. I. Histoire de la Hongrie au moyen-âge, de la conquête du pays jusqu'à 1790. 1. —: Histoire de la Hongrie à la première époque du féodalisme et à l'époque du féodalisme florissant (De la conquête du pays jusqu'à 1526.) (Préf. par — Ill. et cartes h.-t. par —.) Manuel d'enseignement universitaire. — История Венгрии I. История Венгрии в средние века от завоевания родины по 1790 г. 1. — История Венгрии в период раннего и расцветающего феодализма. (От завоевания родины по 1526 г.) Введ. —. Карты и приложения сост. —. Университетский учебник.] Bp. Tankönyvkiadó. 1957. 359 p.

Malán M.: L'anthropologie du cimetière de Bodrogszerdahely. (Xe siècle.) [Антропология могильника в с. Бодрогсердахель. (X в.)] CrH. 1956. T. 1. No. 2. p. 61—74.

Megay G.: Az Ároktő-dongóhalmi honfoglaláskori magyar temető. [Le cimetière hongrois à Ároktő-Dongóhalma de l'époque de la conquête du pays. — Венгерский могильник времен завоевания родины в с. Арокте-Донгохалом.] MMK. juin 1956. p. 15—21.

Megay G.: A Miskolc-repülőtéri honfoglaláskori magyar temető. [Un cimetière hongrois

de l'époque de la conquête du pays près de l'aérodrome de Miskolc. — Венгерский могильник времен завоевания родины при аэродроме в г. Мишколц.] MMK. déc. 1956. p. 14—21.

Melich J.: Einige Personen- und Völkernamen. [О некоторых личных именах и названиях народов.] AL. 1957. T. 6. fasc. 4. p. 425—440.

Mithay S.: A kőbaltás ember Győrött. [L'homme à la hache de pierre à Győr. — — Человек каменного топора в г. Дьёр.] Győr. 1957. 48 p.

Mithay S.: Régészeti adatok a győri járás történetéhez. [Données archéologiques de l'histoire du district de Győr. — Археологические данные к истории района Дьёр.] Győr, Győr-Sopron megyei Tanács. 1956. (1957.) 99 p.

Mócsy A.: Die Entwicklung der Sklavenwirtschaft in Pannonien zur Zeit des Prinzipates. [Развитие рабовладельческого хозяйства в Паннонии во время принципата.] AA. 1956. T. 4. fasc. 1—4. p. 221—250.

Moór E.: Die Ausbildung der Betriebsformen der ungarischen Landwirtschaft im Lichte der slawischen Lehnwörter. [Формирование производственных приемов венгерского сельского хозяйства в свете заимствованных славянских слов.] SSl. 1956. T. 2. fasc. 1—4. p. 31—117. (Tirage à part. — Отд. оттиск.)

Nagy T.: The military diploma of Albertfalva. [Военный диплом из с. Албертфалва.] AAr. 1956. T. 7. fasc. 1—4. p. 17—71.

Nemeskéri J.: La population de Brigetio (II—IVe siècles). [Население г. Бригецио (II—IV вв.)] CrH. 1956. T. 1. No. 2. p. 37—46.

Párducz M.: Beiträge zur Geschichte der Sarmaten in Ungarn im II. und III. Jahrhundert. [Материалы к истории сарматов в Венгрии в II—III вв. н. э.] AAr. 1956. T. 7. fasc. 1—4. p. 139—182. 5 pl.

Pataki P.: A Szerencs-hajdúréti rézkori temető. [Un cimetière de l'âge de cuivre à Szerencs-Hajdurét. — Могильник медного века при с. Серенч — Хайдурет.] MMK. juin 1956. p. 5—14.

Perényi J.: Взаимоотношения между венграми и восточнославянскими племенами. [Relations entre les Hongrois et les tribus slaves de l'Est.] SSl. 1956. T. 2. No. 1—4. p. 1—29. (Tirage à part. — Отд. оттиск.)

Rónay Gy.: Bogumilizmus Magyarországon a XI. század elején, Gellért püspök «Deliberatio»-jának tükrében. [Le bogomilisme en Hongrie au début du XIe siècle, à travers la «Deliberatio» de l'évêque Gellért. — Богомильство в Венгрии около начала XI в. в отражении сочинения Deliberatio (размышление) епископа Геллерта.] ITK. 1956. 60ème année, No. 4. p. 471—474.

Sodró L.: Sopron környéki őskori vaskohászatra vonatkozó eddigi kutatásokról. [Les recherches sur la métallurgie du fer de l'âge primitif dans les environs de Sopron. — О произведенных до сих пор исследованиях относительно черной металлургии в первобытные времена в окрестностях г. Шопрон.] SSz. 1956. 10ème année. No. 4. p. 335—344.

Székely Gy.: A huszitizmus és a magyar nép. [Le hussitisme et le peuple hongrois. — Гуситизм и венгерский народ.] Száz. 1956. 90ème année. Nos. 3—6. p. 331—367., 556—590.

Szőke B.: Spuren des Heidentums in den frühmittelalterlichen Gräberfeldern Ungarns. [Следы язычества в ранне-средневековых могильниках Венгрии.] SSl. 1956. T. 2. fasc. 1—4. p. 119—155. (Tirage à part — Отд. оттиск.)

Thoma A.: Antropológiai vizsgálatok az Ároktő-dongóhalmi temető csontvázain. [Recherches anthropologiques sur les squelettes du cimetière de Ároktő-Dongóhalma. — Антропологические изучения скелетов из могильника в с. Арокте-Донгохалом.] MMK. juin. 1956. p. 22—36.

Vértes L.: Az őskor embere Magyarországon. [L'homme de l'âge préhistorique en Hongrie. — Человек первобытных времен в Венгрии.] (Bp. 1957.) Tört. Múz. Polycop. 16 p. 2 pl.

Wenger S.: Les découvertes anthropologiques de Kunszentmárton provenant de la période avare. [Антропологические находки при с. Кунсентмартон из аварской эпохи.] CrH. 1956. T. 1. No. 2. p. 53—59.

5. Histoire de la Hongrie 1527—1790 — История Венгрии в 1527—1790 гг.

Benda K.: Bónis György Hajnóczy-könyvéről. [Une biographie de Hajnóczy par G. Bónis. — О книге Дьердья Бониш о Йожефе Хайноци.] Száz. 1956. 90ème année. No. 4—6. p. 736—740.

Berényi O.: Ismeretlen dokumentumok Bessenyei György életéből. [Documents inconnus de la vie de György Bessenyei. — Неизвестные документы из жизни Дьердья Бешенеи.] Szabolcs—Szatmári Szemle. 1956. No. 1—4. p. 60—67.

Csapodi Cs.: Kiadatlan Zrínyi-levelek az

Eszterházy-levéltárból. [Lettres inédites de Zrínyi dans les archives Eszterházy. — Неизданные письма Миклоша Зрини в архиве семьи Эстерхази.] ITK. 1956. 60ème année. No. 4. p. 490—497.

Cseh-Szombathy L.: I. Rákóczy György 1644-es hadjárata. [La campagne de 1644 de György Rákóczy I. — Поход Дьердья Ракоци I в 1644 г.] HK. 1956. 3ème année. No. 1. p. 43—76. 1957. 4ème année. No. 1—2. p. 170—203.

Csillag F.: Budavár visszafoglalása 1686-ban. [La reconquête de Budavár en 1686. — Взятие крепости Буда в 1686 г.] HK. 1956. 3ème année. No. 3—4. p. 150—157.

Dankó I.: A hajdúnánási Testhalom mondája és a hajdúk eredete. [La légende du Testhalom à Hajdúnánás et l'origine des Haïdouks. — Предание о «Тештхалом» (Куча тел) в с. Хайдунанаш и происхождение хайдуков.] ET. 1956. 67ème année. No. 4. p. 519—535.

Dávid Gy.—Tordai Z.: A kuruckor költészete. (Antológia.) [Bev.] Tordai Zádor. [La poésie de l'époque kouroutz. (Anthologie.) (Préf. par —.) — Поэзия времен восстаний куруцев. (Антология.) Введ —.] 1—2. Bukarest—Bp. Áll. Irod. és Művészeti Kiadó—Szépirod. Kiadó. 1957.

Décsy Gy.: К вопросу об оценке чергедских текстов. [Question de l'appréciation des textes de Csergőd.] SSl. 1956. T. 2. fasc. 1—4. p. 215—219. (Tirage à part — — Отд. оттиск.)

Dezsényi M.: Hadiesemények a Dunán Buda 1686-os ostroma idején. [Opérations militaires sur le Danube lors du siège de Buda en 1686. — Военные действия на Дунае во время осады крепости Буда в 1686 г.] HK. 1957. 4ème année. No. 1—2. p. 241—251.

Durzsa S.: Weszprémi István levelei Pray Györgyhöz. [Lettres d'István Weszprémi à György Pray. — Письма Иштвана Веспреми к Дьердью Праи.] MK. 1957. 73ème année. No. 2. p. 166—170.

Esze T.: A szepesi kamara levéltára a Rákóczi-szabadságharc idejében. (Fejezet a Rákóczi-szabadságharc levéltár-ügyének történetéből.) [Les archives de la chambre de Szepes à l'époque de la guerre d'indépendance de Rákóczi. (Un chapitre de l'histoire des archives de la guerre d'indépendance de Rákóczi.) — Архив сепешской (спишской) камеры в эпоху борьбы за свободу, руководимой Ференцем II Ракоци. (Глава из истории архивного дела во время борьбы за свободу.)] LK. 1956. 27ème année. p. 48—73. 2 pl.

Fodor F.: Szatmárvár. (Egy török- és kuruckori végvár életrajza.) [Monographie d'un château des confins à l'époque de la domination turque et à l'époque kouroutz. — — Крепость Сатмар. (Жизнеописание пограничной крепости в эпоху турецких и куруцских войн.)] HK. 1956. 3ème année, No. 3—4. p. 63—116.

Hadnagy A.: Tanulmányok Tolna megye parasztságának XVIII. századi történetéből. [Etudes de l'histoire de la paysannerie du Comitat de Tolna au XVIIIe siècle. — Исследования по истории крестьянства комитата Толна в XVIII в.] Sárköz. 1956. No. 2. p. 31—38., No. 3—4. p. 30—36.

Hadrovics L.: Ein Bussgebet der ungarländischen Slowenen aus dem 17. Jh. [Молитва покаяния словенцев Венгрии из XVII в.] SSl. 1956. T. 2. fasc. 1—4. p. 388—394.

Halmai J.: A Taxa Pharmaceutica Posoniensis (1745) instrukciói. [Les instructions du Taxa Pharmaceutica Posoniensis (1745). — Инструкции Taxa Pharmaceutica Posoniensis (Братиславского фармацевтического порядка) из 1745 г.] Gyógyszerészet. 1957. 1ère année. No. 1—2. p. 29—31.

Heltai G.: Válogatott írások. 1552—1575. (Összeáll. [és az utószót írta] Nemeskürthy I.) [Oeuvres choisis. 1552—1575. (Prés. et postface par —.) — Избранные сочинения. 1552—1575. Сост. и послесловие —.] Bp. Magvető. 1957. 275 p. (Magyar Könyvtár).

Herepei J.: A Heltai-nyomda sorsa. [L'héritage de l'imprimerie transylvaine de Gáspár Heltai. — Судьба типографии Гашпара Хелтаи в Трансильвании.] MK. 1957. 73ème année. No. 1. p. 55—58.

Herepei J.: A legyeződíszes könyvkötés kolozsvári mestere. [Un maître de la reliure en style éventail à Kolozsvár. — Мастер книжного переплета с веерообразными украшениями в г. Коложвар (Клуж).] MK. 1957. 73ème année. No. 2. p. 155—165.

Horváth B.: A miskolci görögkeleti templom építésének története. [Histoire de la construction de l'église orthodoxe de Miskolc. — История строительства православной церкви в г. Мишкольц.] MMK. juin. 1956. p. 61—67.

Kakuk Zs.: Les mots d'emprunt turcs-osmanlis dans le hongrois et les recherches d'histoire phonétique de la langue turque-osmanlie. [Венгерские слова, заимствованные из османли-турецкого языка и исследования по фонетической истории османли-турецкого языка.] AO. 1955. T. 5. fasc. 3. p. 181—194.

Kapossy J.: Művészettörténeti regeszták a királyi határozatokból és rendeletekből. I—II. (Közli) Bánrév Gy. [Extraits des arrêtés et décrêts royaux concernant l'histoire de l'art. I—II. Présentés par. — Реестры по истории искусства из королевских решений и декретов. Сообщ. —.] MüÉ. 1956. 5ème année. No. 1—4. p. 47—53., 190—197., 318—330.

Kótay P.: Pápai Páriz Ferenc orvosdoktori értekezése. [Dissertation du médecin Ferenc Pápai Páriz. — Медицинская докторская диссертация Ференца Париз Папаи.] OTKK. 1956. No. 4. p. 62—83.

Krizsán L.: Török vázlat Szigetvár 1566. évi ostromáról. [Esquisse turque du siège de Szigetvár dans l'année 1566. — Турецкий эскиз об осаде крепости Сигетвар в 1566 г.] HK. 1956. 3ème année. No. 2. p. 147—151. 1 pl.

Maday P.: Az 1735. évi békésszentandrási parasztfelkelés. [La révolte des paysans de Békésszentandrás en 1735. — Крестьянское восстание 1735 г. в с. Бекешсентандраш.] Békéscsaba. 1957. 55 p. (Békés megyei népszerű-történelmi ismeretterjesztő sorozat 1.)

Makkai L.: Paraszti és majorsági mezőgazdasági termelés a XVII. században. [Production agricole des paysans et des fermes au XVIIe siècle. — Крестьянское и барское сельскохозяйственное производство в XVII в.] Bp.—Gödöllő. Mezőgazdasági Kiadó. 1957. 31 p. (Az Agrártudományi Egyetem Központi Könyvtárának kiadványai. 5. sor. Agrártörténeti tanulmányok 2.)

Markó Á.: Helyzetjelentések II. Rákóczi Ferenc szabadságharcából. [Rapports sur la situation dans la guerre d'indépendance de François II. Rákóczi. — Сводки о положении из освободительной борьбы Ференца II. Ракоци.] HK. 1956. 3ème année. No. 2. p. 177—188.

Marót K.: «Adriai tengernek Syrenaia groff Zrini Miklos.» [«Syrène de la mer Adriatique, comte Miklós Zrini". (Le poète figure comme syrène sur le titre de son ouvrage.) — «Сирена Адриатического моря», граф Миклош Зрини. (Поэт называется сиреной на первой странице своего произведения.] ITK. 1956. 60ème année, No. 4. p. 475—477.

Nagy L.: A császári hadsereg támadása a Bocskai szabadságharc ellen 1604 őszén. [L'attaque de l'armée impériale contre la guerre d'indépendance de Bocskai en automne 1604. — Наступление австрийской императорской армии против освободительной борьбы Бочкаи осенью 1604 г.] HK. 1956. 3ème année, No. 3—4. p. 117—149.

Nagy L.: Okmányok a Bocskai-szabadságharc idejéből. [Documents de l'époque de la guerre d'indépendance de Bocskai. — Документы времен освободительной борьбы Бочкаи.] HK. 1956. 3ème année. No. 3—4. p. 291—332.

Ráby Mátyás Önéletírása. (Justizmord und Regierungsgreuel in Ungarn . . .) (Ford. és [bev] Komlós A. Jegyz. [ell.] Eckhart F.) [Autobiographie de Mátyás Ráby. (Trad. et préf. par —. annot. par —.) — Автобиография Матьяша Раби. (Незаконная казнь и террор правительства в Венгрии.) (Перевод и введ. — Прим. —.)] Bp. Szépirod. Kiadó. 1956. (1957.) 255 p. 8 pl. (Magyar Századok.)

Radó Gy.: A magyar—orosz irodalmi kapcsolatok történetéből. Egy 1790. évi magyar vers az oroszok ocsakovi győzelmét dicsőíti. [De l'histoire des relations littéraires hungaro—russes. Un poème hongrois de 1790. célèbrant la victoire des Russes à Otchakoff. — Из истории венгерско-русских литературных связей. Венгерское стихотворение из 1790 г. прославляет русскую победу при Очакове.] FK. 1957. 3ème année. No. 1. p. 112—116.

Rózsa Gy.: A Birckenstein-féle metszetes könyv. (Justus van der Nypoort magyar vonatkozású művei.) [Le livre à gravures de Birckenstein. (Oeuvres relatives à la Hongrie de Justus van der Nypoort.) — Книга Биркенштейна с гравюрами. (Сочинения Юстуса ван дер Найпорт, имеющие отношение к Венгрии.)] MK. 1957. 73ème année. No. 1. p. 25—46.

Schleicher A.: A kislődi vashámor története. Nyersvastermelés bauxitos elegyből a XVIII. században. [Histoire de la forge de fer de Kislőd. Production de fer brut à partir d'un mélange alumineux au XVIIIe siècle. — История чугунолитейного завода в с. Кишлед. Производство чугуна из бокситовой шихты в XVIII в.] A Magyar Tudományos Akadémia Műszaki Tudományok Osztályának Közleményei. 1957. T. 21. No. 1—4. p. 395—411.

Szénássy B.: Martinovics Ignác matematikai munkássága. [Travaux mathématiques de Ignác Martinovics. — Труды Игнаца Мартинович по математике.] Matematikai Lapok. 1956. 7ème année. No. 3—4. p. 277—290.

Tasnádi Kubacska A.: Johannes Patersonius Hain. OTKK. 1957. No. 5. p. 78—106. 1 pl.

Tinódi-emlékkönyv. Összeáll., bev. és jegyz. ell. Horváth I. K., Naszádos I. [Album de Tinódi. Réd., préf. et annot. de —., —. — Сборник в память Тиноди. Сост., введ. и прим. —.] (Sárvár). 1956. (1957.) Sárvári Közs. Tanács. 207 p.

Du contenu: Из содержания сборника:

Klaniczay T.: Tinódi Sebestyén emlékezete. [Mémoire de Sebestyén Tinódi. — Памяти Шебештена Тиноди.]

Legány D.: A magyar zene Tinódiig. [La musique hongroise jusqu'à Tinódi. — Венгерская музыка по время Тиноди.]

Horváth I. K.: Sárvár szerepe a XVI. század magyar kultúrájában. [Le rôle de Sárvár dans la vie culturelle hongroise au XVIe siècle. — Роль с. Шарвар в венгерской культуре XVI в.]

Naszádos I.: Tinódi rövid életrajza és énekeinek történeti háttere. [Biographie de Tinódi et le fond historique de ses chants. — Краткая биография Тиноди и исторический фон его песен.]

Vita a magyar irodalmi barokk kérdéseiről. (Összeáll. Végh F.) [Discussion sur les problèmes de baroque littéraire hongrois. (Prés. par —.) — Дискуссия о вопросах венгерской литературы эпохи барокко. (Сост. —.)] IT. 1957. No. 1. p. 50—64.

Wittman T.: A magyarországi államelméleti tudományosság XVII. század eleji alapvetésének németalföldi forrásaihoz. Justus Lipsius. [Contributions aux sources néerlandaises des fondements des théories de l'État du début du XVIIe siècle en Hongrie. Justus Lipsius. — К нидерландским источникам основоположения политических наук в Венгрии в начале XVII в. Юстус Липсиус.] FK. 1957. 3ème année. No. 1. p. 53—66.

Zolnai B.: Megjegyzések a Rákóczi-kérdéshez. [Remarques sur le problème Rákóczi. — Замечания к вопросу Ракоци.] IT. 1957. No. 1. p. 1—8.

Zrínyi Miklós Válogatott művei. (Vál. [és bev.] Klaniczay T. Sajtó alá rend. Bán I. [Oeuvres choisies de Miklós Zrínyi. (Choix et préf. de —. Prés. par —.) — Избранные сочинения Миклоша Зрини. Сост. и введ. —. Подгот. к печати —.] Bp. Szépirodalmi Kiadó. 1957. 483 p.

Zsindely E.: A péceli Ráday-kastély. [Le château Ráday à Pécel. — Замок Радаи в с. Пецел.] MűÉ. 1956. 5ème année. No. 4. p. 253—276. (Tirage à part. — Отд. оттиск.)

6. Histoire de Hongrie 1791—1849 — История Венгрии в 1791—1849 гг.

Acta Universitatis Debreceniensis de Ludovico Kossuth nominatae. T. 2/3. 1956. Red. D. Berényi. Adiuvantibus J. Barta, L. Imre etc. Bp. Tankönyvkiadó. 1957. 247 p. 1 carte.

Du contenu: Из содержания:

Szénássy B.: Kerekes Ferenc matematikai tevékenysége. [Travaux mathématiques de Ferenc Kerekes. — Деятельность Ференца Керекеш в области математики.]

Benda K.: A magyar jakobinusok iratai 1. A magyar jakobinus mozgalom iratai. Sajtó alá rend. —. (Kiad. a) Magyar Történelmi Társulat. [Documents des Jacobins hongrois. 1. Documents du mouvement des Jacobins hongrois. — Документы венгерских якобинцев. 1. Документы венгерского якобинского движения. Подгот. к печати —.] Bp. Akadémiai Kiadó, 1957. CIII, 1142 p. 16 pl. (Magyarország újabbkori történetének forrásai.)

Benda K.—Hadrovics L.: Kroatisches Freiheitsgedicht aus dem Jahre 1794. [Хорватское стихотворение о свободе из 1794 г.] SSl. T. 2. fasc. 1—4. p. 381—388.

Berkó I.: Az 1848/49. évi szabadságharc hadkiegészítése. [Le recrutement dans la guerre d'indépendance de 1848—49. — Комплектирование армии в освободительной борьбе 1848/49 гг.] HK. 1957. 4ème année. No 1—2. p. 204—225.

Csekey I.: Hannulik János oroszországi kapcsolatai. [Relations russes de János Hannulik. — Связи Яноша Ханнулик с Россией.] FK. 1956. 2ème année. No. 4. p. 460—469.

Dezsényi B.—P. Lakatos É.: Egy téves adat a sajtószabadság napjának történetében. [Rectification d'une erreur de l'historiographie hongroise concernant le rôle de Mihály Táncsics et d'Eftimiu Murgu dans les événements du 15 mars 1848. — Оправдание ошибки венгерской историографии относительно роли Михаля Танчич и Эфтимиу Мургу в событиях 15-го марта 1848 г.] MK. 73ème année. No. 2. p. 175—78.

Erdős J.: A «Kolozsvártól Gratzig hajózható Országos Nagy Csatorna» tervezője, Beszédes József. [József Beszédes, auteur des projets du «Grand Canal National naviguable de Kolozsvár jusqu'à Gratz». — Конструктор плана «Общегосударственного большого судоходного канала от Коложвара до Граца», Йожеф Беседеш.] ÉlT. 1957. 12ème année. No. 10. p. 291—294.

Gáldi L.: Az akadémiai Értelmező Szótár első terve. [Le premier projet du Dictionnaire Encyclopédique de l'Académie. — Первый план академического Толкового словаря.] MNyőr. 1957. 81ème année. No. 1. p. 86—91.

Gáldi L.: De Gyarmathy à Miklosich. Un chapitre de l'histoire des recherches ety-

mologiques slavo—hongroises. [От Дьярмати к Миклошичу. Глава из истории славянско-венгерских этимологических исследований.] SSl. 1956. T. 2. fasc. 1—4. p. 289—329. (Tirage à part. — Отд. оттиск.)

Hatvany L.: Így élt Petőfi. 4—5. [Ainsi vécut Petőfi. — Таким образом жил Петефи.] Bp. Akadémiai Kiadó. 1957.

Jáky Gy.: Adatok Schoepf Merei Ágost élettörténetéhez. [Contribution à l'histoire de la vie du médecin Ágost Schoepf Merei. — Материалы к биографии врача Агошта Шепф-Мереи.] OTKK. 1957. No. 5. p. 5—57.

Jávorka S.: Kitaibel Pál. (Az ásványok és kőzetek jegyzékét közreadta Tokody L.) [Pál Kitaibel. (Liste des minéraux et roches publiée par —.) — Венгерский естествовед Пал Китайбел. (Список ископаемых и горных пород сообщ. —.)] Bp. Akadémiai Kiadó. 1957. 213 p. 4 pl. h.-t.

Kemény G. G.: Társadalom és nemzetiség a szabadságharc hadi lapjaiban. [Bev.] Dezsényi B. A sajtóbibliográfiát összeáll. Busa M. [Société et nationalité dans les journaux militaires de la guerre d'indépendance. (Préf. par —. Bibliographie de presse réd. par —.) — Общество и национальность в военных газетах освободительной борьбы 1848—49 гг. (Введ. —. Библиографию печати сост. —.) Bp. Hadtört. Int. 1957. 173 p. 3 cartes.

Kovács E.: A magyar—délszláv megegyezés ügye 1849 tavaszán. [L'affaire du pacte hungaro—sud-slave au printemps 1849. — Дело венгерско-югославского соглашения весной 1849 г.] HK. 1956. 3ème année. No. 3—4. p. 158—185.

Magyarország története. 2. Magyarország újkori története. 1790—1918. 1. Magyarország története a feudalizmusról a kapitalizmusra való átmenet korszakában. 1790—1849. Szerk. Mérei Gy., Spira Gy. Írták Arató E., Mérei Gy., Spira Gy., Varga Z. (A térképmellékleteket Bognár G., Takács J. tervezte.) Egyetemi tankönyv. [Histoire de la Hongrie. 2. Histoire de la Hongrie dans les temps modernes. 1790—1918. 1. Histoire de la Hongrie à l'époque de la transition du féodalisme au capitalisme. 1790—1849. Réd. par —. —. Texte par —., —., —., —.) (Cartes en hors-texte par —., —.) Manuel universitaire. — История Венгрии. 2. Новая история Венгрии. 1790—1918. 1. История Венгрии в период перехода от феодализма к капитализму 1790—1849. Ред. —. Написали —. (Карты сост. —.) Bp. Tankönyvkiadó. 1957. 523 p. 15 cartes. Markó Á.: A Bercsényi-család legutolsó tagja, gróf Bercsényi László huszáralezredes. 1781—1835. [Comte László Bercsényi, lieutenant-colonel de hussards, le dernier membre de la famille Bercsényi. 1781—1835. — Последний член семьи Берчени, гусарский подполковник граф Ласло Берчени.] HK. 1957. 4ème année. No. 1—2. p. 227—240.

Mérei Gy.: Mezőgazdasági árutermelés és a parasztság helyzete Magyarországon a feudalizmus válságának elmélyülése idején. [Production des denrées agricoles et la situation des paysans en Hongrie à l'époque de l'aggravation de la crise du féodalisme. — Сельскохозяйственное товарное производство и положение крестьянства в Венгрии в период углубления кризиса феодализма.] Száz. 1956. 90ème année. No. 4—6. p. 591—616.

Mezősi K.: Mihálka Endre 48-as honvédtiszt emlékiratából. [Des mémoires de Endre Mihálka officier de Honvéd dans la guerre d'indépendance de 1848—49. — Из мемуаров хонведского офицера 1848—49 гг. Эндре Михалка.] HK. 1956. 3ème année. No. 2. p. 189—210.

Nagy L.: Tessedik Sámuel közgazdasági nézetei. [Les opinions économiques de Sámuel Tessedik. — Экономические взгляды Шамуела Тешшедик.] KgSz. 1956. 3ème année. No. 11—12. p. 1420—1432.

Nagyrévi Gy.: Az első magyarországi forradalmár-dráma bemutatójának nyomán. (A nagy francia forradalom hadseregének az Újépületben őrzött hadifoglyai által tartott színielőadásokról.) [Sur les traces de la représentation du premier drame révolutionnaire en Hongrie. (Les représentations théatrales des prisonniers de guerre de l'armée de la Grande Révolution Française, gardés dans le Neugebäude.) — По следам премьеры первой революционной драмы в Венгрии. (О спектаклях, организованных военнопленными армии Великой французской революции в военнойтюрьме в г. Пешт.)] FK. 1957. 3ème année. No. 1. p. 132—133.

A Petőfi eltűnése körülményeinek tisztázására kiküldött román—magyar akadémiai munkaközösség jelentése. [Rapport du comité de travail académique roumano—hongrois, délégué en vue de l'éclaircissement des circonstances de la disparition de Petőfi. — Отчет румынско-венгерского академического коллектива, высланного для выяснения обстоятельств исчезновения Петефи.] MTANyI. 1957. T. 10. fasc. 3—4. p. 237—261.

Pražák R.: Vörösmarty levele Palackýhoz. [Lettre de Vörösmarty à Palacký. — Письмо венгерского поэта Верешмарти к Ф. Палацкому.] FK. 1957. 3ème année. No. 1. p. 134—135. 1 pl.

Réthly A.: «Jegyzések a choleráról». Debretzeni Pap István (Kenderes, 1831.) (— feljegyzései.) [«Notes sur le choléra». István Debretzeni Pap. (Kenderes, 1831.) (Notes de —.) — «Записки о холере». Записки Иштвана Дебрецени Пап, изданные в с. Кендереш в 1831 г.] OTKK. 1957. No. 5. p. 58—77.

Spira Gy.: A honvédsereg stratégiai ellentámadása és a szabadságharc nemzeti egységfrontjának felbomlása 1849 tavaszán. I—II. [La contre-attaque de l'armée Honvéd et la débâcle du front national au printemps de 1849. — Стратегическое контрнаступление армии хонведов и распад единого национального фронта освободительной борьбы весной 1849 г.] HK. 1956. 3ème année. No. 2. p. 59—86. No. 3—4. p. 186—207.

Szabad Gy.: A tatai és gesztesi Eszterházy-uradalom áttérése a robotrendszerről a tőkés gazdálkodásra. [Passage des domaines Eszterházy de Tata et Gesztes du système de la corvée à l'économie capitaliste. — Переход поместья семьи Эстерхази Тата и Гестеш от барщинной системы к капиталистическому хозяйству.] Bp. Akad. Kiadó. 1957. 592 p. 5 pl. 1 carte.

Tasnádi Kubacska A.: Kitaibel Pál, a magyar föld felfedezője. [Pál Kitaibel, explorateur de la terre hongroise. — Пал Китайбел, исследователь венгерской земли.] Természettudományi Közlöny. 1957. 1ère année. No. 1. p. 1—6.

Tolnai Gy.: A parasztipar kialakulása és tőkés iparrá fejlődése Magyarországon (1842—1849). [Le développement de l'industrie paysanne et sa transformation en industrie capitaliste en Hongrie. (1842—1849.) — Образование крестьянской промышленности и ее развитие в капиталистическую промышленность в Венгрии (1842—1849).] Száz. 1956. 90ème année. No. 4—6. p. 709—735.

Trócsányi Zs.: A nagyenyedi kollégium történetéhez (1831—1841). [Contribution à l'histoire du collège de Nagyenyed (1831—1841). — К истории коллегии (высшей школы) в г. Надьенед. (1831—1841).] Bp. Akad. Kiadó. 1957. 87 p. 3 pl. (Irodalomtörténeti füzetek 9.)

Urbán A.: Utasítások és tervezetek az 1848-as nemzetőrség szervezésére. [Instructions et projets pour l'organisation de la garde nationale de 1848. — Инструкции и проекты относительно организации национальной гвардии в 1848 г.] HK. 1956. 3ème année. No. 3—4. p. 333—356.

Vágó B. Mme: Brunswick Teréz, a kisdedóvás első magyar úttörője. [Thérèse Brunswick, pionnière hongroise de l'instruction des jardins d'enfants. — Терез Брунсвик, первый пионер дела детских садов в Венгрии.] Köznevelés. 1957. 13ème année. No. 8. p. 180—181.

Várkonyi N.: Az üstökös csóvája. Dokumentumok Petőfiről. [La queue du comète. Documents relatifs à Petőfi. — Хвост кометы. Документы относительно Петефи.] Pécs. Dunántúli Magvető. 1957. 259 p. 16 pl.

Varga J.: 1848 egyes kérdései. (Válasz Spira György viszontválaszára.) [Quelques problèmes de 1848. (Réponse à la réponse de György Spira.) — О некоторых вопросах революции и освободительной войны 1848 г. (Ответ на ответ Дьердья Шпира).] HK. 1956. 3ème année. No. 3—4. p. 251—267.

V. Windisch É.: Fejezet a könyvtárosi pálya magyarországi kialakulásának történetéből. [Un chapitre de l'histoire du développement de la carrière de bibliothécaire en Hongrie. — Глава из истории образования профессии библиотекаря в Венгрии.] MK. 1957. 73ème année. No. 2. p. 136—153. (Tirage à part. — Отд. оттиск.)

Zsadányi G.: Miskolc küzdelme az első vasútért. [La lutte de la ville de Miskolc pour le premier chemin de fer. — Борьба г. Мишкольц за первую железную дорогу.] MMK. juin. 1956. p. 68—71.

Zsoldos J.: Munkásmozgalmi hatások a réformkor nyelvében. [Influences du mouvement ouvrier dans la langue de l'époque des réformes. — Влияние рабочего движения в повседневном языке «эпохи реформ».] MNyőr. 1956. 80ème année. No. 4. p. 417—424.

Zsoldos J.: Munkásosztály. [Le mot hongrois munkásosztály (classe ouvrière). — Венгерское слово «munkásosztály» (рабочий класс.)] MNyőr. 1957. 81ème année. No. 1. p. 19—38.

7. Histoire de Hongrie 1849—1917 — История Венгрии в 1849—1917 гг.

Ady Endre Válogatott levelei. (Vál., sajtó alá rend. [bev.] és jegyz. [ell.] Belia Gy.) [Lettres choisies de Endre Ady. (Choix., prés. préf. et annot. par —.) — Избранные письма Эндре Ади. Избр., подгот. к печати, введ. и прим. —.] Bp. Szépirodalmi Kiadó. 1956. (1957.) 643 p. 12 pl. (Magyar századok.)

Balassa I.: Földosztó mozgalom a Bodrogközben 1898-ban. [Mouvement pour la répartition des terres au Bodrogköz en 1898. — Движение за раздел земли в территории Бодрогкез в 1898 г.] Sárospatak. 1956. (1957.) 32 p. (Rákóczi Múzeum füzetei 2.)

Bors K.: 80 éves a Magyar Optikai Művek. [Les 80 ans des Usines Optiques Hongroises. — 80 лет Венгерскому оптическому заводу.] Geodézia és Kartográfia. 1956. 8ème année. No. 4. p. 311—321.

Bölöni Gy.: Ady, az újságíró. [Ady comme journaliste. — Ади — журналист.] Bp. Magvető. 1956. (1957). 68 (30), p. 8 pl.

Cenner M.: Prielle Kornélia. (Emlékbeszéd és adattár.) [Kornélia Prielle. (Discours commémoratif et recueil de données.) — — Корнелия Приелль. (Речь, посвященная ее памяти и материалы.)] Bp. Színháztud. és Filmtud. Intézet — Orsz. Színháztört. Múz. 1957. Polycop. 34 p. (Színháztörténeti Füzetek 2.)

Csatkai E.: A képmutogatók. [Les chanteurs forains. — Ярмарочные певцы.] SSz. 1956. 10ème année. No. 4. p. 347—379.

Diener P.: Из малоизвестных страниц наследства Л. Кошута. [Des pages peu connues de l'héritage de L. Kossuth.] SSl. 1956. T. 2. fasc. 1—4. p. 271—288. (Tirage à part. — Отд. оттиск.)

Domanovszky Gy.: Видоизменения образа злого духа «Lidérc» в суеверных представлениях венгерского народа. [Changements dans la représentation du fantôme malin «Lidérc» dans l'imagination superstitieuse du peuple hongrois.] AEt. 1957. T. 6. fasc. 1—2. p. 41—72.

Gergely E.: A nemzetiségi politika Magyarországon a kiegyezéstől az Osztrák—Magyar Monarchia felbomlásáig. [La politique minoritaire en Hongrie à partir du compromis austro—hongrois jusqu'à la dissolution de la Monarchie Austro—Hongroise. — Политика в отношении национальностей в Венгрии от соглашения по время распада Австро-венгерской монархии.] JK. 12ème année. No. 1—3. p. 74—81.

Hoffmann T.: Egy palóc falu földművelő technikájának néhány jellegzetessége a századforduló tájékán. [Quelques aspects caractéristiques de la technique agraire d'un village palóc au tournant du siècle. — Некоторые характерности техники земледелия половецкой деревни в конце XIX — начале XX в.] ET. 1956. 67ème année. No. 4. p. 536—561.

Kiss L.: Vásárhelyi művészélet. (A képeket gyűjt. és vál. Bényi L. [Bev.] Pogány Ö. G.) [Vie artistique à Vásárhely. (Coll. et choix par —. préf. par —.) — Жизнь художников в г. Вашархель. (Картины сост. —. Введ. —.] Bp. Képzőműv. Alap. 1957. 291 p. 32 pl.

Komlós A.: A magyar szocialisztikus líra előzményei és kezdetei. [Antécédents et débuts de la poésie lyrique socialiste hongroise. — Предпосылки и начало венгерской социалистической лиры.] MTANyI. 1957. T. 10. No. 3—4. p. 263—319.

Kovács E.: Das Lebenswerk von Adam Mickiewicz und die ungarische Öffentlichkeit. [Творчество Адама Мицкевича и венгерское общественное мнение.] SSl. 1956. T. 2. fasc. 1—4. p. 251—269. (Tirage à part. — Отд. оттиск.)

Krejčí K.: Epizódok a XIX. század hatvanas éveinek cseh—magyar kapcsolataiból. [Épisodes des relations tchéco—hongroises des années soixante du XIXe siècle. — Эпизоды чешско-венгерских связей 60-х годов XIX в.] FK. 1957. 3ème année. No. 1. p. 33—52.

Kresz M.: Ungarische Bauerntrachten. (1820—1867.) Trad. par J. Hajdu. [Венгерская крестьянская одежда 1820—1867] (Нем. перевод —.)] Berlin—Bp. Hensche. Verl. — Akad. Kiadó. 1957. 163 p. 1 h.-t. 96 pl.

Kun J.—Böhm J.: Adatok az olaszországi magyar légió történetéhez az 1860—62-es évekből. [Contribution à l'histoire de la légion hongroise d'Italie dans les années 1860—62. — Материалы к истории венгерского легиона в Италии в 1860—1862 гг.] HK 1957. 4ème année. No. 1—2. p. 299—329.

Lengyel G.: Ady a Budapesti Naplónál. [Ady publiciste au journal Budapesti Napló. — Ади как сотрудник газеты Будапешти Напло.] IT. 1957. No. 1. p. 66—78.

Perényi J.: Из истории закарпатских украинцев. [De l'histoire des Ukraïniens Transcarpathiques (Ruthènes).] Bp. Akad. Kiadó. 1957. 159 p. (Studia historica Academiae Scientiarum Hungaricae 14.)

Póth I.: Eine Ergänzung zu Jakov Ignjatović's Memoiren. [Дополнение к мемуарам Якова Игнятовича.] SSl. 1956. T. 2. fasc. 1—4. p. 372—373.

Pölöskei F.: Az 1868-as alföldi parasztmozgalom. [Le mouvement paysan de la Grande Plaine hongroise en 1868. — Крестьянское движение 1868 г. в Венгерской низменности.] Száz. 1956. 90ème année. No. 4—6. p. 617—656.

Sziklay L.: A dualizmus korának nemzetiségi kérdéséhez. (Kemény G. G.: Iratok a nemzetiségi kérdés történetéhez Magyarországon a dualizmus korában I—II. megjelenésével kapcsolatban) [Contribution au problème minoritaire à l'époque du dualisme. (A propos de la parition des «Documents de l'histoire du problème minoritaire en Hongrie à l'époque du dualisme» I—II. par G. G. Kemény.) — К национальному вопросу эпохи дуализма. (По случаю выхода двух

томов Габора Г. Кемень: Документы к истории национального вопроса в Венгрии.)] FK. 1957. 3ème année. No. 1. p. 100—111.

Szücs S.: Pusztai szabadok. Rajzok a régi Alföld életéből. (Népi ábrázolások nyomán [ill.] Csikós Tóth A.) [Les hommes libres de la puszta. Dessins de la vie de l'ancienne Grande Plaine hongroise. (Ill. d'après des dessins populaires par —.) — Вольные люди венгерской пусты. Эскизы из старой жизни Венгерской низменности. Илл. на основе простонародных изображений —.)] Bp. Magvető. 1957. 303. p.

Vincze G.: Ady és az orosz forradalmi mozgalmak. [Ady et les mouvements révolutionnaires russes. — Ади и русские революционные движения.] Száz. 1956. 90ème année. No. 4—6. p. 657—666.

Zöldhelyi Zs. D.: Néhány magyarországi Gercen-nyom az abszolutizmus korában. [Quelques traces des ouvrages de Herzen dans la presse hongroise à l'époque de l'absolutisme. — Некоторые следы произведений Герцена в венгерской печати эпохи абсолютизма.] FK. 1956. 2ème année. No. 4. p. 470—475.

8. Historie de Hongrie 1917—1957 — История Венгрии в 1917—1957 гг.

Déri E.—Pataki L.: Az ellenforradalom Miskolcon. [La contre-révolution à Miskolc. — Контрреволюция в г. Мишколц.] Bp. Kossuth Kiadó. 1957. 69 p.

Dokumentumok a magyar partizánharcok történetéhez. (Írta: N. S.) [Documents de l'histoire des luttes des partisans hongrois. (Prés. par N. S.) — Документы к истории венгерских партизанских боев. (Сообщ. Н. Ш.)]. HK. 1956. 3ème année. No. 3—4. p. 357—359.

Dömötör G.: A Magyar Tanácsköztársaság hadigazdasága. I—II. [L'économie de guerre de la République Hongroise des Conseils. — Военное хозяйство Венгерской Советской Республики.] HK. 1956. 3ème année. No. 1. p. 120—149. No. 3—4. p. 208—239.

Ellenforradalmi erők a magyar októberi eseményekben. 2. kiad. [Forces contre-révolutionnaires dans les événements d'octobre en Hongrie. 2e éd. — Контрреволюционные силы в октябрьских событиях в Венгрии. 2. изд.] Bp. Magyar Népköztársaság Minisztertanácsa. 1957. 157 p.

Féja G.: Viharsarok. (A Viharsarok-per törvényszéki tárgyalásának anyaga. [Viharsarok. (Le matériel du procès du Viharsarok, livre traitant les mouvements des paysans dans le comitat de Békés. — Материалы следственного дела в связи с выходом книги о крестьянском движении в ком. Бекеш.)] Bp. Magvető. 1957. 456 p.

Gábor B.: Egy kommunista (Csizmadia Gyula) harcos élete, munkássága. [La vie et l'activité militante d'un communiste (Gyula Csizmadia). — Боевая жизнь и деятельность одного коммуниста (Дьюлы Чизмадиа.)] (Komló. 1957.) 14 p. (Történetek a komlói munkásmozgalomból 1.)

Hajdu Gy.: Harcban elnyomók és megszállók ellen. Emlékezések a pécsi munkásmozgalomról. [Lutte contre les oppresseurs et les envahisseurs. Souvenirs du mouvement ouvrier de Pécs. — В борьбе против угнетателей и оккупантов. Воспоминания о рабочем движении в г. Печ.] Pécs, Pécs Városa Tanácsa, 1957. 451 p. 1 pl.

Harc a munkáshatalomért. 1956. november—1957. május. (Kiad. az MSzMP Győr-Sopron megyei Intéző Bizottsága.) [La lutte pour le pouvoir ouvrier. Novembre 1956—mai 1957. (Publ. par —.) — Борьба за рабочую власть. Ноябрь 1956—май 1957 г. Изд. —.] Győr. 1957. 80 p.

Harsányi J.: Zalka Máté. Születésének 60. évfordulójára. [Máté Zalka. Pour le 60ème anniversaire de sa naissance. — Мате Залка. К 60-летию рождения.] HK. 1956. 3ème année. No. 2. p. 122—142. 2 pl.

Határőreink helytálltak az ellenforradalom viharában. (Dokumentumgyűjtemény.) Kiad. a Magyar Népköztársaság Határőrség Politikai Csoportfőnökség(e). [Nos gardes de frontières ont tenu ferme dans la tempête de la contre-révolution. (Recueils de documents.) — Наши пограничники исполнили свой долг в вихре контрреволюции. (Сборник документов.)] Bp. 1957. 48 p.

Havasi T.—Herczeg J.—Kerek Gy.: A Rádió ostroma. 1956. október 23. [Le siège de la Radio le 23 octobre 1956. — Осада здания радио. 23-е октября 1956 г.] (Bp.) Kossuth Kiadó. 1957. 95 p.

Kállai Gy.: A magyarországi ellenforradalom a marxizmus—leninizmus fényében. [La contre-révolution en Hongrie à la lumière du marxisme—léninisme. — Контрреволюция в Венгрии в свете марксизма-ленинизма.] TáSz. 1957. 12ème année. No. 1. p. 12—39. (Tirage à part. — Отд. оттиск.)

Kállay I.: Az ellenforradalom fegyveres erejének szervezése és működése 1919—1920-ban a Dél-Dunántúl területén. [Organisation et fonctionnement des forces armées de la contre-révolution dans la partie Sud de la Transdanubie en 1919—1920. —

Организация и действие вооруженных сил контрреволюции на Южно-Задунайской территории в 1919—1920 гг.] HK. 1957. 4ème année. No. 1—2. p. 3—31.

Lovas M.: Mi történt Budapesten október 23-tól november 4-ig? Dokumentumok és jelentések alapján. [Ce qui arriva à Budapest du 23 octobre jusqu'au 4 novembre. A la base de documents et de rapports. — Что произошло в Будапеште от 23-го октября по 4-ое ноября? На основе документов и отчетов.] Bp. 1957. 155 p. 8 pl.

Mucs S.: A magyar fegyveres ellenállási mozgalom megszervezése és szerepe Magyarország felszabadításában. (1941—1945.) [Organisation du mouvement hongrois de la résistance armée et son rôle dans la libération de la Hongrie. (1941—1945.) — Организация венгерского движения вооруженного сопротивления и его роль в освобождении Венгрии.] HK. 1957. 4ème année. No. 1—2. p. 32—54.

Az októberi ellenforradalmi események. Cikkgyűjtemény. Kiad. a Magyar Népköztársaság Határőrség Parancsnoksága. [Les événements de la contre-révolution d'octobre. Recueil d'articles. — Октябрьские контрреволюционные события. Сборник статей.] Bp. 1957. 117 p. 4 pl.

Péter L.: József Attila Makón. Életrajzi részlet. [Attila József à Makó. Détail de biographie. — Аттила Йожеф в г. Мако. Отрывки биографии.] IT. 1957. No. 1. p. 9—33. 2 pl.

Studia memoriae Bélae Bartók sacra. Adiuvantibus Z. Kodály, L. Lajtha curant B. Rajeczky, L. Vargyas. Ed. 2. Bp. Aedes Acad. Scientiarum Hung. 1957. 535 p. 3 pl. h.-t. cartes.

Szamuely T.: Riadó. Válogatott cikkek és beszédek. [Bev.] Kun B. [Alarme. Articles et discours choisis. (Préf. de —.) — Тревога. Избранные статьи и речи. Введ. —.] Bp. Kossuth Kiadó. 1957. 210 p. 1 pl.

A Szépművészeti Múzeum. 1906—1956. (Szerk. Pogány Ö. G., Bacher B. A tárgyfelvételeket Petrás I. készítette.) [Le Musée des Beaux-Arts. 1906—1956. (Réd. par —. Phot. de —.) — Музей изобразительных искусств 1906—1956. (Ред. —. Снимки —).] Bp. Képzőművészeti Alap. 1956. (1957.) 260 p. 169 pl.

Tóth S.: Magyar katonák a hitleri fasizmus ellen. [Soldats hongrois contre le fascisme hitlérien. — Венгерские солдаты против гитлеровского фашизма.] HK. 1957. 4ème année. No. 1—2. p. 94—119.

Vagyunk az ifjú gárda. Emlékezések az ifjúmunkás mozgalomra. 1900—1944. (Szerk. Lányi E.) [Kiad.] Az MSzMP Központi Bizottságának Párttörténeti Intézete. [Nous sommes la jeune garde. Souvenirs du mouvement de jeunes ouvriers. 1900—1944. (Réd. par —.) Мы — молодая гвардия. Воспоминания о движении молодых рабочих. 1900—1944. (Ред. —).] Bp. Móra Kiadó. 1957. 301 p.

Vendl A.: A budapesti Műszaki Egyetem ásvány- és földtani tanszékének története. [Histoire de la Chaire de minéralogie et géologie de l'Université Technique de Budapest. — История кафедры минералогии и геологии Политехнического университета в Будапеште.] Bp. Tankönyvkiadó. 1957. 98 p. 6 pl. (Budapesti Műszaki Egyetem Központi Könyvtára. Műszaki tudománytörténeti kiadványok 7.)

9. Histoire générale — Всеобщая история

Artamonov M. I.: Хазарская крепость Саркель. [Le fort khazare de Sarkel.] AAr. 1956. T. 7. fasc. 1—4. p. 321—341.

Balázs J.: A nemzeti nyelvek nyelvtan-irodalmának kialakulása. A vulgáris nyelvek harca a latin ellen. [Formation de la littérature grammaticale des langues nationales. Luttes des langues vulgaires contre le latin. — Образование грамматической литературы национальных языков. Борьба простонародных языков против латинского.] MT. 1956. T. 1. No. 7—12. p. 313—322.

Bebel A.: A nő és a szocializmus. (Die Frau und der Sozialismus.) (Ford. Nyilas V.) [La femme et le socialisme. Trad. par —. Женщина и социализм. (Венг. перевод —).] Bp. Kossuth Kiadó. 1957. XXXI, 567 p.

Bersényi I.: Az 1907-es romániai parasztfelkelés. [La révolte de paysans roumains en 1907. — Крестьянское восстание 1907 г. в Румынии.] ÉlT. 1957. 12ème année, No. 26. p. 803—806.

Borzsák I.: Tacitus. AT. 1956. T. 3. No. 4. p. 241—256. (Tirage à part. — Отд. оттиск.)

Cellini, Benvenuto mester élete, amiképpen ő maga megírta Firenzében. (La vita di Benvenuto Cellini.) (Ford. Füsi J.) [La vie de Benvenuto Cellini, telle qu'il l'a écrite à Florence. (Trad. par —.) — Жизнь мастера Бенвенуто Челлини, как он сам ее написал в Флоренции. (Венг. перевод —.)] Bp. Képzőművészeti Alap. 1957. 356 p. 19 pl.

Josephus Flavius.: A zsidó háború. (Historia Joudaikou polemou pros Romaious. Függelék: — önéletrajza. Ford. [Bev. és jegyz. ell.] Révay J. 2. jav. kiad. [La guerre juive.

Annexe: Biographie de —. Trad., préf. et annot. par —. 2e éd. corr. — Еврейская война. В приложении: Автобиография —. Венг. перевод, введ. и прим. —. 2. испр. изд.] Bp. Gondolat. 1957. 547 p.

Koltay-Kastner J.: Pietro Aretino. I—II. FK. 1956. 2ème année. No. 4. p. 377—398. 1957. 3ème année. No. 1. p. 1—22.

Kovalcsik J.: A Párizsi Kommün fegyveres harcai. [Luttes armées de la Commune de Paris. — Вооруженная борьба Парижской коммуны.] HK. 1956. 3ème année. No. 2. p. 87—121. 1 carte.

Lutter T.: „John Milton, az angol polgári forradalom költője" című doktori disszertációjának vitája. A vitát összefoglalta Gáldi L. [Discussion de la thèse de doctorat sur „John Milton, poète de la révolution bourgeoise anglaise". Résumée par —. — Дискуссия о докторской диссертации Тибора Луттер: Джон Мильтон, поэт английской буржуазной революции. Сост. —.] MTANyI. 1957. 10ème année. No. 3—4. p. 378—388.

Maróti E.: „A kalózkodás szerepe a római polgárháborúkban" című kandidátusi disszertációjának vitája. A vitát összefoglalta Szilágyi J. Gy. [Discussion de la thèse de candidature sur „Le rôle des pirates dans les guerres civiles de Rome". Résumée par —. — Дискуссия о кандидатской диссертации Эгона Мароти «Роль пиратства в римских гражданских войнах». Сост. —.] MTANyI. 1957. 10ème année. No. 3—4. p. 374—377.

Maróti E.: Пиратство около Сицилии во время пропреторства Верреса. [La piraterie autour de Sicile au temps du propraetor Verres.] AA. 1956. T. 4. fasc. 1—4. p. 197—210.

Mezey L.: Forrásszemelvények a kéziratosság korának könyvtörténetéhez. (Összeáll. —. A szemelvényeket ford. Borzsák I., Kumorovitz L. B. stb. [Kiad. az] Eötvös Loránd Tudományegyetem Nyelv- és Irodalomtudományi Kar. [Choix de sources de l'histoire des bibliothèques à l'âge des manuscrits. (Prés. par —. Traduction des morceaux choisis par —.) — Отрывки из источников по истории книги в эпоху до появления книгопечатания. (Сост. —. Перевод —.)] Bp. 1956. (1957.) Polycop. 252 p.

Mijatev P.: A bolgár levéltárügy Bulgáriának a török uralom alól való felszabadulásától az állami levéltári fond 1951. évi létrejöttéig. [Les archives de Bulgarie depuis la libération du pays de la domination turque jusqu'à la constitution du Fonds National d'Archives en 1951. — Болгарское архивное дело со времени освобождения Болгарии от турецкого ига до создания Государственного архивного фонда в 1951 г.] — LK. 1956. 27ème année. p. 163—183.

Nádor Gy.: Фатализм и верование в чудеса в мировоззрении эллинизма. [Le fatalisme et la croyance aux miracles dans la philosophie hellénistique.] AA. 1956. T. 4. fasc. 1—4. p. 153—170.

Nagy T.: Les campagnes d'Attila aux Balkans et la valeur du témoignage de Jordanes concernant les Germains. [Походы Аттилы на Балканы и достоверность данных о германах у Йордана.] AA. 1956. T. 4. fasc. 1—4. p. 251—260.

Nebenführer L.: A syphilis történeti kutatásának útja. [Voie des recherches historiques sur la syphilis. — Путь исторического исследования сифилиса.] OTKK. 1956. No. 4. p. 108—132.

Obermann K.: A Kommunisták Szövetségének történetéhez 1849—1852. (Zur Geschichte des Bundes der Kommunisten 1849 bis 1852.) [Contribution à l'histoire de la Fédération des Communistes 1849—1852. — К истории Союзы коммунистов 1849—1852.] Bp. Kossuth K. 1957. 123 p.

Rázsó Gy.: August Wilhelm Antonius Neithardt von Gneisenau (1760—1831). HK. 1956. 3ème année. No. 3—4. p. 241—250.

Rázsó Gy.: A kínai nép felszabadító háborúja 1937—1949. [La guerre de libération du peuple chinois 1937—1949. — Национально-освободительная война китайского народа 1937—1949.] HK. 1957. 4ème année. No. 1—2. p. 55—93.

Révay J.: A császári Róma. Szerk. és bev. —. (Ford. Borzsák I., Földy J. stb. A képanyagot Kanizsay M. állította össze.) [Rome à l'époque des empereurs. Réd. et introd. par —. (Trad. par —. Choix des illustrations de —.) — Императорский Рим. Ред. и введ. —. Венг. перевод. —. Картины сост. —.] Bp. Bibliotheca. 1957. XXII, 244 p. 16 pl.

Róna Tas A.: Social terms in the List of Grants of the Tibetan Tun-Huang Chronicle. [Социальные термины в Списке подарков тибетской хроники Тун-Хуан.] AO. 1955. T. 5. fasc. 3. p. 249—270.

Rózsa Z.: A Duecento polgári világnézetének néhány problémája az északolasz morálisdidaktikus irodalomban. [Quelques problèmes de la conception du monde bourgeoise du Duecento dans la littérature moralisante et didactique de l'Italie du Nord. — Некоторые проблемы буржуазного мировоззрения XIII в. в северо-итальянской морально-дидактической литературе.] FK. 1956. 2ème année. No. 4. p. 449—460.

Spinoza Baruch: Politikai tanulmány és levelezés. Maximilien Lucas és Johannes Colerus Spinoza-életrajzaival. (Ford. Szemere S. Sajtó alá rend., bev. és jegyz. ell. Nádor

Gy.) [Traité politique et correspondance. Biographies de Spinoza de Maximilien Lucas et Johannes Colerus. Trad. par —. Prés. introd. et annot. par —. — Политический трактат и корреспонденция. С биографиями Спинозы от Максимильена Люкас и Иоганнеса Колерус. (Венг. перевод —. Подгот. к печати, введ. и прим. —.)] Bp. Akad. Kiadó. 1957. 556 p. (Filozófiai írók tára. U. F. 14.)

Szabó Á.: Wie ist die Mathematik zu einer deduktiven Wissenschaft geworden? [Каким образом стала математика дедуктивной наукой?] AA. 1956. T. 4. fasc. 1—4. p. 109—152.

Szádeczky-Kardoss S.: К истории общества Паннонии во время царствования Марка Аврелия. [Contribution à l'histoire de la société de Pannonie au temps du règne de Marc-Aurèle.] AA. 1955. T. 3. fasc. 4. p. 321—328. (Tirage à part. — Отд. оттиск.)

Tötössy Cs.: The Name of the Greeks in Ancient India. [Наименование греков в Индии в древние века.] AA. 1955. T. 3. fasc. 4. p. 301—319. (Tirage à part. — Отд. оттиск.)

Visky K.: Ager vectigalis és tartományi földtulajdon. [Ager vectigalis et propriété foncière provinciale. — Ager vectigalis и провинциальная земельная собственность.] AT. 1956. T. 3. No. 4. p. 257—267.

Wessetzky V.: Munkamódszerek kérdése az óegyiptomi könyvtártörténetben. [Questions de méthode dans les recherches historiques sur les bibliothèques de l'ancienne Egypte. — Вопрос о методах труда в истории древнеегипетских библиотек.] MK. 1957. 73ème année. No. 1. p. 47—49.

10. Vie scientifique — Научная жизнь

Ballenegger R.: A talajkutatás múltja Magyarországon. [Le passé des recherches du sol en Hongrie. — Прошлое почвенных исследований в Венгрии.] A Magyar Tudományos Akadémia Agrártudományok Osztályának Közleményei. 1957. T. 11. No. 1—4. p. 1—6.

Bartucz L.: A magyar antropológia múltja és szakosztályunk jövő feladatai. [Le passé de l'anthropologie hongroise et les tâches de notre section à l'avenir. — Прошлое венгерской антропологии и будущие задачи нашей секции.] AnK. 1956. T. 4. cahier 2. p. 3—13.

Bélay V.: A levéltártudomány és a történeti segédtudományok egyes kérdései a Moszkvai Állami Történeti Levéltári Intézet munkájában. [Quelques problèmes de la science des archives et des sciences auxiliaires de l'histoire dans le travail de l'Institut National des Archives Historiques de Moscou. — Отдельные вопросы архивной науки и вспомогательных исторических наук в работе Московского государственного исторического архивного института.] LH. 1957. 7ème année. No. 1—2. p. 244—247.

Borsa I.: A magyar levéltárügy irányításának újjászervezése. [Réorganisation de la direction des archives hongroises. — Реорганизация руководства венгерским архивным делом.] LH. 1957. 7ème année. No. 1—2. p. 3—7.

Dávid Z.: Térképek leltározása a Magyar Országos Levéltárban. [Inventarisation des cartes géographiques aux Archives Nationales de Hongrie. — Инвентаризация географических карт в Венгерском Национальном архиве.] LK. 1956. 27ème année p. 96—102.

Entz G.: Műemlékvédelem Sopronban. [Protection des monuments d'art à Sopron. — Охрана художественных памятников в г. Шопрон.] SSz. 1956. 10ème année. No. 4. p. 360—366.

Entz G.: Az utolsó három év műemlékvédelme. [Protection des monuments d'art dans les dernières trois années. — Охрана художественных памятников за последние три года.] MűÉ. 1956. 5ème année. No. 4. p. 314—317.

Fekete L.: Beszámoló az 1956. évi török történelmi kongresszusról. [Compte rendu du congrès d'histoire turque de 1956. — Отчет о съезде турецких историков 1956 г.] MTANyI. 1957. T. 10. No. 3—4. p. 405—413.

Iványi E.: Beszámoló a Magyar Országos Levéltár 200 éves jubileumáról. [Compte rendu du 200e anniversaire des Archives Nationales de Hongrie. — Отчет о 200-ой годовщине Венгерского национального архива.] LK. 1956. 27ème année. p. 184—204.

Iványi E.: Beszámoló a Magyar Országos Levéltár 200 éves jubileumáról. [Compte rendu du 200e anniversaire des Archives Nationales de Hongrie. — Отчет о 200-ой годовщине Венгерского национального архива.] Száz. 1956. 90ème année. No. 4—6. p. 834—840.

Józsa S.: A kínai történettudomány általános helyzetéről, feladatairól és néhány problémájáról. [Sur la situation générale, les tâches et quelques problèmes de l'historiographie

chinoise. — Об общем положении, задачах и некоторых проблемах китайской исторической науки.] Száz. 1956. 90ème année. No. 4—6. p. 741—747.

Komjáthy M.: Hajnal István 1892—1956. [István Hajnal. 1892—1956. — Иштван Хайнал 1892—1956.] LK. 1956. 27ème année. p. 272—273.

Makkai L.—Szabolcs O.: Történettudományi kandidátusi disszertációk vitái. [Les discussions des thèses de candidature historiographiques. —Дискуссии кандидатских диссертаций по истории.] Száz. 1956. 90ème année. No. 4—6. p. 841—853.

Marót K.: Egy új Pindaros-könyv és a magyar ókorkutatás. [Un nouveau livre sur Pindare et les recherches hongroises sur l'antiquité. — Новая книга о Пиндаре и исследование древнего мира в Венгрии.] AT. 1956. T. 3. No. 4. p. 275—281. (Tirage à part. — Отд. оттиск.)

Niederhauser E.: Geschichtswissenschaftliche Arbeiten in Ungarn über die Beziehungen zu den slawischen Völkern zwischen 1945—1955. [Труды по истории славянских народов, вышедшие в Венгрии в 1945—1955 гг.] SSl. 1956. T. 2. fasc. 1—4. p. 437—441.

Oltvai F.: Állami gazdaságok ügyvitele és iratanyaga. [Administration et documents des fermes d'État. — Делопроизводство и бумаги государственных хозяйств.] LH. 1957. 7ème année. No. 1—2. p. 35—49.

Országos Levéltár. 11. Paulinyi O.: Bécsi levéltárakból kiszolgáltatott iratok. [Archives Nationales. 11. —.: Documents délivrés par les archives de Vienne.— Национальный архив. 11. —. Документы, переданные из венских архивов.] Bp. Levéltárak Orsz. Közp. 1956. (1957.) Polycop. 86 p. (Levéltári alapleltárak 1/11.)

Az Országos Levéltár alapleltározott anyagában 1956. november 6—8-án bekövetkezett károk jegyzéke. [Registre des dommages survenus du 6 au 8 novembre 1956 dans le matériel faisant partie de l'inventaire de base des Archives Nationales. — Список ущербов, причиненных 6—8-го ноября 1956 г. в материале Национального архива, описанном в основных инвентарях.] LH. 1957. 7ème année. No. 1—2. p. 8—23.

Régészeti leletek és kutatások Szabolcs-Szatmár megye területén 1945—1956. között. [Fouilles et recherches archéologiques sur le territoire du comitat de Szabolcs-Szatmár de 1945 à 1956. — Археологические находки и исследования в территории комитата Саболч-Сатмар в 1945—1956 гг.] Szabolcs-Szatmári Szemle. 1956. No. 1—4. p. 51—60.

Szabó F. S.: A hazai agrármuzeológia kezdetei és eredményei. [Débuts et résultats de la muséologie agraire en Hongrie. — Начало и достижения аграрной музеологии в Венгрии.] Kísérletügyi Közlemények. 1957. T. 50. Cahier 1. p. 9—39.

Szedő A.: Beszámoló a Levéltárak III. Nemzetközi Kerekasztal Értekezletéről. [Compte rendu de la IIIe Conférence Internationale de Table Ronde des Archives. — Отчет о III Международной конференции круглого стола архивов.] LH. 7ème année. No. 1—2. p. 127—131.

Tóth A.: A budapesti Egyetemi Könyvtár kézirattárának újabb szerzeményei. [Nouvelles acquisitions du département des manuscrits de la Bibliothèque Universitaire de Budapest. — Новые приобретения отдела рукописей Университетской библиотеки в Будапеште.] MK. 1957. 73ème année. No. 2. p. 186—191.

Vörös K.: A levéltári iratanyag nemzetközi felhasználásának néhány kérdése. (Különös tekintettel a magyar levéltárügy helyzetére és feladataira.) [Sur quelques problèmes de l'utilisation internationale du matériel des archives (compte tenu particulièrement de la situation et des tâches des archives hongroises.) — О некоторых вопросах международного использования архивных материалов. (С особенным взглядом на положение и задачи венгерского архивного дела).] LK. 1956. 27ème année. p. 103—117.

Wellmann I.: Hajnal István. 1892—1956. [István Hajnal (1892—1956). — Иштван Хайнал (1892—1956).] Száz. 1956. 90ème année. No. 4—6. p. 830—833.

Wellmann I.: Levéltári terminológiai problémák. [Problèmes de terminologie dans les archives. — Проблемы архивной терминологии.] LK. 1956. 27ème année. p. 74—95.

II. Liste des abréviations des titres des revues
II. Список сокращений заглавий журналов

AA. — Acta Antiqua Academiae Scientiarium Hungaricae

AAr. — Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae

AEt. — Acta Ethnographica Academiae Scientiarum Hungaricae

AL. — Acta Linguistica Academiae Scientiarum Hungaricae

AnK. — Anthropológiai Közlemények [Comptes Rendus Anthropologiques. — Антропологические Известия]

AO. — Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae

AT. — Antik Tanulmányok [Etudes Antiques. — Античные Исследования]

CrH. — Crania Hungarica

ET. — Ethnographia

ÉlT. — Élet és Tudomány [Vie et Science. — Жизнь и Наука]

FK. — Filológiai Közlöny [Comptes Rendus Philologiques. — Филологические Известия]

HK. — Hadtörténelmi Közlemények [Comptes Rendus d'Histoire Militaire. — Военно-исторические Известия]

IT. — Irodalomtörténet [Histoire Littéraire. — История Литературы]

ITK. — Irodalomtörténeti Közlemények [Comptes Rendus d'Histoire Littéraire. — Известия по истории литературы]

JK. — Jogtudományi Közlöny [Bulletin des Sciences Juridiques. — Вестник Юридических Наук]

KgSz. — Közgazdasági Szemle [Revue Économique. — Экономическое обозрение]

Kts. — A Könyvtáros [Le Bibliothécaire. — Библиотекарь]

LH. — Levéltári Híradó [Nouvelles des Archives. — Архивный Вестник]

LK. — Levéltári Közlemények [Comptes Rendus des Archives. — Архивные Известия]

MK. — Magyar Könyvszemle [Revue Hongroise du Livre. — Венгерский книжный обзор]

MMK. — A Miskolci Herman Ottó Múzeum Közleményei [Comptes Rendus du Musée «Herman Ottó» à Miskolc. — Известия Музея им. Отто Херман в г. Мишколц.]

MNy. — Magyar Nyelv [La Langue Hongroise. — Венгерский язык]

MNyőr. — Magyar Nyelvőr [Gardien de la Langue Hongroise. — Сторож венгерского языка]

MT. — Magyar Tudomány [Science Hongroise. — Венгерская наука]

MTANyI — Magyar Tudományos Akadémia Nyelv- és Irodalomtudományi Osztályának Közleményei [Comptes Rendus de la Section des Sciences Linguistiques et Littéraires de l'Académie Hongroise des Sciences. — Известия Отделения Языка и Литературы Академии Наук Венгрии]

MTATT. — Magyar Tudományos Akadémia Társadalmi és Történeti Tudományok Osztályának Közleménye [Comptes Rendus de la Section des Sciences Sociales et Historiques de l'Académie Hongroise des Sciences. — Известия Отделения Общественно-исторических наук Академии Наук Венгрии.

MűÉ. — Művészettörténeti Értesítő [Bulletin d'Histoire d'Art. — Бюллетень истории искусства]

OTKK. — Az Országos Orvostörténeti Könyvtár Közleményei [Comptes Rendus de la Bibliothèque d'Histoire Médicale. — Известия Общегосударственной библиотеки истории медицины]

SSl. — Studia Slavica

SSz. — Soproni Szemle [Revue de Sopron. — Шопронское Обозрение]

StSZ. — Statisztikai Szemle [Revue de Statistique. — Статистическое Обозрение]

Száz. — Századok [Siècles. — Века]

TáSz. — Társadalmi Szemle [Revue Sociale. — Общественное Обозрение]

Les titres des revues qui se trouvent plus fréquemment sont abréviés seulement. Les tirages à part des articles des revues sont dénotés après le titre des articles. — Сокращены только заглавия чаще встречающихся журналов. На отдельные оттиски журнальных статей мы ссылались после надписи статьи.

INDEX

ÉTUDES

К. Бенда: История венгерского якобинского движения I. 263

C. Benda : Histoire du mouvement des jacobins hongrois 310

I. Berend und *Gy. Ránki :* Die deutsche wirtschaftliche Expansion und das ungarische Wirtschaftsleben zur Zeit des zweiten Weltkrieges 313

И. Берend — Дь. Ранки: Экономика Венгрии на службе германского военного хозяйства во время второй мировой войны 359

Б. Балаж: Ролъ национальных комитетов в создании венгерской народной демократии II. 361

B. Balázs : Die Bedeutung der nationalen Komitees im Entstehen der ungarischen Volksdemokratie 399

RAPPORT SUR LES RECHERCHES

Les historiens hongrois commémorent le quarantième anniversaire de la Grande Révolution Socialiste d' Octobre 401

COMPTE RENDU DE LIVRES

C. A. Macartney : October Fifteenth. A History of Modern Hungary, 1929 — 1945 (*M. Incze — Gy. Ránki*) 419

NOTES BIBLIOGRAPHIQUES 429

CHRONIQUE

Ferenc Eckhart (par *Gy. Székely*) — Parution du volume I/2 du manuel universitaire „Histoire de la Hongrie" — Débat sur le manuel universitaire d' histoire (1849 — 1880) — Publication de documents diplomatiques du Ministère Hongrois des Affaires Étrangères, rélatifs à l' histoire de la seconde guerre mondiale — Recherches sur l' histoire de la culture matérielle à l' Insitut des Sciences Historiques — L' étude de l' historiographie hongroise 443

BIBLIOGRAPHIE

Extrait du répertoire des ouvrages historiques (livres, études, articles) (1er janvier — 30 juin 1957) 453

Список избранных произведений (книг, исследований, статей) по историр (1. января — 30. июня 1957 г.). 453

London Univ 9
2 Vol. To Hubb 1414
see card

A kiadásért felel az Akadémiai Kiadó igazgatója Műszaki felelős: Farkas Sándor
Kézirat beérkezett: 1958 szept. 30. Terjedelme 18,3 (A/5) ív

Akadémiai Nyomda, Budapest — 46803/58 — Felelős vezető: Bernát György

«*Acta Historica*» публикует трактаты из области исторических наук на русском, французском, английском и немецком языках.

«*Acta Historica*» выходит отдельными выпусками разного обьема. Четыре выпуска составляют один том (25—30 печатных листов) в год.

Подписная цена «*Acta Historica*» — 110 форинтов за том. Заказы принимает предприятие по внешней торговле книг и газет «Kultura» (Budapest 62 POB 149) или его заграничные представительства и уполномоченные.

The *Acta Historica* publish papers on history in French, English, Russian and German

The *Acta Historica* appear in issues of various size making up volumes. One volume of 400—500 pages appears every year.

The rate of subscription to the *Acta Historica*, is 110 forints a volume. Orders may be placed with "Kultura" Foreign Trade Company for Books and Newspapers (Budapest 62, POB. 149) or with representatives abroad.

Die *Acta Historica* veröffentlichen Abhandlungen aus dem Bereiche der Geschichtswissenschaft in französischer, deutscher, russischer und englischer Sprache.

Die *Acta Historica* erscheinen in Heften wechselnden Umfanges. Vier Hefte bilden einen 25—30 Bogen starken, jährlich erscheinenden Band.

Abonnementspreis pro Band beträgt 110 Forint. Bestellbar bei dem Buch- und Zeitungs-Außenhandels-Unternehmen »Kultura« (Budapest 62, POB. 149) oder bei seinen Auslandsvertretungen und Kommissionären.

UNIVERSITY OF
10 JAN 1959
LIB